

Олег Белоус

Хроники Мастерграда Книги 1-4

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Белоус

Хроники Мастерграда. Книги 1-4

«Автор»

2022

Белоус О.

Хроники Мастерграда. Книги 1-4 / О. Белоус — «Автор», 2022

Город, каких в российской провинции тысячи, перенесся в неведомое. За периметром в двадцать километров начинается совершенно чужая земля, дороги, поля обрываются, словно ножом обрезали. Вокруг ни окружающих городов и деревень, вместо них - степь и дикая тайга. Жители остались лишь с тем, с чем неведомые силы перебросили их. Что делать горожанам? Жить! Строить свою цивилизацию! Рожать детей и делить власть, совершать мерзость и отдавать жизнь во имя людей! Дружить с достойными этого, воевать с врагами. И горе тем, кто встанет на пути попаданцев! Книги 1-4

© Белоус О., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Хроники пропавшего города	5
Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	44
Глава 4	65
Глава 5	88
Глава 6	100
Глава 7	116
Глава 8	134
Глава 9	142
Глава 10	168
Глава 11	175
Глава 12	182
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Олег Белоус

Хроники Мастерграда. Книги 1-4

Хроники пропавшего города

Предисловие

Весною, в предрассветный час, произошло небывалое в здешних местах событие. В ключья разрывая зыбкую тишину, в безоблачных южноуральских небесах пушечным громом прокатился далекий грохот, словно вестник судьбы. Звуки плыли в холодном и прозрачном воздухе над тихой излучиной уральской реки Вельки, над непроглядно-черным лабиринтом пятиэтажек и частных домов пока не затихли в невообразимой дали, на противоположном краю Вселенной.

Уличные фонари погрузили мир во тьму, спустя секунду вновь загорелись, отобрав у ночи улицы, обрамленные серыми квадратами стареньких панелек. В тот же миг небо полыхнуло, заплясали в холодном буйстве красок розовые, сиреневые, желтые сполохи. Тьма сбегала. В мельтешении теней и стробоскопических вспышек, расцветивающих дома, замерзшие ночью лужи и степь в тревожные краски, Южный Урал посетило грандиозное и завораживающее красотой зрелище – северное сияние. Стаи ворон, испуганно крича, взлетели с по-зимнему голых деревьев, завели дикий хоровод над спящими домами. Ветер донес из частной застройки далекий собачий лай. В пятиэтажках вспыхнули окна. Но в целом город не обратил на всю эту чертовщину внимания, он спал, только из полуподвального помещения с вывеской сбоку от дверей: «Муниципальное управление ГОЧС» выскочил дежурный с телефонной трубкой в руке, вскинул лицо к небу.

Что это? Откуда? Несколько минут он то озадаченно озирался по сторонам, пытаясь понять, откуда был грохот, не взорвалось ли чего, то подымал лицо к бешеному танцу разноцветных сполохов. Телефон, который в случае происшествия разрывался от звонков, загадочно молчал. Постепенно все успокоилось: зарево в небе исчезло; окна в пятиэтажках погасли, они вновь погрузились в безмятежный сон, только где-то все еще брехали перепуганные собаки и шелестел запутавшийся в ветвях ветер. Дежурный пожал плечами и пошарил в кармане, закурил. Огонек папиросы, то вспыхивая, то почти угасая, светился во тьме красным угольком. Потушив окурок об бетонную стену, бросил в урну, а спустился назад. Он даже не предполагал, что остаток ночи будут сыпаться сообщения об авариях на ЛЭП, оптоволоконных линиях связи, соединяющих город с областным центром, на ГРЭС и до утра будут трудиться аварийные бригады, и только к шести часам удаленные районы запитают от городской электростанции, а связь с окружающим миром так и не наладится.

Глава 1

Этот день начался как обычно. Иван Савелович еще не знал, что природой ли, Всевышним ли, но его судьба и судьбы соседей и совершенно не знакомых людей были исчислены, взвешены и найдены слишком легкими...

Сквозь щелки в шторах в кухню струила холодная предутренняя тьма. Ночью Иван Савелович спал плохо, ныл желудок – мучил застарелый гастрит. Лекарства не помогли. А под утро на улице бахнуло и сон ушел окончательно. Рассудив, что смысла пытаться уснуть уже нет, накинул любимый махровый халат и просидел на кухне за кроссвордом пока за окном темнота не сменилась предутренным сумраком. Так что день начал со скверным настроением и гудящей головой. Наскоро умылся и, перекусив извлеченными из старенького холодильника остатками ужина, угрюмо поплелся в гараж.

Ключ провернулся в замке зажигания, выдавшие виды жигуленок приветственно зарычал. Дожидаясь пока разогреется двигатель, вышел из гаража. Желтый, таинственный свет уличных фонарей отражался от покрытых хрустким льдом лужиц. Горизонт на востоке потихоньку розовел. Весенний город был грязен и неуютен – в тени гаражей еще таились черные от пыли сугробы, стылый ветер пробирал до костей; в воздухе плыли холодные запахи весны и сырости. Запахнув получше потертую куртку, облокотился на железную стенку гаража. Темные грубые руки, в которые, казалось, навечно въелась стальная окалина, вытащили сигаретную пачку. Дымок поплыл к рассветному небу. Зевнул и посетовал про себя: «Чертова баба, не могла на позже купить билет! Сама дрыхнет, а мне вставай ни свет, ни заря!» Иван Савелович пятый год как получал заслуженную пенсию металлурга и успел забыть, каково это, вставать с утра на работу, а тут жена с ее дурацкой поездкой в гости к сыну. Навестить сына и внуков он не прочь, но зачем брать такой ранний рейс? Чертова экономка купила самые дешевые билеты!

Старенькая машина, проскрипев подвеской, втиснулась в поворот. «Вернемся, надо посмотреть, подкрутить!» – привычно отметил про себя Иван Савелович. Ремонтировать машину, как и делать другую мужскую работу он предпочитал собственными руками. Сила в них, слава богу, еще была, да и росли они с нужного места. А тратить деньги на всякие шарашки – станции технического обслуживания... баловство это. Машина остановилась у крыльца подъезда. Жена, в лучшем парадно-разъездном наряде, поджидала, нетерпеливо перебирая в руках ремень клатча, у ног ее лежала сумка. Иван Савелович вышел из автомобиля, ткнулся губами в щеку, от которой разило приторно сладкими духами, царапнув небритым подбородком. Супруга оценивающе глянула мужу в лицо:

– А ты небритый!

– Мужчины всегда с утра небритые, – проворчал Иван Савелович и закинул тяжелую сумку в багажник, – Некогда было.

Старик устроился на водительское место. И так день не задался, а еще эта лезет с глупостями. Женщина обидчиво поджала ярко-алые, как у вампиров в ужастиках, губы.

– Мог бы и побриться, хотя бы ради меня!

Иван Савелович благоразумно промолчал, а супруга забралась на заднее сидение, хлопнула дверь. «Курлы-курлы» – летел с небес крик перелетных птиц. Машина неторопливо тронулась, а мужчина, не поворачиваясь, проворчал:

– Ага! Счас! Только шнурки поглажу!

Жена фыркнула, но не стала с утра нагнетать атмосферу. Из дамской сумочки появился телефон, женщина уткнулась в экран. Но вскоре и это надоело. Задвинула шторку со своей стороны, откинулась на сидение и прикрыла глаза. Старик включил магнитофон, забытый певец проникновенно пел о любви до гроба:

И было ей семьдесят шесть,

когда ее самой не стало.

Нет, не страшила ее смерть,

скорей, она о ней мечтала:

бывало, знаете ли, сядет у окна,

и смотрит-смотрит-смотрит в небо синее -

дескать, когда умру, я встречу его там...

Иван Савелович покосился на супругу, поморщился и сделал звук потише. Промелькнули последние спящие пятиэтажки, с обеих сторон потянулись заборы, за ними кирпичные дома частного сектора. Через несколько минут машина вырвалась на ведущее к областному центру шоссе и прибавила скорость. Супруга Ивана Савеловича успела мирно задремать, когда пронзительно заскрипели тормоза, машина резко остановилась, двигатель заглох. Силой инерцией женщину толкнуло вперед, она едва не ударилась лбом о спинку.

– Ты что? Очумел? – взвизгнула, – Смерти моей хочешь?

Несколько мгновений Иван Савелович напряженно вглядывался в лобовое стекло, затем повернулся к жене и ткнул пальцем вперед:

– Смотри!

Яркий свет фар освещал невозможную картину – вместо федеральной трассы голая степь. Чернели резкие тени от сухого ковыля, блестели грязные весенние сугробы. И тишина, про которую не хотелось думать: гробовая.

Женщина пораженно охнула, бледность покрыла лицо. Оглянулась. В десятке метров позади блестел в свете двух шеренг ярких фонарей мокрый асфальт. Контраст между цивилизованным шоссе и дикой степью такой разительный, что в голове женщины замесились панические мысли. «Да нет, это же... Да как же это может... Мы сто раз проезжали здесь!»

– А где... дорога? Почему мы едем по полю? – голос женщины дрогнул.

– А я откуда знаю! – проворчал мужчина, покраснев, словно вареный рак. – Сам ничего не понимаю!

Женщина побледнела от злости. Завез неведомо куда и еще оправдывается! Стиснула губы в алую ниточку.

– Ты куда завез, старый черт! Я что, по твоей милости должна опоздать на самолет? – накинулась с жаром на мужа.

– Да ты что! Я...

Женщина схватила клатч и, изо всех сил размахнувшись, треснула, целясь в лоб недо-тепе. Если бы мужчина в последний момент не прикрылся рукой, хорошая шишка была ему обеспечена.

– Ай! – тоненько вскрикнул.

– Вези меня в аэропорт! – отчаянно взвизгнула супруга.

– Ты чего дерешься? С ума сошла? Я тебя вез как обычно, а потом дорога вдруг исчезла!

– Где дорога? – жена взревела иерихонской трубой, не обращая внимания на попытки супруга оправдаться, – Ищи, старый черт!

Иван Савелович крякнул от досады. «Чертова баба», – подумал в который раз за утро, но, помня о крутом нраве жены, спорить не решился. Украдкой потер предплечье, повернул ключ зажигания. Машина негромко загудела, осторожно объезжая нарастающие сугробы,

потихоньку двинулась по бездорожью весенней степи. Спустя несколько минут даже супруге Ивана Савеловича стало понятно, что таким образом они никуда не приедут, зато рискуют заблудиться, и нужно возвращаться на шоссе. Женщина уже открыла рот, чтобы сказать об этом, когда неяркий свет фар выхватил из тьмы странную фигуру: бабай (старик-южноуральский диалект русского языка) на невысоком лохматом коне в рваном сером халате и со сморщенным, как печеный картофель, лицом. Руки сжимали туго натянутый лук.

«О! Прохожий! Спрошу дорогу», – Иван Савелович подъехал поближе и затормозил. Лошадь пугливо попятилась, а старик испуганно взвизгнул и прокричал что-то непонятное. Пронзительно тренькнула спускаемая тетива. Жалобно дзинькнуло. На переднем стекле автомобиля появилось круглое отверстие, с густой сеточкой трещин вокруг, что-то просвистело мимо водителя и, словно крапивой, обожгло кисти рук.

Позади женский крик ужаса и боли. Мужчина не всегда был подкаблучником, покорно принимающим тумачи. Когда-то был горяч и скор на расправу с обидчиками и на память о юности и армейской молодости на груди остались белые полоски шрамов. Лихая юность давно прошла, но, где-то глубоко в душе еще прятался прежний: бесшабашный и скорый на ответку Ванька. Тело среагировало самостоятельно. Нога яростно нажала на педаль. Жилистые, красные руки металлурга с двадцатипятилетним стажем, переключили передачу и газу! Сердце сумасшедше стучало в груди, а в голове билась единственная мысль: «Только бы автомобиль не заглох и не въехал в яму!». А еще он не понимал, откуда в двадцать первом веке убийца со средневековым оружием? Урал не дикая Африка, где до сих пор пользуются стрелами. В этом было нечто мистическое, невозможное в обычной жизни.

Машина, словно подстреленная антилопа, скакнула назад и помчала задом, с каждой секундой набирая скорость. Вновь вжикнуло над ухом, опалило его как огнем. Мужчина скосил взгляд. Вплотную к голове трепетало оперение стрелы, глубоко впившееся в кресло. Надрывный крик на заднем сидении стал потише, перешел в страдальческий, прерывистый стон.

Крутому повороту мог бы позавидовать Шумахер. Автомобиль почти на месте развернулся и на полном газу понесся в город. Старик на лошади пропал из виду, а позади наступило зловещее молчание. Мужчина скосил настороженный взгляд на зеркало заднего вида, женщины не видно. Тогда рискнул на секунду повернуться. Жена, с закрытыми глазами, сползла по сидению вниз, из живота торчало короткое древко с оперением, на пальто вокруг расплывалось темное пятно, и лишь едва заметно вздымающаяся грудь подтверждала, что она жива. Сердце в груди мужчины словно остановилось, он вздрогнул. «Умирает! Она умирает! Этот гад подстрелил ее!» – в отчаянной панике думал мужчина. «Откуда он появился, сраный Робин Гуд? Не уберег голубку!» – бились в черепе бессвязные отрывки мыслей. Только сейчас старик понял, как супруга дорога ему и, что любит ее так же, как и тридцать лет тому назад. Именно поэтому спускал все ее капризы. Плечи вдруг задергались, странные корчи потрясали тело, он плакал, дергая головой, без слез, беззвучно. Первым побуждением было остановить машину и оказать жене первую помощь, но тут пришла мысль, что, возможно, убийца догоняет их. Тогда вместо помощи погубит любимую. Лицо старика ожесточилось, паника, которой Иван Савелович едва не поддался, отступила.

Старик мчался так, как еще никогда в жизни. Встречный ветер из разбитого лобового стекла ярился, рвал одежду, наотмашь стегал лицо.

Считанные минуты бешеной гонки и показались огни придорожных фонарей. Ничем другим, кроме божьего промысла, то, что он не заблудился в рассветной степи, объяснить было невозможно. Взвизгнули тормоза, машина пошла юзом, но каким-то чудом удержалась на асфальте, остановилась. Старик, с аптечкой в руках, выскочил на дорогу, рванул заднюю дверь. Женщина лежала с закрытыми глазами, без сознания, но живая – все так же едва заметно вздымалась грудь. Стрела пробила тело насквозь и глубоко вошла в сидение. По спине зазме-

ила ледяная струйка пота, руки мелко затряслись. «Если сдвину стрелу, то могу убить, я же не доктор! Быстрее в больницу, там помогут!».

Мужчина в единый миг словно постарел на десяток лет, лицо осунулось, морщины стали глубже и заметнее. Иван Савелович запрыгнул в машину, автомобиль обезумевшей птицей рванул с места.

На въезде в город, за кустами, таился бело-синий патрульный автомобиль ГИБДД, рядом лучился довольствием толстый гаишник с поднятой полосатой палкой в руке – предвкушал от автолихача законный куш. Не доезжая несколько шагов, автомобиль, неистова заскрипел тормозами, остановился. Посредине узкого конуса чистого лобового стекла, прорезанного ручными дворниками, дыра, за рулем – смертельно бледный старик с окровавленными руками, кровь капала на руль с разорванного уха. Физиономия полицейского удивленно вытянулось, рука с жезлом упала, торопливо залапала кобуру. Хлопнула дверь, Иван Савелович, выскочил из машины. Захлебываясь собственным криком, проорал:

– Моя жена, она умирает! – и кинулся к задней дверце автомобиля.

Пробуждение было резким и тревожным, но ничего не предвещало предстоящих фантастических событий.

«Шшш» – зашипело разозленной гадюкой. Александр Петелин вздрогнул и с трудом открыл глаза, непонимающий взгляд уперся в низкий белый потолок. «Где я?» Спустя миг пришло понимание, дома, в собственной постели. Квартиру он снимал в небольшой двушке в «брежневке» в 16-м микрорайоне пополам с приятелем – летчиком. Приподнялся. В маленькой комнате царила полутьма, едва разгоняемая пробивающимся сквозь плотные занавески блеклым светом, падающие через узкие щели лучи образовывали на полу яркие трапеции. На стене светился экран телевизора, он и свистел. Справа от него скорее угадывались, чем виделись фотографии «псов войны» – молодцов с квадратными челюстями в лихо заломленных беретах, в руках автоматы и гранатометы. Напротив кровати темнел заваленный книгами в ярких обложках стол, с фотографии в деревянной рамке улыбалась Оля, он ее ласково называл: Олененок, рядом фото родителей, они молодые и отец еще жив. Александр познакомился с девушкой в ноябре прошлого года в небольшом кафе, где Оля в обществе подружек праздновала день рождения. Бледное лицо с ярко-алыми губами в обрамлении радикально черных волос, сразу приковало жадный мужской взгляд. Нехитрые женские уловки (улыбочки, стрельба глазками) окончательно покорили сердце вчерашнего курсанта. Впрочем, перечень ее достоинств не ограничивался шикарной внешностью, она была скромна и обладала житейским умом, который важнее для женщины, чем образованность и начитанность.

Ему было хорошо с ней – она принимала его таким, каков он есть и, по прошествии полугода дело уверенно шло к свадьбе, по крайней мере, предложение супового набора (руки и сердца), приняли благосклонно. Правда о конкретной дате свадьбы разговора еще не было.

Губы расплылись в беспечной, почти детской улыбке, какая, казалось, никогда не сходила с лица.

Торопливо зашарил по тумбочке, на пол спланировал вскрытый конверт. Мать писала, что у них все хорошо: сестренка готовится поступать в институт и интересовалась, когда приедет в отпуск? Где же чертов дистанционник? Александр чертыхнулся. Наконец пальцы нашупали плоскую коробочку дистанционника. Прошелся по телеканалам. Везде белый фон. Хмыкнул удивленно, месяца два тому назад на ретрансляторной вышке проводили профилактику, но даже тогда почти половина российских каналов и оба казахских работали. Он выключил телевизор и протяжно зевнул. «Черт! Спать охота!» Вчера до двенадцати с Олененком зажигал в кафешке. Проводил ее и домой добрался поздно, когда улегся, часы показывали ближе к двум ночи.

Поднялся. По курсантской привычке, за почти год офицерской службы не успел от нее избавиться, застелил одеяло и открыл окно. Вместе с бодрящей, весенней свежестью, пропитанной пряным запахом набухающих почек, в комнату ворвался колокольный звон – в церкви неподалеку началась служба. За мутноватым после зимы окном над обшарпанными пятиэтажками неторопливо подымалось алое, словно губы любимой женщины, весеннее солнце. Поднял письмо и, прихватив мобильный, поплелся в ванную. Время – без десяти семь утра. Впритык умыться, позавтракать и добраться до части.

Энергично вытирая на ходу полотенцем посвежевшее лицо, Александр заскочил на кухню. На общем с соседом кухонном столе – недопитая кружка с чаем, и тарелка с засохшими остатками яичницы. Сосед – Сергей, лейтенант-вертолетчик из базировавшегося на Горке отряда, вчера был на ночных полетах. Познакомились они прошлым летом. К невысокому парню приставали двое местных, но Александр заступился. Вырос он на радость родителям высокий – под метр девяносто и широкоплечий, так что местные, здраво оценив шансы и последствия, предпочли отступить. Так началась дружба. Характер у Александра был веселый и, как он сам признавал, немного авантюрный, и с соседом за год они крепко подружились. После Оли и мамы с сестрой он стал самым близким человеком. Александр укоризненно покачал головой и убрал грязную посуду в мойку.

Холостяцкая глазунья, как любил с мелко нарезанной колбасой, отправилась на тарелку, залил кипятком коричневый порошок кофе в чашке, по кухне распространился горько-сладкий запах кофе. Принялся по-курсантски быстро «работать» вилкой. Дверь пронзительно заскрипела, он повернулся. В проеме возникла заспанная, мятая физиономия соседа, простоватым славянским лицом он напоминал киноартиста Охлопкова в молодые годы.

Александр поморщился и в который раз напомнил себе – не забыть смазать дверь.

– Привет, – сонно пробормотал Сергей, вяло ударил по протянутой ладони. Зевнул, воспитанно прикрыв рот, потом принялся к запаху свежесваренного кофе. Уже гораздо энергичнее плюхнулся на стул, щелкнул переключателем довольно заурчавшего электрочайника.

– Ты чего так рано? – прожеывая, невнятно произнес Александр, – Вроде после ночных у тебя отсыпной?

– Кто ходит утром по делам, тот поступает мудро! – летчик поднял указательный палец вверх, – Прямо стих получился!

Приятель заварил в большой кружке черного, как африканская ночь, кофе.

Отпил, щурясь, с собачьей тоской в глазах посматривая на залитую солнечным светом пустую улицу.

Закончив с яичницей, Александр пододвинул кружку и включил мобильный. Интернет открываться отказывался – на экране висела надпись: нет соединения. Попытался еще несколько раз, досадливо поморщился и бросил телефон на стол.

– Слушай, а что с интернетом? У меня нет соединения!

– Да? – Сергей вяло удивился и достал телефон. Интернета не было и у него, – У меня тоже нет, – на секунду замер, потом предположил, – Может профилактика какая-нибудь или порыв.

– Может и так, – пожал плечами Александр.

– Слушай, деньгами не богат?

– Что, опять новая девчонка?

– Ну... – Сергей развел руками, дескать, ну так получилось.

Александр укоризненно цыкнул, но вытащил из кармана кошелек. Не глядя отделил половину купюр и протянул другу.

– Держи!

– Отдам в конце месяца, – благодарно кивнул Сергей, деньги отправились в карман.

Александр махнул рукой, дескать пустяки. Поднялся, посуда отправилась в мойку и направился к двери. Тревожила какая-то деталь. Наконец, понял, что именно. На секунду остановился у двери, повернулся и произнес задумчиво:

– Все-таки непонятно, почему и телевидение, и интернет одновременно вырубилась!

– Да? – сосед нервно облизал губы и махнул рукой. – Куда денутся, сделают.

Александр выскочил из подъездных дверей на улицу, весеннее солнце брызнуло в глаза. Зажмурился на миг и улыбнулся. Все по-весеннему весело, ласково, приветливо! Апрельское солнце грело вполне прилично; тысячами бликов сверкали металлические крыши; грязный, весенний снег еще таился в тени, но в душу уже просилась весна. Это как когда выздоравливаешь после тяжелой болезни, то блаженное состояние, когда замираешь от смутных предчувствий и улыбаешься без всякой причины. Поднял взгляд на бездонно-синее небо. Ни облачка. Старожилы с гордостью рассказывали, что солнечных дней здесь не меньше, чем в Крыму. Город стоял в сотне километров от Уральского хребта и облака, налетев на горы, резко подпрыгивали.

Торопливо, времени впритык, шел через квартал многоэтажек. Деревья голые, соки уже подымались вверх, почки уже набухли. Спешили редкие по утреннему времени прохожие, с улицы Советской доносился шум автомобилей, он поравнялся с стеклянными витринами магазина с гордым названием «Россия», когда в кармане забился мобильник. На экране высветился знакомый номер и изображение Олененка.

– Да, солнышко, – Александр остановился перед зеброй перехода – на светофоре горел красный. Губы расплылись в славной улыбке, сделавшей на мгновение похожим на артиста Галкина. Порыв влажного ветра донес с окраин заполосный петушинный крик. Метрах в двухстах дальше, башенным шпилем торчало трехэтажное здание пожарки, а еще дальше, невидимое отсюда, КПП части.

– Привет – отозвался девичий голосок.

Светофор мигнул, загорелся зеленый, с визгом зимних шин затормозили автомобили. Торопливо перебежал дорогу, прижимая телефон к уху. Она вчера «сожрала» пироженку, потому что вкусная, а от одной ничего не будет. Пусть Сашенька даже и не воображает себе ничего! Девушка тараторила, словно швейная машинка, торопясь вывалить все, что узнала, поболтав с утра с многочисленными подругами. При всех внешних достоинствах, пленивших юного лейтенанта с первого взгляда, Оленька, в смысле любви к болтовне, была типичнейшей из представителей «евиного» племени. В начале знакомства это доводило Александра до белого каления.

Он привычно поддакивал где нужно – давно смирился с маленьким недостатком избранницы.

Александр двигался по кварталу разнокалиберных частных домов. Ветер нес едкий запах навоза – здесь многие держали живность. Все было как обычно, и все же появилось тревожное чувство, что пропустил что-то важное. Он нахмурился.

Что-то насторожило в словах подруги, но он не мог понять, что?

– Повтори, пожалуйста, что ты сказала, я не расслышал.

– Петелин! Опять не слушаешь, хотя обещал мне! – капризно и многообещающе произнесла девушка. Александру так и представилось, как Олененок обиженно надула пухлые губки, которые он так любил целовать, – Ты меня совсем не любишь. Вот совсем – совсем!

– Нет-нет, – привычно соврал, – Я тебя очень люблю. Это машина проехала. Вот и не услышал!

Он считал, что с женщинами и детьми лучше всего действовать мягкостью.

– Врешь, наверное, ну ладно, – голос стал обычным, – Аня, ну ты помнишь, я тебе показывала? Ну маленькая, пухлая шатенка – мы ее встретили еще в «Шампуре». Дурочка такая, напялила брючный костюм А в нем ну корова коровой!

– Да-Да, Оленька, – поспешно подтвердил Александр, стремительно шагая мимо бетонных и кирпичных заборов. Хотя никакой Ани не помнил.

– Так вот, она медсестра в приемном отделении. Утром привезли раненную в живот стрелой женщину! Ты представляешь? Ей сделали операцию. А еще скорая ночью поехала на вызов в Ключевку, там уже район начинается. А дорога вдруг исчезла, был асфальт и вдруг сразу раскисшее поле. Куда она делась? Ты представляешь? – сыпала слова подруга.

Все сходилось! Всем странностям сегодняшнего утра: отсутствию интернета и телевидения, стреле и исчезновению дороги, появилось невероятное, но логичное объяснение. То, что прежде было неясным, совершенно фантастическим подозрением, приняло ясные очертания и четко выступило в сознании как факт, отрицать который невозможно. Александр остановился, не доходя до дверей КПП всего пару шагов.

Открылось окошко, в него выглянул сержант-демпель, с красной повязкой дежурного по КПП.

– Товарищ лейтенант! – выкрикнул громко, – Тревога! Посыльный к вам уже убежал!

Рука с телефоном бессильно упала, Александр тихонько выпустил воздух меж зубов и ошарашенно уставился на сержанта, потом губы растянулись в довольной усмешке. Видимо, в лице лейтенанта читалось нечто такое, от чего лицо дежурного удивленно вытянулось.

Ты почитывал книги про «попаданцев»? Мечтал попасть в новый мир, еще не изгаженный цивилизацией, не пропахший пылью, бензином и дымом? Мечтал изучить, познать его тайны и загадки, совершать героические подвиги, достойные Д'Артаньяна и его друзей мушкетеров? Так вот он, шанс! Лицо просияло. Мещанская жизнь, полная повседневных житейских забот: гонкой за квартирой, машиной, дачей; статусными летними поездками в жаркие края; карьерой – все эти символы внешнего благополучия, не значили в его глазах почти ничего. Это не означало что он хотел стать аскетом и закрыться в монастыре! Отнюдь! Но героические приключения и романтика весили в его глазах гораздо больше, и жизнь неожиданно и нагадано дала шанс. Как мог он не радоваться этому?

К рассвету, когда после бессонной ночи усталые аварийные бригады вернулись на предприятия, никто так и не смог ответить на вопрос: почему нет междугородней и военной связи, интернета? Хорошо хоть электричество появилось. Если бы не оставшийся в пределах нормы радиационный фон и отсутствие признаков ядерного удара, то командиры городских воинских частей решили бы, что началась война. Но, ни первого ни других признаков начала войны не было, и они терялись в догадках. Без десяти восемь утра начальник гарнизона на собственный страх и риск распорядился поднять воинские части по тревоге.

Утром, когда междугородные автобусы и электрички вернулись на вокзалы, так как шоссе исчезло, а железнодорожные пути обрывались в десятке километров от станции, город забурился. Записные сплетники сходили с ума в попытке разумно объяснить произошедшее. Поползли нелепые, но полные жути слухи, один фантастичнее другого.

К обеду на тротуаре перед зданием администрацией города собралась разношерстная группа – пара десятков человек, с яркими самодельными плакатами, большую часть ее составили люди в возрасте или самого экзотического для провинции вида.

Посредине вдохновенно ораторствовал мужчина возрастом за пятьдесят, среднего роста и субтильного сложения с большой лысиной и отеком от регулярного пьянства лицом с припухшими веками. В дешевых синих джинсах, невымытые волосы с изрядной проседью всклокочены – словом никак не напоминал майора запаса, каким являлся.

Он громогласно скандировал в мегафон:

– Соловьев! Выходи!

Демонстранты поддерживали разноголосыми голосами. Пусть глава города разъяснит землякам, что за безобразия творятся вокруг. Есть такая категория людей, у которых что бы

не предприняла власть, все плохо. И. если строится завод, то он источник экологических проблем, а не место, где они и их дети могут заработать средства для жизни, а если жилой дом для малоимущих, то долго и некачественно.

Полицейские у входа в администрацию, усиленно делали вид, что события их не касаются. Впрочем, это не мешало отгонять приблизившихся к дверям демонстрантов.

А глава города, Виктор Александрович Соловьев, отодвинув в сторону белоснежные жалюзи окна на втором этаже, с нехарактерным для него волнением рассматривал в щелку входившую в азарт толпу и почесывал до синевы выбритый квадратный, характерный для людей волевых, подбородок. Это был плотный, лишь слегка обросший возрастным жирком мужчина в самом расцвете сил, с властным, граничащим с жестокостью, характером. Время от времени по лицу пробегало выражение надежды, тут же сменявшаяся обычным хмурым. Большинство людей внизу знал лично, город небольшой, и все записные бузотеры наперечет. «Подождут», цинично ухмыльнулся. Заводилой, конечно, Ванечка – а кому еще тут митинговать, разглядываемая прищуренными глазами оратора, думал Виктор Александрович. Он хорошо знал его, тот всегда вел себя активно, и предыдущая администрация едва не взяла его на должность, но даже там в последний момент сообразили, что неисправимые болтуны, бегущие от реального дела как черт от ладана, не нужны. С тех пор тот слыл вечным оппозиционером и инициатором всяческих беспорядков.

Виктор Александрович администратором был многоопытным. Он руководил городом четыре года, но, затем с треском проиграл муниципальные выборы. Земляки не простили алчность и множество квартир, записанных на родственников. Тогда он затаил в сердце жгучую обиду и желание реванша. Но город Соловьев любил, хотя и своеобразно. Так, рачительный хозяин любит и желает обиходить наилучшим образом бычка, которого выращивает для забоя.

Новый глава оказался слабым хозяйственником, что немедленно отразилось на городе.

Если кто думает, что вопрос власти при демократии – вопрос предпочтений народа, тот не понимает, как власть устроена и меняется. Стать во главе государства, области, города – не важно, может только тот, кого поддерживает элита или хотя бы ее часть: финансово, идеологически, организационно. Город не исключение из этого правила. Те, кто имел власть или деньги – городская элита, делились на две группировки, по большому счету похожие друг на друга как близнецы. Политика при победе другого клана изменялась незначительно, менялся только зад, который восседал на мэрском кресле. Только один клан объединял в основном местные кадры – ее безусловным лидером являлся Виктор Александрович, человек яркий, авторитарного склада характера. Второй объединяло скорее неприятие Соловьева, и он не имела единого лидера. Самыми авторитетными были директор ГРЭС, объединивший вокруг себя пришлых «варягов» и миллионер, и по совместительству депутат городского собрания, Романов.

На очередных выборах Виктор Александрович воспользовался ошибками оппонентов и триумфально вернулся во власть. Горожане помнили все. В том числе и то, что он жесткий и деятельный организатор, способный наладить жизнь в городе, и на этот раз проголосовали за него...

Солнце едва прогнало утренние сумерки, когда Виктор Александрович, как обычно, за час до начала рабочего времени, приехал в администрацию. Охранник, открывший дверь, возрастом слегка за шестьдесят, вид имел помятый и подозрительный. Виктор Александрович на секунду остановился, принюхался. Спиртным не пахло. «Ладно, прощаю», – Соловьев пригладил пятерней «ежик» седых волос и, по старой привычке перед объездом улиц, зашел в кабинет.

Едва переступил порог, затрезвонил телефон и на мэра обрушился третий вал сообщений о таинственных событиях вокруг города. Все началось с ночного обрыва питающей город линии ЛЭП, из-за чего автоматика переключила электроснабжение на городскую электростанцию. Потом новые, необъяснимые события. Вначале даже разозлился, но сообщений пришло

слишком много, и решил во всем разобраться, прежде чем действовать. А после известия, что за городом женщину ранили стрелой, глаза полезли на лоб. Рационального объяснения таинственным событиям он не видел, пока, сопоставив все факты, не пришел к невероятному, но объяснявшему все выводу. Утреннюю поездку отменил, чем облегчил жизнь частным и муниципальным коммунальщикам, с них при каждом нарушении спрашивал так, что только дым стоял столбом, и позвонил командиру вертолетного отряда полковнику Гришаеву.

Летчик, срывающимся от волнения голосом, сообщил, что с соседними аэродромами и командованием пропала связь. Тогда Соловьев попросил послать вертушку облететь окрестности и разведать обстановку в районе областного центра. А секретариату – собрать военных и правоохранителей...

– Дзинь! – оглушительно прозвенел телефон, Соловьев вздрогнул, по спине прошла волна ледяного озноба. Ломая в себе проклятое чувство боязни, повернулся, несколько секунд, не мигая, смотрел на телефонную трубку, словно это не творение человеческих рук, а ядовитая гадюка, подошел к столу.

– Да? – замолчал, после паузы, произнес – Понял! Благодарю вас!

Пробежался по кабинету от стола к двери, вернулся и рухнул в кресло. Черты лица буквально плыли, один за другим пробегали по нему: восторг и ужас и, снова восторг. Наконец, выдохнул воздух, высоко вздымая плечи. Лицо привычно окаменело. Тщательно подравнял аккуратно сложенные на столе документы, поднялся и направился на выход.

Соловьев остановился в небольшой приемной, обставленной в современном офисно-деловом стиле, каких на просторах от Смоленска до Владивостока тысячи. Военные и правоохранители кучковались по группкам и тихо переговаривались, гадая о причинах срочного сбора. Отдельно – оба командира пограничных частей вместе с заместителем начальника городского отдела ФСБ в «гражданке», начальник отдела как всегда занят, и он представлял службу вместо него. Рядом сверкали звездами на погонах полицейские: начальник горотдела вместе с начальником отдела по борьбе с оборотом наркотиков. С ними главный таможенник с руководителем службы судебных приставов и пожарный, отдельно два командира воинских частей с военным комиссаром – полковника Гришаева еще не было. И если группы «военных» состояли из приехавших издалека «варягов», то в «полиции» в основном местные, знавшие друг друга чуть ли не со школьных времен.

Люди в погонах недружно поздоровались.

– Здравствуйте! – небрежно бросил в ответ мэр и подошел к углу, где напротив окна за компьютерным столом самого казенного вида сидела секретарь. – Все собрались? – голос обычный, спокойный.

Крашенная брюнетка, похожая на секретаршу в левой конторе, отрицательно покачала головой.

– Нет командира вертолетного отряда, – на правах старой сотрудницы из времен первого периода управления городом Соловьевым, она могла многое себе позволить. Взгляд упал на настенное зеркало. Как она? Вроде все хорошо.

– Виктор Александрович! А правда, что город куда-то перенесло? – отрывисто хохотнула, – Представляете какую чушь говорят? Ох, люди, люди, чего только не придумают!

Женщина похоже, сильно нервничала поэтому и тараторила без умолку.

Мэр недоуменно уставился, нахмурился. Как же стремительно разносятся слухи по городу! Поколебавшись, ответил:

– Да, перенесло похоже... – хотел еще что-то сказать, но сдержался.

Женщина ахнула, закрыла руками скривившийся в гримасе ужаса рот. В приемной замерли, потом раздался изумленный возглас.

Глава города повернулся. Взгляд остановился на крепко сложенном мужчине с короткой стрижкой в возрасте слегка за тридцать немного в стороне от приглашенных. Многократно перебитый нос делал его похожим то ли на бандита, то ли на боксера.

– Володя, давай за мной! – и направился на выход.

Мужчина кивнул и двинулся следом, в паре шагов за Соловьевым. Официального статуса у него не было, но во всех поездках он сопровождал Виктора Александровича и, считался его неофициальным телохранителем. Кто платил за это, никто не знал, но лицо он был приближенное к градоначальнику и его откровенно побаивались. Виктор Александрович остановился у дверей, обернувшись, оглядел обалдевших людей в погонах, криво усмехнулся и вышел из приемной.

Бездельников, таскающихся по разным митингам и демонстрациям, кроме санкционированных властью, Соловьев считал людьми никчемными, поэтому вышел из старинного здания администрации с видом грозным и непреклонным и таким же настроением. Яркое весеннее солнце хлестануло по глазам. На мгновение опустил взгляд, замедлив шаг. Звонко громынула, закрываясь за охранником, массивная дверь.

Оратор повернулся на звук.

Поперхнулся на полуслове, рука с мегафоном упала. На узких губах зазмеилась виноватая и заискивающая улыбка, отшатнулся, словно хотел затеряться среди митингующих.

Толпа разномастно одетых горожан заметила мэра, люди замолчали и уставились кто со злобой, кто с интересом, но все с ожиданием: что-то будет?

Глазами поруганной лишайным псом трепетной лани оратор смотрел, как, аккуратно обходя неглубокие лужи, из которых сизые голуби, распушив перья, с достоинством пили воду, подходил Виктор Александрович.

Остановился, позади, в шаге, встал Володя.

– Ну здравствуй, Иван Алексеевич! – по жестким губам мэра скользнула слегка презрительная улыбка, – Опять бузишь? Не надоело еще?

Пролетали мимо легковые автомобили, расплескивая лужи в мелкие, леденящие капельки, водители с интересом поглядывали в сторону толпы, но у всех дела и, машины мчались дальше. Прохожие останавливались, вливались в толпу. Заводила с растерянным видом оглянулся на соратников, смотрящих на него с надеждой. Взгляды придали силы.

– Этна... Здрате и вам... – невнятно, словно во рту каша, прошепелявил оратор и бросился в атаку, – А скажи Виктор Александрович народу, – тут вновь посмотрел на обступивших людей и продолжил с каждой секундой крепнущим голосом, – что за беспорядки в городе? Почему связи нет с областным центром? Почему нет телевидения? Почему вернулись междугородные автобусы? Видишь сколько вопросов к тебе? Мы тебя выбрали, – остановился и указал рукой на обступивших людей и почти прокричал, – этна народ спрашивает, почему безобразия допускаешь!

Толпа громким и невнятным, но явно одобрительным гулом поддержала предводителя, люди выжидательно смотрели на главу города. Стая голубей взлетела с асфальта, закружила в круговороте над площадью.

Виктор Александрович мысленно поморщился, глубоко внутри появилось раздражение, но на лице по-прежнему маска вежливого внимания. «Достал. И как с такой дикцией служил замполитом? Я бы и близко к солдатам не подпустил». Но люди вокруг ждали ответа, и, хотя объяснить не очень хотелось, но пришлось. Заговорил спокойным, размеренным голосом, так не соответствующим содержанию речи:

– Вы, Иван Алексеевич не шумите. Мы выясняем, что произошло. С Горки вылетел вертолет, когда вернуться, тогда и узнаем, что за чертовщина вокруг, – сделал паузу, раздумывая, стоит ли это говорить, но потом решил, что скрывать глупо. Все равно рано или поздно при-

дется рассказать, – Но уже известно, что ни областного центра, ни ближайших городов и деревень не обнаружили. Зато нашел кучу стойбищ, как у северных народов.

Иван Алексеевич изумленно ахнул, ладонь с траурными каемочками под ногтями на миг прикрыла рот. Нервно оглянулся на десятки испуганных и умоляющих глаз. Он не мог не оправдать их надежд.

– Ты власть этна! Как ты... как ты мог допустить это! – воскликнул, давая петуха от волнения.

Виктор Александрович посмотрел на собеседника словно на дите малое, досадливо поморщился. Работать надо, а тут приходится с этим балбесом объясняться.

– Я тебе не господь бог, так что претензии предъявляй к Всевышнему или к природе, уж не знаю, верующий ты или нет, – ответил жестко и перевел взгляд на притихшую толпу, – От имени администрации я заверяю, что мы предпримем все возможные меры, чтобы избежать катастрофы, но предупреждаю сразу, будет нелегко. Я потребую дисциплины и работы. Строжайшей дисциплины и напряженной работы! Тогда все у нас получится!

Глава города поджал губы и пристально оглядел молчаливых людей вокруг. И все обращенные на него взгляды были, как минимум, недоброжелательны. Легкий весенний ветер настороженно гудел в проводах, одинокий бело-сине-красный флаг, крепко зажатый в руках невзрачного вида старушки в потрепанной дубленке, бился словно живой, невольно притягивая взгляд. Он внезапно ощутил себя страшно одиноким.

– Ну раз вопросов больше нет, то до свидания, а вы расходитесь! Нечего мешать работать администрации!

Он повернулся, но не успел сделать и пару шагов

– Мы что в прошлое перенеслись, как в книгах про попаданцев? – крикнули в спину слезливым женским голосом.

Виктор Александрович повернулся, разыскал взглядом спросившую – невзрачную женщину в розовом, поношенном пуховичке, похожую на перепуганную мышку.

– Пока не знаю, но, когда получу ответы, не стану скрывать!

Он снова обвел жестким взглядом окончательно притихшую толпу и твердым шагом направился к дверям администрации. В очередной раз победил, самодовольная улыбка пробежала по губам. Неожиданно что-то упало на плечо, скосил взгляд и брезгливо поморщился. На пиджаке зеленовато-желтая капля – «оросил» голубь. «По примете богатым буду!» – подумал саркастически. На ходу вытащил из заднего кармана брюк платок, вытер. Спустя миг скомканный лоскут материи полетел в урну у дверей. Его ожидало гораздо более важное – встреча с военными. Главное – убедить их подчиниться.

Глава 2

Появление в приемный Соловьева в миг охладило раскаленную, словно солнечная корона, атмосферу до абсолютного нуля. Яростный спор людей в погонах затих. Лица большинства бледные, в глазах плескалось замешательство. Всех их Соловьев неплохо знал. Сильные, слабые стороны, и считал заслуживающими уважения, но сегодняшние события их явно словно ударили пыльным мешком из-за угла. Мысленно усмехнулся: зрелище растерянности людей в погонах придало дополнительной спокойной уверенности в собственных силах.

Ошеломленные, полные ненависти, вопросительные – всякие взгляды скрестились на главе города. Это лишь кажется, что люди в погонах вне политики. В маленьком городе им волей-неволей приходилось с кем-то приятельствовать, а с кем-то враждовать. Вот немалая их часть и дружила с прежней администрацией города, да и Виктор Александрович с поистине медвежьей грацией успел отдавить немало любимых мозолей. Сильный порыв ветра закачал по-весеннему голыми ветвями тополя напротив окна, бросая причудливые тени на людей в форме.

Градоначальник энергично подошел к секретарше. Взгляд тоскливых глаз с потекшей косметикой поднялся на начальника, скоился в сторону зеркала. Ужас, как она выглядит! Пальцы с массивными перстнями, слишком крупными, чтобы быть золотыми, упали на столешницу.

Соловьев сжал бледные губы в злую ниточку и посмотрел на женщину осуждающе – не терпел, когда расклеиваются. У него самого сын остался в Москве, но он же не устраивает истерики!

Секретарша посмотрела на Соловьева виновато, машинально чуть ли не в узел завязывая прядь тяжелого узла волос. Нрав начальника она давно изучила и понимала, что серьезно проштрафилась в его глазах.

– Слушаю, Виктор Александрович, – произнесла тихо, почти прошептала.

– Вера, собери мне в кабинет замов и немедленно. – распорядился мэр, решив не упрекать за внешний вид.

– Хорошо, Виктор Александрович, – произнесла женщина убито в спину направившемуся в кабинет мэру и потянулась к телефону.

У двери градоначальник остановился. Повернувшись, натянул на лицо натуженную полуулыбку:

– Товарищи офицеры, прошу немного подождать, не больше десяти минут, мне необходимо отдать срочные распоряжения.

Дверь бахнула, закрываясь, люди в погонах вновь принялись обсуждать ошеломляющие новости. Один за другим, едва успев поздороваться с военными, в кабинет Соловьева торопливо влетели заместители. Слухи по администрации расползлись моментально, и в курсе фантастических новостей были все. Последней, на бегу кинув военным: «Здрассте», торопливо прошмыгнула в дверь заместитель по социальным вопросам – унылого вида женщина далеко за сорок – типичный синий чулок. Градоначальник не обманул: не прошло и нескольких минут, как заместители с вытянутыми от удивления лицами, пулей вылетели из двери.

«Дзинь!» – телефон взорвался трелью, заставил нервно дернуться и замолчать. Взгляды скрестились на секретарше.

– Да? – подняла трубку, – Да, подошел... зовут... – скосила взгляд на блокнот на столе, торопливо перелистнула пару страниц, – Александр Степанович... хорошо.

Трубка легла на место, женщина объявила:

– Заходите, товарищи, глава вас ждет.

Длинный стол, вдоль выходящих на центральную площадь окон, горел отраженным светом полуденного солнца так, что еще немного и глазам будет больно. Дальше вглубь кабинета за письменным столом, с видом сосредоточенным и неприступным, торопливо писал в еженедельнике Соловьев. Везде идеальный порядок: просмотренные и не просмотренные документы лежали ровными стопками, а две ручки гармонично расположились в черном органайзере с краю – все выдавало дисциплинированного человека, тщательно следящего за своей территорией. На миг оторвавшись, бросил быстрый взгляд на входящих офицеров, буркнул:

– Садитесь, товарищи, – торопливо махнул рукой в сторону стола заседаний и вновь уткнулся в бумаги. Начальник таможни поздоровался, но Соловьев, не поднимая глаз от документов на столе, нетерпеливо махнул рукой, дескать, не до этого. Зашуршали отодвигаемые стулья, офицеры расселись. Несколько секунд прошло в молчании, потом мэр поднял взгляд – вроде все. Энергично поднялся и прихватив ежедневник со стопкой бумаг, пересел на высокое кожаное кресло во главе стола заседаний.

Расстегнул пиджак и тщательно подравнял принесенные документы. Потом оценивающе посмотрел на людей в форме. Сейчас все попали в одну лодку. Многие его, мягко говоря, не любили, держали дулю в кармане, дескать, кто ты такой, царек недоделанный, но в глаза никто не стал бы говорить. А выплывут или потонут, во многом зависело от того, сумеет ли убедить их подчиниться городской власти.

– Александр Степанович, – обратился к высокому худощавому полковнику в синей форме летчиков, – расскажите, пожалуйста, о результатах облета окрестностей.

Тот поднял тусклый взгляд, встряхнулся, сбрасывая угрюмую задумчивость, и хотел по привычке встать, но Соловьев остановил небрежным жестом, дескать, это лишнее.

– Докладываю! – сказал летчик нервным и оттого глуховатым голосом, – Борт RF – 95570 облетел окрестности города. За периметром в двадцать километров чужая земля; дороги и поля обрываются, словно ножом обрезали. Дальше голая степь, а на севере настоящая тайга, типа сибирской. Потом борт летал к областному центру, но ни его, ни других городов и деревень, не обнаружил. Доклад закончил.

Комок черной желчи подкатил к горлу, пытаюсь прорваться сквозь сомкнутые зубы. Только многолетняя военная закалка спасала офицера от нервного срыва. Мысли витали далеко от этого места. Он вспоминал дочь с шестилетним внуком. Неделю тому назад они уехала в Сочи. Как же рассказать жене о Переносе города? Теперь дочь с внуком все равно что умерли, они никогда больше их не увидят. Никогда, какое горькое слово...

За столом уже знали результаты облета окрестностей от самого летчика и встретили речь угрюмым молчанием.

Пальцы градоначальника нервно забарабанили по столу, быстрые, стремительные, словно лапки охотящегося паука. Секунду поразмышлял, затем посмотрел в усталые глаза летчика.

– Плотина электростанции с водохранилищем-охладителем на нашей земле?

– Так точно, – мрачно произнес летчик и, торопливо вытащив платок, откашлялся.

– Это хорошо. – мэр незаметно выдохнул воздух и кривовато улыбнулся. Значит будем с электричеством. Уголь поблизости подходящих для электростанции марок найдется. И его много. Еще немного подумав, спросил:

– А людское жилье, чужое, – выделил интонацией последнее слово, – экипаж обнаружил?

– Да, видели стойбища из чумов, по типу тех, в которых живут северные народы, и какие-то оборванцы вокруг.

– Ну и куда мы попали? Кто-нибудь может объяснить? Надеюсь, сам факт Переноса города с окрестностями сомнению не подлежит? – Мэр оглядел угрюмо молчащих офицеров, затем упер тяжелый, пронизывающий взгляд, каким хищник, готовясь к прыжку, смотрит на жертву, в лицо летчика и с силой прижал ладонь к зеркальной поверхности стола.

– Я не знаю. – тихо ответил подполковник, взгляд опустился на столешницу.

– Хорошо... – мэр кивнул и небрежно откинулся в кресле. – Фотографии окрестностей додумались сделать?

– Так точно, – проронил полковник, вялым движением достал из кармана куртки тощую стопку белых прямоугольников и передал Соловьеву.

Торопливо просмотрев фото и пару раз многозначительно хмыкнув, градоначальник передал их офицерам. Пока передавали из рук в руки фотографии и тихо говорили между собой, неторопливо выровнял лежащие перед собой листки бумаги, с лихорадочной поспешностью решая, как строить диалог. Он обязан победить. Сейчас или никогда! Давить, давить и убеждать в собственной правоте и необходимости подчиниться. Пока вояки не опомнились, взять их под контроль, иначе все планы пойдут насмарку. Сами погибнут и город погубят. Соловьев обвел сощуренными глазами офицеров. Те молчали, угрюмые взгляды обращены в стол. Градоначальник внутренне усмехнулся. Не им соревноваться с ним, половину жизни проработавшим в еще том гадюшнике – городской администрации, в искусстве подчинения людей.

– Значит так, мужики, я не господь бог и не знаю, где мы, но в одном точно уверен: мы не в России двадцать первого века. На другую планету нас перенесло или в другое время? Не знаю, пусть разбираются ученые. Главное, страны под названием Российская Федерация здесь нет, и это реальность, в которой предстоит жить дальше! Я глава города и для меня основное – любой ценой обеспечить безопасность, – он выделил голосом последнее слово, – и наладить материальную базу для нормального существования горожан. Мне и вам вместе придется этим заняться, или... Или мы все скоро погибнем.

– Кто нас перенес? Кто? – вскочил вдруг главный таможенник, весь багровый, – На свете миллион таких городишек! Почему, почему это случилось с нами? – суетливо вскинувшись, истерично повысил голос, – Или это какое-то природное явление? Пришельцы или гребанные потомки на нас эксперименты устраивают?

Офицеры непроизвольно переглянулись, их самих мучил тот же вопрос.

Вопрос риторический и не требовал ответа, но градоначальник вскинулся, словно ему противоречили.

– Я не знаю, но это и неважно, важно сейчас, – выразил интонацией последнее слово, – Выжить! Выжить и насколько это возможно сохранить научный и промышленный уровень.

Таможенник рухнул на стул, отвернулся к окну.

«Цзинь-цзинь», – звонко защебетала приземлившаяся на подоконник беззаботная весенняя птаха. Для нее ничего не изменилось: все так же пригревало солнце и количество червячков не изменилось, так чего горевать? А мелкие проблемы людей важны только им самим. Толпа перед окнами здания, недавно с азартом выкликавшая главу администрации, таяла, распалась, словно кусок сахара в кипятке.

Соловьев помолчал, в очередной раз поправил лежащие на столе документы, добиваясь их идеального выравнивания и сказал назидательно, проникновенно, почти по-дружески:

– Мужики! От нашего мира остался только город и его окрестности. Семьдесят тысяч горожан и несколько тысяч сельских жителей, которым необходима ваша защита. Есть тут враги, нет ли, я не знаю, но рассчитывать нужно на наихудший вариант. Они есть, и они сильны. Поэтому полагаю, что в связи с Переносом черт знает куда, вы должны перейти в подчинение городской власти. Только так мы сможем дать отпор любому врагу, – увесисто шлепнул рукой по столешнице. Всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит – так кажется, сказано в библии?

«Ловко», – заместитель начальника отдела ФСБ, не отрывал взгляд от большого желто-коричневого знамени города в дальнем углу кабинета, рядом со стягом России. Из потенциального сидельца Соловьев превращался в спасителя города и начальника для людей в погонах. Глянул на градоначальника, тот уловил этот взгляд, лицо на миг дрогнуло. В сейфе сек-

ретки отдела накопилось внушительное досье о незаконных делишках Соловьева, ждали только отмашку из центра – пустить в ход.

Молчание затягивалось. Из открытой форточки слышался приглушенный шум моторов.

Перспектива превратиться из привилегированных федералов и областников в подчиненных городской администрации не радовала. Это и снижение статуса, и повседневный контроль, в то время как командиры успели привыкнуть к самостоятельности. Из Москвы или областного центра все не проконтролируешь. Тем более что еще тлела надежда: Перенос не навсегда, немного потерпеть, и они вернутся назад, и жизнь возвратится на привычные рельсы.

Начальник пожарного гарнизона нахмурился, машинально почесал бритый затылок и поднял руку. Дождался кивка Соловьева и поинтересовался:

– Вы полагаете, что обратный Перенос невозможен?

– Полагаю, – Соловьев криво усмехнулся и небрежно отчеканил, сверкая от возбуждения глазами, – Если я не прав, то и слава богу, но исходить следует из худшего. Из того, что мы застряли здесь навсегда и действовать соответствующе. Все согласны?

Молодой, едва за сорок, подполковник, командир радиолокационного батальона, вскинулся, словно бойцовский петух. Смерив Соловьева неприязненным взглядом, рубанул с плеча:

– Мы давали присягу России, а не городу. И у меня нет приказа переходить в подчинение городской власти!

С градоначальником у него сложились непростые отношения. Еще на первом сроке у власти Соловьев обещал выделить землю под дачные участки офицерам батальона, но нарушил свое слово. Офицер тогда не сдержался и высказал все, что думал о градоначальнике. «Доброжелатели» немедленно донесли Соловьеву, он даже ездил в штаб округа, жаловался и просил убрать неугодного командира. Но генералы лишь посмеялись над излишне деятельным главой муниципалитета.

Несколько мгновений мужчины мерялись взглядами, потом Соловьев не выдержал и отвел глаза, левое веко едва заметно дернулось. И тут же, спохватившись, что это могут истолковать как непростительную слабость, густо побагровел. На память он не жаловался, врагов помнил хорошо и никогда не забывал. Глянув на локаторщика взглядом, подобным уколу острозаточенных стилетов, сказал лязгающим металлом голосом:

– Приказ? А какой может быть приказ если ваше командование осталось неведомо где? Может пора голову включить? – казалось, мэр обращается лично к локаторщику, но тут он широко махнул рукой, привлекая общее внимание, – И не забывайте, что речь идет о выживании города, вас самих и ваших семей. Присягу принимали защищать Россию? Так защищайте ее, сейчас вся она – это город и его окрестности! Или мы будем вместе, одним кулаком, – он приподнял крепко сжатый кулак над собой, махнул рукой, словно разбивая неведомую преграду, – или нас переломают поодиночке! Делом докажите, а не трескотней, что вы патриоты, а не балаболки!

Соловьев медленно обвел взглядом застывшие лица военных, зрачки сузились, продолжил:

– И не забывайте, что вам, как и любому другому жителю города, необходимы продукты питания, тепло зимой, вода, свет. Город будет вас обеспечивать всем необходимым, а вы станете сидеть на его шее и ждать приказа неведомо от кого? Не бывать такому!

Торопливо глотнув, облизал пересохшие губы.

«Крыть – нечем, он прав...» – багровый, как варенный рак, подполковник – локаторщик катнул желваками и отвернулся.

– На ближайшие дни... и годы... безопасность и развертывание производства всего необходимого для выживания – это главная задача, – градоначальник сказал, как обрезал.

Начальник горотдела полиции, пару минут с напряженным вниманием что-то читавший в телефоне, воспользовался паузой:

– Р-разрешите? – глаз конвульсивно дернулся, заикание – это были последствия контузии во время командировки в Чечню. дождался кивка Соловьева, поправил очки и, глядя на экран телефона зачитал: «На Гончаровке н-наряд задержал подозрительного бомжа на коне, по-русски не понимает, говорит на языке, напоминающем башкирский», – полицейский оторвал взгляд от экрана и протянул с задумчивым видом, – п-похоже, попался абориген.

Гончаровка – район города с малоэтажной (частной) застройкой.

Лица офицеров, до этого неподвижные, ожили. Тревожно зашептались. Если попался местный житель, то появился шанс узнать, куда же город попал.

– Хорошо, – Соловьев наклонился над столом и пометил в еженедельнике, – Жду от вас информации куда мы попали и кто вокруг нас.

– Д-доложу, – согласно наклонил рано поседевшую голову начальник полиции, пальцы набирали на телефоне текст. Хотя формально полиция и не подчинялась местной власти, но ее финансирование шло в том числе и от муниципальных властей, а кто платит, тот и заказывает музыку. Главный городской полицейский давно привык учитывать мнение администрации.

– Да и пусть медики проверят, не хватало еще чтобы какую-нибудь заразу принес! – мэр бросил пристальный взгляд на офицера, поднявшего голову, но на лице того читалось только внимание. Кивнув, он продолжил набирать текст.

– Виктор Александрович, – вновь обратился начальник пожарных, – нам будет проще принять решение, если вы озвучите свои предложения что делать нам и городу.

Градоначальник на миг замер, затем согласно наклонил голову.

– Ну что же, это разумно. Начнем с того, что действовать я буду максимально жестко! Иначе не выживем. Продовольствия в городе мало, максимум на три-четыре недели. Точное количество сейчас выясняют, поэтому все консервы будем закладывать на хранение на крайний случай и переходить на карточную систему. На комбинате хлебопродуктов и мясокомбинате есть значительные запасы мобилизационного резерва, их реквизируем и будем искать местные источники продовольствия. Раз есть люди, то их не может не быть! Продержимся до осени – выживем, район засеет все, что только возможно. Что касается огородов – всем желающим десять соток, пусть сажают овощи и фрукты. По углю и электричеству: уголь придется экономить, да все придется экономить, пока не доберемся до местного сырья. Запасов электростанции хватит месяца на два, не организуем за это время доставку угля, перемерзнем, а кто выживет, скатится в средневековье. Пока все, остальное после того, как разберусь в обстановке.

Военный комиссар: румянощекий, с хитрыми маленькими глазками, его недавно выбрали в городское собрание депутатом и, по слухам, он был близок к градоначальнику, поднял руку.

– Ну что, по-моему, дело ясное, – заалел, словно девица на выданье, зачастил, почти проглатывая слова, – я за предложение Виктора Александровича!

Офицеры переглянулись. На лицах весь спектр эмоций: от надежды до скепсиса. Но все понимали: в критической ситуации город должен возглавлять сильный управленец, который пользуется доверием и поддержкой большинства, а рознь и склоки неминуемо приведут к гибели. Одни считали Соловьева радетелем за город, некоторые – жуликоватым чиновником. Но в деловой хватке, организационном таланте и знаниях сложного городского хозяйства и те, и другие не сомневались. Он был лучшим, из возможных, кризисным управляющим для города попаданцев. С другой стороны, он недавно избрался, стало быть, имел нерастраченный кредит доверия населения. Первыми подняли руки полицейских и начальника пожарных, после недолгих колебаний, остальные. Иного выхода они не видели.

Соловьев восседал с прямой спиной, словно палку проглотил. Глаза зажглись торжеством – у него в очередной раз все получилось! Да он гений! Но ни единый мускул на лице не дрогнул, только растянул сухие губы в снисходительной улыбке:

– Благодарю за принятое правильно, – сказал негромко, выделив последнее слово голо-сом, но как-то так, что все услышали, – решение и информирую вас, что сегодня же предложу депутатам дополнить штат администрации должностью заместителя главы по военным и внутренним делам, кандидатом на нее я вижу вас, Степан Алексеевич! – Соловьев кивком указал на военкома, – Вы не против?

Военком еще больше зарделся, попытался сохранить серьезное выражение лица, но не выдержал, расплылся в самодовольной улыбке. Подскочил, уставился на благодетеля глазами преданного пса:

– Так точно, не против. Спасибо за доверие! – сказал с придыханием.

К власти, пусть небольшой, в качестве депутата городского Собрания, он пришел в команде нынешнего градоначальника, и вновь убедился, что правильно выбрал за кого играть.

– Александр Степанович! – обратился мэр к командиру вертолетного отряда официальным тоном, – Организуйте, пожалуйста, облет окрестностей по максимально возможному радиусу.

– Хорошо, – подполковник угрюмо кивнул и вновь опустил взгляд в стол.

– Ну все, товарищи, – Соловьев махнул рукой, тонкие губы раздвинул в ледяной улыбке, – по рабочим местам.

И тут же добавил, обращаясь к фсбшнику и, пародируя Мюллера из «Семнадцати мгновений весны»:

– А вас, Олег Аркадьевич, я попрошу остаться.

Тот повернулся. Градоначальник подождал пока закроется дверь за последним офицером и произнес, неприятно кривя блеклые губы:

– Я знаю у вас есть на меня наблюдательное дело. Принесите его, пожалуйста.

Для него не было секретом, что на всех глав местных самоуправлений ФСБ вело наблюдательные дела.

Лицо фсбшника ничего не выражало, несколько мгновений тяжело молчал, потом бесстрастно ответил:

– Хорошо.

– Минут десять вам хватит, чтобы доставить его в мой кабинет?

– Хорошо я сейчас пришлю. Я могу идти?

Градоначальник кивнул. Едва фсбшник закрыл за собой дверь, вытащил платок и обтер мокрую, словно в бане, шею. Разговор, особенно концовка, тяжело дались, но все получилось! «Ну я и монстр», – думал с ликованием. Спустя десять минут, он сидел в кресле комнаты отдыха и изучал принесенную секретчиком отдела ФСБ папку. Вздыхал, матерился сквозь зубы, скрипел зубами. Потом собственноручно уничтожил ее. Он не знал, что в личном сейфе начальника отдела лежала копия дела. По указанию Москвы ее подготовили для отправки в столицу для принятия по градоначальнику решения. Возбуждать уголовное дело или подождать пока поглубже увязнет в криминале?

К трем часам после полудня на улицах появились совместные армейско-полицейские патрули. А у ворот важнейших городских объектов встала вооруженная охрана из сотрудников МВД. Все автозаправочные станции опечатали, исключение составила АЗС на территории городского автобусного предприятия, но туда могли заехать только их собственные автобусы да автомобили по списку администрации. Совместные комиссии из вооруженных полицейских и «наскипидаренных» чиновников поехали по городу. К засевавшему в кабинете Соловьеву, словно в центр раскинутой по городу паутины, стекались доклады. В продовольственных магазинах, несмотря на скандалы торговцев и собственников, консервы и продукты длительного

хранения изымали под расписку и отвозили на склады. Свои действия полицейские обосновывали введением в городе режима «Чрезвычайной ситуации» и приказом начальства.

Вечером, когда после работы взбудораженные жуткими слухами горожане возвратились домой, неожиданно «проснулись» телевизоры. На экранах появился Соловьев. Лицо – необычайно серьезное. Он объявил о Переносе города неизвестно куда. Подождав немного, пока горожане опомнятся от невероятных известий, продолжил:

– Уважаемые горожане! В ночь Переноса один из аборигенов напал на пожилую жительницу города и тяжело ранил ее. Сейчас женщина лежит в реанимации. Так что за городской чертой цивилизация заканчивается, потому, что для местных мы скот, будущие рабы или отродья нечистой силы.

Речь идет о самом нашем существовании, и я выражаю уверенность, что в этих нелегких условиях горожане проявят сознательность и сплотятся вокруг администрации! Чтобы выжить надо работать, работать и еще раз работать! На долгие годы придется забыть о нормированном рабочем дне, отпусках и прочих благах двадцать первого века. А городской администрации придется принять множество непопулярных решений, но только они дадут шанс на выживание! Каждый из нас должен требовать от себя и других дисциплины, организованности, самоотверженности. Делать все, чтобы получить шанс занять в этом мире достойное место.

Он немного помолчал, словно вглядываясь в лица телезрителей, затем продолжил:

– Горожане, друзья, наша земля бедна ресурсами, но вокруг нас богатейший Урал. В его недрах скрыта вся таблица Менделеева, и только от нас, от наших рук и знаний зависит, сможем ли мы построить необходимые нам производства или проедем доставшиеся нам ресурсы и погибнем! Пока новые предприятия не построили, я призываю к всемерной экономии любых ресурсов. Каждый целлофановый пакет, металлическое изделие, одежда, да все вокруг нас не воспроизводимы в ближайшие годы и должны всячески сберегаться, а после использования идти на переработку. Вспомните о старинных вещах, оставшихся от бабушек и дедушек. Механическая мясорубка или швейная машина, даже простая авоська, теперь представляют огромную ценность.

Соловьев еще долго рассказывал о дальнейших планах администрации, с цифрами в руках объяснял использование городских запасов и многое другое. Реакция ошеломленных горожан варьировалась от полного отрицания до банальных истерик и инфарктов, так что диспетчер скорой помощи вечером принял небывалое количество вызовов.

– Я уверен, что все трудности мы преодолеем и победим! – сказал напоследок и пошли городские новости, крутившиеся вокруг факта Переноса.

День истек к концу и на город падали тьма и мрак – для луны не сезон. Улицы выглядели странными, чужими – уличные фонари не горели – в целях экономии приняли решение их не включать пока не наладятся стабильные поставки местного угля на ГРЭС. Изредка доносился гул моторов и мрак разгоняли фары автомобилей, спустя секунды все снова поглощала ночь.

В администрации по-прежнему горели окна. Сквозь зубы проклиная Соловьева, чиновники оставались на рабочих местах. Как уйдешь, когда градоначальник на работе и ясно дал понять, что кто не хочет работать МНОГО, будет уволен? Соловьев собирался домой, когда зазвенел телефон. Слегка заикаясь от волнения, начальник горотдела полиции сообщил, что, наконец, смогли найти человека, который разобрал речь пойманного аборигена. Помог старенький мулла, башкир по национальности. Оказалось, что город перенесся из 2011 года в прошлое на башкирские земли в южных предгорьях Урала в 1109 год по мусульманскому календарю или в 1689 год по-христианскому. В России царствовал, но не правил Петр первый, а главная в Кремле – Софья его сестра.

Старинный торговый и сельскохозяйственный городок, основанный на Южном Урале первыми русскими поселенцами, был почти ровесником эпохи, куда его перенесло – его основали в самом начале восемнадцатого века на старинном караванном пути из Средней Азии на

Урал. Веками город жил торговлей и сельским хозяйством, окружающие плодородные земли и умеренный климат давали возможность выращивать богатые урожаи пшеницы, разнообразные овощи и фрукты. В советское время металлообрабатывающие заводы, эвакуированные во время войны, стали основой его промышленности. Город, процветавший во времена СССР, после развала союза захирел, население уменьшилось с 80 тысяч человек до едва 70 тысяч. Заводы, силой вырванные из общесоюзных производственных цепочек, влачили жалкое существование. Вместо производства готовых изделий занимались ремонтом: моторный – двигателей, электротехнический – почти любых электротехнических изделий.

Следующим утром силовиков собрали, и командиры предложили выбор: продолжить службу или уйти на гражданку. Для лейтенанта Петелина выбор был без вариантов – служить дальше. Какая разница для любого, в ком бьется русское сердце, кому служить, России, Российской империи, СССР, Российской Федерации, городу – это одна и та же страна. Главное служить доблестно, так чтобы или грудь в крестах, или голова в кустах! В результате продолжили службу не все: десяток майоров и подполковников стали лишними, их безжалостно уволили на гражданку. Тех, кто успел набрать двадцать лет службы, досрочно отправили на пенсию.

Соловьев воспринял Перенос как вызов собственным способностям управленца и развел бурную деятельность, истово оправдывая кредит доверия горожан, стараясь делами доказать сомневающимся, прежде всего из городской верхушки, что он идеальный кризисного руководителя и обеспечит выживание города. В то же утро собрал в актовом зале подчиненных и «порадовал», что отныне рабочий день – десять часов, а выходные с отпусками временно отменяются. А кому не нравится, он никого не держит, но и всему городу вскоре предстоит работать в подобном режиме. Осмелившихся уйти нашлось всего несколько человек.

А Соловьев продолжил «ломать» город через колено. В магазинах «Охота и рыбалка» и оружейном все холодное и огнестрельное оружие конфисковали под расписку и вывезли на склады воинских частей. Другие посланцы администрации описали содержимое аптек и городского медицинского склада. Магазины, торговавшие компьютерной техникой и средствами малой механизации, опечатали до дальнейших распоряжений. Протестовавшим против самоуправства хозяевам магазинов не помогли ни грозные знакомства, ни бурные истерики: посланцы администрации были непреклонны, а Соловьев возмущенные звонки игнорировал.

Перед обедом состоялось внеочередное совещание городского Собрания. Соловьеву мобилизовал на него сторонников, а колеблющихся запугивал неизбежным, если не принять чрезвычайных мер, хаосом. Сам дважды обращался к депутатам с короткими, но эмоциональными речами. Он давил, давил и еще раз давил! Большинство депутатов когда-то состояло в КПСС, затем в многочисленных провластных партиях, но по-настоящему они не разделяли ничьих убеждений, зато были донельзя прагматичны, разделяя принцип: не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей.

Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей. Слова одного из лидеров Китайской Народной Республики Дэн Сяопина (1904—1997).

Предложенные мэром преобразования выглядели разумно, а он сам имел репутацию бескомпромиссного, но умелого управленца и после непродолжительного, но яростного спора с оппозицией Собрание приняло постановление:

«О сложившейся в городе экстраординарной и чрезвычайной ситуации»

В соответствии со ст. 2, 3 Конституции Российской Федерации, ст. 3 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», в связи

с сложившейся экстраординарной и чрезвычайной ситуацией в городе, связанной с переносом его территории в семнадцатый век, и в целях гарантирования прав, свобод и жизни жителей города

Собрание депутатов города РЕШАЕТ:

1. Возложить на Собрание депутатов функции высшего законодательного органа города.

2. Установить, что на территории города действует Конституция и законодательство Российской Федерации, в части не противоречащей нормативным актам города.

3. Утвердить Временное положение о Режиме чрезвычайного положения (Приложение 1).

4. Ввести на территории города Режим чрезвычайного положения с 21 апреля 1689 г.

5. Юридическому управлению администрации подготовить проект нового Устава города до 1 мая 1689 г.

6. Утвердить Положение о временных полномочиях администрации города (Приложение 2).

7. Утвердить Программу действий по промышленному и сельскохозяйственному развитию территории города (Приложение 3).

8. Настоящее решение вступает в силу с 21 апреля 1689 г.

Председатель Собрания В. К. Серебро

Собрание предоставило почти диктаторские полномочия мэру, утвердив его программу действий:

– Создание и оснащение крепкой армии, способной защитить город;

– Развитие сельского хозяйства: растениеводство, разведение птицы и свиноводство, самообеспечение города основными видами продовольствия;

– Разработка богатейших месторождений Урала и его окрестностей;

– Развитие промышленности до уровня, как минимум, середины 19 – начала 20 века, прежде всего военной промышленности и металлообработки;

– Создание черной и цветной металлургии, химической промышленности и фармакологии.

Структура управления города приняла следующую конфигурацию. Во главе исполнительной власти стоял мэр, полномочия которого существенно расширили, но власть его была далеко не диктаторской. Законодательную представляло Собрание депутатов города, а судебную – городской суд, руководствовавшийся решениями Собрания депутатов и российским законодательством в части, не противоречащей решениям законодательной власти.

Новой жертвой городской власти стали банки и федеральное казначейство. Их объединили в казначейство и подчинили заместителю градоначальника по финансам. Вечером она выступила по телевизору и объявила, что банкноты Российской Федерации продолжают использоваться до их обветшания и замены металлическими монетами и банкнотами, которые планировало выпускать городское казначейство.

Еще одним решением Собрание депутатов подчинило администрации предприятия, хозяева которых оказались за пределами города. А чтобы не терять времени на сборы руководителей, решение спешно размножили и заверенную копию развезли по предприятиям.

Директорский корпус воспринял решение о переподчинении администрации с явным энтузиазмом – при всех печальных последствиях Переноса, он давал шанс на возрождение заводов. Их устаревший для двадцать первого века станочный парк и оснащение для семнадцатого были невероятным хай-тэком. Моторный и электротехнический заводы, железнодорожные мастерские и вспомогательные цеха электростанции делали стартовые позиции города в металлообработке крепкими, а молокозавод вкупе с хлебокомбинатом и мясоконсервным комбинатом позволяли наладить переработку сельскохозяйственной продукции. Плохо обсто-

яло дело с легкой промышленностью – всего несколько частных цехов по изготовлению мебели и небольшая швейная фабрика. Так что, несмотря на разрыв технологических связей, а производство сложного изделия требует сотен и тысяч поставщиков, у города были все шансы наладить расширенное производство всего необходимого для армии, промышленности и тысяч мелочей, необходимых для нормальной жизни горожанина двадцать первого века.

На электростанцию – градообразующее для города предприятие, Соловьев приехал лично. Догорал багровый закат, когда служебный мерседес мэра остановился у металлических ворот предприятия. С директором станции, одним из самых влиятельных людей в городе, у Соловьева сложились «сложные» отношения. До Переноса тот стал спонсором каждой местной фронды и сыграл немалую роль в первом отстранении Соловьева от власти, а на память Виктор Александрович никогда не жаловался. В тоже время тот слишком влиятелен, чтобы не обращать на него внимания. Кроме колоссальных денег, директор опирался на многотысячный коллектив, возможность шантажа неподачей тепла и электроэнергии в город и собственный силовой ресурс – вооруженную охрану. Так что фигура очень серьезная.

Директор без проволочек принял Соловьева в кабинете, даже более роскошном, чем у Соловьева. Разговор произошел откровенный и жесткий. Пришлось подробно раскрыть план переустройство жизни города и дать гарантии от преследования политических противников. Благоразумие взяло вверх – бунт на тонущем корабле опасен для всей команды: от капитана до последнего матроса. После некоторых колебаний директор принял условия администрации – фактическую национализацию ГРЭС при условии, что он по-прежнему ей руководит. Пожав друг-другу руки и, тем скрепив вынужденный союз, они перешли в зону отдыха. Высокая, блондинистая секретарша расторопно накрыла богатый и даже изысканный стол и удалилась, одарив на прощание слащавой улыбкой. Усадив дорогого гостя в кресло, хозяин кабинета рассыпался в комплиментах и в уверениях, что станция полностью подчиняется администрации. Незримые подкованные игрища имеют неписанные, но от этого не менее незыблемые правила, поэтому Соловьев внешне вполне благосклонно принимал эти заверения, и только торжествующе блестящие глаза выдавали подлинные эмоции. Согласие одного из руководителей городской фронды было знаковым сигналом, означавшим безоговорочное поражение противников.

Из всех директоров один руководитель мясокомбината, точнее оставшегося после всех обрезаний и сокращений 90-х годов небольшого огрызка в виде мясоконсервного цеха, отказался подчиниться и нагло расхохотался в лицо посланцу администрации. «Варяг», недавно приехавший в город, не представлял местные властные расклады и привык во всем полагаться на покровительство оставшихся в двадцать первом веке реальных хозяев производства из Москвы. Мелкий чиновник администрации посмотрел на директора взглядом, каким смотрят на обделавшегося несмышленища и, саркастически ухмыльнувшись, вышел из кабинета. Не успел победитель насладиться триумфом, как дверь с грохотом врезалась о стену. Два полицейских заскочили к директору. Послышались возмущенные крики, мат. Секретарша вскочила с кресла. При виде выволакиваемого под руки директора, с руками, скованными наручниками, громко ойкнула, но, наткнувшись на многообещающий взгляд одного из полицейских, искусно изобразила обморок. Полицейские вытащили на улицу ошарашенного директора и затолкали в патрульную машину. Вечером бедолагу выпустили из КПЗ, но в его кресле уже сидел бывший заместитель, оказавшийся более понятливым. В тот же день на освободившуюся должность его назначил градоначальник.

На следующее утро в актовом зале здания администрации едва хватило мест. Собрался актив города: мэр, финансово-экономическое и торгово-промышленное управления администрации, директора предприятий и частные предприниматели, активисты и заслуженные горожане. Первым к трибуне вышел градоначальник. Говорил перед непривычно притихшей аудиторией спокойно, по-деловому и ставил первоочередные задачи в области экономики. Прежде всего наладить производство огнестрельного оружия, как стрелкового, так и тяжелого, создать

металлургию, как черную, так и цветную. В области химической промышленности – производство серной и азотной кислоты, соды и целого ряда других веществ. Наладить изготовление бумаги и множества необходимых современному человеку мелочей, начиная от ниток и мыла, заканчивая увеличением производством мебели. Провести обновление станочного парка и начать производство простейших, похожих на модели 20-х годов прошлого века, автомобилей и тракторов.

После него к трибуне вышел руководитель торгово-промышленного управления, затем директорам выдали утвержденные мэром задания по выпуску продукции и налаживанию новых производств. После этого их отпустили, а частные предприниматели остались. После недолгих споров бизнесмены определились, кто и что будет выпускать и получили одобрение от главы торгово-промышленного управления.

Жизнь горожан в первые дни после Переноса разительно изменилась, но население восприняло это довольно спокойно. Люди понимали, что перемены неизбежны и, даже необходимы. Только кучка вечно недовольных злобно пророчествовала наступление «сталинских» времен. Помимо отсутствия в жилых районах с вечера до шести утра электричества, что приводило в неистовый гнев любителей «ночной» жизни, с улиц исчезли легковые автомобили – без горючего не поедешь, зато появилось множество велосипедов. Даже грузовые появлялись на улицах гораздо реже, зато вооруженные патрули военных и полиции круглосуточно попадались на каждом шагу. В продовольственных магазинах и киосках ассортимент стал неизмеримо беднее. С прилавков исчезли консервы и другие продукты длительного хранения, что напомнило привыкшим к рыночному изобилию пенсионерам времена конца восьмидесятых. Частники, воспользовавшись моментом, попытались взвинтить цены до небес, но тут же нарвались на дикие по размерам штрафы, оперативно накладываемые полицией. Цифры на ценниках моментально вернулись к прежним значениям. Хуже стало с «культурной» жизнью. Вещавшее с утра и до отключения электроэнергии городское телевидение гнало вперемешку российские и зарубежные кинофильмы, изредка записи концертов и музыкальных клипов, а вечером городские программы. Но все это не могло заменить избалованным горожанам привычное информационное изобилие. Интернет отсутствовал и привыкшая к нему молодежь не понимала, куда себя девать в свободное время. Работавшие в обычном режиме Дома культуры и, единственный кинотеатр города были слабой заменой всемирной сети.

Что горожане безусловно одобряли, так это исчезновение с улиц безработных, тунеядцев и бомжей – их добровольно-принудительно направили на муниципальные работы. Кто шел сам, кто по направлению городского центра занятости, а кого и принудительно доставляли полицейские. Бывшие безработные строили линию обороны по периметру города: вслед за экскаваторами, копающими ров в человеческий рост, по весенней грязи шли землекопы. Лопатами и ручными трамбовками ровняли и укрепляли с внутренней стороны рва трехметровый вал; сооружали бетонные блокпосты на городских окраинах. Оставшиеся работники разбирали ставшие ненужными железнодорожные пути.

Подоспели сообщения о результатах облетов окрестностей города по максимальному для вертолета радиусу. Вокруг немногочисленные стойбища кочевников да деревянные крепостицы местных князьков и никаких признаков человечества двадцать первого века. Ближайшие укрепления русских – в сотне километров ближе к полярному Уралу. А основные поселения дальше, около Камы. Там же находилась резиденция знаменитого купеческого рода Строгановых, почти самовластных владык русского Урала. Ничего не дало и недельное прослушивание эфира мощными радиостанциями городского радиоузла и военных: один треск атмосферного электричества. Стало окончательно понятно, что попаданцы попали из двадцать первого века в прошлое, одни.

И в центре всех этих изменений, словно паук посредине паутины, замер Соловьев. Он был в великолепном расположении духа, намеченные планы выполнялись и, если бы не упрям-

ство районной администрации, был бы почти счастлив. На предложение объединить с городом остатки района, глава районной администрации ответил категорическим отказом. И сельские депутаты, и их руководитель понимали, что гайки будут закручиваться с еще большим усердием, чем в первое пришествие Соловьева во власть. Да и становиться из влиятельных чиновников рядовыми гражданами они не хотели. Даже отсутствие силового ресурса – районный отдел полиции предпочел подчиниться городу, не помогло убедить несговорчивых районников.

Прошло несколько дней, и люди – такова уж их природа, понемногу привыкли к мысли, что город перенесся в далекое прошлое. Наверное, нет таких испытаний, которые не выдержал бы русский человек, наверное, и в аду со временем попривык и обжился.

Алексей Семенович или, как его звали приятели и заслужившие его уважения коллеги из районной полиции, Семеныч, натянул на тощие ноги старые спортивные и осторожно прокрался мимо дивана, на котором спала жена. Хищные ноздри раздувались в могучем, в пору мужику, храпе. В такт могучим звукам на голове качались желтые бигуди. «Везет, выходной, а тут ни свет, ни заря тащись на службу».

На кухне поверх сверкающей молочной белизной газовой плиты, недавно купленной по настоянию супруги в кредит, «красовалась» пошарпанная, приобретенная как-то по случаю двухкомфорочная электроплитка. Семеныч включил электрическую конфорку, выставил нагрев на шестерку. Досадливо покосился на дорогую покупку, ставшую на кухне лишним предметом мебели – газовая система третий день как пустовала и, похоже, что в ближайшем будущем газ так и не появится. Чугунная сковородка легла конфорку. Придется ждать: пока старая плита накалится, времени пройдет уйма. Сокрушенно вздохнув, пошарил в холодильнике и ахнул. Да что это творится? Нет бутылки! От чертова баба, знала же, что утром понадобиться опохмелиться!

Выпить Алексей Семенович любил и даже подводил под это философскую основу. Утверждал, что окружающая действительность мерзка и глядеть на нее нормальному человеку, тем более сотруднику полиции, трезвым взором совершенно невозможно. И что только принятые, но строго после работы или до – это принципиально, сто грамм дают ему силы жить в мире, где господствует несправедливость, задержки в присвоении заслуженных потом и кровью званий и живут разнообразные злодеи.

Спустя полчаса вышел из дома. На подъездной двери, посреди вздувшийся и облупившейся коричневой краски, которой когда-то покрасили дверь, белел бумажный лист с напечатанным ярко-алыми буквами объявлением. «Уважаемые жильцы! Просим до двадцать пятого апреля получить в ЖЭКе по адресу: ул. Ленина 25 продовольственные талоны на семью. Для получения талонов иметь с собой паспорт. Внимание! По распоряжению администрации города продажа продовольствия без талонов с двадцать восьмого апреля проводиться не будет!» «Так – Семеныч произвольно вздохнул, – дожились, снова талоны, как в конце 80-х». Разумом понимал, что в их положении это неизбежно, но сама мысль о талонах, которые ассоциировались у него с бедностью и безденежьем, претила. Еще раз внимательно перечитал объявление и покачал головой. «Надо не забыть позвонить клуше, когда проснется. Пусть сходит, получит талоны, где лежат паспорта она знает. А то останемся на бобах. С тем дурдомом, который сейчас в отделе, еще не известно, когда вернусь с работы». Алексей Семенович почти двадцать лет отдал службе в районной полиции, из них восемь участковым уполномоченным, так что о порядках в родном ведомстве знал все или почти все.

Стояло прекрасное весеннее утро, один из тех дней, когда хорошая погода установилась надолго. Огненный шар солнца невысоко поднялся над горизонтом, но уже жарило совсем не по-апрельски. Весело бежали по асфальту бурливые, коричневые, сверкающие ручейки. В тени многоэтажек, рядом с пробивающимися сквозь землю сочно-зелеными ростками, еще

скрывались, потихоньку истекая водой, покрытые грязью и мусором сугробы. Сырой ветер без устали размахивал по-весеннему голыми ветвями деревьев, дышал терпким запахом сырых ветвей, перегнивших листьев и весны. Улицы пустынные, только кое-где торопятся озабоченные прохожие, да вдаль промелькнул полицейский патруль с автоматами. До отдела идти всего минут двадцать, так что Семеныч не стал дожидаться автобуса. Тем более, что по нынешним временам отсутствия в продаже горючего, городские автобусы ходили по маршрутам гораздо реже и набитые людьми словно селедками в бочке. Удовольствие ниже среднего.

Через пять минут Семеныч неторопливо – время позволяло, свернул на малолюдную в утреннее время улицу Советскую, славную старинными купеческими домами. Мимо проплыл знаменитый дом Васильева. Ходили легенды что лицо сфинкса, украшающее стену над центральным входом, имело портретное сходство с лицом первого хозяина дома, но Семеныч не верил в легенды.

Навстречу попался мужик с помятым лицом – сразу видно с ночной смены, дымил сигареткой. От этого зрелища рот заполнился тягучей слюной и непреодолимо захотелось курить. Пошарил в карманах, пачка «Winston», словно на зло, пустая. Семеныч невольно оглянулся. Предвидя дефицит табака, он приобрел у знакомых торговцев стратегический запас курева. Он даже остановился, но потом решительно махнул рукой. Не возвращаться же домой из-за сигарет! Впереди, у перекрестка, стояла бледно-зеленая коробка киоска. С его хозяевами он был шапочно знаком – пересекался пару раз в гостях. К нему он и направился.

Неприятно поразил убогий, по сравнению с временами до Переноса, набор товаров: несколько разновидностей полулитровок газированной воды, печенье, конфеты, немного сигарет и все. Миловидная женщина с короткими прядями волос цвета созревшей пшеницы высунулась из узкого окошка.

– Здрасте, чем могу помочь? – осведомилась профессионально-приветливо.

Семеныч, наконец, вспомнил имя хозяйки. Белозубо улыбнулся:

– Здравствуйте, Танюша, Winston есть?

Печальные и умные глаза женщины несколько секунд озадаченно вглядывались в физиономию посетителя, потом лицо расцвело в дружелюбной улыбке. Вспомнила, где видела покупателя:

– Здравствуйте, Алексей! – повернулась к небогатому набору товаров, потом соболезнующее развела руками. – К сожалению, Winston кончился.

– А чего так, Танюша, полки совсем пустые?

Хозяйка ларька неопределенно пожала плечами:

– Оптовки порожние, везти совсем нечего и на базе выдают совсем по чуть-чуть.

– Да-а... такие дела. Жаль, буду искать, – Семеныч вздохнул.

– До свидания, – хозяйка исчезла внутри ларька.

Привык Семеныч к своим сигаретам, и переходить на другое курево не хотелось. Посмотрел на часы – время поджимало. «Ладно, глядишь, и найду где-нибудь по дороге».

Еще спустя час он сидел за рулем полицейской машины. За окном безмолвными серыми пятнами пролетали пятиэтажки, на обочинах стояли никому не нужные без масел и высокооктанового горючего импортные легковушки, пролетели колонны Дома Культуры – похожего, словно клон, на десятки собратьев в маленьких городках покинутого двадцать первого столетия.

Курить хотелось так, что скулы сводило. По дороге несколько раз останавливал знакомых полицейских из горотдела, благо, патрули встречались на каждом шагу, но, как назло, «Winston» ни у кого не оказалось. «Ладно, стрельну хоть что-нибудь на выезде из города, на пропускном пункте».

Пронзительно заскрипели тормоза, патрульная машина остановилась у сверкающих сталью ворот, в два человеческих роста, на выезде из города. Справа и слева змеился, скрываясь

вдалеке, высокий земляной вал с рвом. Чуть в стороне от дороги стоял бетонный блокпост, высотой с двухэтажный дом; темнели провалы узких бойниц, с угрозой смотревших на степь. Открылась дверь, неторопливо вышли двое с автоматами на плече. Один, в привычной полицейской форме, хозяйской походкой подошел к машине и потребовал документы. Его Семеныч не знал, видимо, из новеньких. Второй, в армейском камуфляже, остановился немного поодаль, контролируя действия водителя.

Семеныч предъявил пропуск на выезд, физиономия полицейского поскущела. Поинтересовался, не на участок ли он едет и, получив утвердительный ответ, повернулся к блокпосту. Махнул рукой кому-то невидимому, дескать, открывайте ворота.

Курить хотелось так, что Семеныч согласен был даже на самосад. Не успели полицейский отойти, как прокричал в открытую дверь:

– Такие дела, браток, куревом не богат, а то забыл дома?

Полицейский остановился, дернул уголком рта. Из кармана форменных штанов появилась пачка, в которой сиротливо лежали несколько мятых сигарет. Не «Winston». Но хоть что-то!

Сглотнув горькую слюну.

– Возьму парочку?

Тот все также безмолвно кивнул, спрятав пачку назад, направился в блокпост.

– Спасибо! – бросил Семеныч вслед.

В Малаховке и Новобуженке, ближайших деревнях участка, обстановка нормальная, насколько это возможно после Переноса в прошлое. Электричества нет, но его обещали в ближайшие дни подать. К Селинной, очередному пункту маршрута, поехал ближе к обеду, планируя там и перекусить у бабы Маши. На заднем сидении лежала сумка с продуктами – загодя купил, чтобы не сидеть на шее у старушки.

Погода менялась. Пол неба закрыли зловещие космы черных облаков, но солнце еще светило и в этом смещении света и наползающей тьмы было что-то зловещее.

С шоссе в деревню вел грунтовый съезд. Тянулись тоскливые, с остатками грязных сугробов, поля, деревья в крохотных рощицах бестолково размахивали на ветру потемневшими от весенней влаги ветками. Маленькая, дворов на тридцать, умирающая деревушка пряталась за вереницей небольших холмов, из-за этого мобильная связь там и до Переноса была неустойчивой.

Деревня возникла внезапно. Чернели старые и обширные сады на окраине, давным-давно заросшие бурьяном и неухоженные, но, достаточно живописные, чтобы своим картинным запустением освежать вымирающую деревню. Потянулись деревянные домишки: мертво застыли в брошенных избах окна в грязных подтеках, калитки распахнуты настежь; заборы покосились, почернели амбары и навесы. Чувствовалось, что давно они не видели хозяйской руки. Только в центре несколько обитаемых изб. Население деревни: в основном старики и старухи по вечерам собирались там, разговаривали – о жизни, о том, что уже прошло и, о том, что будет. Лишь летом деревня была полна жизни – возились с ребятишками, их привозили уехавшие в города дети.

Разбрызгивая уличную грязь машина проехала вдоль потемневшего от непогоды деревянного забора и остановилась, разбрызгав дорожную грязь, у покосившейся калитки. Дальше серела ветхая изба, ремонт ей не помешал бы еще лет десять тому назад. Жила там, а точнее доживала век в бедности и одиночестве старуха – баба Маша. Несмотря на все выпавшие на ее долю невзгоды, она была гостеприимна и рада любому. Участковый частенько заходил к словоохотливой старушке поболтать за жизнь и узнать немудреные деревенские новости.

Семеныч осмотрелся. Никого. «А где люди? Да что у них случилось?» – подумал с недоумением и тревогой. Жизнь в глухой деревне скупа на события, поэтому деревенские не могли не заинтересоваться появлением посторонней машины. Неожиданно, здоровенный, откорм-

ленный ворон, черный, как безлунная ночь, взвился в небо, поджав ноги, закружил над двором, словно над падалью. Полицейский вылез из машины, хлопнула дверь, неуклюже забросил на плечо непривычный груз: автомат. Хрипкое карканье и больше ни единого звука, только ветер зловеще шуршал ветками деревьев. От мрачной картины стало как-то не по себе.

Калитка была не заперта. Толкнул, шагнул внутрь и замер.

В паре шагов от приоткрытой двери избы, в наполовину впитавшейся в землю алой луже лежал исклеванный воронами труп полугодовой дворняжки. Страшной силы удар почти напололам перерубил хребет несчастного любимчика бабы Маши, бесстыдно обнажив снежную белизну ребер и красноту мышц. На краю лужи впечатался в землю отпечаток обуви, алый след вел к двери. Изба всматривалась в мир черными окнами-провалами.

Холодок страха мягкими заячьими лапками пробежался вдоль спины.

Кто убил пса? Какие-то отморозки или может сбежавший зэк отметился? Или... кто? Мысли с бешеной скоростью сменяли друг дружку.

И что с бабой Машей?

Ноги стали ватными, словно к ним привесили пудовые гири.

Автомат, словно живой, слетел с плеча. Полицейский судорожно сглотнул и огляделся.

Густые кусты у забора подозрительно зашуршали. И оттуда словно кто-то посмотрел в спину голодным взглядом.

Резко повернулся. Несколько секунд всматривался, затаив дыхание.

Никого... Показалось. Воздух судорожно вышел из груди.

Почудилось, что за дверью поджидает что-то жуткое. Семеныч судорожно сглотнул горькую слюну. Трусом он не был – в Афгане, да и на службе повидал многое, но резкий переход от спокойной жизни к чертовщине мог вывести из себя кого угодно.

Ветер хлестанул с размаху, дверь пронзительно закричала несмазанными петлями, распахнулась настежь. Внутри избы все терялось в зыбкой тьме.

Семеныч вздрогнул и с силой обхватил цевье автомата. Это помогло собраться с силами, глаза превратились в узкие щелочки, в которых пылали страх и решимость.

Он наклонился и внимательно осмотрел труп несчастного кабыздоха. В раскрытой пасти сверкали клыки, словно тот до конца исполнял долг защитника. Потом Семеныча заинтересовал след в кровавой луже: с широким носком, какие не встречаются у современной обуви. «Аборигены отметились?» – мысль опалила.

Идти в избу отчаянно не хотелось, но выяснить, что произошло, его долг! Несколько мгновений собирался с духом. Осторожно ступая, обошел по широкой дуге кровавую лужу с трупом щенка и подошел к двери. Заглянул в полутьму. Белел раскрытый шкаф с пустыми полками; валялась перевернутая самодельная табуретка, на полу горка снежно-белого порошка и густой запах скотобойни, словно некто неведомый занимался разделкой туш. Семеныч сморщился.

– Есть кто? – спросил негромко. Нет ответа, злобные вороньи крики с неба, – Эй, хозяйка, это я – участковый уполномоченный капитан Пахомов! – хрипло крикнул в полутьму. Гробовая тишина в ответ.

Постоял, оглядываясь по сторонам. Сейчас он вновь мальчишка, бегущий осенним утром на уроки. Безлюдная улочка темна, где-то в густой, угольной тени прячутся злобные монстры и кто-то на мягких лапах крадется следом...

Пробормотав матерно под нос, зашел в зловещую полутьму избы. Запах скотобойни усилился. Дальше, вглубь, вела цепочка смазанных кровавых следов. Амбре стояло такое, что слезы невольно выступили на глазах.

Под аккомпанемент скрипучих досок осторожно переступил порог кухни.

И остолбенел. То, что лежало на полу: пестрое, мокрое и красное было столь неестественным, что не сразу понял, что это.

У противоположной стены, на скомканном, измазанном алым самотканом половичке, лежала в позе эмбриона баба Маша. Скрюченные в судороге высохшие старушечьи пальцы вцепились в материю, будто сгребая его. Застиранный халатик бесстыдно распахнут; страшная, рваная рана над выцветшими панталонами, вскрыла живот, из него, отливая нежно-розовым и голубым, вылез спутанный и склизкий клубок змей; жирные навозные мухи, жужжа, вились над ним. Разум отказывался понять, что это. Спустя миг осознал, что на полу человеческие кишки. Мертвые глаза с алебастрового, словно у статуи, лица пристально смотрели в живого, будто спрашивая: ну что же ты милоч, не уберег меня?

Семеныч похолодел, попятился, запнулся о порог, дико вскрикнув, падая на пол и не отводя дикого взгляда от ужасной картины. «Вот откуда запах...» Спазм сжал горло словно волосяным арканом, не пропуская ни звука.

Выскочил во двор. Завтрак стремительно поднялся к горлу, несколько секунд, тяжело дыша, пытался совладать с рвотным инстинктом, пока позывы не прекратились. Ему не раз приходилось видеть погибших, в том числе от огнестрельного оружия, но такое зверство видел впервые...

– Пей чайку, милоч, пей. В город за ним ездила, лучший купила. Со слоником, индийский!» – в памяти всплыл надтреснутый голос говорливой старушки. Пухлое, круглое и немного курносое лицо ее было большого, темно-желтого цвета, но бодрое и даже насмешливое, взгляд выцветших глаз живой, не старый.

Стояла осень. Раннее, тихое утро. Сад, уже подсохший, весь золотой. Они с бабой Машей чаевничали за столом во дворе.

Старушка подлила из фарфорового чайника с советским гербом на боку, им она гордилась – сам председатель колхоза им премировал, заварку в стакан Семенычу и подвинула тарелку с городскими пряниками – его вклад в чаепитие.

– Как же ты одна то здесь? А, баб Маша?

Старушка опустила бороду на сухенький кулачек поднятой руки и немного болезненно улыбнулась.

– Ничо, ничо, милоч, мы еще повоюем! Нас просто так со свету не сживешь!

Единственная дочь бабы Маши в молодости погибла в дорожно-транспортном происшествии. С тех пор женщина жила одна, но оптимизма не теряла...

– Твою мать... Суки! – прошептал полицейский в пустоту, судорожно сжимая в руках автомат, – вы за это заплатите!

Рука нырнула в карман и вытащила телефон, но на экране значок: отсутствие связи. Остервенело матюгнувшись, полицейский запоздало передернул затвор автомата и вновь нырнул в черный провал дверей.

Участковый обошел всю деревню. Всюду одно и то же: следы торопливого, но тщательного грабежа, при этом бандиты вели себя странно. Телевизоры, компьютеры не тронули, зато исчезла вся посуда, инструмент, ткани, любая, даже самая изношенная, одежда и продукты питания. Везде окровавленные трупы стариков, ни одного моложе шестидесяти, характерные следы странных сапог, а на земле четкие отпечатки конских копыт.

Семеныч сел в машину, прикрыв веки, откинулся на спинку кресла. Спустя минуту глаза открылись, в них кипел гнев, губы сжаты в тонкую, словно рубленную топором, линию.

«Такие дела... Девять человек! За что убили, за еду и старую одежду? Суки! Подождите, это вам так не пройдет!» Семеныч рванул ворот форменной рубахи и вновь матерно выругался. Это помогло собраться, белугой взвыл мотор, машина, подпрыгивая на ухабах и разбрызгивая грязные лужи, помчалась по грунтовке. Несколько минут, и машина взлетела на невысокий холм, остановилась, порывивая мотором. Значок на экране мобильного телефона показал – связь есть. Торопливо отстукал по клавишам номер дежурного РОВД, в трубке раздался зна-

комый голос. Семеныч разлепил искривленные судорогой губы, из глотки вырвался яростный крик:

– Говорит капитан Пахомов. У нас чрезвычайная ситуация!

«А вы, придурки, сопротивлялись! Деревне без города не выжить и, значит, это подтолкнет районную администрацию на объединение. Цинично? Не важно. Зато рационально!» Телефон аккуратно лег на столешницу, Соловьев откинулся в кресле. Он предусмотрел все, в городе безопасно, свет и цивилизация. Он воистину крут! От этих мыслей было хорошо на душе.

Рывком поднялся с кресла, стремительно подошел к открытому окну. Свежий весенний ветер охладил пылающую кожу лица. Разгар рабочего дня, перед администрацией никого, только на противоположном конце площади, у здания бывшего горкома, брела, опираясь на клюку, согнутая старушка. «Интересно, когда я увижу представителей района? Вряд ли придется дожидаться долго, они, несомненно, в курсе событий в Селинном».

Триумфальным маршем зазвенел рингтон на мобильнике, лежащем на столе.

Вернулся на место. Бескровные губы раздвинулись в победной полуулыбке. Так и есть, звонок от главы администрации района. «Я все заранее правильно рассчитал, да я гений!»

Солнце основательно перевалило через полдень, когда погода стремительно поменялась к худшему и оставалось только гадать – случайность это или такие резкие смены присущи Южному Уралу семнадцатого века? Природа единым махом перескочила из конца апреля в начало, и зазеленевшая старая и лезущая иглами молодая трава, крупно пожалели о торопливости. Завыл в проводах холодный северный ветер и принес последний привет зимы: холод и острый аромат влажной земли; хмурое, набрякшее небо готово заплакать холодным дождем. Температура упала, едва два-три градуса тепла.

На плацу никого. Только в курилке у входа в красно-серую коробку двухэтажной казармы ежились от пронизывающего ветра табачные маньяки. После обеда солдаты ушли в казарму, а до развода осталось минут пятнадцать. Александр, в прекрасном расположении духа шел из столовой в казарму.

На территории города дислоцировалось несколько кадрированных воинских частей – в этом ему повезло. Плохо было то, что все они были тыловые, а вертолетный отряд вообще относился к МЧС а городу нужны были боевые подразделения. Ремонтную базу объединили с радиолокационным батальоном. Получившегося мутанта пополнили людьми из вертолетного отряда и назвали мотострелковым батальоном. С оснащением было плохо – вооружение ограничивалось легким стрелковым и только в бывшей роте охраны вертолетчиков хранилось несколько пулеметов РПК. Зато повезло в том, что в боксах бывшей рембазы ждали ремонта сорок БТР-70. Почти все было возможно ввести в строй, беда в том, что в город техника прибывала без оружия.

По планам почти триста солдат и офицеров, вооруженных современными российскими автоматами и снятыми с хранения бронетранспортерами, должны составить ударный кулак вооруженных сил города.

Александр как служил командиром взвода – маломерки из десяти человек, так им и остался. Вот только тихие времена закончились, и дел, как говорил в известном боевике одесский милиционер Давид Гоцман, стало за гланды. Размещать пополнение, снимать с консервации бронетранспортеры и ставить на хранение технику локаторщиков, готовить из связистов и ремонтников мотострелков, все это отнимало уйму времени.

Время с утра до поздней ночи заполнили занятия по тактике, стрелковому делу и другим необходимым для выживания и победы предметам. Этакий ускоренный курс молодого бойца-пехотинца. И вели его пенсионеры – ветераны боевых действий, исповедовавшие суворовский принцип: тяжело в учение, легко в бою. Их, по распоряжению мэрии временно прикрепили к

батальону. Занятия ветераны вели без всяких скидок на возраст, звание и авторитеты. Александр и побегал с солдатами и пострелял, хотя и немного, патроны берегли, и вспомнил курсантские лекции по тактике. Так что, когда возвращался домой, стояла ночь. Терять время на готовку еды и дорогу не хотелось, поэтому последние дни он, как правило, кушал в части с солдатами. На незатейливый вкус вчерашнего курсанта там готовили вполне аппетитно и главное порции большие.

БТР-70 – советский бронетранспортёр – боевая колёсная плавающая бронемашина, предназначенная для транспортировки личного состава мотострелковых подразделений и их огневой поддержки, в том числе и в условиях применения оружия массового поражения.

Александр зашел в казарму, когда в кармане бушлата забился мобильный телефон. «Кто это? – губы расплылись в невольной улыбке – Оленька?» Первый раз он влюбился в шестнадцать в девочку на год старше. Младшеклассник показался амбициозной девице неинтересным и финал так и не начавшегося романа для Александра был печален. Чувства грубо отвергли, он долго страдал и только после военного ВУЗа влюбился во второй раз и «крышу» от страсти сорвало напрочь.

В девятнадцать часов он сменится и уйдет после суточного дежурства отдыхать. Поэтому утром позвонил Оле и договорился вечером встретиться и погулять по городскому парку. Александр вытащил телефон, на экране высветился номер дежурного по штабу. Молодой офицер разочарованно и с невольной тревогой вздохнул. Не дай бог снова свидание сорвется, Оля не простит!

– Слушаю, лейтенант Петелин, – представился по-уставному.

– Тащ. лейтенант, младший сержант Рудской, дежурный по штабу! – до противности бодро сказал срочник, – Вас вызывает командир базы! Срочно.

На миг сержант запнулся, сообразив, что сморозил глупость и немедленно зачастил дальше:

– Ой! Извините, не привык еще, что теперь мы батальон!

– Ничего страшного... – настроение стремительно портилось. Похоже, его ждал большой облом со свиданием, но тень надежды, что все как-то обойдется, еще оставалась. Помолчал, собираясь с мыслями, потом поинтересовался, – не знаешь, зачем вызывают?

– Нет, тащ. лейтенант!

В здании штаба пустынно, сквозь окна на свежепомытый пол падали квадратные пятна света. Вот и черная, дерматиновая дверь с табличкой «подполковник Изюмов С. В». Александр постучал негромко и отворил.

В глубине кабинета, за массивным столом, сидел командир батальона: густобровый, плечистый мужчина за сорок, с офицерской выправкой и могучими волосатыми руками. Густо плыл плотный, хоть топор вешай, сигаретный дым. Справа – серый квадрат сейфа. На стене позади офицера живой насмешкой над незадачливыми попаданцами висел портрет Президента России. На расстегнутом кителе Изюмова с противоположной стороны от медальной планки серебрился крестик ордена мужества, полученный за Чечню. Репутацией комбат пользовался строгого, который, как говорили в одном фильме, мехом наружу вывернуть может, но справедливому начальнику. Что называется, слуга царю, отец солдатам. Так что хотя академию не заканчивал, но звание подполковника выслужил честно.

– Разрешите?

Подполковник поднял голову и затушил сигарету о хрустальную пепельницу, полную окурков, махнул пару раз ладонью над столом, разгоняя вонючий дым.

– Заходи, лейтенант! – сказал густым басом, так подходящим мощной фигуре.

Александр остановился, не доходя пары шагов до стола.

– Товарищ подполковник! Лейтенант Петелин по вашему приказанию прибыл.

Командир не стал разводить долгих прелюдий, человек он был прямой, да и армейские порядки их не предполагают.

– Лейтенант, твой взвод сегодня – дежурная тревожная группа?

– Так точно, – ответил, напрягаясь, Александр, шансы на реализацию вечерних планов стремительно таяли.

– Значит, ехать тебе! Ориентирую. Напали на деревню Селинную, много погибших, часть населения исчезла. Следы ведут за границу зоны Переноса. Похоже, это местные. Полиция попросила помощи броней и бойцами.

Подполковник оценивающе посмотрел на подчиненного, на лице Александра мелькнула тень растерянности, Изюмов это заметил и едва заметно нахмурился.

Задание давало долгожданный шанс отличиться, но как же свидание? Оля убьет! Вчера с трудом уломал начавшую злиться на то, что ее парень вечно пропадает на службе, Ольгу на встрече. Такую подставу не простит!

– Значит так! Берешь свой взвод, в оружейке получишь автоматы и по четыре снаряженных магазина, бронники возьмите. На складе – сухпай на сутки, аптечки и перевязочные пакеты. В парке вас ждет «парадный» БТР, водитель мой. Выдвигаетесь к зданию райотдела полиции, там поступаете в распоряжение капитана Сеницына. Старший группы – майор Воробьев. Порядок связи, радиостанции – все у него. Задача сопроводить полицейских. При угрозе жизни применять оружие на поражение, но патроны экономить. В белый свет, как в копеечку, не стрелять! Вопросы есть? Вопросов нет!

– Никак нет! Есть вопрос... – Александр стиснул губы в злую, тонкую ниточку. Как назло, на ум стоящей причины «отмазаться» не приходило.

– Ишь ты. А какой вопрос? – буркнул командир с раздраженным интересом и положил сложенные «домиком» руки на столешницу.

Неловко переступив с ноги на ногу Александр, решил. Хитрить, врать показалось унижительным.

– Товарищ полковник! Не могу я сегодня, просто не могу... Встреча у меня важная и отменить не могу.

– С кем?

Александр упрямо сжал губы в тонкую ниточку.

– Повторяю вопрос, – Изюмов произнес с нажимом, – с кем такая важная встреча, что ты «не можешь» выполнить приказ?

Александр вздохнул тяжело, словно бросаясь головой в омут.

– С невестой...

– С невестой... – повторил Изюмов и неопределенно хмыкнул, причину он не одобрял, но понимал. Сам был молодой.

Не отпустит, понял лейтенант.

– Сейчас, лейтенант, считай, военное время, – вкрадчиво прозвучал начальственный голос, подтверждая правоту последней мысли Александра. С каждым словом голос Изюмова звучал сильнее, пока не зазвенел командирским рыком, – На раз за невыполнение приказа отправишься на гауптвахту, а потом под трибунал! Выполнять! Распустились тут! Надо же, не могу я. Мальчишка...

Александр сильнее сжал губы, против лома нет приема!

– Лейтенант, кру-гом! – в голосе звенела сталь.

Молодой офицер четко, как на плацу, повернулся.

– Бегом! – руки Александра согнулись в локтях. Скулы закаменели, Он ненавидел себя в этот миг, но не мог поступить по-другому. Слишком хорошо «вдолбили» в него воинскую дисциплину, – отставить! Кругом!

Командир крутанулся на кресле к металлическому сейфу и вытащил лист бумаги с печатью. Протянув Александру, буркнул намного мягче:

– Пропуск, жених! Без него не выпустят из города.

Едва комбат остался один, позвонил телефон.

– Кто еще там? – рыкнул Изюмов и поднял трубку. Через миг черты лица расправились, ничего не говорило о прогремевшей только-что грозе.

– Да зайка... – сказал негромко и неожиданно мягко, голова дернулась вперед в утвердительном жесте, – как скажешь, зайка... конечно, постараюсь не задерживаться...

Спустя полчаса БТР остановился у бетонных блоков, перегораживающих дорогу к барачному, одноэтажному зданию районного отдела полиции. Майор-начальник штаба спрыгнул вниз, бросив высоким, почти бабьим голосом:

– Ждите меня, – поправил шапку, перепрыгивая масляно блестящие лужи на асфальте, направился к зданию.

Коротко переговорив на входе с полицейским с укороченным автоматом за спиной, вытащил из нагрудного кармана и предъявил документы, потом исчез за дверью.

Следом на раскисшую землю ловко, с шиком спрыгнул Александр. Налетел порыв сырого ветра, мокрые кусты обдали брызгами. Александр поморщился, отошел подальше и вытащил телефон. Набрал номер Оли. Долго слушал безответные гудки, нетерпеливо перетаптываясь на месте, и про себя молил: «Ну возьми же трубку!». Он уже почти отчаялся, когда в трубке послышался девичий голосок.

– Але, – сказала кокетливо. Судя по всему, настроение у Оли отличное.

– Привет. Тут это... не получится встретиться сегодня, – пробормотал смущенно, – Меня с тревожной группой отправили за город, не знаю даже когда вернусь.

– Вот как? – судя по голосу, настроение девушки стремительно изменилось. С кокетливого на желание поскандальить с незадачливым влюбленным, – ну если тебе дороже твоя тревожная группа, тогда и встречайся с ней!

Смущенная улыбка сбежала с лица Александра.

– Олененок! – попытался еще что-то сказать, но в трубке только гудки. Вообще-то Оля была хорошей и доброй девушкой и включала режим стервы редко. Скорее не из вредности, а чтобы жизнь медом не казалась.

Александр вновь набрал номер, но на это раз бесполезно. Тихо чертыхнувшись, положил телефон в карман, лицо исказила быстрая гримаса досады. Но все же служба была важнее чем женские капризы.

Из здания райотдела вышел начальник штаба, за ним мрачноватого вида полицейский капитан с рябым лицом и, махнул рукой, дескать – в машину, залез в БТР сам. Следом из открытых часовым ворот выехал уазик с полицейскими эмблемами. В него сел капитан. Внедорожник тронулся первым, следом БТР. Молодой человек мрачно смотрел в окно, на душе скребли кошки.

Кавалькада неслась, разбрызгивая лужи, по безлюдным – до конца рабочего времени еще несколько часов, улицам. Угрюмо и надменно вглядывались квадратами окон здания дореволюционной постройки центральной части, от них старости вросли в землю почти до окон первого этажа, потом пошли кирпичные и деревянные дома современной постройки. Десяток минут и пронзительно взвизгнули тормоза, автомобили остановились в нескольких метрах от серых, свежеекрашенных ворот КПП охраняемого периметра.

«Бум-Бум», – долбило по ушам, со стороны мясоконсервного комбината. Вокруг железнодорожных путей, ведущих к нему, суетились железнодорожники, в желтых жилетах, вместе с приданными в помощь разнорабочими. Пути разбирали круглосуточно, а освободившиеся рельсы складировали на станции. Планировалось, что их используют для строительства новых путей в казахстанские степи к будущему угольному разрезу.

Машины вырвались за город, проехав пару километров, свернули на ведущее на север, где в будущем возникнет областной центр, шоссе и, прибавили скорость. Наплывали и стремительно уносились назад полосатые километровые столбы. Слева и справа однообразный пейзаж, надоевший до оскомины: серые весенние поля, раскисшие, усеянные тающими остатками грязно-серых сугробов и черными, грустными столбиками нахохлившихся ворон. Весна старалась, но никак не могла нанести зиме окончательное поражение. Безлюдье. Лишь единственный раз проревел мимо трактор с мужиком в потертом ватнике в кабине. Позади фаллическим символом вздымался в стылое, серо-голубое небо трубы электростанции. Из средней вилась тонкая струйка быстро рассеивающегося дыма – все котлы, кроме самого маленького, потушили, да и тот работал в режиме строгой экономии.

Покусывая губы и бездумно смотря вдаль, Александр безмолвно переживал. Обидно, но он знал, что пройдет немного времени, настроение девушки переменится, и он вновь простит ее. «Дурак» – говорил себе, но понимал, что по-другому не сможет.

Шоссе оборвалось, колонна свернула на грунтовку. Машины сбавили скорость, козлами запрыгали по наполненным водой колдобинам.

... Суки.

Это слово вертелось в голове Петелина, когда они остановлюсь в деревне Селинная.

Девять человек, девять трупов, выложенных в ряд, лежали у забора, скрывавшего продрогшие весенние сады на, окраине деревни.

В благополучном двадцать первом веке мы забыли, как пахнут человеческие внутренности, вывалившиеся из вспоротого живота еще живого человека.

Мы забыли, как отражается небо в выцветших глазах срубленной головы старушки.

... Суки.

Те, кто это совершил не люди...

Это Зло. Причем Зло не призрачное, а принадлежащее реальности, нечто совершенно чуждое человеческому виду и недостойное жить.

И когда осознание этого страшного факта накрывает по-настоящему – ненависть смешивается с беспомощностью, невозможности изменить произошедшее, образуется новое чувство страшной взрывчатой силы.

. Ждите, мы придем и не молитесь тогда прощения под дулами наших автоматов. Наши запасы гуманности вы исчерпали и наше человеколюбие будет беспощадным. Кровь за кровь, смерть за смерть! Не забуду, не прошу!

Они вновь выскочили на грунтовку. Попаданческая территория закончилась резко, словно обрезанная титаническими ножницами.

Вдалеке на окраине угрюмого, первобытного леса стояли два уазика: полицейский и погранслужбы с эмблемой: на фоне двуглавого орла синий щит с крестом. Дверь полицейского уазика открылась, на землю плавно выскочила овчарка – здоровенная, ухоженная, отряхнулась. Следом вывалились, замахали руками полицейские и двое пограничников. Долгое ожидание закончилось, помощь приехала! Охранять машины остались водители. Одному из них капитан оставил носимую рацию с наказом держать постоянную связь. Подождав, пока пополнение из полицейских и солдат выгрузится, вслед за кинологом, с отчаянно рвущейся с поводка собакой, двинулись по лесной тропинке в лес.

Даже не так – ЛЕС! Первобытная, ни разу не тронутая топором дровосека тайга выглядела для попаданцев, привыкших к изможденному техногенной нагрузкой лесу из двадцать первого века, совершенно необычно. Шумели, издавали на ветру суровый, протяжный шум великаны – лиственницы, вздымаясь над остальным лесным царством на добрый десяток метров. В глубине мрачного леса сумрачно, со стволов стекали настоящие водопады ядовито-зеленого мха. Множество невидимых живых существ наблюдали за незваными пришельцами: со всех сторон доносился треск, скрип, писк лесных обитателей. Люди стремительно шли, почти

бежали по лесной тропинке, среди широко и низко распростертых над землей ветвей, то нагибаясь, то отстраняя их от себя и тогда каскады воды под тихое чертыханье падали на спины. Александр, настороженно оглядываясь по сторонам, двигался скорым шагом привычного к длительным маршам человека, сразу за кинологом. Полутьма тайги угнетала, хотелось выбраться из леса, – на волю, на простор. Воздух, напоен запахом свежей влаги, горьковатым ароматом пробудившейся земли, тлеющей хвои и набухающих почек, – весь этот весенний лесной запах странным образом напомнил запах отца. Александр вспомнил полузабытое прикосновение бритых щек и запах крепкого табака с едва уловимыми нотками мужского пота покойного отца. Помрачнел.

Этот мир, прекрасный и не загаженный цивилизацией, жесток к слабым, не способным пригнуть чужую шею к земле. Зато давал шанс построить что-то новое, не то, что получилось у человечества в двадцать первом веке. Чище, лучше и справедливее и это было по нраву Александру, человеку по натуре авантюрному. Если только попутанцы выживут. Главное сейчас – это выживание, он понимал это отчетливо.

Кабан в окружении полосатых поросят, вышел из-за деревьев и спокойно протрусил дальше, даже не пытаясь спрятаться от людей.

Полицейский капитан простонал в восторге, прицелился пальцем в самого крупного поросенка. Восторженно хлопнул армейского майора по плечу:

– Ты представляешь какая здесь охота?! Да тут просто сказка какая-то! Ничего, найдется время, сходим на охоту, как считаешь?

Начальник штаба батальона неопределенно пожал плечами. Не любил он все эти охоты с рыбалками. Вот если бы прошвырнуться по магазинам областного центра!

Спустя полчаса деревья поредели, в густом кустарнике на кромке леса кинолог остановил рвущуюся с поводка ищейку. Посредине обширной, метров двести в диаметре, поляны стояли два десятка изб – туземная деревня. На деревьях трепыхалась на порывистом ветру вполне обычная для двадцать первого века одежда, что не оставляла сомнений, что напавшие на Селинное разбойники, находятся здесь. Шумно дыша, собака, села на землю под сырой от дождя сосной, голова легла на лапы. Из пасти вывалилась алая тряпка языка.

Солдаты и полицейские, с покрасневшими лицами, все в грязи, столпились на опушке. Над головой на дереве крупная рыжая белка грызла орешек. Судя по всему, совершенно не опасалась людей.

Капитан приказал шепотом:

– Ложись.

Попутанцы залегли, ноздри защекотал пряный аромат усыпавшей стылую землю желто-зеленой хвои. Александр, не успевший забыть уроки тактики, приказал бойцам расползтись вдоль опушки в разные стороны от тропинки. Сам лег на землю рядом с полицейским капитаном и майором. Старший из полицейских достал из сумки бинокль, и аккуратно отвел в сторону сухую сосновую ветку.

Полицейский несколько минут рассматривал стойбище. Выглядело оно довольно жалко. Над соломенными крышами убогих деревянных изб с красными дверями вился дымок. По единственной улице сновали женщины в запашных халатах из неокрашенного сукна, беззаботно носилась детвора от малышей до подростков. Ближе краю деревни перевернутой чашкой стояла разноцветная юрта. У коновязи, напротив, переминались с места на место неоседланные лошади, жевали сено. Рядом с меланхоличным выражением на узкоглазом лице застыл на корточках абориген в дырявом, шерстяном халате. Справа от него, так что можно мгновенно схватить, торчало из земли узкое и длинное древко копья.

С противоположной стороны стойбища в огороженном невысоким плетнем вольере беспорядочно перемещались, громко и тревожно блеяли, облезлые после зимы овцы, словно предчувствовали собственную невеселую судьбу. У входа в вольер несколько мужчин вполне

боеспособного возраста с длинными ножами, больше похожими на кинжалы, на земле раздвигали тушу лося.

Этакая средневековая пастораль.

Перед Александром встала апокалипсическая картина погибших в Селенном старух и стариков.

– Суки!

Приказ однозначный, пленников освободить, при попытке сопротивления применять оружие на поражение. Но каким образом выполнять – непонятно. Аборигены явно настороже, а рисковать, прочесывая деревню с туземцами, без сомнения готовыми биться до конца, не хотелось. Оттуда пахло даже не опасностью – смертью.

Полицейский капитан повернулся к офицерам:

– Подождем, пока стемнеет и возьмем злодеев (милицейский жаргон: преступников) тепленькими! У меня с собой прибор ночного видения и глушитель на пистолет Макарова, – похлопал рукой по кожаной сумке на боку, – Как вам план?

Майор медленно снял очки, пожевал губами.

– Я не против, только предупреждаю, у меня распоряжение комбата! – произнес неуверенно, – В захвате туземцев мы не участвуем, только прикрываем вас.

Полицейский кивнул, довольно осканился и вытащил из кармана рацию:

– Как меня слышно, прием?

– Слышу хорошо! – тихо прошелестело в ответ.

– Передай в город: собака привела к туземному селению. Похоже это злодеи. Дождемся ночи и будем брать!

– Принято!

Между тем багровый шар солнце понемногу склонялся к пламенеющему горизонту, начало темнеть. Деревья теряли форму, сливаясь в серую, неопределенную массу. Пение птиц постепенно ослабевало. Капитан вновь поднял к глазам бинокль, еще раз осмотрел стойбище. Потом тихо распорядился двум бойцам занять позиции с противоположной стороны поселка и вручил им запасную рацию. Солдаты подхватили оружие и, стараясь двигаться бесшумно, прорысились на позицию.

Над посеревшей опушкой нависло недоброе молчание. Петелин невольно сжался. Сердце замедлило темп ударов, холода воцарился в груди.

Воздух застыл тяжелый, неподвижный, как спящая рыба.

Коротко прошуршала портативная радиостанция: «готовы!»

Сбоку звонко хрустнуло – неуклюжий в снаряге боец сломал ветку. Александр повернулся в его сторону и погрозил кулаком, но поздно. Казавшийся до этого безучастным, словно степной, каменный истукан, охранник стойбища рывком вскочил. Приставил ладонь козырьком ко лбу, несколько мгновений пристально всматривался в подлесок, в котором засели попутанцы.

Неистово завопил, указывая рукой на лес.

На стойбище кочевников крик произвел эффект схожий с втыканием палки в лесной муравейник. Ветер принес пронзительные человеческие вопли; заблеяли, заметались овцы, добавляя неразберихи и гомона. Мурашами засуетились, суматошно забегали люди: женщины хватили на руки малолетних детей, подгоняли тех, кто постарше, спустя десяток секунд скрылись в избах. Мужчины, кто с луками и колчанами, полными стрел, кто с пиками, собрались всего в сотне метров от опушки на обращенной к пришельцам стороне деревни – обороняться до последнего. Считанные секунды и все затихло, словно действия по сигналу караульщика сто раз оттренированы: кому надлежит, спрятались, сильные мужчины приготовились к бою. Несколько мгновений царил напряженная тишина, нарушаемая глухими ударами сердца об ребра. Вдруг туземец, в драной кольчуге поверх длинного халата с луком в руках, который

стоял немного впереди толпы гортанно выкрикнул, лук нацелился в небо, рука оттянула тетиву к уху. Черной смазанной тенью стрела исчезла в синеве. И тут же со всех сторон перестук тетив. С шуршащим свистом стрелы ушли в небо, закладывая дугу.

Через миг над ухом Александра пронзительно свистнуло, на шею упали колючие хвоинки. Скосил взгляд и ошарашенно хлопнул растерянными глазами. Древко стрелы, в полуметре от головы, глубоко вошло в землю, оперение несколько мгновений гневно трепетало, словно досадуя, что не попало в нежную человеческую плоть. С другого бока вновь свистнуло. Молнией промелькнула стрела, с глухим стуком пронзила пенек в нескольких шагах дальше. Ярко-красное, словно капля крови, перо стрелы несколько мгновений дрожало. Переход от расслабленности к осознанию смертельной опасности произошел слишком стремительно чтобы не растеряться на секунду. «Робингуды хреновы», – ошарашено думал Александр, невольно поджимая незащищенные ноги, – Перебежать на необстреливаемое место? Глупо, увидят и подстрелят!»

Только самоуверенный дурак считает, что стрела – это не серьезно, что это детские игрушки. Хороший лучник, а плохих среди кочевников нет, держит несколько стрел в полете одновременно и пронзит насквозь незащищенного броней человека, ему раз плюнуть! Стрелы с тяжелыми наконечниками способны пробить насквозь металлические доспехи или сорвать с седла тяжелобронированного рыцаря.

Со всех сторон противный свист стрел, словно у аборигенов неиссякаемый запас, а металы стрелы не пара десятков туземцев, а целое войско.

– Ай, – и тут же что-то ругательное, по-кавказски, Александр повернулся. Солдат по фамилии Магомедов, перевернувшись на бок, схватился за незащищенное бронником предплечье, из него торчало древко стрелы. Застонал, прижимая ладонь к ране, вокруг набухало алое пятно. Обращенное к Александру горбоносое лицо стремительно бледнело.

Надо что-то делать. Что-то делать! Лейтенант посмотрел на руководителей экспедиции. В глазах майора плескался дикий ужас, и лейтенант понял – на него надежды мало. А на лице капитана полиции растерянность, раскрытый рот хватал воздух, словно выброшенный на берег карась, рука судорожно шарил в поисках рации в кармане.

– Нападение... на сотрудников... – бормотал полицейский.

Между тем к стрелкам подбежал малец в безрукавке на голое тело, в руках здоровенный пук стрел. Начал раздавать их. Между тем предводитель туземцев вскочил на коня, несколько туземцев поспешно седлали лошадей.

Спину покрыла противная испарина. «Если ничего не делать, посекут стрелами, а кто выживет – саблями», – думал Александр с невольным страхом. Первый бой запомнился навсегда и, он часто потом снился в кошмарах. И было гораздо страшнее, чем в настоящем бою.

Неожиданно лицо молодого офицера изменилось: взгляд стал острым и цепким, губы отвердели. Рот пересох, сердце бешено заколотилось о ребра. Теперь это не вчерашний мальчишка, растерянный и надеющийся на старших по званию, но настоящий командир. Будь он героем голливудского боевика, то в самый раз выйти из-за укрытия и стрелять от бедра, пошире расставив полусогнутые в коленях ноги и далеко откидываясь назад туловищем. Но такое эффективно в кино, а здесь жизнь. И он не американский супергерой, а русский офицер. Так что обойдемся без эффектных трюков.

Все дальнейшее происходило стремительно.

– Огонь, – выкрикнул, от волнения давая петуха и вскинул автомат к плечу.

«Тратата», – расцвел на пламегасителе калаша ярко-желтый мерцающий цветок. Краткий миг и со всех сторон, заглушая маты, яростными барабанами замолотили выстрелы.

И словно невидимая свинцовая коса прошла по туземцам. Кто молча, кто с криком ужаса, падали на землю. Последний кинулся бежать. Не добежав несколько шагов до крайней избы, словил тяжелую пулю. Крутанулся, словно от доброго пинка, рухнул. Стрелять стало не в кого

и между деревьев повисла пронзительная тишина, нарушаемая прерывистым дыханием людей да нудным воем заплутавшего в сосновых ветвях ветра. И отчаянный, захлебывающийся крик – вой со стороны стойбища.

«Добить пока не опомнились!», – Александр вскочил и, закричал:

– В атаку, вперед!

Перехватив поудобнее автомат, заорал невнятно и матерно, изо всех сил рванул вперед. Позади раздавалось протяжное «Ура», превращавшееся в какой-то страшный, утробный, протяжный звук: «А-А-А!!!! И глухие удары о землю ботинок солдат и полицейских позади. А в голове билось мысль: скорее добежать, и вцепиться в горло врага и бить его. Бить за все, за тот страх, который только-что испытал, за растерянность.

До окраины деревни весь мокрый от кончиков пальцев до кончиков волос, добежал первым и остановился, как вкопанный. На земле, между куч конских катышков и грязных луж лежали тела в грязных, стремительно темнеющих от крови халатах. Гадостно пахло кровью и нечистотами – с перепуга никто из попаданцев не вспомнил о приказе экономить патроны и аборигенов просто изрешетили. На лицах, с широко открытыми глазами, навечно застыли выражения удивления и ужаса. Один из туземцев еще дышал, всхлипывая и крупно дрожа. На мертвенно побелевшем лице капли крупного зернистого пота. Потом повернулся боком, плотно прижимая лицо к земле, затих.

Ужас перед содеянным пронизывал все существо Петелина, мешая дышать, сковывая движения. Руки с крепко зажатым автоматом упали вниз.

Другой, в рваном халате, пересеченном строчкой кровавых пятен, полз, ничего не видя, тонкий, почти детский, стонущий крик рвался из черного провала рта. По земле за ним тянулся багровый след. Явно – не жилец, но он еще не понял, не осознал, что для него уже все окончено. Что он уже мертв...

Вокруг замирали солдаты и полицейские. Александр позеленел. «Этих людей, которые только что были живы, любили, радовались жизни, убили по моему приказу. У них были дети, они тоже хотели жить. Неужели я чудовище?» Недавний обед стремительно поднялся к горлу. Он отвернулся к лесу, пытаясь совладать с бунтующим организмом.

Оглянулся на характерные звуки. Несколько бойцов склонились к земле в приступе мучительной рвоты.

И вой, вой, умирающего туземца, в котором не осталось ничего человеческого.

Александр не мог дальше слушать. Просто не мог... Автомат взлетел к плечу. Короткая очередь пересекла спину страдальца новой строчкой медленно расплывающихся пятен. Стало тихо.

На этот раз он не сумел удержать рвоту. Когда в желудке ничего не осталось, разогнулся и вытер рукой побледневшие губы. Где-то читал, что глубоко в душе каждого человека спит древняя жестокость. Что мы упиваемся властью, а убийство – это крайнее проявление власти. Это было не его, но и святым, способным простить убийц, он не был. Он не хотел смерти этих людей, он всего лишь защищал жизнь, свою и подчиненных. А еще погибшие в Селинной могли чувствовать себя отомщенными. Да воздастся каждому по делам его!

– Лейтенант! Кто вам дал право рисковать жизнью подчиненных? – Александр повернулся и натолкнулся на серый от злобы взгляд майора Воробьева, – Забыли, кто здесь старший? – крикнул штабной, морща голое, бабье лицо, – И как вы смели убить пленного?

– Пока нас расстреливали, вы молчали и мне пришлось взять ответственность на себя, – сказал Александр звенящим после боя голосом и навис, глядя сверху вниз над майором. Он был почти на голову выше и это дополнительно бесило штабного, – Не дам гробить моих пацанов!

Майор готов был поклясться, что в голосе молодого лейтенанта проскочили нотки презрения. И в глазах читалось нечто брезгливо снисходительное.

– Ах ты... – взвизгнул едва не захлебываясь от гнева, – Щенок!

– Я вам не советую оскорблять меня, – на щеках Петелина вспыхнули гневные пятна. Высокомерного начальника штаба он не уважал, но вынужденно подчинялся: против воинской дисциплины не попрешь.

Глаза майора выпучились, словно у рака, он густо побагровел. Несколько мгновений офицеры мерялись взглядами, майор не выдержал первым и отвел взгляд. И тут же, спохватившись, что наблюдающие картину ссоры рядовые могут истолковать это как непростительную слабость, крикнул:

– Посмотрим, что скажет командир батальона! – он отвернулся.

«Вот и нажил себе врага. Ну и черт с ним». Собственные действия Петелин считал единственно возможными.

– Мы здесь! – пронзительный женский крик на русском раздавался откуда-то из-за изб противоположного конца стойбища, – Мы здесь! На помощь!

Это пленники из Селинного. По крайней мере Александр истово в это верил,

– За мной, – махнул рукой солдатам и, настороженно поглядывая на молчаливые избы, поспешил на голоса.

Перепрыгивая через лужи, обходил крайнюю в стойбище избу и, уже повернулся к ней спиной, когда позади пронзительно скрипнуло.

Офицер начал поворачиваться. Из черного проема двери ловко, словно охотящийся тигр, какие еще встречались в казахской степи, выпрыгнул на землю узкоглазый и худосочный туземец в меховой безрукавке. В опущенной руке блестел сабельный клинок.

В ноздри ударил стойкий запах конского пота, сбруи и навоза.

У Александра – автомат, но он не успевал повернуть его. Его сейчас убьют? Настал последний час?

Нет! Глаза залил оранжевый свет ненависти и время в единый миг застыло, потекло вязкой патокой, а звуки исчезли.

Вот позади Александра полицейский медленно-медленно поворачивает ствол автомата.

Вот сабля блестящей молнией взвивается в небо.

Сработали боевые рефлексy, прочно вбитые за годы учебы в военном ВУЗе в подкорку. Все произошло само, без участия разума.

Разворот на каблуках, который развернул Александра боком к туземцу, слился с выпадом правой ноги и ударом приклада в подбородок в одно плавное и стремительное движение, в которое вложил все силы.

Время внезапно восстановило нормальный бег, вернулись звуки.

Тонкокостного туземца словно ударило пушечное ядром. Отточенная сталь полетела в сторону, а тело с деревянным стуком впечаталось в неоштукатуренные бревна избы и медленно сползло по стене в грязь. Сабля вонзилась в утопанную землю, упала, выковыряв комок жирного чернозема.

Издали доносились призывные голоса пленников, а во рту металлический привкус крови от прокушенной губы.

Туземец лежал недвижим. Багровые струйки извилисто стекали из страдальчески искривленного рта и дальше по куцей черной бороде, из карих глаз по капле уходила жизнь. Судя по неестественно вывернутой шее мертв он на полпути к гуриям.

Накатила свинцовая усталость. Несколько мгновений офицер, тяжело дыша, стоял над телом. Сердце яростно колотилось, в висках набатом стучала кровь.

– Сука, сука, ты сам виноват! Сука, сука! – шептали побледневшие губы, – Ты сам виноват!

Солдаты и полицейские, бросая на Александра странные взгляды, обходили лейтенанта и шли дальше.

На душе было гадостно. Одно дело стрелять издали и совсем другое убить человека, глядя человеку в глаза. На плечо молодого офицера опустилась рука, он повернул голову. Капитан полиции сочувственно улыбнулся:

– Айдате (*пойдем-южноуральский диалект русского языка*), – одновременно слегка подталкивая офицера в спину, – Первый убитый тяжело, я знаю, воевал в Чечне...

Александр кивнул, стряхивая с себя странное оцепенение и, направился на голоса.

В десятке метров за последней избой темнел в земле провал ямы. Оттуда доносились причитания, перемежаемые истеричными бабьими всхлипами, а вокруг, с ошарашенными лицами, сутились солдаты и полицейские. Александр остановился. Внизу белели пятна женских лиц, из ямы шла тяжелая вонь отхожего места и разлагающихся нечистот

Упала припасенная кем-то длинная веревка.

– Хватайтесь!

Вытащенная первой женщина, лет сорока, в разорванном платье, с фиолетовыми синяками на бледном, застывшем и, словно подмороженном лице, смотрела так, что Александру стало не по себе. Таким взглядом, наверное, освобожденные узники концлагерей смотрели на воинов-освободителей.

Женщина пошла от ямы прочь словно слепая, ничего и никого не видя вокруг. На ее пути оказался юный полицейский сержант. Движением сломавшейся куклы уткнулась лицом в грудь покрасневшего, как мак, полицейского, плечи судорожно затряслись.

– Родненькие, дождалась вас, наконец дождались! – давясь слезами, выдавила из себя женщина.

Старший от полиции покатал желваками, отвернулся.

– Всех жителей на улицу, лейтенант, ваши люди пусть вытаскивают наших из ямы.

– Есть, – Александр шумно выпустил воздух из груди и устало протер ладонью лицо.

Полицейский кивнул и достал рацию.

Александр оглянулся на деревню, откуда уже выводили воющую вереницу пленниц и детей. Вместо радости, что победил, выжил, появилось гадостное чувство словно извальялся в чем-то недостойном, гадком. Но он ни о чем не жалел. Выжить в страшном мире, где человек человеку волк – норма, или претендовать на роль уважаемого соседа, будет трудно, но он знал, что за Олю, за земляков... будет драться до конца.

Глава 3

После памятного выступления градоначальника, город замер в ошеломлении. Циркулировали самые невероятные и ужасные слухи о причинах Переноса и, вернется ли когда-нибудь город назад, в двадцать первый век и, множество других. Не только старушки, вечно шушукующиеся на «боевых» постах у подъездов, но и молодежь и средний возраст, несмотря на факты, упорно отказывались поверить в Перенос. Многим казалось, стоит закрыть глаза и сделать мысленное усилие и все исчезнет, как кошмарный сон, – и Перенос, и неопределенное будущее, и сонмы окружающих дикарей. И очнешься в двадцать первом веке с его перенаселением, загрязнением окружающей среды и угрозой термоядерной войны, но таком привычном и комфортабельном.

Жизнь горожан менялась и не в лучшую сторону. За первые две недели закрылись десятки мелких продовольственных магазинов, киосков и большая часть промтоварных, от электроники до автомобильных – с оптовых баз перестали отпускать товары. Крупные магазины торговали в прежнем режиме, но прилавки стояли полупустые, а ассортимент катастрофически сузился. К тому же более половины товаров отпускали только по карточкам. Горожане не голодали, но и не имели запасов – нормы были скромными. Большинство не возмущалось, люди понимали, что до следующего урожая еду надо экономить. Зато предложений работы появилось множество. Не проходило и дня, чтобы по единственному каналу телевидения и городскому радио не зазывали работать на «старые» заводы и вновь открывшиеся предприятия. Голь на выдумки хитра и голь всячески исхитрялась, чтобы произвести тысячи необходимых современному человеку вещей. Опыты по изготовлению бумаги, стекла и зеркал увенчались успехом, вышло неказисто, но исследования продолжались, и вскоре бумага, зеркала и стекло собственного производства обещали появиться на прилавках. Большой популярностью пользовались самодельные зажигалки на древесном спирту, их выпуск наладили умельцы. Две небольшие лесопилки, на окраинах города, получили с моторного завода оборудование, набрали рабочих и расширили ассортимент продукции от досок до комплектов для изготовления разнообразной мебели: корпусной и мягкой.

На следующий день, вечером мэр выступил по телевидению с специальным обращением и пообещал, что нападений больше не допустят, а на границах зоны Переноса оборудуются заставы, и пограничники приступили к охране территории попаданцев. Потом выступили бывшие рабы кочевников. Их рассказы о нападении и нечеловеческих условиях, в которых содержали выживших, ужаснули горожан. Если и оставались желающие бежать из города или идти просвещать окружающие народы, то теперь их не стало.

По деревням и стойбищам в окрестностях города отправились переговорщики татарской или башкирской национальности. А для убедительности их сопровождали военные на бронемашинах. Дары местным – пустые пластиковые емкости, разноцветные бусы и ширпотреб из магазина «Подарки», пошли на ура, а за городские товары удалось купить немалые стада овец, коров и лошадей, их тут же загнали на мясокомбинат. Хотя посланники горожан категорически отказались платить за занятую городом землю, которую аборигены считали своей, дело в большинстве случаев удалось решить миром и договориться о продолжении торговли. Только два кочевых родов напали на посланцев города. Попытку подавили безжалостно. Людей захватили в плен, дома разорили, а скот угнали в город.

Первоначальный шок прошел. Дни шли за днями, таинственная сила, перебросившая город в семнадцатый век, никак себя не проявляла и люди постепенно привыкали к мысли, что всю оставшуюся жизнь проведут в прошлом и никогда не увидят родных и друзей, оставшихся за непроницаемой стеной времени в далеком двадцать первом веке. Общим настроением горо-

жан стало: «А хрен вам! Вопреки всему будем здесь жить, рожать детей и только от нас самих зависит, как мы будем жить дальше. Жизнь продолжается, не мы, а мир прогнется под нас!»

По главной улице города отшумел первомайский праздник с традиционной демонстрацией студентов и школьников старших классов. Хотя объединенный горсовет, в который теперь входили и сельские депутаты от деревень, перенесенных вместе с городом, сократил праздничные дни на 1 и 9 мая до одного, это не уменьшило энтузиазма. После обеда улицы опустели, в городе остались одни немощные старики. Горожане, воспользовавшись солнечной и теплой погодой, потянулись с ведрами и инструментами за город – не было семьи, которая бы не воспользовалась щедрым подарком властей – всем желающим предоставили по десять соток под картошку и овощи.

Полдень девятого мая Иван Савелович встретил на центральной площади. Солнце палило, с безоблачных небес доносилось праздничное курлыканье перелетных птиц. Из громкоговорителей на здании администрации неслись над густыми толпами празднично наряженных (день выдался теплым): мужчин, женщин, детей и немногие ветеранов, бодрые песни военных лет. И, казалось, что здесь собрался весь город. Детвора устроилась на надежных папиных плечах и с энтузиазмом размахивала разноцветными шариками и флажками. Хотелось поесть хорошего шашлыка и выпить чего-нибудь покрепче. Все это создавало как прежде, до Переноса, атмосферу праздника и весны.

Наконец послышалось «Прощание славянки» – парада начался.

«Та-та, татата! Та-та, татата!» – могучие и торжественные звуки еще плыли в прозрачном воздухе, когда разноголосо закричала детвора: «Едут, едут!» и все заглушил всепобеждающий рев моторов. Один за другим из-за поворота неторопливо выехали три БТР-70 с полосами цветов георгиевской ленты по защитного цвета корпусу. Обдав горожан бензиновым чадом, уползли дальше. Даже без 14,5-мм пулемета КПВТ бронемашин выглядели внушительно и грозно. С дружным топотом вынырнули плотные коробки военных и полиции с оружием в руках, вид бодрый и подтянутый. Впереди печатали шаг командиры.

Толпа взорвалась восторженными криками и рукоплесканиями, замахали руками, приветствуя улыбающихся друзей, знакомых, родственников. Иван Савелович довольно прижмурился. Вид защитников города внушал надежду на безопасность. Следом и, гораздо хуже, прошагали пожарные и таможенники. Держать людей в форме, но без оружия слишком дорогое удовольствие, и все «погоны» вооружили снятыми с «ДХ» (*длительное хранение*) автоматами Ак-74. После этого невеликие запасы автоматического оружия на складах почти закончились. Закрывала парад коробка казаков разномастно вооруженных, от гладкоствола до охотничьих винтовок и карабинов, кое-кто еще с прадедовскими шашками, но все в штанах с красными лампасами уральского войска. Это в далеком двадцать первом веке на Урале казаки, в отличие от той же Кубани, были просто ряжеными.

После Переноса казачество стало резервом вооруженных сил города. Молодые и среднего возраста горожане и селяне записывались в казачье войско, принимали присягу и получали на руки оружие, а вместе с ним и обязанности по защите города и тех крупных деревень, которые решили не расселять – их охраняли казачьи отряды самообороны. Из них же – казаков, укомплектовали охрану рыболовецких и охотничьих партий, отправившихся за пределы перенесенной в прошлое территории. Зверей в окружающих лесах и степях, рыбы во множестве озер, ими богаты территории к югу от города, на неискушенный взгляд людей из двадцать первого века невероятное количество. Первые грузовики с убоиной и рыбой уже пришли в город, а охотничьи и рыболовецкие партии отправились за новой добычей. Это позволило плотно забить холодильники мяскокомбината и вдвое увеличить норму продажи мяса и рыбы. Другим признаком того, что город приспособляется к жизни в семнадцатом веке, стала заработавшая локальная городская сеть, но все понимали, что рано или поздно она выйдет из строя в силу отсутствия запасных частей. И дни, и ночи компьютерщики копались в ее глубинах и распеча-

тывали все, заслуживающее внимание: от художественных книг до учебников и технической литературы. Все это, когда компьютеры выйдут из строя, станет бесценным.

Расходились люди с парада, немного успокоенные за собственную судьбу. По крайней мере один союзник у маленького осколка России, провалившегося вглубь веков – армия, готов к борьбе.

Утро выдалось безветренное, холод совсем не мешал —скорее бодрил. В просторном дворе школы в окраинном втором микрорайоне, посреди группы из двух десятков парней, выправкой напоминавших военных или недавно демобилизовавшихся, стоял Иван Тимофеевич – грузный, бородатый нагайбак в традиционной казачьей форме с малиновыми лампасами.

Нагайбаки – этнорелигиозная группа татар, проживающих по большей части в Челябинской области. Верующие – православные христиане. Входили в состав уральского казачьего войска.

Казак посмотрел на наручные часы, перекрестился:

– Ну, господи, благослови! Строиться ребята!

Несколько секунд, и «ребята» замерли перед казаком в строю.

Новоявленный учитель довольно крикнул и провел широкой ладонью по бороде. От казака мощно веяло запахом крови, воли и непокорства, и при взгляде на него так и представлялись бескрайние степи, казачьи ватаги, рыскающие, словно волки, в поисках добычи и жаркие сабельные схватки.

– Видел ли кто, что такое настоящий казачий удар, – вытаскивая из ножен хищно блестящую на утреннем солнце шашку, Иван Тимофеевич расплылся в хищной улыбке.

Ответом стало разноголосое: «Нет».

Казак кивнул, лицо утратило добродушие сытого, довольного собой и окружающим человека, уголки рта сползли вниз, закаменели черствыми извивами. Несколько стариков, помнивших хитрые казачьи повадки рукопашного боя и приемы с оружием, обучали всех желающих от детей до возрастных мужчин и женщин. И первыми в очереди на обучение стали два десятка парней – ветеранов Чечни, из которых планировалась сформировать взвод спецназа. Наверху посчитали, что в мире семнадцатого века, где владение холодным оружием обязательно, навык обращения с казачьей шашкой лишним не будет. За обучение город платил старикам небольшую зарплату, и они были довольны.

– Вот смотрите, ребята, – казак подошел к небрежно вкопанному в землю столбу, пара сантиметров в диаметре, – Главное в ударе не в силе рук, а в силе кисти,

Шашка поднялась над головой, взвизгнула, запластала воздух, превратилась в мерцающий и визжащий круг. Левую руку убрал за спину.

– Когда рубишь, то не бей, а режь! Режь его, словно пилишь! И помни – плоскость шашки должна быть непременно наклонена к плоскости удара. Непременно. Тогда и твердое рубишь, словно оно из голимого масла. Смотрите!

Свистнул разрубаемый воздух, и верхняя часть столба слетела наземь, а он даже не покорился, и еще, и еще, все новые куски падали на землю, пока из земли не остался торчать пенек. Он словно строгал палку. Тогда казак слегка пнул его, пенек выскочил, выворотив кусок черной, жирной земли. Сталь прадедовской шашки была остра, но главное здесь умение нанести удар так, чтобы вся сила ушла на разрушение.

– Вот так бьют казаки, – обвел взглядом впечатленных парней и довольно крикнул.

– А мы так сможем? – спросил парень с цыганистыми глазами, юркий, как шарик ртути.

– Ну тут кровь нужно иметь особую, казачью и заниматься шашкой с детства, но кое чему вы научитесь. Обещаю.

После взорвавших тихую провинциальную жизнь города событий, прошло двадцать дней.

Гордо вздернув носик и, только иногда пораженно распахивая голубые глазки, Ольга Соловьева шла по пустынному дядиному дому, словно по музею. Дорого-богато. Везде идеальный порядок и чистота. Венецианские окна от пола до потолка; дизайнерская мебель сияет золотом накладок, на стенах телевизоры метра полтора по диагонали, фарфоровые вазы, бронза и картины – явный антиквариат; на полу блестит иссиня-черный керамогранит. Похожий интерьер Оля видела только в западных сериалах наподобие «Богатые тоже плачут» а в жизни еще никогда. Зашла в очередную комнату. В углу белоснежный мраморный камин, несколько обгоревших поленьев в топке вкусно пахли дымком. На кирпичной стене над ним живописно развешено оружие: хищно блестела бритвенно-острым лезвием сабля; рядом – потертый лук и короткое копье с до блеска вытертым древком. Оля подошла поближе. Наклонилась и несколько мгновений рассматривала оружие, осторожно прикоснулась пальчиком. Страшно! С первого взгляда понятно – не муляж, настоящее боевое оружие, вкусившее человеческой крови. Окончательно ее добило, когда спустилась в подвал. Небольшой, пять на пять метров, бассейн, пока без воды, сверкал снежно-белой плиткой. Эрмитаж! Настоящий Эрмитаж! Но только не ее это. Она чувствовала себя здесь лишней. Год тому назад Оле довелось побывать в дядином доме и то посещение она надолго запомнила. Дальше прихожей их с мамой не пустили. Дальние и бедные родственники дяде не интересны, но поступить Оле в сельскохозяйственную академию все же помог.

Дядина жена тетя Валя, показала Оле ее комнату и, извинившись, что дела и придется уехать, посоветовала самостоятельно изучить дом. Предоставленная комната выглядела верхом роскоши, по крайней мере по сравнению с «детской» в отцовском доме: паркетный пол, дизайнерская мебель, на стене зеркало в полный рост, в углу роскошное кресло – качалка. И, одновременно стандартно-безлико, словно гостиничный номер. Этого Оля терпеть не могла и немедленно попыталась разрушить впечатление, обжиться. В громадный, до потолка, белоснежный шкаф-купе отправилась одежда и всякие женские мелочи. На открытую полку кассеты и книги про романтическую любовь.

По телевизору показывали тягомотину – интервью бывшего ректора сельхозакадемии. После Переноса его назначили заместителем главы города по науке. Планы работ создаваемых лабораторий и конструкторских бюро, восстановление промышленных технологий и экспедиции геологоразведки девушку абсолютно не интересовали и, она заскучала. Поняла только, что освободившиеся преподаватели и профессора совместно с конструкторами из городских предприятий, перешли в лаборатории промышленности, черной и цветной металлургии, химическую, фармакологическую и электротехническую и немедленно приступили к заказанным мэрией исследованиям. А в сельхозакадемии начали экспериментальные прививки от оспы материалом, взятым от коров. Заняться было нечем, и она последовала тетиному совету – исследовать дом.

Из-за закрытой двери кухни доносился брызг посуды, едва слышно журчала вода. Девушка открыла дверь, манящий, душераздирающий аромат свежей выпечки и еще чего-то вкусного, ударил в ноздри. Средних лет женщина в белоснежном передничке поверх простенького платья склонилась над посыпанным мукой разделочным столом. На скрип дверей обернулась, всплеснула руками и звонко рассмеялась.

– Ой как ты меня испугала, вы, наверное, Оля Соловьева? – женщина громко затараторила, – А я Наталья Григорьевна – домработница Виктора Александровича. Очень приятно познакомиться. А то хозяйева все по делам и по делам, а я одна целый день!

Бездельничать, когда другие работают неловко, и Оля предложила помочь, но женщина отчаянно замахала руками и немного растерянно, но категорически отказалась. Девушка

пожала плечами и уже хотела выйти, как курносого носика достиг восхитительный и пряный запах дорогого сыра. На столе, сверкая снежной белизной с темными прожилками, стояла тарелка с сырной нарезкой. Немудренный кисломолочный продукт Оля обожала до безумия. Будь ее воля только его бы и ела! Семья Оли не отличалась достатком, но сыр для обожаемой дочки приобретался регулярно. Вот только элитные сорта сыра в магазины ее родного городка не завозили и к восемнадцати годам она лишь однажды и то на свадьбе подруги, пробовала вкуснятину – сыр Бри.

– Ой. Это тот самый сыр с плесенью? – небрежно сказала девушка и указала тонким пальчиком на тарелку, невольно сглатывая слюну.

– Ага, камамбер, – домработница кивнула, улыбнулась по-доброму и протянула полную вкуснятины тарелку Оле, – Будете? А может вы голодны? Накормить вас?

Девушка прикусила губку, на кухне пахло очень вкусно. Но вот лишний жирок на талии... Вежливо отказалась. Вот только не взять восхитительно пахнущий сыр оказалось выше сил. Поблагодарила и, с тарелкой в руках, отправилась дальше.

Оля оставила добычу в комнате и обошла весь дом. Дома сидеть было скучно, и она решила прогуляться по улице.

У входной двери сидел охранник – здоровенный бугай, смахивающий на обритого бабуина. Он окинул девушку подозрительным взглядом, словно она преступница какая-то, но поздоровался вежливо и попросил не выходить на улицу. Дескать это указание Виктора Александровича. Заявление озадачило Олю, настроение стремительно ухудшилось. «Меня что, арестовали? Не слишком ли рано обрадовалась, что дядя обратил на меня внимание?». Возмущенно фыркнув, Оля вернулась в комнату.

Оля поправила платье на высокой груди и, на ходу сбросив на пол забавные, в виде розовых пушистых мишек, тапочки, забралась с ногами на диван из черной кожи, села по-турецки. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке! Столько лет была не нужна дяде, а тут на тебе – вспомнил! Кстати, о сыре! Девушка положила тарелку на диван. Вкуснятина! Кусочек, еще один. Незаметно для себя опустошила тарелку. По телевизору шел полузабытый боевик, Олю он не заинтересовал, и, сделав звук потише, девушка вспомнила события сегодняшнего дня...

День начался хуже некуда. Щурясь от северного ветра, осыпавшего лицо мелкими и холодными капельками, которые ползли по лицу, словно слезинки, она шла по пустынной улице, и едва не плакала. То, что парней, за исключением немногих счастливчиков – отличников, отчислили из сельскохозяйственной академии и городских институтов, а затем забрали в трудовую армию – это нормально. Городу не нужно столько будущих юристов, менеджеров, агрономов и прочих, к тому же большинство студентов были иногородними и больше некому оплачивать учебу и проживание. На полном довольствии города парни будут трудиться на стройках и одновременно получать нужную городу профессию. Заодно обучатся военному делу. А желающие после двух лет смогут заключить контракт с городом и продолжить службу военным или, к примеру, полицейским. Но призывать слабый пол... это полный беспредел! Девушка нервно сжала пухлые губы, снова переживая посещение военкомата. Не должны женщины служить по призыву и все! Да, она читала, что в Израиле даже девушки служат, но они же живут в России... или, по крайней мере, жили.

Когда вчера вечером Оля обнаружила в почтовом ящике повестку в военкомат, это повергло ее в шок и недоумение. Первым желанием было забыть про непонятную бумажку, но поразмыслив, она решила все же сходить по повестке. Городская власть не церемонилась и желающих поиграть с ней в прятки осталось мало. Чуть что и мигом суд. Желания на месяцы отправиться в штрафники, разбирать городскую свалку или на другую не менее приятную работу, не было! На следующее утро девушка переступила порог военкомата и к обеду получила на руки приказ завтра к восьми утра с вещами явиться на призывной пункт.

Разбрызгивая мутные капли из лужи, по проезжей части пролетела легковушка с нелепой нашлепкой газогенератора позади кузова – за сравнительно небольшую сумму их устанавливали в авторемонтных мастерских. Оля испуганно шарахнулась к стене ближайшего дома. Брызги, слава богу, не долетели. Облегченно выдохнула – стирать проблематично, моющие средства почти исчезли из продажи. Изготовленное после Переноса мыло хотя и приятно пахло хвоей, но его было мало, к тому же оно не подходило для машинной стирки, а ручную стирать Оля не любила.

У первого подъезда двухэтажного деревянного дома, почти барака, где она снимала комнату, какие далеко не редкость в старинных уральских городках, (*Их называли жактовские дома*) перекрывала тротуар машина. Облокотившись о капот, смутно знакомый мужчина, с худощавым хищным лицом и бритой головой, слегка за тридцать, рассматривал ее в упор. Оля гордо выпрямилась и презрительно поджала пухловатые губы, демонстративно игнорируя нахала. «Ну и что на меня смотрим? На мне узоров нет! И к тому же она на улице не знакомятся, не из таких!» Девушка сошла на проезжую часть, чтобы обойти незнакомца.

Мужчина раздвинул в вежливой улыбке тонкие злые губы, сказал деловито, без единого намека на флирт:

– Ольга Николаевна Соловьева?

– Да, – девушка остановилась. Ледяной взгляд Снежной королевы замер на лице мужчины. Откуда он ее знает? Сколько не напрягала память, но вспомнить не могла, но все же кого-то он напоминал.

– А вы кто, молодой человек? Я вас не знаю и на улице не знаколюсь!

Мужчина насмешливо хрюкнул.

– За молодого человека отдельное спасибо, но, вы ошиблись. Я не с целью познакомиться. Я помощник вашего двоюродного дяди Виктора Александровича Соловьева. Он хочет поговорить с вами, – мужчина, заметив на лице девушки колебание, вытащил из кармана плоскую коробочку мобильного телефона, – Секундочку.

Набрал номер:

– Это я, Виктор Александрович. Она здесь, передаю трубку, – и передал телефон девушке.

Оля посмотрела на мужчину с сомнением, но все же взяла телефон.

– Здравствуй, Оленька, душа моя, – необычайно приветливый голос дяди, хотя и видела его всего один раз и то год тому назад, узнала сразу. Дядя сказал, что Оля его единственная родственница на всем белом свете и, что он вместе с женой просит переехать ее жить к ним. На слабые попытки девушки возразить, что она должна завтра явиться в военкомат, дядя хохотнул и заявил покровительственно, что решит проблемку. Девушка вначале растерялась. Затем, едва скрывая радость, ответила согласием...

Тетя до вечера так и не приехала. На часах было десять, когда бухнула входная дверь, когда сквозь закрытую дверь ворвался приглушенный мужской голос. Оля выскочила в прихожую. Соловьев, с землистым от усталости лицом, опираясь об стенку рукой, переобувался в домашние тапочки.

– Оленька, здравствуй! – дядя вяло улыбнулся. – Приведу себя в порядок, зайду к тебе. Подожди немного.

– Виктор Александрович, здравствуйте, меня...

Соловьев скривился, точно от зубной боли и перебил:

– Никаких Викторов Александровичей, для тебя я просто дядя, – заметив, что Оля хочет что-то сказать, произнес с ноткой недовольства, – Все потом, когда приведу себя в порядок.

Решительно повернулся и вышел из прихожей. Оля пожала плечами и вернулась в комнату.

Следующие полчаса провела словно на иголках, тысячи вопросов, одновременно вертелись на языке и главный из них – почему всеильный глава города и знать не хотевший дальнюю и забытую родственницу воспытал к ней интересом?

В дверь негромко постучали, не дожидаясь ответа, в комнату вошел дядя. Он переоделся в белоснежный махровый халат, лицо посвежело. Улыбался. Глаза сияли. Вид именинника, получившего долгожданный подарок. Он окинул одобрителем взглядом родственницу. Черные, как ночь, ресницы и такие же волосы, личико славное. Интеллигентное, явно не с Гончарки с тамошними даунятами, тут порода чувствуется. И фигурка, такие бывают у занимавшихся балетом. Оля и действительно в детстве ходила в балетную студию, но потом умер отец и занятия пришлось бросить.

Положительно, не будь она родственницей, а он – помоложе, то ух!

Племянница зарумянилась, поспешно вскочила с дивана и выключила звук у телевизора. Виктор Александрович

Приобняв племянницу за плечи, ткнулся сухими губами в пахнущую свежестью девичью щечку.

– Пойдем, покажу тебе дом. Теперь ты будешь здесь жить, – протянул покровительственно.

Отказываться неудобно, и Оля отправилась в повторную экскурсию. Соловьев, с видимым удовольствием вспоминал, как строил дом и где, и как приобрел обстановку очередной комнаты. Наконец, экскурсия завершилась, они возвратились в комнату, Оля села на диван, а дядя, пододвинув поближе кресло-качалку, развалился, качнулся разок.

– Устал Оленька, работы, – Соловьев провел ребром ладони по горлу, – Во! Но ничего, прорвемся! Чтобы мы, Соловьевы, да не справились? Да не бывать такому! – дядя молодецки подмигнул.

На экране телевизора безмолвно шел мультфильм: кукла Барби, с вечной дурацкой улыбкой, брела по густому лесу вслед за снежно-белым единорогом.

Оля, похлопала наращенными ресницами, что сделало ее неуловимо похожей на героиню мультфильма.

– Виктор Александрович, я...

– Оленька! – перебил мужчина, улыбаясь, шутливо погрозил пальцем, – Мы же договаривались! Дядя или дядя Витя!

– Хорошо, дядя, – девушка сверкнула глазками, но тут же скромно опустила в пол.

Немного помолчали, в комнате повисло неловкая тишина, за окном темнело, деревья в саду расплывались теряли форму, сливались в серую, потом в темную массу.

– Кхм, – дядя внушительно откашлялся, сейчас он выглядел заботливым родственником, озабоченным счастьем двоюродной племянницы. Качнулся в качалке и доверительно прикоснулся к руке девушки, – Ты моя единственная родственница в городе и я решил! Ты будешь жить здесь на правах дочери.

Оля нервно прикусила губу. Вот тебе и раз! Живи на правах дочери! Не верила она в бесплатный сыр, но и отвергать сходу щедрое предложение, глупо. Посмотрю, что от нее нужно, тогда и решу, как поступить.

– Дядя, тут такая проблема... я училась на юридическом, а меня отчислили. Что мне делать?

– Юристы больше не нужны, так что возвращаться в сельхозакадемию смысла нет. А там, глядишь, замуж выйдешь? А, Оленька? – дядя залихватски подмигнул, а девушка округлила глаза.

– Ой! Дядюшка, а откуда вы знаете про нас с Сашкой? – всплеснула руками.

– Какой Сашка? – Соловьев нахмурился, некое смятение коснулось лица и застыло в приподнятых бровях.

– Он военный, лейтенант с рембазы... ой! Из батальона! – девушка запунцевела, став еще краше и затараторила, – Александр Петелин, мы с ним дружим уже скоро год и хотим расписаться! Он хороший, правда-правда! И меня очень любит!

Виктора Александровича сжал губы в блеклую нить, пальцы правой руки тревожно пробарабанили по подлокотнику. «Лейтенантик в качестве зятя неподходящая кандидатура, если из вояк, то хотя-бы за майора собралась... Нет, выйдет замуж за кого решу!» Под пристальным и немного скучающим взглядом девушка смешалась.

– Оленька, – сказал непреклонно, кисло, как теща, у которой сватает дочку нищий зять, улыбаясь, – ты мне как дочь и голодранцы типа этого, – после паузы продолжил, выплевывая слова, – Сашка нам не нужны. Найдем более достойного мужа!

И добавил про себя: «и выгодного мне. Надо подумать, кого с помощью брака с девчонкой привязать к себе».

После Переноса жена Виктора Александровича поубивалась – в двадцать первом веке остался сын, но спустя несколько дней успокоилась. В конце концов, он взрослый, самостоятельный человек, жив и здоров. А то, что никогда больше его не увидит, так это изменить нельзя и, как увещевал батюшка Михаил из Храма Живоначальной Троицы, его она очень уважала, с этим надо смириться.

Соловьев к сыну относился подчеркнuto холодно. Тот оказался слишком похож характером на отца, а двум медведям в одной берлоге не ужитья. Три дня тому назад супруга за традиционным совместным завтраком напомнила о существовании единственной оставшейся на всем белом свете родственницы – Оли. Соловьев тогда рявкнул на супругу, дескать, зачем ему эта нищета, воспитывавшаяся черт знает где? Жена обиженно поджала губы и замолчала, но с тех пор Виктор Александрович задумался, ему шестьдесят, кому оставит все заработанное и нажитое? Чем дольше думал об этом, тем больше мысль удочерить племянницу нравилась ему... Он столько сделал для города и столько еще сделает... неужели он не достоин стать основателем династии наследственных МЭРОВ, да какая разница как называть, хоть царем!? Пусть не племянница, хотя бы ее дети могут пойти по стопам дяди. Все равно родная кровь. Цари Соловьевы! Звучит! Пройдут столетия, а обо мне будут помнить, как о родоначальнике царей Соловьевых! Хотя один город... это мелко. Маловат размерчик то! – вспомнил старый мультфильм и, почти детская улыбка тронула губы. Россия – вот достойная цель! Но об этом рано, сначала город должен укрепиться... В любом случае, девчонку необходимо забирать, и если не ее, то ее ребенка объявить наследником.

Слова родственника ошеломили Олю. Растерянная и покрасневшая, несколько мгновений безмолвно смотрела на дядю. Она и так не слишком жаловала родственничка, а сейчас почувствовала к нему неприязнь. Перед мысленным взглядом девушки появился облик жениха: чуть курносый нос, пухлые губы – мать говорила, значит добрый, на которых вечная добродушная улыбка. Облик не портила даже борозда, стекавшая наискось через лоб, незнакомая, пугающая какой-то отчужденностью, появившаяся после экспедиции по освобождению пленников из Селинного.

Девушка дерзко взглянула в лицо всемогущего родственника:

– Дядя! Мне никто другой не нужен! Мы с Сашей любим друг друга и я...

– Так, – двоюродный дядя бесцеремонно перебил, – Я, как старший родственник, запрещаю встречаться с ним!

– Дядя! – девушка повысила голос, – Я...

– Все я сказал! – рявкнул Виктор Александрович, весомо прихлопывая ладонью по подлокотнику, – Ты слишком молода, чтобы решать свою судьбу самостоятельно, будет как я сказал!

Подумал с одобрением: «Упряма, под себя гребет. Наша порода!»

Мультфильм закончился, на экране мрачные типы в кожаных куртках гонялись друг за другом по улицам американского города и стреляли из пистолетов.

Девушка замолчала, искоса украдкой взглянула на каменное выражение лица дяди. Он хочет, чтобы я была его дочерью, но я боюсь его, боюсь благодеяний от него, боюсь... Ах, если б уехать отсюда, где он бы не смог достать! Когда она познакомилась с Александром, он понравился и показался хорошей партией. Шло время, Оля лучше узнавала парня и в конце концов по уши влюбилась. Пусть делает что хочет, но она выйдет замуж только по любви и за кого сама пожелает! Никто, и даже новоявленный родственничек не помешает самой решать собственную судьбу!

Уперев ладони в крутые бедра, повысила голос, подрагивая верхней губой (первый признак сдерживаемого бешенства):

– Тогда не нужно мне от вас, Виктор Александрович, ничего! Я хочу вернуться к себе!

Несколько мгновений мужчина тяжело смотрел в глаза племянницы, но девушка так и не отвела взгляд.

– Девка не дури! Я, – голосом выделил последнее слово, – сам решу, что для тебя лучше! Будешь жить у меня! И никаких Сашков!

В своей самонадеянности Соловьев не знал, а возможно забыл – жена всегда покорялась ему, что не стоит обижать женщин. Они ничего не забывают и обязательно мстят.

– Я, Виктор Александрович, вам не девка! Ишь благодетель какой выискался! Сто лет не хотели знать, а тут вдруг вспомнили!?! – голос девушки достоин снежной королевы, – Права не имеете! Я совершеннолетняя и сама отвечаю за себя! Хочу и уйду!

Соловьев равнодушно, словно паук на запутавшуюся в ловчих тенетах жертву, смотрел на племянницу, и Оля поняла, что старания не произвели никакого впечатления.

Порывисто прикрыла ладонями лицо, жалко дрогнули тугие губы. Между изящных пальчиков с алыми, словно обогранными алой кровью ноготками, просочилась прозрачная капелька, покатила, оставляя на коже влажный след. Закапали неудержимо. Украдкой взглянула на дядю в щелочку между пальцами. Опять неудача. Испытанное оружие слабой половины человечества не оказывало привычного воздействия – дядя все так же, со скукой, разглядывал родственницу. Пальцы нетерпеливо барабанили по подлокотнику.

Придется применить последнее средство! Девушка вытащила платок. Тщательно вытерла лицо. Взглянула в зеркало. Так... и тушь потекла. Черт! На кого я похожа! Ну и пусть!

– Дядя, ну миленький, ну пожалуйста, я не могу не выйти замуж за Петелина, – прохныкала, на властительного дядю уставились заплаканные глаза, – я беременна!

– Что? – непонимающе произнес дядя, – Говори громче!

– Я, – глубоко вдохнула, набрав в легкие побольше воздуха. – Беременна!

На лице Виктора Александровича отразилось досадливое удивление, сцепив пальцы на груди в замок, несколько мгновений безмолвно покачивался в кресле, размышляя. Оля с тревогой наблюдала за мужчиной.

«Так это даже хорошо... Можно не думать о наследнике, родит ребенка, будет кому все оставить... Жаль, что с сыном не сошлись характерами, такой же упертый, как и я... Дай бог чтобы родился парень и дай бог сил, воспитать по-своему, не допустить ошибки, как с сыном. Его я упустил. Решено, родит, а мужа ей потом подберу». Раздражение на лице, поменялось на удовлетворенное выражение.

– Посидишь дома, тебе нельзя сейчас волноваться. А я пока порешаю вопросы, – криво ухмыльнулся. Поднялся с кресла и вышел в дверь.

Ольга опустила голову, спина сгорбилась. Мы ещё посмотрим, чья возьмет дяденька...

Давно закончился официальный рабочий день. Сумерки сгущались. Мелкий пылевидный дождь, шедший весь день, прекратился, но зато с севера задул холодный пронзительный

ветер. На фоне лимонно-багровой полосы закатного неба мокрые деревья размахивали едва различимыми в сгущающейся тьме ветвями с едва проклюнувшейся листвой, выше громоздились рыхлые сине-черные тучи.

Устало передвигая ноги, гудящие после вечернего марш-броска, Александр захлопнул дверь КПП части. Ни огонька. Где-то поблизости пронзительно забрехала собака. Легкий ветерок нес резкий и пряный аромат сирени, раскачивал керосинку перед входом. Маленький пятячок света вырывал из мрака то табличку с номером части, то прятал ее от любопытных глаз. Холодно. 12 мая на календаре, но, по ощущениям погода максимум конец апреля. Гораздо прохладнее, чем в двадцать первом веке, думал Петелин, зябко ежась. Пожалуй, еще чуть-чуть и лужи покроются льдом. Закоченевшие пальцы застегнули верхнюю пуговицу бушлата руки нырнули в карманы. Все правильно – самый разгар малого ледникового периода. Так что с ранними веснами придется распрощаться.

Малый ледниковый период (МЛП) – период глобального относительного похолодания, имевший место на Земле в течение XIV—XIX веков. Данный период является наиболее холодным по среднегодовым температурам за последние 2 тысячи лет.

Вытащил из кармана аккумуляторный фонарик, взятый напрокат у старшины. Дрожащий круг света выхватил из темноты клочок мокрого асфальта. Александр брел мимо молчаливых заборов, мимо едва угадывающихся в полутьме крыш. Глухо и дробно звучали шаги. Дома не ночевал почти неделю – все как-то в казарме и в казарме, а про выходные успел забыть, но времени ни на что не хватало категорически. Даже на свидания с Олей, что ее сильно злило. Последний раз она позвонила вчера днем. Оказалось, что она дальняя родственница градоначальника и будет жить в его семье. На следующий день Александр несколько раз звонил, но трубку никто так и не взял, заставив теряться во всевозможных догадках. Впрочем, справедливо решив, что в доме у новоявленного родственника ей ничего не грозит, молодой человек особо не беспокоился. Мимо проплывала кованная ограда пожарной части, когда на дороге показались два быстро приближающиеся огонька – полицейский патруль на велосипедах. Подъехали поближе, но увидев человека в форме, повернули назад.

После похода по освобождению пленных, комбат поблагодарил Петелина перед строем, а затем вызвал в кабинет и устроил выволочку по полной программе за пререкания со старшим по званию. Еще и просчеты нашел в управлении боем. Зато начальника штаба уволили, а на его место назначили замкомандира радиолокационного батальона.

Коттеджи закончились, потянулись мрачно-серые громады пятиэтажек. Пропахшие весенней сыростью пустынные и темные улицы тянулись и тянулись. Нигде ни души. Только кое-где в окнах мелькали слабые огоньки керосинок и аккумуляторных фонарей. Александр подходил к улице Советской, когда навстречу пронесся, обдав влажным ветром и едкой вонью жженой древесины, микроавтобус. В целях экономии дефицитной солярки городские автобусы поставили в парк, а вместо них на линии вышли микроавтобусы, с газогенераторами, работающими на древесине. Сквозь забрызганное слякотью лобовое стекло на миг показалось полутемное нутро автомобиля. Александр успел разглядеть водителя, по виду таджика и несколько усталых пассажиров.

Он завернул за угол своей панельной пятиэтажки, у дверей подъезда раскаленными угольками атели точки зажженных сигарет, во время затяжек освещая угрюмые, сосредоточенные лица двух мужчин, похожих словно однойцовые близнецы: возрастом под тридцать, в кожаных куртках и одинаковых черных шапочках – они вполне тянули на звание тех, кого в народе называли «шкаф». Напротив, на проезжей части стояла красная тойота с погашенными фарами–престижная в городе машина. Ни у кого из жителей дома такой не было, да и не появится никогда.

Луч фонаря осветил угрюмые лица.

Сигареты раскаленными звездочками упали на землю, а парни заступили дорогу.

Александр остановился, смотря на незнакомцев скорее удивленно, чем с настороженностью. После повальной облавы криминалов и, посадки их в трудовой лагерь, преступность практически сошла на нет.

– Убери фонарик, – произнес хрипловатым голосом, растягивая слова по блатному, и, прикрываясь от света ладонью, парень немного повыше ростом. От него тянуло табаком и немного перегаром. Лицо не отягощено интеллектом.

– Что надо? – опустил фонарик Александр.

– Ты Петелин?

Из-за туч выглянул острый серпик только что народившегося месяца, заливая спящий город мертвенным серебром и высветив на скуле парня белый зигзаг старого шрама.

– Ну я, – протянул Петелин, с легким недоумением разглядывая заступившего дорогу человека. Явно не с его района – обоих парней видел первый раз,

– Ты это... долго, не дожدهшься, блин. Заработался че ли? – неуклюже обронил «шкаф», – Закурить есть?

Второй, до этого безмолвно наблюдавший за товарищем, коротко гоготнул, блеснув золотой фиксой.

Александр с удивлением посмотрел на «шутника». После Переноса табак спустя пару дней исчез с полок магазинов. Пачку сигарет отоваривали по талонам раз в две недели, еще курево можно добыть у спекулянтов, но по бешеной цене. Сердца курильщиков грела надежда на будущее изобилие: на самосад, из садов пары древних дедков из деревни Полушкино – в планах были посадки на больших площадях, да туманные перспективы на торговлю с Америкой. Так что теперь просили угостить сигаретой только ближайших друзей.

– Не курю, – бросил в ответ Александр и хотел пройти, но парень со шрамом протянул руку, останавливая:

– Подожди фраерок, ты Ольгу Соловьеву знаешь? – произнес многообещающе.

– Да, – глаза лейтенанта настороженно сузились, что от него надо этим блатным? – А тебе какое дело?

– Уважаемые люди просили передать, чтобы ты отстал от нее, – качнувшись с носка на пятку, сказал второй, с фиксой.

Петелин резко дернулся, взгляд загорелся предостережением и потемнел. Хамства и наглости он не прощал никогда и никому.

– Чего? Да пошел ты, – сквозь зубы процедил офицер.

– Следи за метлой, баклан! – набычился тот, что со шрамом, а второй демонстративно сплюнул под ноги.

Следи за метлой (тюремный сленг) – не допускать в разговоре оскорбительных выражений или отдельных матерных слов.

Баклан (тюремный сленг) – хулиган. Слово имеет презрительный оттенок; авторитетных, уважаемых заключенных, даже осужденных за хулиганство, бакланами называть не принято.

Александр скрипнул зубами и шагнул в сторону, чтобы обойти блатных.

Мелькнула рука. Умелый апперкот в живот столь стремителен, что лейтенант даже сообразить ничего не успел.

Его согнуло почти пополам, дыхание перехватило, словно из легких выбили весь воздух. Он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Фонарик выпал из ладони, звонко разбилось стекло. Покатился, световое пятно уткнулось в серую панель стены.

Короткий боковой хук «быка» со шрамом. Резкая боль прострелила ребра. Петелина отшвырнуло в сторону.

Следующим ударил «бык» с фиксой. Сокрушительный хук по скуле, из глаз посыпались искры, Александр рухнул, чувствительно приложился спиной об асфальт. Рот наполнило соленым вкусом крови.

Несколько мгновений скрюченный Александр хватал воздух ртом, потом кислород живой струей проник в легкие, наполняя организм счастьем дышать. Бешенство охватило его. Сердце заколотилось словно безумное, в висках набатом застучала кровь. Мысли исчезли, осталась первобытная ненависть зверя, стремящегося добраться до горла врага.

Он затаился.

– Баклан, – процедил презрительно и довольно «бык» с фиксой. Подхватил с земли разбитый фонарь, луч осветил скрючившуюся на земле фигуру. Злорадно хохотнул и шагнул к жертве.

Широко, по футбольному, размахнулся, как привык, добить лежачего.

Александр использовал шанс до конца. С утробным хеканьем распрямился, впечатал каблучки офицерских берц (офицерские ботинки) в живот блатного. Словно словив пушечное ядро, тот отлетел назад. Покатился, с треском сминая кусты около подъезда. Все же парень Петелин был далеко не хилый.

Стремительно вскочил на ноги. Вернее, ему показалось, что стремительно, потому что второй из «быков» был быстрее.

Сокрушительный удар! Скулу пронзила боль. Искры фонтаном из глаз. Александр вновь рухнул с размаху ударился землю затылком. Перед глазами все поплыло.

Со звериным хеканьем «бык» ударил в живот ногой.

Александра подбросило над землей, удар по голове и вновь по голове, заплясали искры.

– Хватит, хватит я сказал! Забудьте нахрен! – словно сквозь вату донеслось до Александра.

«Бык» со шрамом матерно пробормотал под нос, отошел, второй, с фиксой, с трудом поднялся на четвереньки, ошалело замотал головой.

В голове Александра сплошной гул, словно кто-то от души саданул по медному колоколу, порождая оглушительный звон, который вот-вот разорвет череп. Саднило спину и живот.

Хлопнули двери автомобиля. Наклонился белый овал лица. Глаза неизвестного сверкали холодно, словно принадлежали не человеку, а рептилии. В суетливых движениях чувствовалась нечто от грации гадюки, готовящейся к стремительному броску.

– Жить хочешь? – неизвестный рыкнул раздраженно. Голос не походил на грубые голоса «быков». В нем чувствовалась сила привыкшего к беспрекословному повиновению человека и неплохое образование. Александр сплюнул на землю кровь и упрямо сжал губы.

– Хочешь, я знаю, – казалось, что говоривший ехидно улыбнулся, но когда он продолжил, в голосе появились стальные нотки, – тогда запомни, чтобы больше тебя возле Ольги я не видел, иначе убью!

Александр ненавидяще глядел в белесую муть лица. С ветки на лоб упала капелька, поползла по скуле, щеке и пропала в земле.

Человек выпрямился, провел пальцами по уголкам рта словно смахивая невидимые крошки:

– Упрямый, – вроде даже одобрил, – Ладно я тебя предупредил. Все, пошли.

Хлопнула, открываясь, дверь автомобиля. Пострадавший «шкаф» подбежал к Александру и с руганью пнул полубесчувственное тело.

– Я сказал поехали!

Глухо бормоча нечто матерное под нос, «бык» подчинился. Грохнула, дверь, загудел мотор, зашуршала шинами отъезжающая машина. Звук затих вдали.

Александр заворочался. Опираясь о шершавую стену дома, поднялся на ноги. Кровь тяжело бухала в висках. Мучительно болели бока, отдаваясь тупой болью в голове, болела скула, ребра, наверное, сломаны, но сильнее боли – стыд. Словно мальчишку избили, порвали форму. Унизили...

Замутило, согнулся в приступе бурной рвоты. Наконец, полегчало. Вытер разбитые губы тыльной стороной ладони и прислушался к окружающей ночи. Мертвая, угрожающая тишина, ночь, ветер прилег на крыше, перестав колыхать ветвями деревьев и кустов. Сверкнули в лунном свете рассыпанные по земле пуговицы.

Подошел к подъезду, скрипнула, открываясь дверь. На лестнице темно, хоть глаз выколи. Нога нащупала ступеньки, опираясь рукой о стенку, поднялся на второй этаж, пытаюсь не материться от простреливавших бока вспышек боли. Свет с улицы нарисовал на полу переплет оконных рам, на двери блеснул номер квартиры – тридцать шесть. Позвонил в дверь и облегченно выдохнул про себя – наконец то дома. Долго не открывали, наконец дверь открылась, в проеме показался сосед-летчик с зажженным фонариком в руке. Узкий и болезненно-яркий конус света вырвал из тьмы окровавленную физиономию Александра и форму в грязи. Глаза «летуна» удивленно округлились.

– Это кто так тебя отметелил? – голос дрогнул.

– Там... какие-то уроды, – ответил с видимой неохотой и махнул рукой в сторону подъезда.

Сергей прищурился, взгляд стал острым и цепким, губы отвердели. Перед Александром стоял боец, готовый в ответ на пощечину не подставить другую щеку, а ответить беспощадным хуком.

– Пошли, – подхватил осторожно приятеля под руку, отвел в ванную, из крана с шипением хлынула тугая струя воды.

– Сам умыться сможешь?

– Да.

Вода, смешиваясь с кровью, розовой струйкой стекала в раковину.

Через минуту дверь в подъезде с грохотом отлетела в сторону, Сергей, с пистолетом в одной руке и включенным фонариком в другой, выскочил на улицу. «Летунам», в отличие от пехоты-матушки, на прошлой неделе выдали личное оружие. Пронзительно выл в ветвях ветер, прохладно и холодно, мяукали, призывая невест коты – весна. Пару минут луч хаотично метался, выхватывая из тьмы то фрагмент асфальта, то серый бетонный угол дома, то мечущуюся на ветру нежную, листву берез. Нападавших ни следа, только на земле кровавое пятно и лужа блевотины.

– Козлы, – с чувством обронил молодой человек и закрыл за собой дверь.

Иван Савелович выплыл из мутных пучин сна, глаза открылись, моргнули. В комнате постепенно светлело. Взгляд упал на пустую половину дивана, где должна была спать голубушка, лицо жалко сморщилось. «Ну и за что это мне?» – по сердцу полоснула ноющая боль. После ранения жены время словно повернуло вспять, в юность. Законная супруга вновь стало для Иван Савеловича не чертовой бабой, а голубушкой. Операция прошла благополучно и, слава богу, она выздоравливала. Вчера вечером он ездил проведать в железнодорожную больницу. Увидится в реанимацию не пустили, но удалось переговорить со строгой, но, сразу видно, опытной заведующей хирургическим отделением. Врач обнадежила, что все с женой будет хорошо. А еще хвалила, дескать, молодец, быстро доставил жену в больницу и этим спас ее жизнь.

«Цок, цок, цок» – заклацали по полу когти домашнего любимца: дворняги по кличке: Жук. Собака подошла к дивану, хвостик бешено завилял. Не забудь вывести меня на прогулку!

Старик поднялся, дивана возмущенно скрипнул. Наклонился к собаке, потрепал по холке, шершавый язык благодарно лизнул руку.

Тяжелая штора отлетела в сторону. Огненный шар солнца, поднимался над горизонтом, пустил огненные стрелы по верхушкам деревьев. Мир просыпался. На листьях деревьев и траве бесценными алмазами мерцала роса, высокое, безоблачное небо обещало погожий денек. Из полуоткрытой форточки пахло зябкой свежестью и цветущей сиренью, начал торопливо одеваться. Дон-дон-дон-дон! – сорвавшись с колокольни, хрустальный звон залил город, пронесся над коробками пятиэтажек и затих над речными просторами. Звонили к заутрене. Птички щебетали, старались. Вздохнул всей грудью – а славное утро! Грустных мыслей как не бывало – все будет хорошо, доктора вылечат голубушку и заживет он с ней лучше прежнего. И не утерпишь, сходишь на утреннюю рыбалку! Утро – самый клев!

В безоблачном небе, на таком расстоянии, что немалый воздушный аппарат казался не больше мухи, беззвучно нарезал круги мотодельтаплан. Прошла неделя как с аэродрома ежедневно взлетала на патрулирование границ парочка сверхлегких аппаратов. Периодически они вылетали для разведки сопредельной территории, подолгу кружили над ближайшими стоянками туземцев и местами, удобными для прохода кочевых орд.

Час полета вертолета стоил дорого, да и запчастей с авиационным топливом на складах не так много, как хотелось. Так что как не экономь невозполнимые ресурсы, но в лучшем случае через пару лет, город останется без авиации двадцать первого века. Выход нашелся сразу. Мотодельтаплан – далеко не космический корабль «Буран». Летающую самоделку несложно изготовить даже в обыкновенном гараже, было бы из чего и, были бы преданные малой авиации энтузиасты. Спустя неделю после Переноса первый мотодельтаплан, сердцем его послужил низкооборотный четырехтактный двигатель с воздушным охлаждением от мотоцикла «Урал», протарахтел в городском небе. А окрыленный успехом коллектив самоделщиков приступил к строительству более серьезного аппарата. Благо в технической библиотеке вертолетного отряда нашлись чертежи «старых» самолетов, авиационные справочники и учебные пособия, а в городе – автомобильные двигатели мощностью от 100 квт и выше и дюраль для основных силовых элементов. В планах были самолеты, а точнее гидросамолеты, с двумя двигателями, способные летать долго и без аварий, не нуждаться во взлетной полосе и нести серьезную бомбовую нагрузку.

С удочкой и ведром в руках, Иван Савелович толкнул ногой свежеекрашенную дверь подъезда, со скрипом провернулись ржавые петли. Протиснулся боком из полутьмы подъезда на улицу. По глазам наотмашь ударили солнечные лучи. На миг зажмурился. Зеленела молодая трава на газонах. На деревянной скамейке у подъезда в расслабленной, даже несколько вальяжной позе расположился сосед из полуторки (*однокомнатная квартира – южноуральский диалект русского языка*) напротив – энергичный пузан в спортивных штанах и линялой майке на пару лет постарше: Юрий Александрович. В тонких, выцветших от прожитых лет губах, дымила сигарета. Человек он был основательный: квартира, машина, гараж и садовый участок с домиком, словом, все как положено. Особенно он гордился тем, что полжизни проработал сварщиком высшего – шестого разряда на моторном заводе, где славился качеством шва и веселым нравом. Работал бы и дальше, но подвело здоровье. После инсульта вышел по болезни на пенсию. С тех пор речь окончательно так и не восстановилась и при разговоре он заикался, особенно когда волновался. Но это совершенно не мешало, словно проклятому, пахать в саду и вести активную жизнь.

– О! др-ружище! П-привет С-савелыч! – расплылся в слегка перекошенной улыбке сосед, подвигал пальцами, словно разминая их и протянул черную от въевшейся смазки, обветренную и жесткую, как деревяшка, руку, – Чего это ты с пустым ведром! Не хорошо. Это... неприятность будет!

– Сейчас пустое, вернусь полное будет, на рыбалку иду, – Иван Савелович пожал руку и улыбнулся в ответ.

– Че, – оживился сосед, – значит правда, что р-рыба прет со страшной силой?

– Говорят... вот, хочу рыбного супчика жене привести. Ты приходи на ужин – угошу! Супец я готовлю знатный. Пальчики оближешь!

– О! – сосед потер ладони, – это дело! У м-меня и б-бутылочка самогоночки есть. Взять? – доверительно наклонился к собеседнику.

Иван Савелович почесал затылок, пожал плечами:

– А давай! Выпьем за здоровье супруги, чтобы врачи ее быстрее на ноги поставили!

– Покурим? – спросил Юрий Александрович, доставая пачку и засовывая сигарету в рот, но свои не предложил.

Курил Иван Савелович редко, но от вида аппетитно пускающего дым соседа рот наполнила тягучая слюна и отчаянно захотелось курнуть. Осталось еще полпачки до конца недели, так почему не покурить? Он кивнул.

Из кармана появился платок. Обтер скамейку от росы, пристроился рядом и раскурил сигарету от поднесенной соседом спиртовой зажигалки.

– Сам то чего куришь? Тебе же нельзя!

– З-закуришь тут, – невесело хохотнул сосед, – когда знамя части спи... Хоть т-ты не начинай! А то моя к-как увидит курево, ну сушая змея. Так и ш-шипит. Ну вык-курю я единственную сигарету в день и че? Одна осталась радость – выпить да пок-курить. И той, сволочи, л-лишают! По карточкам – пачка р-раз в две недели. Такие дела... – с досадою махнул рукой, – Ч-честное слово, знал бы про чертов Перенос, закупил бы запасец.

Помолчал, аккуратно пуская ароматные струйки сигаретного дыма в небо, и добавил мечтательно:

– К-короче, еще и п-пару мешков муки прикупил бы. И тебе не помешало бы... Уж я редко говорю, да метко. Мое слово, верное! Да г-где сейчас их возьмешь?

– Вот как... Неужели мешок муки, который ты купил до Переноса, закончился? Ты же вроде тогда еще мешок соли притащил? – Иван Савелович усмехнулся.

– И че? Надолго ли хватит? – загорячился сосед, жестикулируя двумя руками и заикаясь больше обычного, – з-зато еще почти п-полный мешок с-соли остался! М-мы с женой так соль любим, – коротко хохотнул, вспоминая, как однажды жена ответила на вопрос, зачем купила столько соли. Поднял на собеседника выцветшие глаза, угадывая, какое впечатление произвел рассказ.

Иван Савелович хмыкнул насмешливо и посмотрел на часы, стрелки замерли на пяти тридцати утра.

– А ты что так рано то?

– А! – отмахнулся сосед, – т-ты знаешь, что дома не курю, а к утру уши опухли, вот и вышел на улицу. А н-начальнички сигареты и не думают экономить, – закончил с неожиданной злостью, – К-короче карточки для быдла! Это т-тебе повезло, получил карточки и на себя, и д-двойной паек на жену.

Сосед любил пошутить, но такие шутки пахли слишком плохо. Иван Савелович пристально посмотрел в глаза собеседнику, а тот, сообразив, что сболтнул лишнее, досадливо крикнул. Слегка дрогнув лицом и соорудив такую гримасу, что сердиться на него было решительно невозможно.

– Ну ты же знаешь, что я д-дурак? У меня д-даже справка есть. И-извини д-дурака за лол, – виновато понизил голос, коротко и невесело хохотнул, ладонь прикоснулась к локтю собеседника.

Несмотря на заикание, после выхода на пенсию сосед неплохо освоил интернет и всюду пользовался сложными дизайнерскими программами, так что дураком назвать его было нельзя. Вот бестактно-наглым – безусловно.

– Что за лол такой?

– Так это, – конфузливо сказал сосед, – в Интернете т-так говорят, короче шутка это, так п-прощаешь?

– Ладно! – досадливо махнул рукой Иван Савелович. – Проехали!

Раздавался нарастающий рев мотора, из-за угла дома выскочила блестящая коробка внедорожника «Range Rover», с ревом проскочила мимо подъезда, резанув взгляд отсутствием ставшей привычной нашлепки газогенератора. За тонированным окном мелькнуло безразличное лицо хозяина жизни.

– С-смотри, идрена мать! – задохнулся от возмущения сосед, провожая взглядом машину. Кулаки поднялись к небу. – Для работяг солярки нет, а для него находится! Мать его поперек жопы ети. Вот почему м-моя машина должна стоять в гараже, потому что э-экономим, а эти рассекают по городу? З-знаешь, чья это машина?

– Нет, – покачал головой Иван Савелович.

На лице собеседника полыхала смесь недоумения и озлобленности.

– Романова! – словно выплюнул фамилию пенсионер, матерно выругался сквозь зубы, заговорил веско и зло, – король жизни, идрена мать, а еще м-миллионер и депутат, магазин Россия, – махнул рукой в сторону центра города, – его и еще куча магазинов. Это т-только у работяг плохо, а у таких всегда все прекрасно!

Иван Савелович досадливо поморщился и запоздало подумал, что зря остановился, пункт у соседа по отношению к начальству – конкретный.

– Ну а что ты предлагаешь? – насупил, неторопливо затянулся стараясь не обломить длинный столбик пепла. Добился своего, пепел не упал, – Может, сбежать к кочевникам?

– Да н-нет, – сосед изменился в лице, пятерня почесала небритую щеку, – Я че, дурак? К-короче с ж-женой смотрели по телеку про попавших в рабство, д-да не приведи господь.

– Тогда куда, на Русь?

Сосед отрицательно замотал головой. Пару дней тому назад весь вечер по телевизору показывали историков. Они рассказывали о жизни на Руси в эпоху Петра 1. Картина вырисовывалась далеко не радостная. Попаданцы в необычных одеждах, на русском семнадцатого века не говорят, привычных для той эпохи документов, оружия и денег нет, православных молитв не знают. Значит примут даже не за бродяг или беглых холопов, а за заграничных шпионов или колдунов. Сожгут посланцев дьявола или запытают, пока не признаешься в чем угодно. Средневековье только что закончилось, ничего не поделаешь, темен народ.... Зато порадовали рассказы о геологии родного края. Урал несказанно богат неизвестными в семнадцатом веке месторождениями, одна Магнитка даст городу высококачественной железной руды в избытке, есть цветные и полиметаллические – всем богаты родные места, даже алмазы и драгоценные металлы лежат в уральской земле.

Разговор стал неприятным. Не любил Иван Савелович пустую болтовню за глаза о начальстве, предпочитая, если уж припрет, высказать претензии в глаза. За что в свое время пришлось уйти по горячей сетке на пенсию, хотя силы и желание работать еще оставались. Длинными вечерами он часто жалел, что в городе нет работы по специальности.

Старик торопливо попрощался, подхватил немудренные рыбацкие принадлежности и направился к речке. Прошел мимо деревянных контейнеров с надписями: металл, бумага, тряпье, стекло, мусор, распугав устроивших весенний концерт котов. Распоряжением администрации города сортировка мусора стала обязательна. Баловник-ветер гонял по асфальту грязные бумажки, листья и пыль. Кирпичные коробки многоэтажек закончились, показалась мутно-

голубая лента реки. На противоположном берегу ослепительно блестели луковица купола и тонкий крест над ним – Храм Живоначальной Троицы.

Иван Савелович повернул за угол дореволюционной постройки одноэтажного (в нем еще при царях призывали на службу) здания городского военкомата. По проезжей части текла пестрая толпа, преобладали черноглазые цыгане всех возрастов, в кричаще аляповатой одежде, и безучастные физиономии вчерашних бомжей. По бокам колонны, неторопливо шли вооруженные полицейские. Он остановился. Картина так похожа на сцену из старого фильма, где немцы гнали пленных, что старик вздрогнул. Новая – старая власть не обращала внимания на заморочки с толерантностью и правами человека. Все это осталось в прошлой жизни, в недоступном двадцать первом веке.

При виде старика цыгане остановились, загомонили. Многоголосые женские голоса, с характерным акцентом, запросили, затребовали пожертвовать денежку малую на пропитание.

Напротив Ивана Савеловича остановился поджарый полицейский с холодным, злым взглядом. На плече, как влитой, короткий автомат, резиновая палка качалась на запястье.

– Проходите, гражданин, – мрачно сказал и махнул палкой остановившимся цыганам, дескать, вперед! – Кто выполняет норму, те не голодуют (*южноуральский диалект русского языка*).

Морок как появился, так и исчез. Перед ним были не несчастные заключенные, а бездельники и тунеядцы, попавшие под постановление властей: «О социальных иждивенцах». Старик всю жизнь трудился и живших на криминальные доходы паразитов, презирал. Не хотели работать? Так пусть добывают на свалке макулатуру, тряпки для переработки в бумагу, пластик для вторичного литья, металлы и другое вторсырье. А тех, кто хотел начать новую жизнь и заняться общественно-полезным трудом, освобождали под надзор полиции, конечно, за исключением пленных кочевников.

Цыгане с ворчанием, дескать обижаешь, начальник, пошли дальше.

– А что, есть и такие, кто не работал? – вежливо сказал Иван Савелович.

– Ухарей хватало, – полицейский неопределенно махнул палкой, – но когда поняли, что кто не работает, тот не ест, а отобрать еду у слабых не позволят, то перестали валять дурака.

Полицейский направился дальше. В строю заключенных начали преобладать гордые кавказские профили, а в конце с покорным видом шагали несколько оборванцев в потрепанных халатах – явно хроноабorigены. Старик отвернулся.

Последние ряды колонны свернули за угол, оставив после себя затхлый запах потных тел и растоптанный сандаля, одиноко валявшийся посередине проезжей части.

Мимо полосы пожухшей осоки, окрашивавшей берег в унылый, желто-бурый цвет, старик вышел к искрящейся под солнечными лучами Вельке. С воды тянуло свежим ветерком, ветер нес резкие запахи гниющих водорослей, тины и рыбы. Выше по течению, на месте недостроенного в советское время завода круглосуточно строили станцию низкого пиролиза древесины. Над бетонными плитами торчал густой частокот труб большого диаметра, двигалась стрела автомобильного крана, грохотали двигатели и стучали молотки. По телевизору говорили, что постройка станции обеспечит город дешевым метаном, а значит оживет городская газовая система и начнется продажа баллонного газа селянам. А заодно город будет с ацетоном, скипидаром, смолой и пригодным для металлургии древесным углем.

Напротив стройки, в нескольких метрах от кромки воды, застыл грузовой ЗИЛ. Парни в одинаковой зеленой форме без погон – трудармейцы, подбадривая себя дружными криками, с видимым трудом тянули сеть. Мобилизованных парней, кому не хватило места в армии, привлекли к решению продовольственного вопроса. В сочетании с гражданской обувью, военной не хватило на всех призванных, они выглядели потешно.

У главного входа храма Живоначальной Троицы стояли, ожидая, когда церковь откроют, темнела женскими платками в окружении мужчин небольшая толпа. После Переноса ни один

из храмов города не пустовал, множество горожан посчитали, что произошедшее – промысел божий, но далеко не все, не все...

С икон в живых вглядывались смиренные глаза, цвета неба. В воздухе стояла та странная смесь сладкого аромата ладана, елея и горящего воска, по которой безошибочно угадывалась церковь. Струившийся сквозь цветные витражи свет бросал красные, фиолетовые, золотые блики по всему: по густой толпе прихожан, по иконам, алтарю с горящими перед ним крохотными искорками свечей, по вдохновенно-бледному лику отца Лазаря, с редкой бороденкой, совсем молоденького, сразу после семинарии.

– Вонмем. Святая святым! – ломким баском возгласил батюшка, глаза кротко блеснули.

Дьякон Петр удовлетворенно кивнул. Батюшка молод, но, достойный священнослужитель, весьма и весьма ревностный в служении.

– Ха, херь какая! – молодой человек в черной косухе громко сказал. Бесцеремонно растолкал прихожан и пробился в первый ряд.

Старушки зашикали, но он отмахнулся и быстрым шагом подошел к изумленно округлившему глаза батюшке.

Петр всплеснул руками. Ну чувствовала душа, чувствовала, что не к добру этот хамовато одетый юноша заявился в церковь! Он даже собирался подойти поближе и сделать замечание, а то и выгнать, но не успел.

Молодой человек остановился перед священником, наотмашь хлестанул ладонью по щеке и ухмыльнулся презрительно:

– А че, поп, сказано ведь: «Ударили по правой щеке, подставь и левую. Подставляй!» – сказал дыша перегаром.

Храм замер.

Бледное лицо отца Лазаря раскраснелось, а глазах уже не было кроткости, молнии сверкнули в них.

Хук слева впечатавший наглеца в стену, был великолепен, достоин мастера спорта по боксу, его отец Лазарь получил до поступления в семинарию.

Наглец упал на пол.

– Сказано также, какой мерой меряете, – ответил батюшка кротко, – такой и вам будет отмерено!

Храм ахнул.

– Что там, что там, – ссохшаяся старушка в черном вдовьем платочке затеребила рукав сутаны диакона Петра. Из-за маленького роста она не видела, что происходит у алтаря.

– Че, че там происходит?

Дьякон с важным видом ответил:

– Батюшка Лазарь Евангелие молодому человеку объясняет...

Десяток энтузиастов с удочками, с азартом вглядывались в мутные, стылые воды реки и, время от времени выбрасывали на берег сверкающие тушки немалых рыббин. Иван Савелович пристроился немного повыше по течению, забросил удочку в речку. Ждал поклевки недолго. Не прошло и часа как в ведре бились два крупных, с пол руки, тайменя. К двадцать первому веку в промышленном, изгаженном стоками регионе, о тайменях давно позабыли. Но после Переноса в Вельку зашла рыба с верховьев и низовьев, так что река кипела от разнообразной рыбы. Рыбалка начала увлекать.

Азартно закричали молодые голоса. Старик повернулся. На берегу распласталась громадным, блестящим и слабо шевелящимся мешком вытасченная трудармейцами сеть. Между тонкими нейлоновыми нитками бились здоровенные, метр и более таймени, шуки, какие-то осетровые и другие рыбы, названия которых старик даже не знал. Рядом мелочь – рыбешки грамм по двести-триста. Спустя час парни перебросали добычу в наполовину заполнившийся кузов грузовика, а Иван Савелович выловил небольшую, с полметра, щучку и десяток здоро-

вых, с ладонь, карасей. Можно и дальше ловить, но зачем? Дай бог эту добычу переработать! Старик собрался и направился домой.

Иван Савелович распотрошил рыбу, потроха отправились в ведро, а готовые тушки доверху забили морозилку холодильника. Через час на кухонной плите, распространяя густой рыбный дух, остывала трехлитровая кастрюля с приготовленным по всем правилам супчиком. Старик предпочел бы настоящую уху, с водочкой, вот только жене ее пока нельзя. Зачерпнул деревянной ложкой варево, осторожно подул. Вроде бы неплохо.

Пронзительный свистнул дверной звонок. Ивана Савеловича удивленно поднял густые, полуседые брови и положил ложку на стол. Собака, захлебываясь в лае, кинулась к двери, хвост яростной дробью застучал по полу.

– Кого это нелегкая принесла? – удивился Иван Савелович. После увольнения с Магнитогорского металлургического комбината, он вернулся в родной город и вел уединенную жизнь. Друзья детства давно уехали из неперспективного города, а иные успели переселиться на погост, так что навещать некому.

Иван Савелович подошел к двери и наклонился над собакой.

– Как не стыдно гавкать на весь подъезд? – укоризненно покачал головой.

Пес, казалось, понял человека, замолчал и виновато отвернулся, только хвост продолжил вышибал по полу нервную дробь.

Старик загнал собаку в спальню и открыл дверь. На пороге стояла парочка странного вида, старик видел их первый раз в жизни. Небольшого роста мужчина с откормленным лицом, в мятом черном костюме с галстуком, похожий на чиновника средней руки. В руке выдавший виды портфель. Немного позади – немолодая женщина с листом бумаги в руках, лицом напоминающая обиженную мышку.

– Здравствуйтесь, – вразнойой произнесла необычная парочка. Иван Савелович, выжидательно посмотрел на пришельцев и кивнул в ответ.

– Иван Савелович? – высоким, тонким голосом осведомилась женщина. Мужчина смотрел на старика безразличными, слегка выпуклыми, словно при базедовой болезни, глазами.

– Да, это я! – подтвердил Иван Савелович. – А вы кто?

– Мы из службы занятости, – внушительно провозгласил «чиновник», – К вам мы вот по какому делу. Вы до пенсии работали металлургом?

Глаза Ивана Савеловича мечтательно затуманились. Сердце забило быстрее, старик невольно потер левую сторону груди. Ему даже снилось, как течет, брызгая огненными искрами, пышет жаром река расплавленного металла. Он скучал по родному цеху, по нелегкой работе металлурга. Ведь в сущности, он еще не стар, и шестидесяти нет, но уже заранее записал себя в старики.

– Да, – протянул задумчиво Иван Савелович и посторонился, – проходите.

Чиновник зашел в крохотную прихожую хрущевки, огляделся и поджал маслянистые губы. Женщина неожиданно тоненько, как мышка, чихнула, удостоилась гневного взгляда коллеги и тут же сконфуженно уткнулась в вытащенный из кармана розовый платочек.

– Гав, гав! – запротестовали из-за двери спальни.

– Кто там у вас? – спросил мужчина.

– Собака, – терпеливо ответил Иван Савелович.

– Не люблю собак, – сказал со значением чиновник, подняв указательный палец вверх. Выглядел он торжественно и строго, как истинный государственный муж, с достоинством несущий тяготы муниципальной службы, – Но ближе к делу. Городу нужны люди вашей профессии. Началось строительство металлургического завода, и мы уполномочены предложить вам вернуться на работу, – он расстегнул портфель и протянул пластиковый файл с листком старику, – посмотрите, пожалуйста. Пенсию, разумеется, вам продолжат выплачивать.

Служба занятости, по заданию Соловьева, потребовавшего работать с специалистами индивидуально, выезжала с предложениями по домам. Разыскивали токарей, слесарей, металлургов, химиков, геологов, конструкторов и других рабочих и специалистов дефицитных специальностей. В поисках кандидатов перерыли все возможные базы данных, включая полицейские. Гребли всех, даже тех, кто по возрасту мог быть только наставником, их опыт после Переноса – бесценен.

На лице Иван Савеловича едва заметно дернулся уголок рта: мысленно поморщился. Раздутых самомнением чинуш Иван Савелович, мягко говоря, не любил.

– Сам заместитель главы города по промышленности и планированию подписал! – с гордостью в голосе добавил чиновник.

Старик, не слушая пришельца, неспешно достал из файла листок, глаза проворно побежали по строчкам. Остановившись в конце, старик едва не присвистнул от удивления. Цифра на бумаге соответствовала зарплате, получаемой стариком в Магнитогорске до злополучного разговора с начальником цеха Полухиным и увольнения, и была существенно выше среднего-родской. А еще там была приписка о полutorном пайке. Все это грело душу, но самое главное – он вновь востребован! Такой шанс вернуться он не мог упустить! Нет, если бы звать пришел начальник цеха, он никогда бы не вернулся обратно. Но сейчас, когда тот остался в далеком двадцать первом веке, пусть заочно, но все же утрет ему нос! Такой шанс он не мог упустить. Да и увеличенный паек с весьма приличной зарплатой не помешают.

Чиновник, внимательно наблюдавший за мужчиной, раздвинул губы в благожелательной улыбке:

– Ну и что вы решили?

– Что? – в первое мгновение Иван Савелович не мог сосредоточиться на вопросе, затем, когда до него дошло, невольно улыбнулся и кивнул, – Конечно, да!

После памятного выступления по телевизору Соловьева о нападении хроноаборигенов на Селинное, прошла неделя.

Сергей, водитель-дальнобойщик, все эти дни проходил под впечатлением: хмурый и неразговорчивый. Особенно поразили и даже испугали рассказы спасенных пленников. Он уже не воспринимал местных абстрактно, как раньше. Живут и живут, а какое дало Сергею до них? Если аборигены прорвутся в город, то будут убивать. В воображении все чаще возникали окровавленные тела детей и жены и тогда кадык конвульсивно дергался. Нет, не хочу, сделаю все, чтобы такого не произошло! Он здоровый и сильный, будет отсиживаться в тылу? Нет! Он, мужчина и, значит, обязан защитить.

Наконец принял окончательное решение, такое же решительно и бесповоротно, как всегда.

Когда в двери проскрежетали ключи, на улице смеркалось. Жена, Машенька, вернулась с вечерней смены.

– Сережа, – слышался голос жены супруги из прихожей, – Ты где?

– Я на кухне, проходи сюда!

На пороге Маша застыла с удивленно раскрытым ртом и было от чего. На столе разостраняла дразнящий аромат сковородка с зажаристыми до золотой корочки сладкими речными карасиками. Рядом тарелки с рыбной и мясной копченостью, но не это удивило Машу. Посредине стояла вскрытая, но еще полная бутылка «Finki». Ее Сергей привез из последней поездки в Санкт-Петербург, до Переноса он только вернулся из очередного рейса. Сейчас отдыхал – работодатель исчез вместе с остальной Россией, но уже подумывал куда устроиться. В городе начался промышленный бум и предложений по работе для водителей было множество.

– Так... – «лисьи» глаза Маши обежали стол и опасно сузились, – Я не поняла, по какому случаю пьянка?

Сергей не был противником алкоголя, но! Как говорилось в одном хорошем фильме под хорошую закуску и в хорошей компании. Да и профессия-дальнобойщик не позволяла дружить с «зеленым змием».

– Сядь, – Сергей произнес таким голосом, что жена, тревожно стрельнув глазками, подчинилась и присела на стул напротив окна.

– Выпей, – Сергей налил до краев рюмку водки и пододвинул стакан с газировкой.

– Так че случилось то? Может, все-таки расскажешь? – пискнула Маша, но все же взяла рюмку в руки.

– Пей, потом все расскажу!

Он ответил только когда водка отправилась по назначению, а Маша торопливо запила, закусила полупрозрачной пластинкой ветчины и вопросительно посмотрела на мужа.

Ну вот, противошоковое приняла, можно и рассказать.

– Я сегодня ходил в военкомат и подписал контракт с пограничниками. С завтрашнего дня я на службе, – сказал решительно, словно бросился в омут головой.

– Как на службе? Там же опасно! – лицо женщины стремительно побледнело, – тебя че призвали?

– Нет, – Сергей качнул головой, – Понимаешь, как подумаешь, что может быть, если местные прорвутся в город... Короче, я принял решение пойти в пограничники.

– Так ты это сам... – раздулись ноздри, дрожа в внезапной злобе. Размахнулась и – и он подумал, что еще чуть-чуть, и голова отвалится.

– Трофимов, – Маша назвала мужа по фамилии, что означало, что она вне себя от гнева, – о нас ты думал? А о детях? Ты дебил! Что мы будем делать если ты умрешь!

В ушах звенело, кухня плыла перед глазами. Впечатление такое, будто пропустил добрый хук. Сергей знал это ощущение – в юности занимался боксом. Маша смотрела настороженно и зло, гневно раздутые ноздри трепетали.

Сергей поднял руку, и женщина напряглась, но, он только потрогал щеку.

– Я не могу поступить по-другому. Ты видела, что аборигены сделали с Селинным?

– Видела... – женщина отвернулась, щеку пробороздила холодно сверкнувшая слезинка.

– Так вот... я не хочу, чтобы они сделали это с вами...

– Прости... прости... – тонкая женская ладонь накрыла мужскую... – Но ты так дорог и нужен мне... нам... Но почему ты, почему именно ты?

– А почему не я? Почему я должен прятаться за чужими спинами. Здоровый сильный мужик? Я так не могу.

Они сидели в маленькой кухоньке под уютным светом керосиновой лампы-электричество давно выключили. Им было хорошо вдвоем и все беды, и неприятности, казалось, отступили далеко, казались почти нереальными. Далеко за полночь они ушли в спальню.

Заснули ближе к рассвету. Такой страстной Маша не была даже в юности.

А утром Сергей, стараясь не разбудить жену, поднялся с кровати и, осторожно поправив ей одеяло, первый раз отправился на службу.

Глава 4

Солнечное утро 13 мая не для всех началось с трудов и повседневных забот. Горожане еще только добирались пешком, на ставших жутко популярными велосипедах или толкаясь в тесноте маршрутных такси на работу, когда черный, с тонированными стеклами, «Range Rover» притормозил у розового, перед майскими праздниками его окрасили в «веселый» цвет, здания городской администрации. Проехал по улице Ленина до ресторана Степные Дали. Любителей старины оно непременно умилило бы. Три этажа в шесть окон по фасаду, широкий фриз с кокошниками под крышей. Два балкона: один из них – большой, в три окна, с литой чугунной решеткой и выполненным в русском стиле декором.

Автомобиль аккуратно свернул, разбрызгивая лужи – ночью прошел короткий ливень, направо. Плавно притормозил у второго, во внутреннем дворе и не для всех, входа в ресторан. Большинство подобных заведений при карточной системе закрылись, но только не лучшее заведение города. Дверь автомобиля открылась, асфальта коснулись блестящие на солнце, словно лакированные, черные ботинки ценой не меньше пятисот долларов, на асфальт сошел Романов Федор Владиславович, высокий, с худым и нервным лицом, на котором застыло вечное презрительное выражение, в классическом костюме с огненно-красным галстуком. Брезгливо посмотрел на неглубокую лужу перед входом, осторожно, стараясь не испачкать ботинки, обошел. Пробормотал недовольно под нос и открыл дверь. Недолгий, хорошо знакомый путь по полутемному коридору, под аккомпанемент все более громких звуков «Владимирского центра», затем вверх по лестнице на второй этаж.

Уверенной походкой хозяина жизни зашел в приватный зал. Лучи солнца бросали на белоснежную скатерть до пола разноцветные блики, преломляясь во внушительной батарее дорогих водок и коньяков – словно и не существовало в городе карточной системы. В воздухе плыли густые ароматы мяса и рыбных деликатесов. Словом – дорого, богато, по крайней мере в представлении провинциальных «нуворишей». Прищуренные глаза Романова цепко пробежали по лицам гостей: крепких мужиков в возрасте от сорока до пятидесяти, в основном занимавшихся торговлей, гостиничным бизнесом или кафешками и ресторанами. В компанию затесалась единственная женщина, рыжая и зеленоглазая – хозяйка небольшого швейного цеха. По мнению Федора Владиславовича, они и составляли высшее общество города. Начав дело с нуля в лихие девяностые, они сумели сколотить приличный капитал, и к десятым годам двадцать первого века стали в масштабах маленького города известным предпринимателем. И про каждого Романов знал достаточно компрометирующего, чтобы не опасаться предательства и, в известной мере, доверять. Впрочем, и им многое известно о грязных делишках Федора Владиславовича. Сплоченной группой они безуспешно противостояли на выборах Соловьеву и, после расширения его полномочий, не ждали для себя ничего хорошего.

Приехали на празднование юбилея ресторана вроде все. Романов ошутимо расслабился, на губах появилась радушная улыбка гостеприимного хозяина, вот только если бы кто-нибудь дал себе труд внимательно присмотреться, то появлялось бы мерзкое впечатление, словно коснулся скользкой и холодной жабы. Первое впечатление, говорят, самое правильное и в данном случае верное. Была только одно, что он обожал до самозабвения – деньги и себя, любимого.

– Доброе утро, господа, – хорошо поставленным голосом произнес Федор Владиславович, от стола послышались приветственные возгласы гостей.

Трое официантов у стены недружно поздоровались: «Здрате», поспешно выскочили в дверь. Федор Владиславович неторопливо обошел стол, крепко пожимая протянутые руки, время от времени останавливаясь и отвечая на поздравления.

Романов подошел к месту во главе стола, небрежно набросил пиджак на спинку стула, руки привычно расслабили узел галстука. Уселся в вальяжной позе уверенного в себе человека.

«Жаль, что директора заводов не приехали... Особенно, что нет директора электростанции. Нужны мне его обещания помочь в благом деле! Мне нужны деньги и помощники!»

– Прошу вас, угощайтесь, – воскликнул Федор Владиславович и белозубо улыбнулся.

Праздничный банкет обходился в копейку, но по-другому собрать сливки городского общества, да так, чтобы никто не заподозрил неладное, невозможно. Когда гости утолили первый голод и даже пропустили по паре рюмочек «Hennessy» и других напитков, зорко наблюдавший хозяин небрежно отодвинул тарелку в сторону и направил дистанционник на коробки музыкальных колонок под потолком. Рев музыки почти стих.

Hennessy – один из старейших и известнейших французских коньячных домов.

С гостями провели предварительные разговоры, но это так, прошупывание, ничего еще не решено. Наступил звездный час и эту партию он должен провести филигранно и добиться от битых жизнью и недоверчивых коллег поддержки и участия в рискованном предприятии. Почесал нос, раздувая крылья широкого носа. Решился.

– Уважаемые друзья, – вкрадчиво начал заранее подготовленную речь.

Гости поняли, что начинается то, ради чего собрались, настороженные взгляды скрестились на гостеприимном хозяине.

– Прошло уже три недели как божьим промыслом, – Федор Владиславович повернулся к углу, поискал глазами икону, не найдя, нервно дернул уголком рта. Правая рука размашисто перекрестилась, – мы перенеслись в семнадцатый век. Все, нет больше Российской Федерации! Ни страны, ни законов, по которым Соловьев выбирался, больше нет, и кто он теперь? Да никто! Такой же обыкновенный человек, как и мы! Нет за ним федеральной власти, значит и легитимности у него больше нет! Он самозванец, потому что только новые выборы могли бы придать его власти законность!

Романов обвел взглядом внимательные лица гостей и широко развел руками:

– И встает вопрос: почему мы, бизнесмены, лучшие люди города, должны подчиняться самозванцу? – голос Романова задрожал от плохо скрываемого праведного негодования, – А что он творит? Вместо того чтобы в трудное время поддерживать социально-ответственный бизнес, ввел карточную систему, словно во времена совка! Ввел планово-промышленное управление, которое диктует честным бизнесменам, по каким ценам продавать товары, словно мы – при этих словах яростно ткнул себя в грудь рукой, – сами не знаем, что и по чем продавать!

Романов обвел полным неподдельного гнева взглядом гостей, ответивших ему дружным согласным гулом.

– На прошлой неделе мне все это надоело. Я поднял цены в магазинах, так не поверите! Мне тут же запретили покупку товаров на оптовых складах, а потом явились чинуши из администрации и вlepили штраф в пятьсот тысяч! Я всегда знал, что Витька изрядный самодур, а теперь он форменный Сталин!

Гости согласно зашумели.

– Да, Витька ох..., – запальчиво крикнул пухлый, низкорослый мужчина в белоснежной «официальной» рубашке, но в последний момент оглянулся на единственную женщину в компании, в замешательстве закрыл рот и зло сощурил узкие татарские глаза.

Женщина пригладила ухоженные рыжие волосы и произнесла неожиданно низким, почти мужским голосом:

– Совсем ошалел! Не дает вздохнуть!

– Еще та сволочь! Устроил коммунизм, мать его! Хочет чернь содержать – прекрасно. Но почему мы должны за это платить? Кончилось русское время теперь каждый сам за себя! – громко поддержали даму из дальнего угла.

Романов дождался, когда гости немного успокоятся и продолжил озвучивать список претензий:

– Далее, Соловьев национализировал заводы, это хорошо, нечего чужим распоряжаться в нашем городе. Но на все директорские места расставил своих выкормышей или оставил чужаков! – Федор Владиславович на секунду прервался, зал разразился гулом одобрения. По тонким, злым губам оратора пробежала кривая ухмылка, а рука указал на гостей, – Если бы хотел блага, то поручил бы руководство тем, кто уже показал себя талантливыми бизнесменами! Вам, уважаемые друзья! – провозгласил патетически, глаза предательски вильнули в сторону.

«Вы бы напрочь разграбили их, ну и черт с ними! Главное, я получу власть и самый лакомый кусок собственности». И с городом, и его жителями он не связывал дальнейшую судьбу. Схватить куш и слинять к чертовой матери!

Федор Владиславович остановился, смахнул платочком пот с намечающейся лысины и продолжил более фривольным тоном:

– Как вы знаете, друзья, Соловьев объявил монополию внешней торговли и строит поселок для иноземных купцов. Идея сама по себе неплоха. Неделю тому назад из Бухары прибыл караван с грузом среднеазиатских и китайских товаров. Ну и естественно они раскупили почти все городские товары, которые приготовлены для торга. Деньги – сумасшедшие. За штампованный из чугуна котел дают золотую монету! И все эти деньги утекают мимо нас!

– Чугунные котлы не штампуют, а льют – ласково произнес татарин. Впечатление, обманчиво простодушное, портили умные и проницательные глаза. Лицо круглое, упитанное, делало похожим на толстяка-правителя из сказки «Три толстяка» Юрия Олеши. Карьеру он начинал обычным инженером в сборочном цеху и в инженерных технологиях неплохо ориентировался.

Романов дернулся, потом выдавил из себя полуулыбку. Это далось не без труда.

– Равиль, да какая разница? Главное, что бешеные деньги и громадные возможности валяются перед нами и ждут, когда подыдем. И между нами и этим шансом стоит Соловьев.

Татарин в ответ ласково сощурился.

Романов его едва терпел: завидовал изворотливому уму, удачливости в делах и связям. Десяток лет тому назад тот начинал вместе с Соловьевым, но потом они что-то не поделили и пути разошлись. Соловьев пошел по административной линии, а Равиль с головой окунулся в бизнес:

Гости угрюмо молчали. С одной стороны претензии к Соловьеву есть, но Романов – давний противник градоначальника, у него все основания для «драки», а им то зачем ввязываться в авантюру? Узнает Соловьев, живьем сожрет. Не подавится!

На дальнем конце стола мужчина лет сорока со злым взглядом – серьезный господин, сразу видно, потушил в пепельнице сигарету и сказал громко:

– Свободное владение оружием, только справку предъяви от полиции... надо же! Можно подумать она делает из босоты порядочного человека. Казаки, мать его! И что, когда Витька разбазарит городские запасы, я должен бояться: а не придут ли опереточные казачки грабить?

Он налил рюмку дорогого коньяка и, отодвинув в сторону мешавший галстук, лихо закинул ее в рот.

«Халявщик хренов, больше такого спиртного нет нигде во всем мире, не напасешься на вас», – думал Федор Владиславович, радушно улыбаясь, – Ну ничего, главное правильно разыграть партию, а когда перееду в Москву, появится возможность развернуться и не считать каждую копеечку!»

– И че ты предлагаешь?

На ветку с недавно проклюнувшимися листочками липы напротив окна приземлилась здоровенная иссиню черная ворона. «Кар, кар!» – крикнула громко и недовольно.

Федор Владиславович нервно вздрогнул и бросил раздосадованный взгляд на окно, почесал нос.

– Необходимо избавиться от Витьки, он зажрался и не понимает по-хорошему, – сказал решительно и оглядел притихших предпринимателей.

Ответом стало молчание. Только Равиль все так же ласково и понимающе улыбался, глядя в огненно-красную точку галстука. Это нервировало Романова, он скривился на миг и продолжил четко, размеренно:

– Предлагаю, предлагаю купить большинство депутатов в городском совете, за любую цену... А потом принять постановление, по которому мэр станет свадебным генералом, а реальная власть перейдет к нашим представителям! – крепко сжал руку в кулак.

Мужчина с горбатым носом и печальными еврейскими глазами выкрикнул:

– А если не сможем собрать большинство депутатов? Че тогда? Ждать пока Витька отомстит? Так за ним не заржавеет!

– На каждый газ есть свой противогаз. Соберем перед администрацией толпу недовольных Витькой и выгоним к чертовой матери!

Зал затих, хозяева жизни придирчиво взвешивали выгоды и возможные риски от предложения Романова. По всему выходило, что игра стоила свеч. Власть, пусть и негласная, могла стократно окупить вложения в переворот. Солнце спряталось за случайную тучку, в зале стремительно потемнело. Гостеприимный хозяин поднялся, подошел к стене, щелкнул переключатель, высветив сосредоточенные лица. Вернулся и, не присаживаясь, пробежался взглядом по задумчивым лицам.

– А народ... – поинтересовался кто-то, Романов даже не успел рассмотреть говорившего, как немедленно парировал:

– Льва не должно интересовать мнение овец! Господа! Как говорится, накатила грусть? – зло хохотнул, – Накати и ты! Наполняем рюмки! Пейте, ешьте, гости дорогие! За все уплочено!

Первый наполнил коньячный бокал, тонкий аромат благородного напитка зашекотал ноздри. Дождавшись, когда гости поднимут бокалы и рюмки, провозгласил:

– Господа! За нас! За лучших людей города, которые поведут его в будущее!

подавая пример, первым пригубил коньяк, поставил бокал на белоснежную скатерть и принялся ожесточенно рвать из огромной индюшачьей ляжки белоснежными, фарфоровыми зубами крупные куски. По залу поплыл тонкий звон от соприкосновения наполненных дорогими напитками бокалов и рюмок.

От ляжки остались кости, хозяин заведения окинул оценивающим взглядом гостей. Публика достойно закусилась, нахмуренные лица прояснились. Гости все больше пьянели.

«Не пора ли подкинуть новых дров в топку недовольства?»

Мужчина с семитскими чертами лица поставил полупустой бокал на столешницу, лицо исказила неприятная судорога, которая тут же пропала, оно вновь стало настороженно-спокойным. Рассеяно побарабанив кончиками пальцев по тщательно выбритому подбородку, произнес:

– Че получишь ты, скинув Витьку, я таки понимаю, не понимаю я другое: какой от этого гешефт бедному евгею? Хочешь, чтобы мы вписались в гисковое дело за объедки с твоего стола? – голос «одессита» ровный и даже ленивый.

Напряженные лица разом повернулись к Романову. Что ответит на обвинение?

– Ты, Александр, как всегда, в своем репертуаре! – воскликнул Федор Владиславович, широко разводя руки, словно хотел обняться с оппонентом, но обниматься и не подумал:

– Только о собственной выгоде думаешь, – сказал жестко, на миг презрительно скривившись.

Его собеседник насмешливо фыркнул и ответил со все тем же акцентом:

– Так же, как и ты! Как ты, Феденька... Меня, как и всех здесь, – обвел широким жестом гостей, – интересует собственный гешефт!

Он замолчал, с интересом рассматривая Романова, по лицу которого на миг промелькнула смесь озлобленности и нетерпения, впрочем, тут же сменившаяся благожелательной улыбкой. «Главный вопрос, что получит каждый из присутствующих, от него зависит поддержат или нет. Витьку, пока не зарвется окончательно, они согласны терпеть». Из колонок доносилось: Владимирский централ – ветер северный!

Этапом из Твери – зла немерено... Лежит на сердце тяжкий груз...

– Вопрос, вопрос кто станет кем после, – последнее слово Романов выделил голосом, – мы обсудим, но я гарантирую отмену карточной системы и фиксированных цен, допуск бизнеса к торговле со среднеазиатскими и прочими купцами и передачу заводов в управление городским предпринимателям! И еще, помнишь тендер на поставку обедов в школы, под который ты взял кредит, и проиграл? А потом пришлось продать заправку?

Александр нехорошо прищурился, все балагурство с «одесским» акцентом с него слезло, как шкура с линяющего хищника, наружу вышла человеческая сущность двуногого зверя.

– И? Че ты хочешь сказать?

– Я точно знаю, что это Соловьев дал указание прокатить тебя!

Глаза мужчины с семитскими чертами лица полыхнули гневом, губы побледнели, сжавшись в бледную трещину. Налил наполовину бокал коньяка, жадно осушил.

– Шлемазл... Я с тобой, Владиславович! – произнес негромко, словно выплюнул слова.

– А что скажут военные и полиция если мы захотим убрать Витьку? – почесав подбородок, спросил мужчина с хитрыми татарскими глазами.

– Я сам служил и понимаю психологию военных, если мы прочно возьмем власть, они не станут устраивать нанайский танцы с оружием. Возиться с экономикой, с ЖКХ и политикой, это не их, – по губам Романова проскользнула фальшивая улыбка.

Он действительно закончил в конце восьмидесятых прошлого века Ярославское военное училище по профессии финансиста, послужить и даже успел получить звание старшего лейтенанта. Возможно, не будь Перестройки и бурных 90-х, дослужил бы до пенсии, но история не знает сослагательных наклонений. В 90-е понял, что вот они деньги, у него в руках и принялся беззастенчиво воровать. Его вычислили и едва не посадили за растрату, но, он нашел кому всучить взятку. Уголовное дело замяли, а он уволился. Часть скопленного капитала удалось сохранить, и Романов с головой окунулся в бизнес. К десятым годам двадцать первого века стал долларовым миллионером, но репутация в городе у него была самая плохая: подставит и глазом не моргнет. Моральных устоев и принципов у него осталось не больше, чем у сношающихся кроликов.

Мужчина со злым взглядом трубно высморкался в платок, спрятав его в карман, задумчиво сказал:

– Нет, это все ерунда, Витька руками и ногами будет держаться за власть. Есть у нас план на случай, если заартачится?

«О! – подумал Романов, – если даже этот говорит «мы» скинем Витьку, значит, они уже мои, вопрос в гарантиях, что все пройдет гладко!

– Значит обратимся к смотрящему за городом и попросим помочь решить проблему кардинально, – хозяин хищно усмехнулся. – Есть еще принципиальные вопросы?

– Ну, наверное, нет, – оглядев притихшую публику, отозвался татарин, по губам скользнула едва заметная, холодная улыбка, – остаются сущие мелочи: как изменим Устав города, кто станет реальным главой города и другие мелочи.

– Это мы сейчас обсудим, мои предложения, не сомневаюсь, устроят всех. Надо решить главный вопрос: все согласны, что необходимо менять мэра? «Сливки» города, кто нехотя, а кто и с энтузиазмом, закивали.

«Ну что же клубок друзей пришел к согласию». Как же в этот миг он их ненавидел! «Все эти хари, для которых главное: бабки! Бабки, бабки! За деньги мать родную продадут! Нет... Подкоплю золота с серебром, возьму лучших мастеров с инженерами и махну к Петрушке первому. А на этих и городскую шваль – плевать! С деньгами, моими знаниями двадцать первого века и оборотистостью, я стану для него Меньшиковым! Светлейший князь Федор Владиславович! Звучит! Только фамилию необходимо поменять, около престола в Москве должен быть только один Романов...»

Даже при великих переменах в собственной жизни, люди остаются людьми со всеми свойственными им достоинствами и пороками. После Переноса Романов растерялся, но он не стал бы тем, кем стал, если бы не попытался извлечь из этого выгоду. Жизнь научила, что кризис, любой кризис – это шанс урвать побольше. И значит зубами вырвет у жизни то, что жаждет от нее получить!

Федор Владиславович коротко хохотнул:

– В таком случае, если возражений по главному вопросу нет, предлагаю сложиться на мероприятие, – он доверительно понизил голос, – Думаю, по сто тысяч хватит.

Раннее утро этого же дня.

Александра разбудил звук захлопнувшейся двери. Он вздрогнул, тяжелые веки поднялись. Яркий солнечный свет наотмашь ударил по глазам, при этом почему-то в основном слева, справа мир виделся словно сквозь узкую щелочку. Он дома, лежит на диване.

Внезапно почувствовал себя худо. Ныли бока, правый глаз болезненно дергался и не открывался до конца, а в голове словно давал сольное выступление барабанщик-виртуоз словно с большого перепоя. Рука осторожно притронулась к глазу и отдернулась. Больно!

Он вспомнил все, перед мысленным взором замелькали рожи уголовников. Яростно скрипнул зубами и тут же приглушенно охнул – голову прострелила вспышка боли.

Взгляд разыскал на столе будильник. Полшестого. Черт! Вставать на службу рано, но и спать не хочется. Сел, ноги охладил линолеум пола, он осмотрел себя. Несколько шикарных фиолетовых синяков вызревали на боках, но, впрочем, ничего страшного. Бывало и посильнее доставалось в подростковых драках. Александр приподнялся с кровати, от неосторожного движения в голове взорвалась бомба. Он охнул.

Из зеркала в ванной смотрело не лицо, а рожа избитого бомжа: деформированная на правую половину бледно-зеленая физиономия с роскошным, начавшим чернеть, фингалом под сжавшимся в узенькую щелочку, как у китайца, глазом и второй синяк, поменьше, на челюсти. Попадись ему эти гады! Сжал кулаки до белых косточек. Отвернулся, в груди kloкотала обида и чувство глубокого стыда. Нет, в таком виде идти на службу и позориться перед срочниками, совершенно невозможно! Решено, попрошу отгул у ротного. На раковине вместо аккуратного брикета туалетного мыла лежал кусок чего-то непонятного, больше похожего по консистенции на хозяйственное – доморощенное, изготовленное после Переноса изделие. «Сосед приобрел», – решил Александр. Поднес к носу – пахло вполне приятно: какими-то травами и мылилось нормально. Кое-как умывшись, проковылял обратно в комнату.

С непосредственным начальником – бывшим начальником отдела длительного хранения техники рембазы, несмотря на разницу положения майора и молодого лейтенанта, у Александра сложились неплохие отношения. Так что надеялся, что тот войдет в положение.

Из аптечки в шкафу достал пачку аспирина.

Прихватив со стола мобильный телефон, перешел на кухню. Простоявший ночь обессиленным холодильник – дали свет под утро, встретил приветственным рыком. Вытащил из него полторку с водой, запил таблетку.

Он рухнул на табуретку у кухонного стола, пальцы пробежали по кнопкам, набирая номер мобильного командира роты.

«Дзинь! Дзинь!» – настойчиво трещали звонки, но трубку никто не брал.

«Ну же! Возьми телефон! Уже утро, ты не можешь еще спать!»

– Да, – зазвучал в трубке сонный шепот ротного.

– Здравия желаю, товарищ майор, – произнес нервно-взвинчено Александр, – лейтенант Петелин беспокоит!

В трубке сладко зевнули и продолжили так же тихо:

– Петелин! Ты время видел?

– Да, – Александр растерялся, но не успел продолжить, как ротный шепотом перебил.

– Я в двенадцать ночи домой пришел! Ты какого черта будешь в такую рань?

В трубке – истеричный младенческий плач и недовольный женский голос.

– Ну вот, Сашку разбудили, – ротный вздохнул в полный голос и добавил обреченно, – теперь не заснет. Чего звонил, говори уж!

– Вчера у подъезда на меня напали. Разрешите взять на сегодня отгул, чтобы оклематься?

В трубке тяжелое дыхание, затем прозвучал настороженный голос:

– Стоп! Четко и внятно докладываешь с самого начала, что произошло!

– Возвращался домой, у подъезда встретили двое уголовников. Вначале попросили закутить, затем стали требовать, чтобы я перестал встречаться с Олей. Я отказался. Тогда завязалась драка. Их двое, здоровые такие. Сбили с ног, попинали. Затем их отозвал другой мужик, сидевший в машине. Он тоже грозил, если не перестану встречаться с Ольгой.

– Так-так, – донеслось из трубки, – Сильно досталось? – после паузы ротный протянул задумчиво.

– Да так, не очень, только под глаз похоже хорошо засветили, совсем не видит.

Ротный помолчал, затем все так же настороженно проворчал:

– А кто такая Ольга?

– Невеста моя, Ольга Соловьева, – не выдержав, похвастался, – она племянница мэра и живет у него в доме!

– Вот как? – на этот раз пауза была более продолжительной.

Словно луч света сверкнул в голове Александра, объясняя все странности поведения напавших на него уголовников. На мгновение растерянно замер, вспоминая подробности. Не может быть! Рука почесала затылок. Неужели нападение на него как-то связано с мэром города? Александр нахмурился, но не успел обдумать запоздалую идею, как в трубке раздалось:

– Значит так, на сегодня даю отгул, будь у телефона, а я звоню комбату, – сказал отрывисто ротный и отключился.

Александр несколько раз набирал номер Ольги, но трубку так никто и не взял, что дало повод для самых черных предположений. Он нервно хмыкнул. «Что это – случайность или ее насильно удерживают в доме дяди?» Так и не придя к однозначному выводу, Александр торопливо набил подруге смску с просьбой перезвонить и залез в холодильник. Пора подумать о завтраке.

Петелин заканчивал расправляться с яичницей-глазуньей, когда звенящую тишину разорвала трель телефонного звонка.

– Петелин? Подполковник Изюмов.

. Александр растерялся, но и ощутил острое волнение. Большое начальство никогда еще не достаивало звонками, уровень общения лейтенанта – командир роты, как максимум заместитель командира батальона.

– Здравия желаю! – сказал торопливо.

– Здравствуй, – небрежно прохрипел простуженным голосом комбат, – Ну что там у тебя произошло? Докладывай подробно.

Петелин рассказывал, в трубке – тяжелое дыхание. Комбат пару раз простуженным голосом задал уточняющие вопросы: кто из напавших что говорил и, запомнил ли в лицо кого-

нибудь. В конце поинтересовался самочувствием. После на несколько секунд замолчал и категорически приказал:

– Значит так, лечись, приводи себя в порядок! Обязательно, – командир выделил последнее слово интонацией, – сходи в травмпункт, сними побои. На службе светить синяками не надо, даю три дня отгулов, шестнадцатого на службе. Понял меня?

– Так точно, – Александр отрапортовал излишне браво, в трубке слышались гудки отбоя.

Спустя час Петелин пулей выскочил из дверей травмпункта на высокое бетонное крыльцо и облегченно выдохнул. Слава богу отделался ушибами, а от головной боли пропи-сали аспирин.

Подъехала карета скорой помощи, санитары вытащили носилки со старухой с землистым лицом, понесли бегом. Александр посторонился, спустился с крыльца на землю и вытащил телефон. Номер подруги по-прежнему отзывался длинными гудками. Он забросил телефон обратно, помрачнел, кулаки крепко сжались. Что же с Олей случилось? Почему от меня требовали отказаться от нее под страхом смерти, а сейчас она не берет трубку телефона? И причем здесь мэр? Размышлял недолго, так как имел характер импульсивный и даже взрывной и предпочитал действовать в стиле Александра Македонского: не распутывать узлы, а рубить. Застегнул замок «гражданской» куртки, погода явно не майская и в тени ветер задувал вполне прилично, он направился требовать встречи с невестой.

Шел, упрямо наклонив голову, сжимая пальцы в кулак. Минуя перекресток, где дорога поворачивала на улицу Садовую, прозванную народом Соловьевкой, увидел выцветшую вывеску «Аптека». Болеутоляющего дома осталось всего пол упаковки, и он свернул к ней.

В глубине зала, за барьером стеклянных прилавков и стеллажей с упаковками с мудреными нерусскими названиями, стояла полная, черноглазая женщина в белоснежном халате. При виде потенциального покупателя привычно-вежливо улыбнулась, но, едва разглядела сблизил, глаза настороженно сузились. Одет прилично, но лицо «украшено» роскошными синяками. Женщина немного поколебалась, но спросила, что клиент желает. Взгляд парня торопливо пробежал по полупустым полкам – медикаменты после Переноса стали дефицитом, купишь, только если повезет. Задумчиво почесал подбородок, ну не разобрался он в лекарствах!

– А аспирин есть? – не особо надеясь на удачу, вежливо улыбнулся Александр.

– Есть, как не быть, – женщина немного оттаяла и довольно прижмурилась. Приятно, что не приходится отказывать. Нырнула под прилавок, спустя миг протянула Александру бумажный пакетик размерами в половину ладони. Большими печатными буквами пакет пересекала надпись «Аспирин», а под ней – произведено 10 мая 1689 года. Парень удивленно вскинул брови. Уже перешли на местные даты и производим лекарства! Молодцы! Он расплатился за покупку.

– А лекарство откуда? – небрежно поинтересовался, – Неужели произвели в городе?

Женщина изумленно всплеснула руками:

– Молодой человек, вы че, телевизор не смотрите? Несколько дней подряд показывали экспериментальный фармакологический цех!

– Занят слишком, некогда телевизор смотреть – Александр смешался под недоумевающим взглядом провизора, – А что, много новых лекарств производят?

– Ну кое-что – женщина обрадовано затараторила, – вот вы порошок аспирина купили, валерьянку вот начали производить, валидол, стрептоцид и еще кое-что, много лекарственных трав поставляют.

Александр не был медиком и не мог оценить, каким прорывом стало получение стрептоцида. В сельхозакадемии нашлись толковые химики, они в кратчайшие сроки изготовили лекарство, которым до получения антибиотиков успешно лечили опаснейшие заболевания

вплоть до чумы, сибирской язвы и даже газового сепсиса. Стрептоцид, наряду с мерами гигиены и санитарной профилактики должен стать главным средством против особо опасных инфекций, естественные очаги которых таились в казахских степях.

Александр попрощался со словоохотливой женщиной и вышел на улицу. Но чем ближе к реке, тем более непростые и зажиточные дома вокруг. Над высокими бетонными и кирпичными заборами возвышался средневековый замок с каменными зубцами и башнями, дальше блестела металлом крыша барского особняка 19 века, напротив него белоснежные колонны жилища плантатора с американского юга. На фоне столицы и городов-миллионников город не блистал благополучием. Особенно туго пришлось в лихие девяностые. Безработица и безденежье, бомжи и откровенная бедность. В жирные двухтысячные потихоньку ожили заводы и появились прекрасно, по меркам провинциального города, оплачиваемые рабочие места. Вот только жители улицы поселка Соловьевка не ощущали трудностей ни тогда, ни сейчас.

Влажные порывы ветра с реки охлаждали пылающее лицо. За поворотом уже виднелась металлическая крыша одноэтажного, скромного по меркам элитного поселка, дома мэра. Свет играл на ней тысячами бликов.

В десятке шагов впереди распахнулась чугунная калитка ближайшего домовладения. Стремительно вышел еще не старый, под пятьдесят, крепко сбитый мужчина в синей форме железнодорожника, Александру узнал его – начальник пожарного поезда. Зимой Изюмов отправлял Александра со взводом в распоряжение железнодорожника – помочь с разгрузкой прибывшего из столицы имущества В солдатской столовой забыли отложить на обед, так железнодорожник за собственные деньги купил бойцам поесть. Рассеянный взгляд мужчины скользнул по Александру, он остановился и недоуменно нахмурился, словно припоминая, рука торопливо провела по короткому белобрысому ежику, крепкие губы раздвинулись в немного снисходительной улыбке.

Александр улыбнулся в ответ.

– Здравия желаю!

Мужчина энергично протянул руку:

– И тебе здравия желаю.

Рукопожатие оказалось неожиданно крепким, словно у человека, который регулярно балуется полуторапудовыми гириями, а глаза молодыми, совсем не стариковскими. Внимательный взгляд задержался на роскошном фиолетово-синем фонаре на подбородке.

– Как дела? – поинтересовался нейтральным тоном, удерживая ладонь Александра.

– Да все нормально, – Александр невольно покраснел от необходимости врать. Делиться собственными проблемами с человеком, пусть и симпатичным ему, но малознакомым, не хотелось. Глаза мужчины хитро прищурились:

– А это что? – кивнул на роскошный синяк на лице собеседника. – Проблемы? Может помочь?

Александр напрягся, как сапер над хитрой миной и вырвал руку из ладони собеседника:

– Справлюсь сам!

А потом неожиданно для самого себя поднял отчаянный взгляд на пожарного и вдруг заметил, что у него разноцветные глаза: правый зеленый, а левый-синий. Спросил немного растерянно:

– Скажите, я знаю, вы верующий человек. Вот в библии написано: «ударят тебя в правую щеку, подставь левую». А я так не могу. Скажите, как научиться прощать?

– Даже так? – с интересом повторил пожарный. Задумчиво щелкнул пальцами.

– Ну в библии написано немного не так, но общий смысл ты правильно передал... А что касается твоего вопроса, то, что толку в лечении симптомов? Учись делать так, чтобы не на кого было обижаться. Повторяю вопрос, помочь?

– Нет, справлюсь сам.

– Ну-ну, – пожарный покачал головой, – Если что обращайся. Где я живу ты теперь знаешь.

Александр попрощался, глядя в сторону, завернул за поворот и облегченно выдохнул. Над кирпичным забором ветер колыхал нагие ветви, скрывая невзрачный на фоне соседей фасад коттеджа градоначальника. Примерно посередине сверкала металлическая калитка с видеокамерой. Александр нажал на дверной звонок. Тишина до звона в ушах. Секунды шли, но ничего не происходило. «Не может быть, чтобы дома никого не было!» Недоуменно нахмурившись, нажал снова. Наконец, калитка распахнулась, в проеме стоял крепкий мужчина в расстегнутом сером пиджаке. Брови его удивленно приподнялись, по лбу пошли морщины. Александру показалось, что мужчина его знает, хотя мог поклясться, что видит того первый раз в жизни.

– Кто вы? – мужчина сказал с нажимом, настороженно сощурил похолодевшие глаза, – Представьтесь.

Александр растерянно моргнул, потом губы плотно сжались. Он намерен во чтобы-то ни стало выяснить, где Ольга и почему с ней нет телефонной связи.

– Я Петелин, Александр. Здесь, – парень махнул рукой в сторону здания, – Ольга Соловьева. Позовите ее, пожалуйста, я хочу с ней переговорить.

Бесстрастный взгляд, в котором, чувствовалась некая толика презрения, словно придавил Александра к земле,

– Здесь режимный объект, без разрешения мэра проход на охраняемую территорию запрещен, – произнес с ленцой.

– Тогда позовите Ольгу сюда! – голос Петелина дрогнул.

– Запрещено инструкцией, – голос был так же ровен и даже ленив.

Охранник с глумливой усмешкой в глазах смотрел как бледнеют, сжимаются в тонкую линию губы парня.

«Да они что, охренели? Это моя невеста, я имею право встретиться с ней!»

Шагнув вперед, рука охранника уперлась в грудь, вторая нырнула за пояс. Мелькнул край похожего на рифленую рукоять пистолета «ПМ» предмета.

Глаза его сощурились, Тяжелый взгляд обещал: еще шаг и пуля твоя!

Несколько мучительно длинных мгновений мужчины мерялись яростными взглядами, затем гневный блеск в глазах Александра медленно погас, уступая место стыду и бессильной злобе. Комок черной желчи подкатил к горлу, пытаясь прорваться сквозь сомкнутые зубы.

Он повернулся. По бычьим наклонив голову, пошел, тяжело переставляя ноги. На ходу вынул платок и с силой прижал к губам. У него словно отняли часть души, а то, что осталось, кровоточило и требовало отмщения.

Несмотря на то, что внутренне Соловьев был вне себя от злости, он аккуратно опустился в жалобно скрипнувшее кресло. Руки аккуратно положили выключенный мобильник на блестящий под полуденным светом стол, потом расслабили узел галстука.

– Бараны! – рыкнул с чувством негромко, руки машинально поправили лежавшую на краю стола стопку документов.

Несколько секунд глубоко и часто дыша, с напряженным видом размышлял, постепенно успокаиваясь. Крепкая рука привычно нажала кнопку вызова секретаря.

– Да, Виктор Александрович! – ответил женский голос.

– Володя в приемной?

– Да.

– Пригласи его.

Вошедшего бодигарда глава города встретил таким недобрый взглядом, что довольная улыбка мигом сползла с лица Владимира. «Так, видимо где-то опростоволосился», – подумал, останавливаясь перед столом мэра.

– Я какое задание давал насчет Ольгиного ухажера? – вкрадчиво, почти шепотом, спросил Соловьев.

Телохранитель еще больше помрачнел, от волнения прошиб пот. Соловьев «славился» резкими решениями и за срыв задания вполне возможно «поплатиться головой». Помолчав, телохранитель нехотя выдал из себя:

– Поговорить с ним, пугануть и заставить отказаться от девушки.

– Угу, только пугануть, – после паузы, задумчиво повторил Соловьев и откинулся в кресле. Несколько мгновений в упор, жестко и зло рассматривал телохранителя, лицо которого под этим взглядом заметно вытянулось, – Так какого х... вы его избили так, что он попал в травмопункт? Почему Изюмов мне из-за вас претензии предъявляет?

Владимир растерянно отвел взгляд, сглотнул тягучую слюну.

– Экссес исполнителя, – глухо, как из-под воды, выдал из себя, – перестарались парни.

– Так зачем баранов посылаешь выполнять мое, – мэр гаркнул, выделяя интонацией последнее слово, – поручение? Мне нужен результат: четкое исполнение моих указаний!

– Виктор Александрович! Ну реально не хотели коцать (*бить – блатной жаргон*) Реально не хотели. Думали побазарим нормально без всякого кипежа (*паника, волнение, беспокойство – блатной жаргон*). А этот лох дерзить начал, в драку полез. Ну и че было делать? – последовала короткая пауза, потом бодигард дернул кадыком и продолжил, – Вот и перестарались парни немного... – он опустил голову, старательно пряча взгляд от покрасневшего, как свежесваренный рак, Соловьева.

Мэр подался вперед:

– Перестарались? Ты о чем базаришь баклан? Что, авторитетом себя мнишь, раз отсидел по 312-й? (*Статья 312. УК РФ, Хулиганство*). Забыл с чьих рук кормишься? Из-за твоих баранов проблемы с вояками мне и нах... не нужны! Не подчиняются, так расстреляй десяток, но, чтобы результат был! Значит так, этих – нах... с национальной гвардии. Понятно?

Владимир, сначала ошарашенный тоном и натиском мэра, при этих словах злобно вскинулся. Но возглавлять придворную «гвардию» – это шанс стать вторым лицом в городе и, ради него, можно вытерпеть и не такое.

– Глупость не освобождает от необходимости думать. И запомни, еще один такой прокол, и выводы будут уже по тебе!

Под злобным взглядом мэра, бодигард вновь опустил голову. Соловьев хмыкнул и продолжил спокойнее:

– Надеюсь, ты меня понял. Что с формированием национальной гвардии?

Владимир понял, что гроза временно миновала и поднял взгляд на шефа:

– Процент сорок уже набрали, автоматы от военных получили на полный штат, но есть трудности с обеспечением пистолетами, почти половины не хватает. Я договорился на моторном заводе. Они там наладили переделку травматических и газовых пистолетов в боевые. Военные говорят, получают лучше, чем настоящие ижевские, планируем покрыть нехватку за счет них. По боеприпасам, военные заявку удовлетворили. По форме, заказ разместили, процентов двадцать уже получили. Нареканий нет. Так что все хорошо.

Глава города аккуратно поправил стопку бумаг на столе. В любом случае, в смутное время помимо прежних силовиков необходимо иметь полностью свою, всем обязанную ему вооруженную структуру. Как говорил Мао, винтовка рождает власть, и она у него появиться! Потом мысленно вздохнул – бараны! Ни на кого положиться до конца нельзя и бросил подчиненному:

– Хорошо, иди, трудись.

Бодигард уже открыл дверь, когда его остановил оклик:

- Володя!
 - Да, Виктор Александрович! – повернулся к начальнику.
 - И лучше отбирай кандидатов в мою службу!
 - Хорошо, Виктор Александрович! – телохранитель наклонил голову.
- Выйдя из кабинета, плотно закрыл дверь.

Соловьев несколько секунд с немалым сомнением и мрачностью во взгляде смотрел на закрытую дверь. Задумчиво почесав переносицу, вновь нажал кнопку вызова секретаря. Когда та откликнулась, приказал вызвать начальника отдела ФСБ. Безопасность еще не успели переименовать, но суть ее работы не поменялась.

Обстановка в комнате изображала картину – «запой холостяка». Окна закрыты, душно, все пропитали миазмы сивухи и копченостей. В экране телевизора изгибалась полузабытая певица из проклятых 90-х, пела... о чем-то. Александр, в камуфлированной куртке на голое тело и разбитых шлепанцах на ногах, сидел на скрипучем диване, в нем плескалась бессильная, но от этого еще более жгучая злость.

На табуретке, накрытой выцветшей газетой, на треть пустая бутылка прозрачного, как слеза самогона, нарезанная тонкими пластинами лосося и открытая банка мясных консервов. В глубокой тарелке влажно поблескивали жаренные с луком вешенки – их начали выращивать в убежищах гражданской обороны предприятий. Отдельно лежал главный дефицит – толстый кусок черного хлеба с надкусанным краем.

Александр вернулся домой. Тревога за любимую сверлила мозг. Что с ней случилось? Почему его заставляли отказаться от Оли? И наконец, почему она не берет телефон? Трудные вопросы, на которые нет ответа.

Гнев и негодование так наполнили душу, что для других чувств места больше не осталось.

В квартире стояла гнетущая тишина – сосед-летун появится только поздним вечером. Александр включил телевизор, но это не помогло отвлечься от мрачных мыслей. Помаялся в пустой квартире и решил прибегнуть к испытанному мужскому способу бороться с проблемами. Зашел к соседке по лестничной площадке. Неизвестно, из чего она гнала после Переноса самогонку, но по откликам знакомых, на качество никто не жаловался. Когда женщина назвала цену, он едва не ахнул. Раньше за такую цену можно было купить неплохого коньяка, но торговаться не стал. Не до этого!

Мрачно хмыкнув, Александр неторопливо налил до краев рюмку, пальцы сграбастали просвечивающую на солнце пластинку копченой рыбы и такой же тоненький кусок хлеба.

Вонючая, обжигающая жидкость прокатилась по пищеводу, вслед за ней отправился кусок рыбы. Дыхание на миг сперло, непроизвольно поморщился, от чего болезненно дернулся подбитый глаз.

Лицо загорелось, глаза засверкали.

Закусывал быстро, но аккуратно и только жалел, что так мало хлеба. С ним он ел даже пельмени – так привык с детства.

Внезапно его внимание приковал картинка на телевизоре. На фоне черной громады путеукладчика, на железнодорожных путях работали люди в сигнальных оранжевых жилетах. Под насыпью лежал в ряд десяток тел с закрытыми тряпками лицами в знакомых грязных халатах, в ногах луки и сабли с топорами из плохенького железа. Диктор городского телевидения: лоцный, румяный, с дурацкой улыбкой на губах, вещала, что утром охрана отбила нападение шайки грабителей и только несколькими удалось убежать. Это, дескать, говорило о надежности защиты строящейся к угольному карьеру железной дороги. Рабочих посменно охраняли солдаты из роты капитана Стенькина.

– Мужики, – Александр отсалютовал вновь наполненной рюмкой, – удачи вам! Несмотря на примитивность воинского снаряжения, аборигены, стоит зазеваться, могли представлять нешуточную угрозу.

Выпил. Закусил. Вяло, без охоты, лишь бы что-нибудь бросить в рот.

Алкоголь не брал. Не туманил мозг. Не глушил боль, не физическую, более страшную – моральную. Голова оставалась ясной, хотя лучше бы впасть в забвение. В груди клокотала ярость, обручем сжимала виски, застилая взгляд кровавым туманом. Боль, гнев, ощущение бессильного унижения нахлынули с новой силой и одновременно неожиданно-негаданно вернулась в самый неподходящий момент кристальная прозрачность мысли. Боль? Да черт с ней. Задета гордость. История старая, но до сих пор саднившая в душе незатянувшейся раной. Отец слыл тихим и терпимым человеком. И давно смирился с тем, что юношеские мечты не сбылись и, казался вполне довольным жизнью.

Вскоре после Нового Года и празднования начала нового тысячелетия в соседнем доме поселились двое братьев, вернувшихся после длительной отсидки в местах не столь отдаленных. Поначалу вели себя тихо, но время шло. Они осмелели. Начались пьяные дебоши, гулянки, приставаания и выклянчивания у Петелиных денег. Вскоре жизнь по соседству стала настоящей каторгой, но отец терпел. Однажды ночью Александр проснулся от пьяных мужских голосов. Буйные соседи ворвались в дом. Мать была женщиной видной, и пьяные ублюдки попытались изнасиловать соседку. Отец, с топором в руках, бросился на помощь, и его убили. Потом суд, братьям присудили, одному десять, второму пятнадцать лет, но Петелиным от этого легче не стало. И Александр, на глазах которого все это происходило, поклялся себе: никогда, никогда не спускать обид!

Чем яростнее он ненавидел обидчиков, тем сильнее была злость, которая должна была – просто обязана – излиться вовне, воплотиться в действия.

Бутылка наклонилась над рюмкой, но и капли еще не пролилось вниз, как, по случаю, взгляд упал на противоположную стену.

Среди фотографии «псов войны» хищно сверкала сталью трофейная сабля. Положил бутылку, поднялся, ступая нетвердо, подошел и снял со стены. Рука ощутила тяжесть благородного оружия, бешено топнул об пол. Александр почти не сомневался, что это мэр натравил уголовников и отомстить хотелось до зубовного скрежета. Представил: удар с длинным потягом. Широкий мах, клинок со свистом пластанул воздух, сшибая голову обидчика с плеч. Она падает, катится словно мячик, пятная землю алым. Тело, как в американских фильмах фонтанирует из перерубленной шеи кровью, еще миг стоит, потом рушится.

Он горько усмехнулся, переводя взгляд с клинка на глупые фотографии на стене, – мечты, мечты...

Как поднять руку на дядю невесты? Мало ли что происходит между родственниками... Что же делать? Сможет ли Оля понять и простить, если решится на крайнее? Вопросы без ответа...

Покачав головой, повесил саблю на законное место. Задушено скрипнул, принимая тело обратно, диван. Несколько мгновений невидящим взглядом сверлил стену. О чем бы ни думал, мысли неизменно возвращались к невесте и обидчику-мэру. Рот пересох, сердце бешено колотилось о ребра, по всему телу прошло нечто вроде судороги, оставляя после себя покрытую мурашками кожу. Новая рюмка прокатилась по пищеводу гораздо быстрее, смывая комкавшие душу гнусь и недоумение. Бутылка почти опустела, а звук телевизора словно стал громче. Налившиеся кровью глаза повернулись к экрану.

Длинная колонна верблюдов с наездниками, с большими серыми мешками между горбов, неторопливо двигалась по мощеной досками дороге в наскоро построенное для торговцев поселение, гарцевали по бокам конные охранники. В открытых воротах уже поджидали медики в окружении вооруженных пограничников в ватно-марлевых повязках. Диктор за кад-

ром взалхлеб рассказывал о приезде первого каравана торговцев из далекой Бухары. Спустя всего месяц после Переноса слухи о диковинных товарах, производимых искусными мастерами неизвестно откуда появившегося на берегах Вельки города со скоростью молнии распространились по Великой Степи. Об этом чуде шептали в старинных оазисах Средней Азии, его обсуждали в далекой и загадочной империи Цин.

Потом диктор рассказал о жесточайших противоэпидемиологических мерах.

Гостей осматривали доктора, потом направляли в баню. Даже «попаданческий» персонал торгового поселения пропускали обратно в город только после тщательного осмотра. Камера вернулась назад и показала несколько юрт, шатров и глинобитных домов, и даже вполне привычного облика избу. Поселок, в котором поселились башкиры, русские и совсем неведомые племена, жил за счет услуг прибывающим торговцам. Горожане окрестили его Шанхаем.

Караван двинулся дальше. Тянулись ряды свежесрубленных караван-сараев; зазывали посетителей электрическими огнями рекламы магазины, харчевни и рестораны. Дальше виднелись навесы базара. Пройдет совсем немного дней, и он станет ломиться от груд белоснежного хлопка и вяленых фруктов, скота, кожи, экзотических товаров из далеких Индии и Китая и многого другого. Верблюды с достоинством несли маску невозмутимости, что не удавалось караванщикам и охранникам. Многие не в первый раз приходили на традиционный, с десятого века нашей эры, базар на берегах реки Вельки, но сейчас они с явным испугом и почти мистическим восторгом озирались по сторонам. Диковинок навидались множество, начиная от гигантской, ранее никогда невиданной птицы, день тому назад несколько раз с грохотом облетевшей караван, заканчивая странными повозками, резво бегающих без запряженных в них коней. И каждый невольно задавал себе вопрос: не из царства ли Иблиса появился этот город там, где еще в прошлом году были только полудикие кочевники?

Иблис – в исламе: имя джинна, который благодаря своему усердию достиг того, что был приближен Богом, и пребывал среди ангелов, но из-за своей гордыни был низвергнут с небес. После своего низвержения Иблис стал врагом людей, сбивая верующих с верного пути.

Потом камера последовала за купцами в магазин с образцами мастерградских товаров. С растерянными лицами они осматривали полки с металлическими котлами, посудой и стальными топорами с пилами, опытные партии их произвели на моторном заводе, благо электропечь, литейка и кузнечный цех были загружены не полностью, а обрезков стальных листов не жалко, прозрачные и необычайно легкие емкости. А большие и маленькие зеркала с украшениями из городских запасов, произвели настоящий фурор. Из царства ли Иблиса вышли неизвестно откуда появившиеся пришельцы, или из другого странного места, но за подобным товаром почуявшие умопомрачительный барыш торговцы готовы были и еще раз в этом году сходить в эти холодные места.

Он выпил еще рюмку и ему нестерпимо захотелось свежесдобитого хлеба из детства. Чтобы можно было вгрызться в горячую, только из печи, хрустящую корочку, вкуснее которой, пожалуй, ничего и нет. Александр вдруг заметил, что на улице весна и жизнь не так и плоха. Полное озарение сошло на него в ту минуту, когда по телевизору закончились городские новости и начался концерт невероятно популярной в далеком двадцать первом веке артистки. Вот только Александр никак не мог вспомнить как ее зовут. Презрительно хмыкнул и выключил телевизор. Душа требовала песню. Пошарил в телефоне, нашел нужную.

Как на грозный Терек выгнали казаки,

Выгнали казаки сорок тысяч лошадей.

И покрылось поле, и покрылся берег

Сотнями порубленных, пострелянных людей.

Александр дождался припева, запел с чувством, со слезой в душе.
Любо, братцы, любо, любо братцы жить.

С нашим атаманом не приходится тужить.

С каждой секундой глаза все больше стекленели, ему стало так жаль себя, любимого, у которого враги похитили невесту, а самого избил.

От страшных слов песни пробило на хмельную сентиментальность. «Лишь бы не скатиться в истерику», – успел подумать, но опьянение достигло той стадии, когда не человек владеет чувствами, а они им. Поднялся, скрипнул, открываясь, платяной шкаф, вытащил из формы удостоверение личности. Полистал. Ага вот и она: маленькая фотография невесты, долго смотрел на нее, вновь положил обратно. Крупная сверкающая слеза скатила с густых ресниц на слегка курносый нос.

– Завалю нахрен! – еле слышно прошептали пересохшие губы, горящий ненавистью взгляд застыл на дальней стене, словно там стоял обидчик. Александр немного помолчал, покачнулся и вновь повторил страшные слова, и еще раз, и еще! Повторял их все громче и громче, в последний раз проревел яростным голосом.

Сосед пришел поздним вечером. В обнимку с трофейной саблей, Александр похрапывал на незастеленном бельем диване. На табуретке опрокинутая пустая бутылка, дополняли натюрморт подсохшие остатки закуски в тарелках. Грудь ровно вздымалась, он удивительно по-детски чмокал губами. Он был в счастливом Нигде, дарящем сны. Счастливые сны, где были только жадные губы Олененка, прохладный ветер над рекой и зеленые деревья под ласковым солнцем.

Парень удивленно покачал головой, до этого друга в таком состоянии никогда не видел. Стараясь не разбудить скрипом разошедшихся досок пола, вытащил из шкафа одеяло, накрыл товарища и на цыпочках вышел из комнаты.

Время было послеобеденное, когда Александр подошел к дверям КПП части. При виде Петелина младший сержант – срочник с красной повязкой дежурного, удивленно поднял брови – все офицеры давно на службе и торопливо вскинул руку в воинском приветствии. Другой он небрежно придерживал ремень торчавшего из-за плеча автомата.

«Ничего себе! Еще позавчера дежурили со штык-ножами, а сегодня наряд вооружен. Быстро все поменялось! Неужели из-за нападения на меня?» Молодой офицер небрежно козырнул в ответ и быстрым шагом проскочил КПП, поправляя на ходу сползшие на нос черные солнцезащитные очки. Демонстрировать «боевые» раны подчиненным ему не улыбалось. Правый глаз понемногу стал открываться, но синяк налился темно-фиолетовым и сполз вниз.

Он проснулся один в пустой квартире – сосед успел убежать и твердо решил: избить себя снова не позволит ни за что! И, значит, у него должно появиться оружие! В оружейной комнате части дождался закрепленный пистолет. Вот бы получить его на руки! Замаскировал синяк на лице большими солнцезащитными очками, надел форму и отправился в часть.

В части безлюдно и тихо – перерыв в занятиях на обед. Свежий ветер тащил по асфальту плаца, по сверкающим на солнце лужам, бумажки и сломанные вчерашним дождем ветки. Из одноэтажного здания столовой неторопливо выходили солдаты. На краю плаца вокруг бетонных стен недостроенного первого этажа работали строители, тархтел отбойный молоток, неторопливо проплывала стрела автокрана. Батальон разворачивали до полного штата и, по указанию администрации, на территории части ударными темпами строили двухэтажную казарму.

Александр подходил ко входу казарме, когда навстречу вышел едва знакомый старший лейтенант, недавно перешедший в батальон из «локаторщиков».

– Привет – бросил на ходу. В последний момент взгляд Александра остановился на «вспухшей» кобуре на поясе офицера. Александр обернулся. Все правильно, на боку «красовалась» оттопыривающаяся пистолетом кобура, а повязки дежурного на рукаве не было.

Петелин нахмурился, вспоминая имя старлея.

– Алексей! – крикнул молодой офицер. – А что, дали распоряжение получить личное оружие?

Тот на секунду повернулся, ответил:

– Ага, – и направился дальше.

«Опа! Все к лучшему! Вот и решение, получу пистолет, как все!»

Александр переступил порог казармы. Дневальный торопливо выпрямился, ствол автомата за плечами качнулся, слегка стукнув по затылку.

– Дежурный по роте на выход, – проорал хриплым, словно со сна, голосом, поправил автомат и украдкой почесал ушибленный затылок.

Александр стоял, поджидая дежурного. Казарма пустая. Взлетка (*свободное место внутри казарменного коридора для построений (центральный проход)*) блестит, видимо, недавно помыли, густо пахло людским потом и гуталином. Подошел сержант с красной повязкой «Дежурный» на правой руке, и кобурой на ремне. Остановился напротив, посмотрел полным скепсиса взглядом.

– Открой оружейку, – распорядился Александр, натолкнувшись на вопросительный взгляд сержанта, пояснил, – Я хочу получить пистолет, – пошарив в кармане, вытащил карточку – заместитель.

Карточка – заместитель, – служит для приема и выдачи оружия и боеприпасов.

Сержант замялся, но не сдвинулся с места. Александр удивленно посмотрел на него. «Это что-то новенькое. С каких это пор сержант не выполняет приказ офицера?»

– Не понял сержант, чего стоим? – бросил резко.

– Тут такое дело, товарищ лейтенант, в отношении вас есть распоряжение вначале пригласить вас к комбату.

– Чье распоряжение? – раздраженно осведомился побледневший Петелин.

– Комбата, – дежурный развел руками, старательно пряча взгляд от разгневанного офицера. На щеках Александра катнулись желваки. Громыхнул дверью, выскакивая на улицу.

Подполковник Изюмов, аккуратно положил трубку стационарного телефона, взгляд наполнился задумчивостью. Пальцы машинально простучали ритмичную мелодию по гладкой поверхности стола. Звуки стройки: скрип, неритмичные удары и далекие человеческие голоса проникали в кабинет сквозь закрытое окно. Изюмов достаточно долго прожил в городе, успел встроиться в верхушку и знал, что существует несколько группировок, с переменным успехом бьющихся за контроль над властью, и что-либо сделать возможно только опираясь на согласие, как минимум, большинства из них. Разговор с директором ГРЭС прошел сложно. Промышленную политику администрации он поддержал, особенно нахваливал мэра за оперативность строительства железной дороги на юг, к будущему угольному разрезу и недвусмысленно посоветовал не раскачивать тонущую лодку. Это означало что оппозиции в городских верхах градоначальнику нет. Это глупая иллюзия, что оружие в руках равнозначно власти. Эпоха, когда воинское сословие господствовало над обществом, закончилась с разрушением феодального строя. В современном мире на штыки можно опираться, но сидеть на них невозможно.

На штыки можно опираться, но сидеть на них нельзя. В оригинале: Штыки годятся для всего (со штыками можно делать все, что угодно), только сидеть на них нельзя. Испанская народная пословица. Смысл выражения: военная сила хороша только для военных целей (разгрома врага, вооруженного переворота и т. п.), но для собственно управления страной необходимо нечто гораздо большее, нежели просто сила, – нужны интеллект, идеи, объединяющие общество, общественное согласие, общая воля и т. д.

«Ладно», – сказал про себя и резким движением придвинул с края стола документ. Взгляд снова пробежал по приказу: командировать взвод на охрану будущего угольного разреза, срок исполнения – 18 мая. Подполковник непроизвольно поморщился. Одна молодежь кругом без боевого опыта. Опасно оставлять без присмотра, но придется. Хотя... он потер гладко выбритую щеку, есть один кандидат. Ершистый, но зато обстрелянный и решительный.

В дверь постучали, в проеме показался Петелин. За длинным столом с дымящейся пепельницей сидел комбат. При виде посетителя хмыкнул, а в глазах нет и тени удивления. «Видимо, успели доложить о моем появлении», – подумал Александр.

– Разрешите?

Подполковник отозвался гнусавым, простуженным голосом:

– Заходи!

Молодой офицер переступил порог. Аккуратно закрыв дверь, остановился перед столом:

– Здравия желаю.

Комбат впился в молодого офицера тяжелым взглядом, коротко кивнул. Указал на стул:

– Присядь! – сказал необычным, сконфуженным голосом.

«С чего это такая забота», – подумал спокойно – присаживаться в командирском кабинете ему еще никогда не предлагали и, осторожно уселся за стол-приставку. Кепка легла на столешницу, недоверчивый взгляд остановился на командире. Со странным выражением лица офицер рассматривал подчиненного.

– Очкиними...

Черные очки легли на стол, лицо отвернулось к открытому окну. С битой физиономией перед командиром было неловко.

Подполковник несколько мгновений разглядывал роскошный синяк под глазом, потом искривился в ироничной усмешке.

– Нда, знатный фингал, – прогнусавил нарочито спокойно и качнул головой, глаза цепко следили за Александром:

– Догадываешься, кто тебя так разукрасил? – в голосе невозможно уловить эмоции.

Александр поспешно одел очки, ответил с заметной заминкой:

– Да, товарищ подполковник, думаю это кто-то связанный с городским мэром.

– Правильно... – Изюмов протяжно хмыкнул и откинулся в кресле, прижмуренными глазами наблюдая за подчиненным.

Из кармана появилась пачка с лейблом Мальборо, закурил. Полупрозрачные струйки ароматного дыма потянулись к открытому окну.

– Кончатся сигареты. Я уточнял, в городских запасах осталось совсем немного. Прямо не представляю, как быть, все же двадцать лет дымлю, – поделился с подчиненным, на что тот, не отрывая настороженного взгляда от командира, безмолвно наклонил голову.

– А на службу почему пришел, я же тебе сказал шестнадцатого выйти?

Александр замялся, взгляд закаменел на противоположной стене кабинета. Невыгоревший на солнце прямоугольник отмечал место, где когда-то, казалось сто лет тому назад, висел портрет Президента России. Правду говорить не хотелось, но и скрывать ее казалось глупым, стоит комбату позвонить в роту, тут же откроется.

– Пистолет получить.

Изюмов криво усмехнулся.

– А зачем он тебе? Что, мстить собрался?

Лицо Александра закаменело, глаза за очками сощурились. Один раз застали врасплох, второго шанса он не даст:

– Никак нет. Чтобы никто даже не попытался напасть. Пристрелю, как собаку.

Несколько мгновений комбат смотрел в лицо подчиненного, затем поверил в серьезность сказанного, кивнул.

– Экий ты злобный братец, – прищурился, широко разводя руки, словно хотел обняться с подчиненным, рывкнул хрипло, – Мальчишка! Нападешь, отправишься под трибунал! Времена сейчас простые. В прошлую пятницу казнили убийцу двух девчонок. Видел, как висит?

В памяти Александра возникла жуткая сцена: на перекладине между двух столбов ветер со скрипом раскачивал тело с закрученными назад локтями. Опущенное лицо исклевано птицами. Холодок страха пробежал по спине. Он потрянул головой, прогоняя образ. Постановлением Горсовета восстановили смертную казнь за тяжкие преступления.

– Видел. Половина города ходила смотреть.

– Ну вот и делай выводы! – раздраженно, но немного потише, рыкнул Изюмов и тщательно потушил сигарету в пепельницу, – Если не хочешь закончить жизнь на виселице! Я тебя предупредил, надеюсь, ты меня понял!

– В чем причина твоих неприятностей, – сказал саркастически, потом на секунду запнулся, тут же нахмурился и продолжил – с мэром, знаешь?

– Да... Из-за моей невесты. Он ее поселил у себя, Ольга какая-то его дальняя родственница, вот и требует, чтобы прекратил встречаться, а мы расписаться собирались!

– Да, она его племянница и Соловьев собирается ее удочерить, – голос понизился до угрожающего, хриплого шепота, – Так что это ваши внутрисемейные дела. В папашу, приемного, будущей жены стрелять будешь?

Лейтенант опустил глаза и несколько секунд смотрел в столешницу, затем уперся взглядом в насмешливое лицо командира:

– Товарищ подполковник! – резанул отчаянно, – Если Соловьев ведет себя словно урка, то какой он к черту градоначальник? Гнать его нужно!

«Ничего не ответил на вопрос, будет ли стрелять по Соловьеву, – отметил про себя Изюмов, – кремень мальчишка»

Небо заволочла туманная пелена. В кабинете стремительно потемнело. Подполковник, глянул в окно, протянув руку, щелкнул выключатель. Зажглась настольная лампа, выхватывая из сумрака напряженное, с обострившимися скулами лицо молодого офицера. Хозяин кабинета сузившимися глазами рассматривал подчиненного. Потер гладко выбритую щеку. «Хороший парень, правда, излишне горячий, зато имеет какой-никакой боевой опыт. Жаль, если потерю перспективного офицера. Но и проблем из-за мальчишки не стоит искать на ровном месте. Наверное, имеет смысл согласиться с предложением Соловьева, да и иметь в распоряжении человека, у которого такой зуб на мэра, что готов прибить как муху, не помешает».

– Это не твоего ума дело. А по Соловьеву... даже думать забудь о нем, это приказ! Я сказал, ты меня услышал и все на этом!

Александр ожег командира злым взглядом, Воротник рубахи, врезаюсь в мускулистую шею, выдавил белую полоску. Подполковник одобрительно хмыкнул про себя. Ишь как реагирует, прямо бешенный.

– Лейтенант, ты кому присягу давал? России? Сейчас наша Родина – этот город! Так и служи ему, мать твою, а не корсиканские вендетты устаивай! – рывкнул голосом, привыкшим строить на плацу роты. Взгляд, и так не отличающийся кротостью, словно резал по металлу, лейтенант отвел взгляд.

Изюмов глянул на смелое и гневное лицо юноши, не побоявшегося противоречить даже ему. «Ну что, пришло время подсластить пилюлю»,

– Мне звонил мэр. Да-да, и нечего так сверкать глазами! Просил извинения за действия подчиненных по отношению к тебе, и еще вот, – комбат выдвинул ящик стола, достал погоны старшего лейтенанта, сверкая золотом звезд, они легли перед Петелиным на столешницу, – Соловьев подписал приказ – за спасение жителей Селинной тебе досрочно звание старший лейтенант! Выйдешь шестнадцатого, вручим перед строем, так что готовь поляну для обмывания.

– Спасибо, товарищ подполковник! – голос парня невольно дрогнул. Погоны отправились в карман. Отступные щедрые, даже весьма. Карьера для профессионального военного важна, а сейчас его без всяческих изысков покупали, но и отказаться не мог. Для парня из обычной семьи, без каких-либо связей в военной среде, получить звание досрочно – верх удачи и шаг к осуществлению заветной мечты – когда-нибудь примерить полковничью папаху, а то и, чем черт не шутит, однажды надеть генеральский мундир.

– Спасибо – это слишком много, – подполковник небрежно отмахнулся, – у меня вот какое предложение. Мэрия прислала приказ об организации охраны угольного разреза на границе с казаками. Срок командировки – два-три месяца. Предлагаю возглавить взвод охраны тебе. Нечего тебе шляться по городу, а то еще какую глупость удумаешь.

– Я могу отказаться? – набрался смелости Александр. Уезжать, при том надолго, когда ситуация с Олей еще не разрешилась, не входило в его планы.

Подполковник отрицательно покачал головой:

– Нет.

Молодой офицер несколько мгновений сидел набычившись, но под насмешливым взглядом командира опустил взгляд. Несколько секунд угрюмо молчал, затем вскинул глаза на командира, в них плескала хорошая порция злости и упрямства. «Пока меня не будет Соловьев может черт знает, что сделать с Олей! Вдруг выдаст замуж, кто его остановит?» Уехать означало отказаться от невесты. Раз так, он готов написать рапорт об увольнении. Он уже собирался сказать это, но не успел. Подполковник вновь выдвинул ящик стола, белый конверт без адреса скользнул по столешнице к Александру. Наклонился и вкрадчиво ухмыльнулся:

– И вот еще... читай, Ромео.

– Что это? – молодой офицер поднял на командира глаза, в которых плескалось непонимание и затаенная надежда.

– Письмо тебе, читай!

Торопливо разорвал с краю. Внутри лежал листок бумаги, донизу исписанный почти каллиграфическим почерком – это была рука Оленьки. Чем дальше читал, тем больше ощущал острое волнение, легкая улыбка коснулась губ. Взгляд снова пробежал по последним строкам. «Прошу тебя согласиться на командировку. Дядюшка может противиться моему замужеству с безвестным лейтенантом, но отказать герою не посмеет! Я его уговорю! Люблю, целую, твой Олененок...

– Откуда оно у вас?

Комбат как-то по-отечески улыбнулся.

– Домработница Соловьева принесла.

В сердце Александра боролись две, но пламенные страсти, любовь к Оле и желание сделать карьеру, но сейчас, когда невеста сама попросила согласиться на командировку, размышлял недолго. Молодой офицер несколько мгновений сидел набычившись, потом выдохнул воздух из груди.

– Хорошо, я согласен, – произнес тихо и положил конверт с письмом в карман. Дома он снова прочитает строки, написанные его прекрасной возлюбленной.

Едва слышно тикали настенные часы, стрелки, словно мухи в чернильнице, увязли на двадцати минутах третьего, ползли еле-еле. Сквозь наполовину закрытые шторы в кабинет градоначальника свет едва проникал, создавая приятную глазу после полуденного буйства солнца, полутьму.

За массивным письменным столом в глубине кабинета восседал его хозяин в светлой рубашке с короткими рукавами – на улице наконец-то потеплело, и он переоделся. Прищуренные глаза стремительно пробежали по строкам документа с грифом секретности, ненадолго останавливаясь на одном месте. Время от времени подымал взгляд на человека напротив, за столом-приставкой, лет сорока с невыразительным лицом, в неприметном черном пиджаке с жилетом в крупную полоску. Из треугольного выреза выглядывал белый воротник-стойка с тонким галстуком. По виду – мелкий служащий или коммивояжер. Все заурядно и неприметно – пройдешь в толпе мимо, не обратишь внимание, зато поражала должность – начальник отдела ФСБ. Впечатление портили глаза, глубоко посаженные, светлые до прозрачности, они смотрели с акульим интересом. Их обладатель словно прикидывал: сожрать сейчас или позже. Мужчина знал о недостатке и, когда необходимо, старательно прятал взгляд.

С утра в кабинет позвонила секретарь мэра и попросила прибыть к шефу в 14 часов со сводкой оперативной обстановки. Пришлось откладывать дела на потом и готовить сводку. Теперь, с каменно-спокойным выражением лица ожидал, пока Соловьев дочитает многостраничный документ, только глаза жили, перебегая от лица мэра к окну с видом на покрытую глубокими лужами пустынную площадь перед зданием администрации и назад. На профессионально спокойном, словно у игрока в покер, лице, невозможно отгадать истинные мысли.

Соловьев отодвинул на край стола бумаги, тщательно подравнял стопку, с задумчивым видом откинулся в кресле. Проницательный взгляд вонзился в непроницаемое лицо подполковника ФСБ. Пожевал губами:

– Константин Васильевич, по заброске агентуры. В вашем отчете упомянут только сам факт, расскажите, пожалуйста, поподробнее, – сказал предельно вежливо.

Собеседник неторопливо снял очки, вытащив из кармана тщательно отутюженных брюк платок, неторопливо протер стекла. Все эти привычные действия использовал чтобы обдумать, что довести до мэра, а о чем лучше умолчать. Градоначальника он едва терпел, да и за что уважать коррумпированного чиновника? К величайшему сожалению, ситуация сложилась так, что приходилось подчиняться Соловьеву, но досье градоначальника пополнялось новыми материалами. Всеу свое время. Время разбрасывать камни и время собирать их и бросать в злодеев.

Подполковник надел очки, тяжело вздохнул про себя и поднял взгляд:

– Виктор Александрович, мы сделали ставку на информаторов из местных, для чего наладили работу с пленниками. Удалось завербовать девятых из живущих поблизости от города родов. Их отпустили. Теперь мы плотно контролируем обстановку в ближних окрестностях. Хуже обстоят дела с освещением обстановки вдаль от города и в настоящее время мы работаем по этому вопросу. Так что, возможно, с целью прикрытия новых информаторов будем ходатайствовать о новом частичном освобождении пленников.

– Что вы работаете, Константин Васильевич, это хорошо, но из ваших слов следует, что у вас нет агентов на дальних подступах к городу, – произнес мэр бесстрастно, – Я правильно вас понял?

Фсбшник кивнул, очки холодно блеснули.

– Значит вы не можете гарантировать, что, если у дикарей снова возникнет желание пограбить, мы заранее об этом узнаем?

– Относительно ближайших – безусловно узнаем, – наклонил голову офицер, на миг показав безупречный пробор, – К тому же главы ближайших родов плотно подсели на перепродажу нашей продукции, да и заложников дали. Так что нападения «наших» кочевников

практически исключены. А те, кто живет вдаль, увы... – офицер развел руками в сожалеющем жесте, – Пока не создадим у них агентурную сеть, мы бессильны.

Соловьев аккуратно поправил тонкую стопку бумаг в углу стола и пристально посмотрел в лицо собеседника, левое веко конвульсивно дернулось. Внутри разгорался холодный гнев. Это его город, и за него он любого порвет! Он пообещал горожанам, что таких нападений, как на деревню Селинная, больше не будет и намерен выполнить обещание, а тут надутый «индюк» рассказывает, что у него все под контролем, хотя что происходит вдаль от города не контролирует! всю жизнь Виктор Александрович относился к связанным с госбезопасностью делам с немалой опаской, и небезосновательно: грешков у него за плечами хватало. Слишком грозная репутация была у конторы глубокого бурения. Именно она присматривала за властью на местах, а ее сотрудники заводили уголовные дела на чиновников, попавшихся на взятках или ином криминале. Все изменилось после Переноса – из потенциальной жертвы правоохранителей Соловьев превратился в их главного начальника. А руководить он привык жестко, не обращая внимания на былые заслуги и достижения. Усилием воли мэр сдержался и сказал предельно бесстрастно:

контора глубокого бурения – сокращенно КГБ – предшественник ФСБ, название перешло по наследству.

– Мне нужен результат. Причины, оправдания и прочее меня не интересуют. В утренней сводке была попытка прорыва границы и в том, что она провалилась – заслуга пограничников, а не ваша, – Соловьев остановился, поправил стопку бумаг, взгляд прищуренных глаз уколол меланхолично смотрящего собеседника, – Мне нужна информация, и как вы ее будете добывать – это ваша забота, на то вы и госбезопасность! Сколько вам необходимо времени, чтобы организовать эту вашу агентурную сеть? В первую очередь, меня интересует положение дел у Строгановых и в казахском ханстве.

Фсбшник нахмурился.

– Ближние окрестности – вплоть до Среднего Урала и северного Казахстана – от полугода до года. Все остальное сможем контролировать только частично. Увы.

– Почему так долго Константин Васильевич? – резко бросил Соловьев.

– К сожалению, это не ускорить. Чтобы нанять аборигенов, необходимо время. А наших надо долго готовить к заброске. За три века изменился и язык, и обычаи.

– Хорошо, – Соловьев потер кончиками пальцев усталые глаза, наклонился к рабочей тетради и написал что-то, – ставлю вопрос информаторов у казахов и Строгановых себе на контроль. Начиная с первого октября жду от вас ежемесячных докладов, как продвигаются дела.

Подполковник со все тем же профессионально бесстрастным выражением лица утвердительно качнул головой:

– Принято, – фсбшник мысленно поморщился. То, что секретную информацию фиксируют в «обычной» тетради, нарушало все режимные правила, но делать замечание не стал. А еще больше ему не нравилась играть роль подчиненного, но пока он ничего не мог с этим поделать. И тут важны акценты: пока.

Соловьев поднял со стола ручку, с задумчивым видом несколько раз нажал на кнопку, игнорируя выжидательный взгляд собеседника. «Поставить в город в положение терпил не дам, – думал мэр, сжимая тонкие губы в бледную полосу. Пусть что хочет делает, но даст информацию по дикарям!»

– Хорошо. Что известно по сегодняшней банде?

– Банда полностью уничтожена, пограничники взяли пленного. По его словам банда пришла с Среднего Урала: половина манси, остальные башкиры.

– Если станем спускать аборигенам нападения, нас порвут. Навалятся со всех сторон! Дикари понимают силу и поэтому мы должны ответить! – мэр вновь уколочил неприязненным взглядом, но фсбшник опять никак не прореагировал, – Выяснили, где живут роды, из которых эти отморозки?

– Частично да, но пришла в основном молодежь, которая по тем или иным причинам порвала с родственниками, так что, если ударим по стойбищам, аборигены даже не поймут причину нападения. Только дадим лишний повод для кровной мести.

Соловьев недоверчиво покачал головой:

– Хорошо, я отдаю решение вопроса по возмездью на усмотрение заместителя по военным и внутренним делам. Вы профессионалы, вам и решать целесообразность карательного удара по родственникам бандитов, – сказал ледяным тоном.

«Пой, птичка, пой, папочка в моем сейфе пополняется новыми материалами», – думал фсбшник, сощуренные глаза бесстрастно фиксировали едва сдерживающегося хозяина кабинета.

Несколько мгновений в кабинете стояла тишина, до звона в ушах.

– Константин Васильевич, прошу до исхода дня предоставить мне список отличившихся при отражении ночного нападения пограничников, – произнес Соловьев негромко.

– Военные оказали нам помощь. Я ходатайствую и о их награждении.

Соловьев внимательно глянул на собеседника и согласно наклонил голову.

– Их тоже!

Зазвонил телефон, мэр искоса глянул на трубку, и торопливо бросив собеседнику:

– Извините, – поднял телефон.

Пару минут слушал, изредка вставляя фразу, другую. Начальник отдела покосился на тряпкой висевшее в углу кабинета знамя города. Трехцветный флаг России оттуда убрали, это было неприятно офицеру ФСБ. «Все, даже думать забыл, что он гражданин России», – думал, слегка сощурив глаза.

Наконец, мэр положил телефон на стол и ложил руки в замок.

– Хорошо, есть новая информация по банде Чумного?

– Пока ничего. Как ушла банда через границу, так и никаких следов, словно растворились. Кочевники жаловались на нападения на селения, вырезали всех, вплоть до младенцев, затем ушли на запад в сторону Руси.

– Удалось установить, что с Чумным произошло? Был же обыкновенный бандюган, а тут словно сбесился? Казак доморощенный... мать его.

– Казачья кровь в нем действительно есть, наш он, уральский, из оренбургских казаков. У него мать жила в Селинном, погибла во время нападения. Да и сам он не так прост, сидел по статье 102 «Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах».

– Вот оно в чем дело... – мэр покрутил головой, – мечь. Ладно. В обзоре нет ничего по военным и полиции. Какие у них настроения?

– Нормальные, в целом такие же, как и среди остальных горожан. Надеются, что сможем наладить нормальную жизнь, готовы защищать город.

– Больше ничего по их настроениям сказать не можете?

Подполковник ФСБ, не отрывая прищуренных глаз от внимательного лица мэра, отрицательно качнул головой. Соловьев подумал: «Чего-то темнит, надо будет озадачить сбором информации полицейских и Володю».

– Новая информация по убежавшим студентам из Казахстана есть?

– Нет, по-прежнему последние известия – это показания тракториста из Малаховки. Ушли вдоль трассы М-101 на юг и с тех пор никакой новой информации. Наши источники у кочевников тоже не дают информации.

Мэр кивнул, судя по недовольному выражению лица, ответ не устроил, но, по-видимому, решив, что безопасники сделали все, что в их силах, сухо бросил:

– Работайте, Константин Васильевич! Я вас больше не задерживаю, – мэр приподнялся с кресла и протянул фсбшнику руку.

Глава 5

Грохот газотурбинных двигателей вертолета усилился, стал почти невыносимым. В животе родился маленький холодный ком, будто несешься на сумасшедшей скорости по американским горкам. Тяжелый многоцелевой транспортный вертолет Ми-26Т2 стремительно возносился в безоблачное, ласкового василькового цвета весеннее небо. Александр скривился, будто съел дольку лимона и тут же губы, еще хранившие горько-сладкий вкус поцелуя, дрогнули в блаженной улыбке. Было необыкновенно легко на душе и славно, как бывало в детстве. Когда отец был жив, а мир казался большим, неизведанным, когда хотелось помчаться во весь дух, подпрыгивая и взвизгивая от восторга!

Серый бетон взлетной полосы в иллюминаторе стремительно провалился вниз, здания аэропортовых служб, несколько вертолетов МИ-8 и громадин Ми-26 стали маленькими, словно игрушечными. Показались крыши построенных вокруг аэродрома многоэтажек. Вертолет с ускорением полетел на юг, за несколько секунд набрал крейсерскую скорость. Грохот двигателей уменьшился и стало возможно разговаривать.

Нахлынуло воспоминание о недавней встрече...

После памятного разговора с комбатом четверо суток пролетели стремительно, словно один миг. На следующее утро после скромного обмывания внеочередных погон – времена тяжелые, не до этого, впрягся в службу. С утра до позднего вечера проводил в нешуточных хлопотах: собеседования в ротной канцелярии с добровольцами, подробные разговоры о жизни и биографии. Отобранные солдаты и сержанты подписывали контракты о прохождении воинской службы. Впрочем, аналогичные договора предлагали заключить всем срочникам, в противном случае к осени бойцов собирались уволить независимо от срока службы, а учитывая, что большая часть оставила родные места в навеки покинутом двадцать первом веке, желающих уйти со службы было немного. А еще в памяти остались армейские и гражданские склады, на которых всеми правдами и неправдами выбивал из кладовщиков имущество, оружие и боеприпасы для автономной жизни взвода. Словом, приходилось жалеть, что в сутках всего двадцать четыре часа. Все эти дни загружал себя работой до изнеможения. Чтобы не помнить об Олененке, но тщетно, она приходила к нему во снах, ночью, на в железной кровати ротной канцелярии.

От текучки новоявленный старший лейтенант опомнился, только когда грузовая машина подъехала к свежеекрашенным воротам с красными звездочками посередине – военному городку вертолетного отряда. Справа от них, в тени памятника – списанного вертолета Ми-8, стояла Оленька. Она вся сжалась, затаилась, одна против всего мира. И все в ней: от выщегося на ветру облака черных, распущенных волос, и до стройных ножек, вокруг которых билось на ветру легкое голубое платице, было так волшебным, так пленительно, что Александр внутренне ахнул. В нем смешалось все: и радость, и смирение, и такая нахлынула безмерная, никогда не испытанная нежность, что едва не задохнулся. Глаза засверкали, растерянная улыбка раздвинула губы. Но как она здесь оказалась!?

Пальцы глубоко впились в плечо водителю, от неожиданности тот подпрыгнул.

– Стой! – прокричал ошалело.

– Блин, больно! – сбросил руку водитель и пробурчал под нос явно что-то нехорошее, но послушно затормозил машину напротив памятника. Александр выскочил на обочину в паре шагов от девушки, оглянулся, на клумбе расцвели алые тюльпаны, сорвав несколько, подошел к раскрасневшейся, призывно улыбающейся девушке. Взгляд утонул в огненно-черных глазах.

– Привет! – голос дрогнул. Ах, как давно они не виделись!

Сладко-горькие губы любимой были ответом. Обнял за гибкую, как тростинка, талию, и в который раз поразился, какая она у него хрупкая. Узкие ладошки легли на плечи мужчине.

«Изменился, исчезла детская припухлость губ. Взгляд стал жестче, но это по-прежнему мой Сашка. Такой он мне нравится даже больше».

– Дождешься меня? – жаркое, как огонь, дыхание защекотало девичье ушко. Исходящий от нее аромат полевых цветов и чистого женского тела – были до головокружения прекрасны, жутко хотелось бросить все и остаться.

За спиной, словно пытаюсь разрушить очарование, прошуршала шинами легковая машина, озорно бибикнула, но влюбленным не до нее. Счастье – эгоистично.

Оленька вдруг ощутила себя крошечным комочком, послушным мужской силе.

Нежные щеки одна за другой пробороzdили слезинки, на виске трепетала голубая жилка. Ольга хотела что-то сказать, но не нашла слов и только кивнула. От Сашки едва уловимо пахло мужским потом и пряным ароматом полыни.

– Я люблю тебя, слышишь? Люблю безумно, у меня оставались только мать с сестрой, и ты... – зашептал в ухо, – матери и сестры больше нет, и я не могу потерять тебя.

Девушка блаженно выдохнула, на лице расцвела счастливая и немного глупая улыбка.

– Это предложение выйти замуж? Фу, как грубо!

– Это значит нет? – снова горячее, как огнедышащая лава, мужское дыхание защекотало ушко.

Девушка яростно замотала головой, так что развивающиеся волосы сделали ее немного похожей на Горгону из старого советского мультика о греческих богах.

– Да, да, значит да! – задыхаясь, прошептала. Никогда раньше он не слышал такого нетерпения и едва сдерживаемой страсти.

Прошагал солдатский строй, последний, с широкоскулым «казахскими» лицом напоследок оглянулся, во взгляде горел огонек любопытства.

– Ты странный... – шептала девушка, прижимаясь всем телом к Александру. Губы сводило, усилие держало слезы, – но хороший. Я знаю, ты меня любишь. Молчи только молчи! Ты такой, каким Господь повелел быть человеку... верный, сильный... Разве могу я выбрать кого-то другого? Только тебя, тебя... выбрать тебя, любить и хранить, ибо ты душа моя.

Накануне она долго думала об их взаимоотношениях. Перспектива выйти замуж по указке всемогущего дяди сулила богатство и покой, но достаточно ли это, чтобы лечь в постель с безразличным тебе человеком и рожать от него детей? Даже думать об этом не хотелось. Возможно потому, что глубоко в душе жила романтическая дурочка, мечтавшая о герое и супружестве по горячей любви.

Как девушка узнала время отправления экспедиции и вырвалась из-под надзора властного дядюшки, так и осталось тайной. Оля лишь казалась глупенькой девчонкой, на самом деле она была умная и предприимчивая. В маленьком башкирском городке, где она провела детство, ребенку из простой семьи без этих качеств не прожить. Наконец, довольно улыбаясь, лейтенант нехотя посмотрел на часы и, оглядываясь на ходу на девушку, сверлившую спину пламенным взглядом, запрыгнул в кабину...

Спустя десять минут автомобиль осторожно заехал на серые, с проросшей в стыках ярко-зеленой травой, бетонные плиты взлетного поля. Ветер нес ядреную смесь керосина и машинного масла. Пролетела мимо вышка руководителя полета. Остались позади два МИ-8, вокруг них суетились техники, автомобиль подъехал к грузовому отсеку Ми-26 и остановился.

С тревожным чемоданчиком и автоматом в руках, Александр спрыгнул на аэродромные плиты. Вертолет поразил. Серая махина, высотой с трехэтажный дом. Ох, не зря Ми-26Т2 считался крупнейшим серийно-транспортным вертолетом в мире. Это его страна строила такие громадины! На миг гордо вскинул подбородок и тут же нахмурился. Нет такой страны. И дай то бог, чтобы когда-нибудь появилась вновь.

Махнул рукой подчиненным и первый поднялся по гулкому трапу в металлическое нутро вертолета, за ним вереницей солдаты и сержанты с тяжелеными рюкзаками за спиной. В широ-

ком проходе, вплоть до пилотского отсека, громоздились к потолку контейнеры с имуществом будущего разреза и сводного взвода. А перед отсеком пилотов – паллеты с двумя тракторами ЮМЗ, за ними три переделанные в багги автомобиля. Пассажиры уже были: у пилотской кабины расположился низенький и бородатый, так что издали походил на престарелого гнома, начальник будущего угольного разреза, рядом десяток гражданских в полувоенной форме. Александра познакомили с будущим начальником вчера, и тот показался человеком дельным и не высокомерным.

Паллета – поддон для перевозки грузов.

На правах командира Александр оккупировал место у иллюминатора. Бойцы добровольческого взвода расселись на свободных скамейках вдоль бортов, рюкзаки устроились у ног вместе с старыми, добрыми АК – 74. Итого четыре десятка пассажиров и больше пятнадцати тонн имущества. Из солдат взвода Петелина в длительную командировку захотели двое: замковзвода сержант Тихонов Иван и Магомедов. После выписки из больницы, кавказец сучал без приключений.

Год, от силы два и запасы складов истощаться, даже если вообще не эксплуатировать вертолеты. Поэтому решили из экономии ресурсов не делать фетиш, а использовать вертолеты для ускорения работ по первоочередным проектам: строительству угольного разреза и железной дороги.

Один из гражданских, ростом с Александра, но покрупнее и с глубоко посаженными, черными, как ночь, злыми глазами, упорно не сводил с лейтенанта взгляд. Где-то молодой офицер его видел, но где, не мог вспомнить. Время от времени непонятный тип переговаривался с соседями, гаденько улыбаясь и, сверля Александра взглядом. «Что уставился? На мне узоров нет», – мрачно подумал новоиспеченный старший лейтенант и отвернулся к иллюминатору.

Далеко внизу проплывали черные квадраты битумных крыш пятиэтажек, мелькали миниатюрные, словно игрушечные, автомобили. Спустя пару минут многоэтажная застройка закончилась, вертолет мчался над мутно-синей, с серебряными искрами, лентой реки. На образованном водой полуострове сверкал стеклом и полиэтиленом гигантский тепличный комплекс – его построили всего за пару недель, пробивались из-под земли ростки, зеленели плодовые деревья. В условиях холодного и короткого лета несколько гектар, занятых теплицами, гарантировано обеспечивали город овощами и фруктами. Александр достал бинокль. Ближе к реке скелетами доисторических животных торчали деревянные каркасы недостроенных теплиц. Вокруг стояли автокраны, подъезжали грузовики. Городу повезло, что на его территории размещалась сельскохозяйственная академия. Ее профессура возглавила приспособление сельского хозяйства к малому ледниковому периоду семнадцатого века. «Быстрее бы выросла зелень... мясо с рыбой так надоели, что в рот не лезут», – подумал Александр, невольно облизнулся и шумно сглотнул слюну.

За тепличным комплексом возвышался бетонный остов трехэтажного свиного комплекса. Строили ударными темпами – в три смены, круглосуточно. На первом этаже планировалось разместить биореакторы для переработки свиного навоза в гумус, а на втором и третьем выращивать свиней. Помимо мяса и гумуса, ферма будет производить из переработанного в биореакторах навоза аммиачную воду. Исходя из соображения логистики ферму и поставили рядом с тепличными комплексами. Неплохое удобрение будет поступать туда самотеком по трубам.

Александр снова оглянулся, странный мужик все так же смотрел на него. Определенно где-то видел его, но где? Вспомнить так и не удалось, Александр мысленно плюнул и вновь повернулся к иллюминатору.

Стремительно пролетели серые коробки блокпостов на окраинах, темная нитка заполненного водой рва с земляным валом. Винтокрылая машина вырвалась за границы города и

понеслась вдоль блестящей металлом полосы железной дороги на юг. Вокруг чернота свежеспашанных полей, кое-где зеленели небольшие рощицы. Александр оглянулся, город пропал из виду, только три трубы электростанции, из которых одна дымилась, да длинная антенна, смонтированная на центральной трубе, какое-то время еще виднелись. Делать нечего и Александр погрузился в собственные мысли. Хотя и старался сохранять видимость беззаботности, но, по правде сказать, на душе скребли кошки. Два месяца большой срок... Вдруг дядя сумеет настроить Олю против него? Думай – не думай, все равно ничего не изменишь.

Он отогнал тревожные мысли и снова выглянул наружу. С высоты деревня внизу выглядела прянично-сказочной. Стремительно уносились назад крыши деревенских домов, в окружении садов и огородов. Яблони и вишни, раскинув зеленеющие ветви, тянули их сквозь заборы, будто приглашая любоваться. «Здесь, Наверное, сказочно красиво летом». Ему вдруг отчаянно захотелось когда-нибудь, в старости, поселиться в таком месте: выходить с рассветом из дому, улыбаться проснувшемуся солнцу и ни о чем не жалеть.

На окраине белела свежесрубленная стена – защита от нападений со стороны бандитов. Впрочем, не она была главной гарантией безопасности сельчан, а люди в погонах, общей численностью включая пожарных и таможенников, больше тысячи человек, а на крайний случай – казачьи (пластунские) сотни самообороны. Малые поселения, где отряд достаточной численности создать невозможно, жители покинули, дома разобрали и перенесли в большие деревни. На крыше длинного, полуразрушенного здания, у стены, копошились строители, сверкали свежие бревна. Сразу за стеной зеленел круглый, видно искусственный, водоем. В городских новостях рассказали, что вокруг деревень вырыли небольшие пруды для выращивания хлореллы, ее планировали использовать и на корм скоту, и для удобрения почвы. А крестьян в добровольно-принудительном порядке объединили в нечто среднее между колхозом и производственным кооперативом. Только крупное сельскохозяйственное производство могло обеспечить город достаточными объемами зерна, молока, мяса, фруктов и овощей.

Захотелось пить. Александр сглотнул тягучую слюну и оглянулся: у двери пилотской кабины белела тумбочка кулера. Вытащил чемодан, разыскал солдатскую кружку и направился мимо вздымающихся к потолку рядов паллет.

Александр шел по узкому проходу мимо странного типа, который исподтишка сверлил взглядом, когда тот неожиданно выставил ногу. Молодой офицер запнулся и с размаху рухнул, едва успев выставить руки. Кружка со звоном покатилась по грязному металлическому полу. Сверху глумливо захохотали. Александр, ошеломленный, поднял голову. Парень, поставивший подножку, презрительно щуря черные, отчаянные глаза, сквозь зубы, но достаточно громко, перекрикивая шум двигателей, прогундосил с блатной интонацией:

– Баклан, кружку подбери, на паперти без нее не подадут.

И тут Александр вспомнил, где видел этого человека. Это один из напавшей на него несколько дней тому назад троицы. Бешенство ударила в голову.

– Порву суку! – рявкнул, вскакивая на ноги с фиолетово-синим от ярости лицом. Никогда! Никогда больше не позволит безнаказанно избивать или унижать себя!

Последующее разыгралось с изумительной быстротой.

Приблатненный начал подниматься с сидения, но не успел. С хриплым рыком Александр стремительно шагнул вперед и, врезал, вкладывая в удар весь вес, полусогнутой рукой сбоку в челюсть, рука онемела.

Приблатненного швырнуло в сторону. Наткнулся на скамейку и с глухим стуком рухнул на грязный пол.

В глазах бандита мелькнул неподдельный испуг, явно не ожидал ответа, но замешательство длилось миг. Рука, с траурными ободками под ногтями, прикоснулась к челюсти, с матерным ревом вскочил на ноги.

Оскаленный, побледневший блатной, по-боксерски прижимая к груди кулаки и, весь наклоняясь вперед, кинулся на ожидавшего с перекошенным от ярости лицом Александра.

Вскочили соседи и повисли на плечах, удержали блатного на месте. Со сведенных судорогой губ полились невнятные, перемешанные с матерной руганью, угрозы. Тяжело ступая, подошел будущий начальник угольного разреза. Над жесткой черной гномьей бородой сверкали угольные глаза. Остановился напротив драчунов. Парни, державшие приклатненного, разжали руки. Окружили солдаты, видно – не оставят командира в беде. Блатной зыркнул чернявым глазом, замолчал и нервно щелкнул суставами пальцев.

– Что здесь произошло? – сказал, перекрикивая рев вертолетных двигателей, клокочущим, низким голосом начальник угольного разреза.

– Этот, – бывший национальный гвардеец поспешно выкрикнул и ткнул пальцем в синих линиях татуировок в Александра, – ударил меня ни за что, ни про что!

Взгляд мужчины остановился на руке с татуировкой, явно опознал ее. Потом на багровое пятно на челюсти. Пожевал нижнюю губу и испытывающе посмотрел на окаменевшее, с катающимися пол розовой кожей желваками, лицо Александра:

– Это правда?

Ответить молодой офицер не успел. Вмешался подчиненный Александра – Магомедов. После памятного боя, когда освобождали пленников из Селинного, командир взвода стал для него непререкаемым авторитетом

– Я все видел, этот, – кавказец просверлил неприязненным взглядом приклатненного и махнул рукой в его сторону, – фуцин первый начал махать! Подставил подножку, и лейтенант упал.

– Ну, что скажешь в оправдание? – пробасил начальник разреза, повернувшись к бывшему национальному гвардейцу и воинственно выпятив вперед короткую гномью бороду.

– В натуре, начальник, врут, наговаривают на честного пацана! – заорал с истерикой, распальцовывая пальцы, приклатненный в глазах сверкнул безумный огонек. Слово еще миг и броситься на врага, однако и на сантиметр не сдвинулся с места, во рту мертвенно блеснула золотая фикса, – Офицерик первый начал. Зуб даю, врет фраер!

Александр катнул желваками, пальцы левой руки многозначительно тронули саднившие костяшки правой.

Начальник разреза, не отрывая хмурого взгляда от лица блатного, хмыкнул насмешливо:

– Золотой, свистящий даешь? – взгляд заледенел, – Этого недостаточно. Кто еще что видел?

Невысокий мужчина в ковбойской шляпе, за все время инцидента так и не поднявшийся с места, приподнял руку. Дождался, когда взгляд начальника остановиться на нем и произнес громко:

– Я видел. Старлей лежал на полу, а этот, – взглядом указал на блатного, – обзывал его бакланом.

– Понятно... протянул начальник разреза. Взгляд, перебежал на блатного, потемнел:

– Когда вербовался на разрез, – пробасил зло, с нотками презрения, – читал в контракте, что запрещено?

– Да, – нехотя процедил блатной, а Александра мазанул лютым взглядом.

– Ну, тогда не обижайся! За этот месяц лишаю тебя премии, еще одно нарушение контракта, – рывкнул мужчина, – вылетишь со стройки быстрее собственного визга! – хмуро глядя на уставившегося в ноги блатного, покачал головой, – Ты понял меня? – добавил с угрозой в голосе.

Блатной ссутулился, словно на полярном ветру в одной тюремной робе.

– Да – процедил, не поднимая взгляда.

– Не слышу!

– Да-а!

Начальник разреза отвернулся, наклонился к Александру и громко, так что даже монотонный шум двигателей не помешал офицеру выслушать упрек, прошептал:

– А вот вам должно быть стыдно, господин офицер, что повелись на провокацию!

Александр побагровел как рак. Во многом старший товарищ прав. И военным, и гражданским предстоит провести вместе несколько месяцев, поэтому не стоит заранее конфликтовать. Добравшись, наконец, до кулера и выпил воды.

Блатной постоял, покачиваясь на пятках, злые желваки змеями вздувались на скулах. Потом рухнул на скамейку и отвернулся к иллюминатору. Молодой офицер вернулся. Присев на место и оглянулся. Бывший национальный гвардеец упорно не отрывал взгляд от пролетающих за бортом видов, на челюсти наливался краснотой знатный синяк.

– Дебил с нетрадиционной сексуальной ориентацией, – прошептал Александр, но замковзвода Тихонов, сидевший рядом, услышал. Парень из интеллигентной семьи относился к ругательствам крайне неодобрительно.

– Тащ старший лейтенант! Нельзя человека оскорблять! Даже если заслуженно!

– Слушай, Тихонов, не лезь ты сейчас ко мне! Человека нельзя, а дебила можно!

Сержант обиженно хмыкнул и отвернулся. Впредь придется с блатным быть поосторожнее, подумал Александр, досадливо хмыкнул и отвернулся к иллюминатору. Он уже сожалел об инциденте.

. Далеко внизу неспешно проплывала, бликуя на весеннем солнце металлом, узкая полоска железной дороги. Требовалось успеть с дорогой до исчерпания запасов угля на электростанции, благо что строительство облегчалось тем, что и до Переноса пути вели в казахские степи, так что требовалось только продолжить их дальше на юг. По телевизору стройку так и называли – наша дорога жизни. С кузовами полными гравия сновали туда-сюда по параллельной путям грунтовой дороге грузовики. Дальше – длинная коробка путеукладчика. Работа кипела: крутилась смонтированная на первом вагоне узкая стрела крана, дальше бульдозеры сдвигали грунт, формируя земляное полотно. Используя доступные ресурсы: рельсы с разобраных путей и, входившие в оснащение железнодорожной станции машины для укладки путей, строители круглосуточно, ночью при свете пожарной световой башни, гнали однопутную дорогу на юг к месторождению угля.

Мельтешение людей и машин вокруг путеукладчика стремительно пролетело назад и скрылось из виду.

Дальше до горизонта бесконечная и плоская, как море, весенняя степь, ветер гнул разнотравье и тогда казалось, что по океану степи гуляют темно-изумрудные волны. И ни одного признака цивилизации вокруг.

Прошло минут двадцать и посреди перехваченной цепью зеленых холмов равнины, возникла заросшая высокими соснами широкая долина, за несчетные тысячелетия пробитая тихой степной речкой. Вертолет снижался. Вода внизу такая прозрачная, что на дне отчетливо видны бело-черные камни. На правом берегу, на очищенном от деревьев участке стояли в ряд несколько тентованных Уралов. За ними две большие армейского образца палатки и пара вагончиков. Посредине лагеря дымил труба полевой кухни, повар в белоснежном переднике приложил руку козырьком к глазам, другой придерживал от ветра поварской колпак. Пассажиры оживились, заговорили громко, полет в надрывно гудящей, накалившейся на солнце жестяной банке успел изрядно надоест. «Ну вот и прибыли», – Александр поджал губы.

Винтокрылая машина осторожно коснулась колесами земли. Взлетела до неба пыль, закрыв полупрозрачной пеленой и лес, и лагерь. Нудный вой винтов прекратился, серую завесу пробил первые солнечные лучи. Открыв дверцу, пилот сбросил лестницу вниз. Обернулся к пассажирам.

– Выходим, товарищи! – воскликнул жизнерадостно и белозубо оскалился, – Приехали, не задерживаем транспорт!

Александр подошел к дверце, от нагретой южноуральским солнцем обшивки винтокрылой машины тянуло металлом и керосином. Выглянул наружу. Воздух пропитан густым, хоть ножом режь, живительным запахом сосны и легкой сырости. Дремотная тишина – лестные обитатели, испуганные прилетом страшной птицы, примолкли и спрятались. В паре десятков метров слева – поблескивала серебряными ресничками волн темно-голубая гладь реки, окаймленная узкими полосками каменистых пляжей. Дальше вздымались в аквамариновое небо стены речной долины, заросшие красавицами – соснами, а река через пару километров круто поворачивала на юг. Напротив вертолета – кучка аборигенов: геологов и городских казаков с нетерпеливыми выражениями на бородатых лицах. «Красивое место, – подумал Александр, – похоже, командировка будет не такой уж и плохой.

Спустился на пару ступенек и спрыгнул на землю.

– Здравствуйте!

«Бабах!» – словно в ответ могучим громом прокатилось по окрестностям.

Александр вздрогнул и оглянулся. «Что это? Что взорвалось?» Звук долгим эхом пронесся над рекой. Стая ворон, вечных спутников человеческого жилья, с недовольными криками сорвалась с веток и закружила над палатками. Но старожилы встретили взрыв с полным безразличием и Александр немного успокоился.

– Не робей, старлей! – покровительственно хлопнул молодого офицера по плечу старожил в полувоенной одежде и с окладистой бородой, в которой мелькали первые нити седины, – Это оксиликвитом рвут породу над месторождением.

На городской электростанции работала кислородная станция, что позволило наладить производство оксиликвита в считанные дни после Переноса.

Оксиликвит – бризантное взрывчатое вещество, получаемое пропиткой жидким кислородом горючих пористых материалов (уголь, торф, мох, солома, древесина).

Благодарно кивнув, Александр отвернулся. Пока солдаты и сержанты спрыгивали на траву и строились, а гражданских разбирали аборигены, никто, кроме часовых, не обращал внимания на окрестности, а зря. Кто-то бдительный мог заметить угрюмый, недобрый взгляд с противоположной стороны реки, пристально наблюдающий за другим берегом. Вскоре ветки кустов с другой стороны реки чуть шевельнулись, словно от порыва ветра, а неизвестный, следивший за лагерем попаданцев, растворился среди лесных гигантов.

Прошла неделя. Широкая, не всякий, далеко не всякий, переплывет с одного берега на другой, Кама-река величаво и неторопливо текла между каменистых, заросших дикой тайгой берегов, с узкой полоской каменистых, обрывистых пляжей. Многими сотнями километров ниже она вливалась в главную артерию России – в Волгу. Ветер-бродяга мчался над речными просторами, гнал волну, она ритмично плескала о деревянную пристань на сваях. Трудолобивыми муравьями сновали с купеческих кораблей на набережную и обратно амбалы (грузчики) с тюками, мешками и бочками на плечах. На берегу, перед приземистыми бревенчатыми складами – завалы товаров. Немного дальше подпирал небо потемневшими деревянными стенами форпост русского владычества на Урале и Предуралье – Орел-городок. Коренные жители Пермского края, коми-пермяки, называли его Кергедан, что в переводе на русский означало: «город в устье реки». Крепость мощная, высокие и толстые деревянные стены, острые шпили сторожевых башней по углам, многочисленная артиллерия и прекрасно обученный гарнизон – в пору не купчине, а государевым людям владеть такой. При одном взгляде на могучую крепость грезилась бесчисленные ногайские, татарские и другие орды, бурным потоком они нака-

тивали на несокрушимые стены и бессильными, кровавыми брызгами откатывались прочь. Орел-городок, основанный во второй половине шестнадцатого века Григорием Аникеевичем, из рода богатейших купцов Строгановых, стал на долгие годы резиденцией одной из самых известных фамилий в истории российского предпринимательства.

Науке двадцать первого века точно не известна родословная Строгановых. По одной версии род вел происхождение от одного из родственников татарского хана, возможно, даже его сына. Согласно легенде, его послали на службу к Дмитрию Донскому, в Москве он принял христианство и при крещении получил имя Спиридон. В битве с татарами попал в плен, но все старания склонить к возвращению в старую веру отверг, за что хан приказал «привязать его к столбу, тело на нем изстрогать, а потом, всего на части изрубя, разбросать», что и «делом было тотчас исполнено». Родившегося после смерти Спиридона сына назвали Кузьмой, и дана ему была фамилия Строганов (от слова «строгать»). По другой версии, род Строгановых брал начало от старинной новгородской фамилии Добрыниных. По крайней мере, несомненно, что в старинных новгородских районах, Устюжском и Сольвычегодском, семья Строгановых контролировала сбор оброка с незапамятных времен.

Могущество купцов держалась на трех китах.

Первый из них – соляной промысл. В средневековой Руси соль ценили дорого и имела она устойчивый и надежный сбыт. Добывали ее из-под земли по сложной для тех времен технологии: бурили скважину, в нее закачивали воду, а обратно выкачивали соляной раствор, который и выпаривали в специальных чанах. Строгановы поставляли соль речными кораблями и обозами в Казань, Нижний Новгород, другие города Поволжья и Центральной России. При этом дарованное русскими царями право беспошлинной торговли и владение крупнейшими месторождениями соли в Соли Камской, где они добывали до 7 миллионов пудов в год, делало их в регионе Восточной Европы фактически монополистами. Кроме солеторговли купцы не брезговали вести активную торговлю и другими дарами щедрой уральской земли: пушшиной, рыбой и иными товарами.

Другими источниками могущества купеческого рода были: порученное им Иваном IV Грозным наблюдение за коммерцией английских купцов в России, и торговля с ними. Еще они владели колоссальных размеров земельными владениями. Только в 1558 году Иван Грозный пожаловал среднему сыну А. Строганова, Григорию «для всего рода» (так сказано в царском указе) 3,5 млн десятин земли на Северо-Западном Урале. Строгановы были жесткими, но рачительными и даже щедрыми хозяевами. Обещаниями привилегий и льгот привлекали на свои обширные территории переселенцев со всей России. На собственные средства Строгановы строили города и крепости по рекам Каме и Чусовой, содержали в них для «бережения от ногайской и других орд» вооруженные гарнизоны: из пушкарей, пищальников и воротников» а также отряды для охраны соляных промыслов.

В конце XVI века в распоряжении Строгановых более 10 млн десятин земли. Кроме земли, род владел 20 городами и «острогами», больше 200 деревнями и 15 тысяч крепостных мужского пола.

К началу восемнадцатого века торгово-промышленная империя Строгановых подошла к пику могущества. Купцы подлежали только личному суду царя, их владения были неподвластны воеводам и наместникам. Они представляли собой что-то вроде «государства в государстве», с собственной администрацией и вооруженными силами. Дела Строгановых шли так хорошо, что в Смутное время купцы имели возможность помогать денежными взносами власти. Общая сумма пожертвований тех лет составила 841 762 рубля, за что царь Василий Шуйский пожаловал Строгановым особый титул – «именитых людей», с правом называться с «-вичем», что являлось привилегией самых знатных княжеских и боярских родов.

В глубине кремля Орла-городка притаилось большое и красивое здание, где жили хозяева всего окружающего – Строгановы. Полуденное солнце, заглядывая в раскрытые настежь

подслеповатые окна, ярко освещало старательно, до белизны оттертые деревянные стены светлицы. За длинным, недавно выскобленным и вымытым липовым столом в «красном» углу восседал глава рода Григорий Дмитриевич Строганов в окружении великовозрастных сыновей Александра, Николая и Сергея. Перед ними батарея порожней серебряной посуды, кружки и кубки. Изможденные лики с икон, на стене в углу светлицы, строго и с укоризной вглядывались в бородастые лица именитых купчин. Глава рода недовольно посмотрел на дверь – служанки запаздывают.

– Кхм, – откашлялся и неторопливо побарабанил по столу, на пальце сверкнул перстень с огромным зеленым камнем. Сыновья молчали: пока отец не высказал мнения, им надлежит набрать в рот водицы.

На лестнице послышались торопливые женские шаги. Открылась дверь, с коротким мявком ворвался серый, крупный кот, едва не попал под ноги вошедших следом служанок, увернулся и проворно метнулся под стол. Девушки в традиционных русских сарафанах и в пестрых платках на голове, дружно поклонились. В руках блестят металлическими боками многочисленные кастрюли, кувшины и кашники. Бросили испытывающий взгляд на хозяина, слава богу не гневен сильно, прошли к столу и принялись накладывать по тарелкам, начиная с Григория Дмитриевича. Умопомрачительные запахи мясного варева завитали над столом, заставив судорожно сглатывать голодную слюну.

– Плесни мне погорячее, – попросил глава рода подобревшим голосом.

Не успели Строгановы съесть и пары ложек, как сквозь закрытые двери донесся гулкий грохот шагов – неизвестный торопливо поднимался по лестнице на второй этаж. Ну и кто не дает именитым купцам спокойно пообедать? Взгляды скрестились на двери. Александр, отличавшийся несдержанностью, возмутился:

– Да кого там несет, поесть спокойно не дают!

У доверенного приказчика Пахомова, вбежавшего в светлицу, вид одновременно испуганный и пораженный до глубины души. Куцая борода колом, остатки волос вокруг обширной лысины топорщились, а глаза шалые. Суматошно обмахнул себя крестом на красный угол и повернулся к хозяевам.

Григорий Дмитриевич понял – вестник прибежал с недоброй новостью. Потянулся к висевшему рядом полотенцу, вытер рот и неторопливо спросил:

– Что, опять басурмане шалят? Где?

– Хуже! Гораздо хуже!

– Ух ты! А что же хуже? – снова не выдержал Александр, удостоившись укоризненного взгляда отца.

– Птица огромная, железная, с шумом и грохотом страшным села на поляну за городом, из нее люди вышли неведомые, говорят по-русски, но странно, приглашают тебя, батюшка Григорий Дмитриевич, на переговоры торговые! – приказчик вновь истово перекрестился на иконы.

После прилета пехотного взвода, охранявшие лагерь и место будущего разреза казаки тепло попрощались с остающимися и в тот же вечер улетели в город. Заодно в вертолет загрузили ненужным имуществом геологов и два паллета, от которых на несколько шагов разило копченостями.

К исходу дня в ряд с палатками старожилов поднялась серая армейская, солдаты занесли внутрь тумбочки и железные кровати. Временное жилище готово! Александр поселился вместе с подчиненными. Было жарко и душно, не помогала даже открытая брезентовая дверь, едва разгоняла тьму лампочка, болтающаяся под потолком. Монотонно выл над рекой ветер, временами заглушая громкое пение степных цикад и дружный храп усталых бойцов. После отбоя долго ворочался на кровати, нервы гудели от напряжения, словно высоковольтные про-

вода и спать не хотелось. В голову лезли беспокойные мысли о взаимоотношениях с Олей, на душе было беспокойно. Одно утешало – судя по прощанию, отношение девушки не изменилось. Затем мысли вернулись к текущим делам, долго размышлял, намечая меры, по усилению охраны и как обороняться, если не дай бог, нагрянет орда. Место, стоянки строителей разреза, было удачным в стратегическом отношении. Лагерь, расположенный на левом, высоком берегу, контролировал единственный в окрестностях брод, ведущий из казахстанских степей на север, к Уралу и, стало быть, к городу.

На горизонте родилась нежно-багровая полоска рассвета, посвежело и посветлело, когда офицер забылся в тревожном сне.

Утром после роскошного по нынешним временам завтрака, он нашел Ивана Ивановича, так звали начальника разреза, в дежурном Узике, тот собирался на разрез. Александр окликнул его. Выслушав немного сбивчивые соображения Александра, Иван Иванович одобрительно крикнул и выделил в распоряжение молодого офицера троих рабочих с бензопилами и трактор.

Первый день прошел тяжело – спать хотелось отчаянно, но потом втянулся, хотя к вечеру руки и ноги от непривычной плотницкой работы гудели. Раздражали только косые взгляды бывшего национального гвардейца. Впрочем, задираться или подгадить он не пытался, поэтому Александр старался не обращать внимания.

Прошло пять дней, и на степных границах попаданческой территории поднялись сторожевые вышки, на них круглосуточно дежурили парные часовые. Их задача своевременно оповестить о набеге и эвакуироваться к своим. Лагерь окружил глубокий ров, за ним четырехугольник стены из вкопанных в землю заостренных вверху бревен высотой в два человеческих роста. Позади стены установили капитальные помосты для стрелков. У молодого офицера появился повод для законной гордости, что удалось так быстро построить укрепления, и он надеялся, что отцы-командиры оценят старание.

Караульная служба и жизнь взвода мало-помалу наладились. Утром, после завтрака, и вечером, перед ужином, Александр вместе с заступающими на очередные двенадцать часов солдатами садился в багги и выезжал менять на сторожевых вышках часовых. Дорога недалекая, и спустя час он возвращался с голодными солдатами в лагерь. Остальное время сравнительно свободен. И все вроде хорошо, но несколько раз ощущал тягостное чувство чужого, испытывающего взгляда с противоположного берега реки. Неприятное такое ощущение, словно кто-то с брезгливостью разглядывает. Он долго наблюдал в бинокль лес на противоположном берегу, но некого так и не увидел. Дважды взяв тройку вооруженных бойцов, переплывал на резиновой лодке на другую сторону реки немного выше брода. Несмотря на все усилия, поиски гипотетического наблюдателя не принесли результатов, если не считать полного ведра красавцев – сморчков, собранных за время прочесывания леса.

В это утро Александр, отправив зевающих бойцов на завтрак, спустился к реке. До обеда дел не предвиделось. Он разделся по пояс и снял обувь, положил все на доски свежестроенной пристани, сверху лег автомат. Присел на теплые доски. Небо ярко голубое, безоблачное. Жарко и ни единого порыва ветра. Оранжевый апельсин солнца, неспешно поднимался к зениту, отражался в неспешно текущей речке; сонно квакали лягушки, вода у берега переливала радужными бликами; играли у поверхности, пуская серебряные круги, стайки рыбешек. С другой стороны реки, за белизной песчаной косы, величаво и строго высились темно-зеленые вершины могучих сосен. Райское место!

Набирая силу, гул прошелся над рекой. Он вскинул голову, прислушался. Да, точно, это не кажется! Вскочил на ноги и приставил руку козырьком к глазам, с недоумением всматриваясь в небосвод. Вроде бы сегодня никто прилететь не планировал? В бездонных небесах стремительно увеличивался в размерах ярко-алый крестик летательного аппарата. На мотодельтаплан или вертолет непохоже. Что это? Аппарат еще больше приблизился и стало ясно – это самолет, только вместо колес у него поплавки.

Самолет сделал над лагерем круг и стремительно зашел на посадку. Легко коснулся зеленовато-голубых, гривастых волн, несколько раз подпрыгнул на воде. Понесся по реке, хрипло ревя двумя моторами над крыльями, с каждым мгновением уменьшая бешенную скорость. Наконец повернул к пристани, спустя минуту несильно ткнулся в резиновые шины, волна перекатилась над деревянным помостом. Гул моторов, умолк, аппарат устало заколыхался под плеск волн. На мокрый помост поспешно прыгнул незнакомый пилот, прикрепил канат к швартовам. Следом выбрался из кабины в синей железнодорожной форме и с щегольской кобурой на боку начальник пожарного поезда.

При виде Александра гость прижмурился в улыбке и протянул руку. Рукопожатие твердое, мужское.

– Здравия желаю, – Александр неожиданно вспомнил, как зовут пожарного, и добавил, – Степан Викторович.

– И тебе того же, старлей, смотрю, курорт тут у вас, загораете. Прямо завидки берут! – рукой указал на голый торс Петелина.

Почему-то это предположение показалось обидным, Александр боднув пожарного тяжелым, негнушимся взглядом:

– Между прочим, мы здесь не только загораем, но и охраняем разрез от кочевников.

– Все – все, сдаюсь, старлей, не обижайся на старика, – Степан Викторович вновь улыбнулся, почти простодушно и, шутливо вскинул руки вверх. Несильно хлопнул по плечу, пошел по узкой тропинке в лагерь.

– Слышь, браток, – окликнул летчик, – куревом не богат, а то аж уши пухнут.

– Извини, у нас с куревом положение не лучше, чем в городе, – Александр развел руками, – а сам я не курю.

– Жаль, – летчик сморщился от досады, дрогнув кадыком, сглатывая слюну, – без курева совсем беда.

Петелин кивнул. Речные волны, одна за другой набегали на алые плавники, покачивали гидросамолетом им в такт.

– Слушай, а гидросамолет откуда? Неужели наши «Кулибины» сделали?

– Атож! Им цех на моторном для работы выделили. Так это первый в серии. Будут собирать еще несколько. Среди нашего брата – летчика, уже очередь на них летать!

Помолчали.

– Слушай, а чего это Степан Викторович к нам прилетел?

– Ты не местный?

Александр отрицательно покачал головой.

– Степан Викторович – легенда. Сначала отряд вывел в лучшие в области, потом, как уволился – пожарный поезд. Мается вот, к чему руки приложить. Он у нас такой... всех под себя построит, беспокойный, словно шило в одном месте. Удивляюсь, что в политику не лезет... Хотя, может и правильно, – летчик сказал то ли с одобрением, то ли с осуждением, – вот и к вам примчался смотреть место работы для своего бронепоезда.

Александр недоуменно поднял брови. Отвечая на немой вопрос, летчик продолжил:

– Так ты не в курсе? А, ну да... вы же тут как в ссылке, не знаете, что вокруг происходит. Значит так. Поезд его реконструировали, теперь это настоящая крепость на колесах. Вагоны и локомотив укрепили сталью, добавили бронеплатформу под установку орудий. Пожарных вооружили автоматами. Так что они теперь ужас на колесах для орды любого размера. И да... подчинили ему несколько бронированных летучек. Три в одном, и спасатель и пожарный, и охранник железной дороги.

Ниже по течению ослепительно блеснуло.

«Бабах!» – над спокойной поверхностью реки прокатился громкий раскатистый звук и больно ударил по барабанным перепонкам. Взвилось сплошное облако пыли.

Звук протяжным эхом загулял по узкой речной долине. Стая ворон сорвалась с деревьев, с сухим и четким карканьем закружила над долиной. Летчик круто повернулся и с растерянным видом уставился на столб пыли над будущим угольным разрезом, затем на старлея. Александр насмешливо подмигнул.

– Не бойся! Взрывают верхний слой почвы на месте будущего разреза. – пояснил на правах старожилы покровительственным тоном.

– Я и не боюсь, – сказал летчик обиженно, – Вообще весело, смотрю, тут у вас, – удивленно покрутил головой и, махнув рукой, скрылся в кабине самолета.

Нежданный гость улетел спустя пару часов. Вечером, после ужина, когда уставшие после работы рабочие, инженеры и отдыхающие караульные настроились заняться личными делами, начальник разреза собрал всех на посадочной площадке. Когда подошел последний человек, оглядел прищуренным взглядом недоумевающую толпу и объявил, что темп обустройства разреза отстает от графика железнодорожников, и городская администрация просит ускорить работы. Так что с завтрашнего дня разрез переходит на круглосуточный режим работы. Толпа примолкла, переваривая неожиданное известие.

– Ну и че теперь? – откуда-то сзади истеричный басок. – Че, кончилась расейская власть и можно нагибать работяг по беспределу? День-ночь юмать, все соки выжимать? Не... кто как хочет, а я на такой беспредел не подписывался!

Юмать – работать (блатной жаргон)

Александр развернулся. Решением начальника карьера возмущался тот самый приклатненный тип, которому он подрихтовал в вертолете физиономию. Лицо багровое от злости. Толпе только и нужен заводила – взорвалась дружным возмущенным гулом. Глаза офицера настороженно сузились, только бунта не хватало для полного счастья.

Начальник карьера прищурился, обвел толпу ироничным и властным взглядом. Потом удовлетворенно огладив гномью бороду, поднял руку вверх. Выкрики постепенно смолкли, толпа настороженно затихла. Взгляды скрестились на Иван Ивановиче.

– Значит так! – пробасил, демонстративно не смотря на бузотера, – Сегодня еще один вертолет придет, привезут дополнительно рабочих, инженеров и оборудование, так что людей, чтобы организовать круглосуточную работу, хватит. И за нее – двойная оплата. Если кого не устраивают условия, может сегодня же возвращаться в город.

Толпа притихла. Так, как предлагает начальник, вроде получалось неплохо. Владелец гномьей бороды снова с иронией оглядел строй работяг, на миг остановил взгляд на крикуне:

– Желаящие разорвать контракт и улететь в город остаться, остальные могут расходиться.

Спустя несколько минут примолкшая толпа рассосалась, даже приклатненный незаметно смылся. Александр облегченно выдохнул, начальник разреза, криво усмехнулся и ушел в палатку.

Глава 6

По узкому, темноватому коридору, едва освещенному бойницами-окошками, впереди двух телохранителей с тяжелым сундуком в руках, шел высокий и худой, словно жердь, человек в немыслимом для России семнадцатого века костюме из века двадцатого – начальник плано-промышленного управления администрации города Петр Семенович Рожковский. Лицо надменное, но, если приглядеться, в глубине глаз видна опаска. Во дворе его возвращения поджидала охрана – десять бойцов в экспериментальных доспехах. Штампованные из легированной стали кирасы с наплечниками, наручи и поножи – легкий доспех, аналогичный древнеримскому, плюс морион с забралом из многослойного стекла. Защита не абсолютная, но сильно уменьшила уязвимость бойцов. Если предки поведут себя неправильно – порвут.

Грозный вид латной пехоты внушал надежду на безопасность посольства, но вдруг не успеют прийти на помощь?

Морион – шлем эпохи Ренессанса с высоким гребнем и полями, сильно загнутыми спереди и сзади

В конце коридора у двустворчатой, обложенной медными бармами двери истуканами замерли стрельцы, в ладонях до белизны костяшек зажаты массивные бердыши. Хищно сверкают бритвенно-острые лезвия. Длинные алые кафтаны, лица, до глаз заросли густыми, окладистыми бородами – все это придавало им звероватый и внушительный вид.

Пришельцы приблизились, стрельцы поспешно раздвинули бердыши, украдкой окинув подозрительными и испуганными взглядами.

Вчера на утренней оперативке в кабинете, Соловьев объявил, что пришла пора устанавливать торговые связи с русским государством и, что оптимальным станет контакт с купцами Строгановыми. Как торговцы, они наверняка заинтересуются уникальными городскими товарами, в ответ смогут продать продовольствие, соль, льняные и конопляные ткани, смолу, поташ, деготь и канифоль. Чтобы к купчишкам ехал сам Соловьев – слишком много чести, поэтому поедет... мэр, оглядывая ежащихся чиновников, выдержал поистине мхатовскую паузу. Задумчивый взгляд остановился на женщине – начальнике торгового управления. Мысленно поморщился. Хотя налаживать торговлю – ее обязанность, но бабу не пошлешь к предкам, слишком опасно, да и не поймут. Слишком сильны еще домостроевские порядки. Взгляд устремился дальше и остановился на Петре Семеновиче. «Поедет начальник промышленного управления», – наконец, объявил. Было страшно, но еще больше боялся не выполнить указание Соловьева и вылететь с волчьим билетом из администрации. На следующий день утром, мрачный посол города садился в вертолет.

Рожковский зашел в просторное помещение, залитое ровным светом из низеньких окон под сводами. Вкусно пахло свежими пирогами. Петр Семенович непроизвольно сглотнул голодную слюну – утром кусок в горло не полез. Под образами, за длинным, покрытым вышитой скатертью столом, на веницийских с высокой спинкою стульях сидели именитые гости Строгановы. На столе холодная закуска: блюда с салатами из варенных овощей с мясом и фруктами, многочисленные пироги, заманчиво блестели тарелки со студнями – постные с горохом, репой, солеными грибами, и скоромные – с зайчатинной, с мясом, с лапшой. Отдельно кувшины с иноземным вином. Словом, первая перемена блюд согласно «Росписи к царским кушаньям».

Роспись к царским кушаньям – одна из старейших русских кулинарных книг. (1611—1613 гг.).

Гость (гости) – название крупных купцов до введения купеческих гильдий, иноземный купец.

Глава знаменитого рода – Григорий Дмитриевич, встретил внимательным и напряженным взглядом. Прикидывал, что ждать от таинственных пришельцев. Крепкого телосложения, с по обычаю длинной, седеющей бородой, в высокой шапке, отороченной мехом черно-бурой лисицы и богатом кафтане, из-под которого выглядывала вышивка рубашки, он производил внушительное впечатление. Рядом с хозяином дома с настороженными лицами застыли великовозрастные сыновья. Телохранители зашли следом, поставили перед столом ящик, поклонились и вышли. Любопытные взгляды Строгановых скользнули по поклаже и вновь устремились на посла пришельцев.

Как себя вести Рожковского проинструктировал настоятель Храма Живоначальной Троицы. Первым делом он размашисто перекрестился на иконы в красном углу светлицы. Хозяева дружно поднялись с мест и слегка склонились перед гостем. Рожковский коротко кивнул в ответ. Особо религиозным он себя не считал, хотя после Переноса посещал храмы регулярно. Деланно безразличный взгляд старшего Строганова на миг остановился на щепоти, которой крестился пришелец. На лице главы рода не дрогнул ни один мускул, только мысленно сплюнул – крестился тремя перстами по никонианиновски! Незваные пришельцы еще у крылатого корабля продемонстрировали, как взрываются хитрого устройства гранаты и возможности скорострельных мушкетонов и только после продемонстрировали образцы привезенных товаров. Оружие и товары настолько поразило и впечатлило фактических хозяев Пермского края, что они согласились выслушать пришельцев в приватной обстановке и пригласили их предводителя на пир честной в резиденцию.

Мушкетон – особый род короткоствольных ружей для кавалерии или моряков.

Пальцы главы рода Строгановых скользили по деревянным бусинкам четок привезенных из святого града Иерусалима. По старшинству начинать разговор предстояло именно ему.

– Гость именитый, присаживайся, отведай яств наших, – дождавшись, когда пришелец расположиться на свободном стульце, продолжил, – Все же никак не возьму в толк, откуда град взялся на берегу Вельки. Сто раз ходили казачки, но город великий там не видели!

Русский язык семнадцатого века хотя и отличался от того, каким пользовались попанданцы, но все же вполне понятен. Рожковский досадливо нахмурил брови:

– Григорий Дмитриевич, я же вам уже объяснял. Господь наш Вседержатель, – при этих словах посланник города повернулся к иконам и осенил себя крестом, – совершил чудо, перенес наш город в ваш мир.

Мужчины за столом еще раз внимательно пронаблюдали, как крестился пришелец, никониан Строгановы не любили, но слишком ослепительные перспективы разворачивались перед купцами. Синхронно повернулись к красному углу, на иконы, осенили себя крестом. В душах купцов алчность боролась с неприязнью к никонианам и, победила.

– Ну пусть будет так, – Григорий Дмитриевич согласно кивнул, – нет ничего невозможного для Господа нашего, – и вновь осенил себя крестом, – Возможно и сие чудо.

Помолчали, Надетый Рожковским под рубашку кевларовый бронезилет болезненно врезался в тело, то ли плохо подогнан, то ли мал. Но не раздеваться же, чтобы поправить!

Пришелец поднялся из-за стола, вытащил из сундука оббитую алым бархатом коробочку, положил на стол перед старшим Строгановым.

– Виктор Александрович Соловьев, глава нашего города, жалует вас набором столовых приборов, – сел обратно.

В открытой коробке золотом блеснули ложки, вилки и ножи. В светлице повисла звенящая тишина. «Неужели, это все золото», – потрясенно подумал глава рода. Подарки впору царю. Несколько секунд замороженным взглядом рассматривал содержимое коробки, затем зло глянул на сыновей с отвисшими челюстями. Младшие, заметив взгляд отца, постарались принять безразличный вид. Старший Строганов недовольно крикнул, резким движением захлопнул коробку и придвинул поближе к себе. Двигалась она легко. «Значит, не золото, оно тяжелое, – понял Григорий Дмитриевич, – но почему сверкает словно золото? Непонятно... Потом разберусь что это». Низко наклонив голову.

– Лепо, уважил, гость дорогой. Порадовал подарком драгоценным, – сказал степенно и тихо.

– По нраву ли тебе, Григорий Дмитриевич, наши товары? – учтиво кивнув, поинтересовался посланец города.

Глава рода пробежался пальцами по бусинам четок, блеснул огромный зеленый камень с кольца на пальце и кивнул собственным мыслям.

– Привезены тобой на дивном летучем корабле товары, хороши, особенно топоры, пилы и лопаты железные, и цены невеликие. Тебе, Петр Семенович, позавидуешь, хороши мастера в твоём городе. Опять же, зеркала огромные, не хуже венецийских, искусно изукрашенные шкафы холодильные, но уж больно много просишь за них, надо бы сбавить цену. Слишком дорого! – глава рода Строгановых досадливо поморщился. – Ты влезь в нашу шкуру. Налоги внеси в царскую казну, работникам заплати, да воеводам, да что воеводам, каждому дьяку посул занеси. А торговлишка совсем захирела. Как жить? А? Надо бы скидку.

Для производства невероятной по меркам семнадцатого века новинки – газозлектрического холодильника, попаданцы воспользовались давно известной технологией, несложной и легко воспроизводимой. Охлаждение достигалось за счет испарения аммиака из смеси водорода, аммиака и воды. Горелка подогревала водно-аммиачный раствор в абсорбере, в нем за счет нагрева аммиак растворялся водой и двигался дальше по трубкам до испарителя. В испарителе аммиак испарялся из водно-аммиачной смеси и охлаждал пластины испарителя и морозильную камеру холодильника. Другим дорогостоящим новшеством стали зеркала больших размеров, до этого монополично производимые венецианцами. Стекольного завода в городе не было, но в окрестностях были месторождения известняков, кварцевых песков и соленые озера. Имея сырье, развернуть полукустарное производство зеркал и оконных стекол оказалось несложным, благо специалисты, ранее работавшие на стекольном производстве, нашлись. Несколько недель шли опыты по литью стеклянной массы, по всем правилам на слое расплавленного олова, пока не удалось добиться приемлемого качества зеркал.

Рожковский досадливо поморщился: приbedняется один из самых богатых людей в Московском царстве, ишь, какой камень блестит на руке, стоит, наверное, умопомрачительных денег. Но коммерция – это не его стезя, даже торговаться на базаре доверял жене. Благо в помощь дали профессионала – чиновника торгового управления администрации.

– Со мной прилетел Петр Соломонович, это он показывал вам товары, все разговоры о скидках, это с ним.

Григорий Дмитриевич недоуменно поднял брови:

– Жидовин что ли?

Рожковский вспомнил слегка навывкат глаза Петра Соломоновича, в которых казалось, отражались все страдания его народа:

– Наверное, я точно не знаю, – посланец города нервно щелкнул суставами пальцев.

Глава рода Строгановых недовольно искривил блеклые, пергаментные губы, ноздри слегка раздулись. Московские цари с подозрением относились к славившимся склонностью к торговле евреям и не позволяли им селиться на русских землях. Мало того, что пришелец

проклятый никонианин, так еще нехристя притащил. Такой партнер для торговли Григория Дмитриевича не радовал.

Глава рода огладил бороду, но не успел что-либо сказать, как в разговор вмешался старший из сыновей:

– Летучий корабль продашь? – бросил быстро и энергично и уперся испытывающим взглядом в лицо пришельца, – за него никакие деньги не пожалеем!

Посланец города пожевал сухими губами, стараясь получше подобрать слова и откинулся на спинку кресла:

– Нет, продать не можем. Возможно, когда-нибудь позже. Воздушные корабли сложны в изготовлении и управлении, их у нас у самих немного.

– Жаль, жаль, – покрутил головой наследник именитого купеческого рода, кривовато улыбаясь, – а говоришь, что друзья нам и царству русскому.

Нервным движением посланец города вытащил платок и торопливо вытер потный лоб, щелкнул суставами пальцев. Как-то нехорошо идут переговоры. Такого агрессивного напора от Строгановых он не ожидал.

Старший Строганов скривился и бросил недовольный взгляд на отпрыска. Не гоже, чтобы сын поперек отца слово молвил. Ужо погорю, опосля! Кашлянул, привлекая внимание.

– А мушкетоны скорострельные и брони, кои на стрельцах ваших?

«Хотя бы здесь не полностью отказываем», – подумал посланец города и откликнулся с небольшой заминкой:

– Скорострельные продать не можем, но мушкеты вскоре начнем продавать столько, сколько вам понадобится. По качеству будут гораздо лучше, чем у швейцарских, галантских и английских немцев, но вполнину дешевле, то же и по доспехам. Летать сюда на воздушном корабле дорого, так что ждем вас с ответным визитом к нам на ярмарку.

Григорий Дмитриевич, машинально перебирая бусинки четок, задумчиво смотрел куда-то выше глаз посла. Жаль, что пришельцы не согласны продать летучий корабль и скорострельное оружие. Царевна Софья готовила новый поход на Крым, так что если поклониться ей оружием и кораблем, то благодарность была бы гарантирована. Говорят, есть на Урале гора магнитная, царевна охотно пожаловала бы землицей вокруг нее. Поставить там доменные печи, железа можно будет выплавлять много. А его на Руси мало, и потому оно весьма дорого и прибыль обещала давать великую. Впрочем, даже та партия товаров, которую пришельцы привезли для показа, при перепродаже обещала гигантские барыши. А когда запахло хорошей прибылью, купец пойдет на многое...

Григорий Дмитриевич внимательно посмотрел на собеседника, потом пообещал:

– Приедем. А что возьмешь в обмен на товары свои, кроме золота-серебра?

– Нужны шкуры и шерсть, интересуют поставки соли и серы.

Строгановы переглянулись, уж чего-чего, а соли у поднявшихся на соледобыче купцов полные склады, а опустеют, то недолго добыть.

– Еще нужны ткани разные, деготь, смола, нефть, купим олово, свинец, медь, – продолжил посланец города.

– Это возможно, а что такое нефть?

– Черная горячая жидкость, вытекает из земли, ее еще персы привозят, есть она и в русской земле.

– Ну коль есть она в русской земле, то расскажи, где она вытекает, привезем ее тебе.

Прошло три необычно теплых и солнечных для весеннего Урала дня. Посольство попавших к купцам Строгановым благополучно вернулось и привезло в до отказа забитом паллетами вертолете МИ-26 тяжелые холщовые мешки с солью, огромные связки выделанной кожи, меха и немного слитков меди, свинца и олова. С цветными металлами в русском царстве семнадцатого века было плохо, в основном импортные, и потому дорогие. Отдельно в пилотской

кабине лежал неподъемной тяжести мешок с монетами – плата за изделия городской промышленности. Серебро предназначались на закупку у иноземных торговцев необходимых попаданцам товаров.

Теперь ход за купцами Строгановыми, попаданцам остается ожидать первого русского каравана.

Город, его промышленность, жили и приспособлялись. С озер, расположенных всего в полусотне километров севернее, прибыл автомобильный караван с грузом соли. Чтобы обеспечить город регулярными поставками наняли местных башкир и население двух недавно появившихся в тех местах русских острогов. Соль, кроме использования в пищу и в качестве консервирующего средства, служила исходным сырьем для выработки кальцинированной соды, хлора, хлорной извести, каустической соды и в производстве десятков других веществ и материалов.

Построенная на территории заброшенного в постсоветское время завода, на другой стороне Вельки, дала первую продукцию экспериментальная маргеновская печь, что резко снизило нагрузку на электропечь моторного завода. Сырье, пока не пошли железо и сталь от строящегося металлургического кластера в районе Магнитки, давали городская свалка и пункты металлоприемки. Рядом с печью дымил трубами небольшой цементный заводик и кирпичное производство. Хотя степень механизации на них оставалась низкой, первоначальные потребности города в строительных материалах они закрыли.

Жизнь горожан стремительно менялась. По телевидению объявили, что запасов реагентов для очистки воды на фильтровальной станции водоканала хватит на три-четыре недели. Ее продолжают хлорировать и фильтровать, но для питья она станет непригодной. Готовясь к этому, коммунальные службы экстренно рыли и обустроивали по несколько колодцев в каждом городском районе.

Горожане по-разному приняли изменения. Недовольных было множество и, для этого были весомые основания. Помимо карточной системы, ее большинство считало неизбежным злом, людей страшно злило распределение дефицитных лекарств, прежде всего антибиотиков и инсулина. Их выделяли «нужным» людям: ученым, промышленникам, рабочим дефицитных профессий и приближенным к администрации. Это обернулось валом смертей среди пенсионеров и тяжелобольных людей. Бывшие мелкие бизнесмены тоже были недовольны – в один миг они стали из почти хозяев жизни простыми рабочими или крестьянами. Многочисленные магазины, ларьки закрылись, а их хозяевам и продавцам пришлось устраиваться на появившихся словно грибы после дождя, заводах, фабриках и новых сельскохозяйственных предприятиях: от животноводческих ферм до тепличного хозяйства. А этого не хотелось! Город подспудно кипел, словно закрытый котел с неисправным манометром. Взорвется и разнесет все вокруг или пронесет? Никто не знал...

Регулировщица, так прозвали женщину горожане, была тихой сумасшедшей. Говорили, что в юности с головой у нее было все в порядке. Семья, дети. Никто, кроме психиатров, не знал, какое событие привело к тому, что ее разум утонул в пучине безумия, но однажды горожане увидели на обочине дороги женщину с немного скуластым татарским лицом, в по-цыгански длинной, опрятной юбке, она суматошно размахивала руками и карикатурно подражала действиям полицейского-регулировщика. Из-за этой фобии она и получила прозвище. Горожане привыкли к регулировщице, машины мчались по улицам, не обращая на нее внимания. Только изредка кто-нибудь из водителей нажимал на автомобильный сигнал, и тогда раскатистый звук пролетал по улицам города, а женщина безмятежно улыбалась. Никто и никогда не видел ее агрессивной, так что даже дети подходили к ней без боязни. Женщина всегда находила горсть конфеток для угощения.

Беспощадное полуденное солнце нависло над городом, палило не по-детски, но с запада стремительно неслись косматые тучи. В переулках, впадающих в центральную площадь, сгуща-

лись иссиню-черные тени. Лужи на площади, после ночного дождя, на глазах исчезали, почти ощутимо парили. Вокруг никого, словно город вымер. Изредка промелькнет прохожий или промчится машина и опять оглушительная тишина. Даже ветер притаился, словно в испуге. Перед парадным входом в кроваво-красное, старинное здание городской администрации, привычно скучали два автоматчика в серой форме национальной гвардии. До конца смены оставался час. Один из гвардейцев скорчил страдальческую гримасу – форменный ботинок ощутимо давил. Он наклонился и ослабил шнурки. Вроде стало легче. «Дурак! Говорила же мама, разноси вначале! Вот и страдай теперь!»

Когда выпрямился, перед ним стояла женщина в темной и грязной одежде. На мертвенно-бледном, в подтеках высохшей грязи, лице отпечаток безумия, и выражение усталой обреченности. Она тихо бормотала под нос и не отводила взгляд от дверей администрации.

Охранник вздрогнул и невольно скосил взгляд направо и налево. Только что никого не было! Он мог мамой поклясться в этом! Она что перенеслась сюда по воздуху?

Через миг узнал. Да это же регулировщица! Облегченно выдохнул. Ну надо же! Привидится всякая чушь!

– Ты чего это? – но сумасшедшая не ответила. Медленно, затем все быстрее закрутилась, подобно исполняющему ритуальный танец турецкому дервишу. На лицах охранников стало заметно как пытаются сообразить, что делать, не привыкшие к размышлениям мозга. С одной стороны, регулировщица тихая, а танцевать перед администрацией никто не запрещал, даже сумасшедшим. С другой, несколько дней тому назад неизвестные развесили по городу листовки с призывами к вооруженному восстанию против тирании Соловьева. Коммунальщики потом до вечера срывали их с заборов. Кто это сделал, сколько полицейские не искали, но так и не нашли и национальных гвардейцев на случай волнений населения застрашали и заинструктировали до слез.

Охранники так и не решили, как поступить, как регулировщица рухнула в лужу на асфальте.

– Ааааа! – в кровавые клочья разрывая тишину, громко и страшно закричала – завывала женщина, пронзительный звук хорошо слышен в самых дальних уголках площади. Несколько ворон с злобными криками сорвались с деревьев, закружили над несчастной. Гулкое эхо откликнулось:

– Ааааа...

Несколько человек остановились, неуверенным шагом направились к регулировщице.

– Ты, это, – сказал неуверенно один из охранников, – давай прекращай, не положено тут, – но лежащая женщина продолжала истошно выть.

Женщина затихла, жалобно всхлипнула напоследок, опираясь на руки, медленно поднялась. Лицо в подтеках от грязи и непрерывно льющих по щекам слез производило ужасное и дикое впечатление, ничем не напоминало прежнюю тихую городскую сумасшедшую. Волосы всклокочены, глаза горели дьявольским, фанатичным огнем достойным самого Фомы Аквитанского ((около 390 – около 460 гг.) – святой, проповедник, богослов и историк родом из римской провинции Аквитания (на границе Галлии с Испанией)). Только что площадь пустовала, а вот уже около администрации толпа, в основном по случаю рабочего времени любопытствующих стариков и детей. Женщина повернулась и обвела людей безумным взглядом, сухенькие кулачки вознеслись к небу. «Ой!» – громко воскликнула маленькая, опрятная старушка в первом ряду, и прикрыла ладошкой в черной перчатке рот. Проезжающие мимо машины на миг притормаживали, затем мчались дальше.

Автоматчики застыли в нерешительности. С одной стороны, происходило явное нарушение порядка, с другой, их задача – охранять вход в администрацию, а на него никто не покушался.

– Придут, – громко произнесла женщина, делая странные пассы руками, – Придут! – проорала изо всех сил и гулкое эхо загуляло по центральной площади, отражаясь от невысоких зданий на противоположной стороне.

– Злая вода обрушится на город, за ней с неба падут огненные вихри, голод и мор, – вещала, в дикой ярости сотрясая сухенькие кулаки над головой.

Толпа замерла. В голосе «пророчицы» столько убежденности в собственной правоте, что не поверить невозможно. Еще несколько минут она красочно описывала предстоящие городу несчастья, и люди не выдержали. Несколько старух с испуганными лицами лихорадочно омывали себя крестом. Сердца многих, слишком многих, сжались от ужаса: неужели устами сумасшедшей женщины говорит Всевышний, неужели это правда?

Грозные зловещие тучи закрыли пламенный шар солнца. Потемнело. В глазах людей, один за другим, загорался огонек безумия. Сам факт необъяснимого с точки зрения науки Переноса, расставание с двадцать первым веком, родственниками и друзьями, житейские трудности, надломили психику слишком многих и бросили множество неверующих или только формально считающихся православными, в объятия церкви. А с другой стороны – сделали людей легко внушаемыми. О причинах Переноса возможно только гадать, но версия о том, что это Божья Воля, была самой популярной.

В окне на втором этаже, где находился кабинет Соловьева, мелькнуло бледное лицо и исчезло. Люди все подходили и подходили.

– Городу недолго стоять! Ибо погряз он в грехах тяжких и блуде! И корысти! – сурово и громко вещала безумная пророчица, от внимания людей наливаясь вдохновением.

Тяжелый взгляд словно поджигал толпу, готовую внимать каждому слову самозванной пророчицы.

– Это он виноват в Божьем гневе, Соловьев, антихристов приспешник, – указующий перст указал на окно кабинета мэра.

Возбужденная толпа безмолвно смотрела на пророчицу, а черные, как смертный грех, вороны летали над головами, громко и зловеще крича.

– Быть городу пусту! Быть пусту, быть пусту! К черту в Преисподнюю провалится! Как появился, так и сгинет! И место его не найдут, окаянного!

Слушатели волновались, бросая гневные взгляды на администрацию, то и дело слышались то мужские, то женские истеричные голоса:

«Спасите нас! Покарать отступников! Смерть Соловьеву!»

Крики становились все громче, смешались с разноголосым детским плачем, и, наконец, тяжело хлопнула массивная дверь администрации. Люди обернулись на шум. Начальник национальной гвардии, на миг замер, оглядел толпу. Потом повернулся к караульным на входе и яростно проорал что-то гневное, неслышное за беспорядочным шумом толпы. За охрану здания администрации и мэра отвечала не полиция, а он.

Решительно кинулся в плотное скопище вокруг новоявленной пророчицы. Послышался многоголосый возмущенный ор, замелькали предусмотрительно взятые зонтики – люди не расступились и не пропустили. Пророчица продолжила вдохновенно вещать. Автоматчики, «вдохновленные» начальником ожили, скинув оружие с плеча, ринулись вслед за ним. Несколько национальных гвардейцев выскочили из дверей и бросились помогать.

Трехэтажный мат, отчаянные крики. Свалка.

«Бах» – гулкий пистолетный выстрел загулял долгим раскатистым эхом над площадью.

«Трататах!» – никто не успел ничего понять, как вслед за выстрелом, автоматная очередь громом ударила по барабанным перепонкам.

– Ааааа! – убили, – над площадью полетел пронзительный и одновременно пробирающий до глубин души женский крик. Настроение толпы, в единый миг изменилось на дикую панику, толпа разбежалась. Истошно голося так, что резало уши, старики, старухи, дети испу-

ганными мышками сталкиваясь, спотыкаясь и падая на асфальт, помчались прочь. Вновь поднимались, все в грязи, бежали. Прошли считанные секунды, и площадь обезлюдела. Перед дверью администрации остался десяток растерянных вооруженных людей в форме национальных гвардейцев. На асфальте сиротливо лежал на половину раскрытый зонтик.

Недвижное тело доморощенной пророчицы лежало в луже в десятке шагов от дверей администрации. На блузке, напротив сердца, набухла темная клякса. Застывшие глаза смотрели в нахмуренное, серое небо, только на востоке, из прорыва в тучах, выглядывал ультрамариновый, политый косыми солнечными лучами клочок неба. Кровь стекала в лужу розовыми ручейками, постепенно растворяясь и тая, рядом блестел вороненой сталью ствола переделанный из газового в боевой пистолет. Начальник гвардейцев присел перед ней, осторожно приставил два пальца к шее, тщетно – женщина мертва. Досадливо крикнул, поднялся под вопрошительными и умоляющими взглядами подчиненных и отрицательно покачал головой. Руки непроизвольно сжались в кулаки. Голову готов дать на отсечение, его люди не стреляли, а автоматную очередь дали вверх!

В противоположном углу площади, откуда открывался прекрасный вид на все происходящее, но густые тени от деревьев не позволяли ничего рассмотреть, прятался автомобиль с затонированными стеклами. В глубине салона угадывался человеческий силуэт и светился огонек сигареты. Когда площадь опустела, стекло с водительской стороны поползло вниз, дымящийся бычок огненным светлячком вылетел, зашипел в луже. Тихо загудел мощный двигатель, автомобиль неторопливо сдал назад и вывернул на соседнюю улицу.

Великая Степь – колыбель, периодически выплескивающая на просторы Евразии молодые и жадные до славы и добычи кочевые народы, простиралась от южных отрогов Урала на севере, на юг до жарких пустынь Хивы и гор Копетдага. Весна в степи – лучшее время. Еще нет летней, удушливой жары. Вольный ветер катил по степному разноцветию неспешные травяные волны, переходящие от бледно-зеленых в сиренево-фиолетовые. Но больше всего целеного и алого. Весна – время цветения тюльпанов. Красота неописуемая! Великая Степь огромна. Караван, выйдя по весенней степи с Южного Урала, переступит стены древних городов Средней Азии спустя много недель трудного пути, когда беспощадное солнце уже превратит все вокруг в высушенное преддверие ада.

Воздух наполняли тысячи птичьих свистов и криков, тоскливо, мертвенно пахли подсыхающие на жарком солнце травы. На ярко-голубом небе, немного ниже яростно пылавшего золотого круга солнца, неподвижно висели ястребы, распластав крылья и устремив хищный взгляд в траву. Ветерок с юга гнал черную, перистую тучу. На сотни километров ни следа присутствия цивилизации, только на одиноком холме вонзался в чрево неба шпиль сторожевой вышки. У ее подножия застыли два багги, несколько человек вокруг, сидя на земле, обедали.

Петелин, развалившись на заднем сиденье автомобиля, со смутной печалью во взгляде ковырял в зубах соломинкой и рассматривал успевшую изрядно надоесть картину весенней степи. Проверку часовых он совместил с доставкой обеда.

«Дзиль» – громко звякнуло позади. Александр непроизвольно вздрогнул и обернулся. Водитель пинал пустую консервную банку, словно настоящий футбольный мяч, по утопанной солдатскими ботинками площадке вокруг вышки.

«Дзиль» – банка пролетела между столбами, на которых стояла сторожевая вышка, в импровизированные ворота и блестящей молнией промелькнула мимо гордой, словно вырубленного топором, физиономии рядового Магомедова. Привалившись к столбу спиной, он энергично работал ложкой над котелком с супом. Банка скатилась вниз по пологому склону и затерялась в ковыльных зарослях.

Кавказец стремительно побагровел.

– Э! – крикнул с легким гортанным акцентом и отложил в сторону котелок, – Я тут хаваю! Петров, ты что, не видишь куда бьешь? Чуть не поперхнулся из-за тебя!

– Да что тебе сделается? Ты же в бронежилете, – сдохмил водитель, но, глядя на еще больше покрасневшего кавказца, повинулся, – Извини, я уже понял, что у вас в Махачкале за такое морду бьют! – и сделал такое сконфуженное лицо, что дальнейшие ругательства застряли у аварца в глотке.

А насмешник не унимался:

– Особенно на улице Хизроева...

Магомедов несколько мгновений сидел набычившись, потом безнадежно махнул рукой. Дескать, что с дурака возьмешь? Пододвинул ближе котелок и с удвоенной скоростью замелькал ложкой.

– Сибгатуллин, – крикнул в сторону вышки Александр, – поел? Пора ехать, хорош копаться словно в ресторане! Забирайте кашу, и мы поехали.

– Нет еще! – раздалось сверху.

– Кашу? – Магомедов заинтересованно поднял голову от котелка. – Что, правда? А какую?

– Гречневую, – Александр скривился, – Но, ты особо не рассчитывай на кашу, там больше мяса, чем той гречки.

– Аааа, – протянул разочарованно кавказец.

И столько в лице обиженного, почти детского разочарования, что Александр не удержался, насмешливо фыркнул.

Магомедов подозрительно покосился, потом поднялся с жесткой травы и подошел к автомобилю.

– Санек, насыпь... эту кашу, – попросил водителя, протягивая пустой котелок.

– Тащ. старший лейтенант! – хриплый крик с вышки прозвучал громом среди ясного неба, – Всадники, – голос дрогнул, – Много, тысячи, сюда скачут! С оружием.

Все замерли. Стала слышнее скрипучая, привычная музыка кузнечиков и сверчков. Суслики оглашали степь свистом. Природе и дела нет до глупых разборок людей, почему-то считающих себя разумными.

– Ни хрена себе каламбурчик... – хрипло прошептал Александр. «Вот и соседи из Казахстана появились и, вряд ли с дружественными намерениями». Он не считал себя слабонервным – стрелял и убивал. В него стреляли, видел погибших, но сейчас затрясло, но скорее от возбуждения, чем от страха. Так волнуется рожденный для битв волкодав перед первой схваткой не на жизнь, а на смерть. Подождал секунду и вновь обрел утраченное самообладание.

– Сейчас поднимусь, разберемся что там за гости, – сказал нарочито спокойно.

Одним движением выпрыгнул из машины и взлетел по скрипучей лестнице наверх, в кабину.

На шее караульного болтался бинокль, ошалелый взгляд застыл на командире.

– Тащ. старший лейтенант! Это что, война с местными? – воскликнул, сверкая возбужденно глазами.

– Посмотрим, бинокль дай! – Александр протянул руку, – Где противник?

Солдат ткнул пальцем на юг. Петелин повернулся.

Километрах в трех от вышки, из-за неприметного холма, каких в степи тысячи, выплескивалось на равнину что-то черное, но подробности не различишь, слишком далеко. Поднес бинокль к глазам: плотная толпа всадников, в клубах степной пыли, бодро рысила к вышке; сверкали доспехи и наконечники поднятых в небо копий железом и сталью; рты раскрыты в, несомненно, угрожающих воплях. Александр перевел бинокль дальше. На горизонте – густые толпы всадников, гораздо многочисленнее, чем первая группа. Тысячи, тысячи и тысячи. А попаданцев на карьере всего несколько десятков. Хватит ли сил продержаться до получения

помощи из города? Перед внутренним взглядом возникли окровавленные тела кочевников на окраине туземной деревни. Неужели и он будет так лежать, никому не нужный и забытый?

Страх ледяной рукой сжал горло, и тут же жгучая волна злости горячей волной смыла его в самые дальние глубины души. Адреналин яростно заклокотал в венах. Гадюками на скулах загуляли желваки. Ты искал шанс отличиться? Получи и распишись! На губах появилась злобная ухмылка. Драка? Пусть будет драка! Ты же этого хотел: проверить себя в деле, тот, первый бой в деревне не в счет! Тогда он всего лишь следовал за ситуацией.

Александр повернул бинокль на передовую группу конников, часть приняла правее, в сторону брода. «Это уже опасно. Отрежут от лагеря и рано или поздно посекут стрелами. К тому же играть в Робин Гуда комбат запретил. Все, уходим в лагерь. Главное, все сделать правильно...»

Наклонился над перилами кабины и приложил ладони «домиком» ко рту.

– Уходим в лагерь! – крикнул вниз.

Когда караульный оказался на земле, схватился за периллы. От скоростного спуска сердце рухнуло вниз, как в далеком детстве, когда слетал по ледяной горке к замерзшей реке.

Порядок действий по тревоге тренировался многократно. Солдаты уже сидели в азартно урчавших двигателями машинах и ждали командира. Едва Александр запрыгнул в багги, автомобили, яростно ревя моторами, понеслись к подножию холма. Свежий, напоенный ядреным запахом степных трав ветер, ударил в лицо, норовя сбросить с багги все плохо закрепленное.

Машины, выглядевшие футуристично даже для привычного ко всему двадцать первого века, спустились с холма, побуксовали в песке, добавили газу и запрыгали по разнотравью. На лицах нешуточный азарт. Война, испытания в охотку и удовольствие. Рукава закатаны до локтей, воротники расстегнуты. Где вы кочевники? Только попадитесь – покрошим в капусту! Навстречу летели алые маки, превращая весеннюю степь во что-то сказочное. Только непонятно, сказку с добрым концом или кровожадное фэнтези.

Йес! – согнул руку в захватском жесте Александр. Его переполняла хищная радость от осознания самого факта, что смог предугадать действия кочевников.

– Давай к броду! – прикоснулся к плечу водителя, тот безмолвно наклонил голову.

Вытащил из разгрузки рацию, вызвал лагерь.

Оповестив о нападении, приказал провести срочную эвакуацию и запросить помощь у города.

Обернулся назад. У холма замелькали всадники, лошади вставали на дыбы, бесились, сбрасывали наездников. На земле образовалась куча-мала из лошадей и наездников. По губам Александра промелькнула мстительная улыбка – не зря захватил с собой несколько бухт колючей проволоки. А нечего соваться туда, где не знаете безопасной дороги, жаль, что обещанных мин не успели подвести. Промышленность города изготовила экспериментальную партию противопехотных мин, на взрыватели пошли капсулы-детонаторы из двадцать первого века. Если мелкосерийные партии порохов и бризантной взрывчатки получить удалось, то с производством иницирующих взрывчатых веществ, на основе азида свинца и гремучей ртути, химики продолжали экспериментировать.

До реки оставалось не больше километра, когда из неглубокой котловины, формой, напоминавшей суповую тарелку выскочили всадники. Расстояние метров сто.

Александр похолодел. Пахнуло опасностью, даже не опасностью – смертью!

Руки действовали сами, на одних вбитых в подкорку рефлексам.

– Огонь! Мать вашу!

«Трата-та-та», – длинная, патронов на тридцать, очередь почти в упор прошла по толпе, вышибая из седел, поднимая на дыбы ржущих в испуге лошадей. Потом забил прицельно, по несколько патронов.

«Тратата», – грохотал сзади автомат Магомедова.

Под дикое ржание, грохот оружия и людские крики мгновенно возник завал из бьющихся в агонии лошадей, раненых и убитых людей. И, конечно, растерянность, паника – все, спрессованное в мгновения.

Передние всадники падали в траву, а задние уже разворачивали испуганно храпящих, встающих на дыбы коней, но ни времени, ни простора для маневра у них не осталось.

Звонко щелкнул, отсоединяясь, магазин автомата, Александр торопливо нащупал новый, вставив в ствольную коробку, передернул затвор.

«Тра-та, Тра-та» – вновь застрочил автомат.

«Вжик!» – просвистело над ухом, щеку обдало холодком. Из пола торчало и хищно трепетало белоснежное оперение стрелы. Острый укол страха кольнул и тут же пропал смытый досадой на собственную трусость и вспышкой ненависти.

И вдруг стрелять стало не в кого. Бьющиеся в агонии людские тела и конские туши, лежащие по одному и грудками. Несколько счастливых, нахлестывая коней, скрылись за холмом.

Меньше чем за минуту попаданцы расстреляли по несколько магазинов.

Александр повернулся. Магомедов, оскалив зубы, словно разъяренный алабай, торжествующе проорал со слегка гортанным акцентом:

– Получили, бычье!

Стрелы кочевников никого не задели. «Молодец, чертяка аварский, – думал офицер с невольной симпатией. После боя с грабителями Селинного, солдат был готов с командиром хоть в огонь, хоть в воду.

«Отбились! И я жив!» – нахлынуло такое острое, кристально-чистое счастье, что Александр едва не заорал от переполнявших эмоций.

Были ли у кочевников шанс? Безусловно! Полсотни тугих монгольских луков способны за минуту выпустить сотни стрел. Нашпигуют стрелами, как ежей иголками, и скажут, что так и было! Подвело их то, что не ожидали увидеть врагов и луки лежали в налуче, а автоматы – вот они, в руках. В любых других условиях багги если бы и прорвались, то с потерями.

– Ходу, ходу! – крикнул Александр.

Вновь весенняя степь понеслась навстречу багги.

Влажный ветер принес пряные запахи тины и пряный дух рыбы, а дорога вильнула и пошла по пробитому бульдозером спуску к броду, меж вековых, смыкавшихся в вышине огромных деревьев, крутому и опасному, так что водитель волей-неволей сбавил скорость. Показался берег: заросли камыша, зеленая, извилистая кайма тины. На другом берегу, на холме, белели деревянные стены форта попаданцев, над воротами на порывистом ветру плескался бело-сине-красный, российский флаг. Здесь самое опасное место. Если кочевники выставили засаду, попаданцам несдобровать! Александр развернулся назад и взял под прицел раскидистые деревья на спуске в долину. Один за другим автомобили въехали в реку, с ревом помчались, разбрызгивая ледяные алмазы капель.

Кортеж успел добраться до середины брода, когда сверху замельтешили всадники в халатах, но спуститься вниз вслед за попаданцами враги не рискнули. Стрелы взмыли вверх задырявили с громким плеском воду. Александр сморщился от досады – кочевников прикрывали стволы деревьев. И стрелять удобнее, сверху вниз, в отличие от попаданцев, вынужденных целиться круто вверх, к тому же с ежесекундно подбрасывающего, подобно норовистой кобыле, автомобиля. Выцелил фигуру в сером халате.

«Тра – та – та», – расцвел на секунду огненный цветок на конце ствола. Попал – не попал, за деревьями не видно.

Торопливо перевел прицел на следующего врага. Со стен недалекого форта стреляли – прикрывали бросок товарищей.

«Тра – та – та», – вновь короткая очередь.

Багги вырвались из воды, победно ревя, понеслись по петляющей по крутому склону дороге вверх. Александра прижало назад, он огрызался по мельтешившим на другой стороне кочевникам короткими очередями. Стрелы с противным свистом дырявили землю.

Автомобиль с ревом завернул за поворот, стены форта исчезли и только приближающийся грохот выстрелов подсказывал – спасение близко. Наконец, машины поднялись на такую высоту, что стрелы перестали долетать. За очередным поворотом вновь показались трехметровые сосновые стены форта и защитниками на стенах: солдаты и добровольцы – вооруженные рабочие, разразились ликующими криками. Тяжелые деревянные ворота стремительно распахнулись. С победным: «Фа-фа» автомобили ворвались на территорию форта и встали перед линией палаток. Александр снял каску, рука провела по насквозь мокрым, словно после марш – броска, волосам. Запоздало затрясло от выплеснувшего в кровь адреналина. Но форс дороге всего! Правая рука согнулась в локте:

– Йес!

Соскочил на землю и повернулся к автомобилю подчиненных, и словно мороз пробежал по коже. Водитель второго багги – Сибгатуллин, с ужасом смотрел на пассажира – стрелка. Лицо его покрывала меловая бледность, остекленелый взгляд направлен вверх, в безразличное небо, из подключичной впадины в узком, не прикрытом бронником промежутке, на две трети длины войдя в тело, торчало древко стрелы. Вокруг по старой, почти до белизны застиранной форменной куртке, расплылось тусклое, мокрое пятно. Магомедов мертв, мертвее не бывает. Попади стрела парой сантиметров в сторону, то, скорее всего, не пробил бы металл бронника, но судьба полностью израсходовала лимит везения. Внутри Александра словно обрвалась невидимая гитарная струна. «Доигрался, стратег я хренов, не уберег бойца. Все-таки добили Магомедова».

Ликующие крики смолкли, тишину нарушали только урчащие на холостом ходу двигателя. Тяжелым шагом подошел к погибшему, ладонь закрыла глаза. Судорожно сглотнул слюну. Подошел Иван Иванович, сочувственно хлопнул офицера по плечу и безмолвной глыбой застыл рядом. Перед мысленным взглядом Петелина стремительно пролетели месяцы совместной службы. Бывало разное, но, в сущности, неплохой парень, смелый, верный, и если и были у него «кавказские закидоны», то совсем немного.

– Прощай... вац (*брат по-аварски*), – прошептали побелевшие губы.

Подбежал штатный медик: мужчина с курчавой шевелюрой и повязкой с красным крестом на куртке.

– Разберитесь... – Александр сказал не глядя ему в глаза. Дел много. Горевать и переживать станем, когда победим – в условиях осады власть в поселке менялась, главным становился Александр.

– Дежурный! – рявкнул молодой офицер, выплескивая боль и ярость наружу. – Ко мне!

Подбежал дежурный – сержант Тихонов, с растерянно-бледным лицом замер перед телом погибшего товарища. После нового начальственного рыка опомнился и связно доложил, что рабочие и солдаты охраны укрылись в форте, успели эвакуировать даже большую часть техники с разреза. А из города сообщили, что помощь придет в течение часа – полутора.

Александр забросив автомат за спину, поднялся по узким ступеням на стену и приготовился стрелять. Рядом с гладкоствольной «Сайгой» в руках встал мерзавец, с которым у Александра была стычка в вертолете. Офицер угрюмо покосился, но промолчал. Непроницаемая, тревожная тишина, высоко в небе повис черный крестик степного стервятника. То ли наблюдает, то ли высматривает добычу. Солнце зашло в облака и словно воспламенило их, окрасило в кровавый цвет Александр не верил в приметы, но цвет небес невольно напомнил о предстоящем бое. Было страшно. Но больше всего боялся не справиться, ошибиться. Он командир и от правильности его приказов зависело многое. Если не все.

А еще он хорошо помнил слова Оли, что Соловьев не посмеет отказать герою и значит он не имеет права не справиться.

Возможная атака со стороны брода Александра не беспокоила. Пара сотен метров под кинжальным огнем тридцати автоматов и гладкостволов рабочих на узком бходе остановит орду любого размера...

Слуги проворно расстелили на лесной подстилке ковер, почтительно сложив руки крестом на груди, поклонились и отошли. Тауке-хан – повелитель всех казахов, грузно опустился на ковер, сел по-турецки. Не глядя протянул в сторону свиты руку, султан Ералы с почтением вложил в ладонь подзорную трубу и с поклоном отступил в сторону.

– Приступайте, – хан, поднес трубу к глазам и застыл загадочным степным божком.

Тревожные, резкие звуки: заунывный вой среднеазиатских труб – сигнал к бою, в клочья разорвал туго натянутую тишину. Звуки плыли и плыли в теплом, прозрачном воздухе, пока с другой стороны реки не откликнулось звонкое эхо. И все пришло в движение. Среди высоких деревьев на незаконно захваченном урусам берегу замелькали пешие лучники. Не меньше нескольких сотен перебрались через неширокую реку где-то поблизости, за пределами видимости со стен форта. Кочевники использовали традиционные подручные средства: плоты-салы из камыша и тальника, надутые бычьи желудки и высушенные тыквы. Неровный ряд из нескольких сотен лучников приблизился к стенам на пару на расстояние уверенного поражения. Хан с довольным видом хлопнул ладонью по коврику. За спиной одобрительный гул голов придворных. Ай, молодцы!

Но не успели они поднять луки, как послышались выстрелы, и они начали падать. Хан помрачнел. Хм. Похоже, сведения о невиданно дальнотойном оружии урусов, правдивы.

По неслышной команде стрелки разом вскинули луки, потянули тетиву к уху. С легким щелчком стрелы с шуршащим свистом ушли в небо, закладывая дугу.

– Шух! Шух! Шух! – пронзительно свистели тяжелые стрелы, пронзали брезент армейских палаток, впивались в металл автомобилей, пронзали тент кузовов, глубоко впивались в утопанную до каменной твердости вертолетную площадку.

– Огонь по готовности, – выкрикнул офицер.

«Тра-та- та» – в ответ коротко взрыкивали автоматы солдат. «Бах-Бах» – солидно поддерживали ружья рабочих. Противник нес потери – уже несколько десятков окровавленных тел лежали на земле, стонали раненные. Попаданцы стреляли метко – не зря перед командировкой каждый день жгли на стрельбище дефицитные боеприпасы.

По неслышной команде лучники скрылись за стволами деревьев. На миг выскочив, метали стрелу и тут же прятались – словно знали возможности оружия двадцать первого века.

Хан раздраженно махнул рукой и вновь взревели трубы.

Из леса вышли вооруженные неуклюжими карамультуками (*длинноствольные фитильные ружья азиатских народов*) отряды. Построились неровной шеренгой в несколько рядов, установили свои «монстры» на подставки и попытались дать по крепости залп, но не тут-то было! На стрелков обрушился сосредоточенный огонь автоматов и ружей. Прошло десяток секунд и, передние ряды рухнули, кто-то замертво, кто-то бился в агонии. Следующие попятись, яростно размахивая ружьями и крича с угрозой, скрылись в лесу.

Сказать, что хан зол, это не сказать ничего. Он был в бешенстве. Подумать только, привел целое войско и застрял у маленькой крепостицы с гарнизоном несколько десятков человек! Просто уму непостижимо!

Перестрелка, с явным преимуществом попаданцев продолжалась, на форт падал густой ливень стрел.

– Шух – пропела очередная стрела. Раздался короткий и болезненный крик рядом заставил Александра повернуться.

Бывший национальный гвардеец, схватился за плечо, из которого торчало древко стрелы. Вокруг нее на рубашке стремительно расплывалось темное пятно. Во взгляде страдание.

– Помоги, – прохрипел, следом из горла вырвался короткий стон.

Это враг, тот человек, которому Александр желал зла. Тот, кто избил его. Подлец и негодяй. Он страдает, он ранен, ведь я же этого желал обидчику? Хотел отмщения? Так вот же оно! Я удовлетворен?

И в то же время – это человек не струсил, встал в бою рядом. Значит боевой товарищ.

Имеет ли он право, несмотря на все, что между ними, отказать ему в помощи?

– Аккуратно хватайся за меня, – Александр, осторожно обхватил раненого за талию. Спустился со стены и довел до металлического кунга, где доктор развернул импровизированный медпункт и пряталось немногочисленные женщины, потом бегом вернулся обратно.

На опушке лежали целые кучи мертвых тел, когда на противоположном берегу, на дороге к броду, показались скачущие вниз упряжки с пушками на передках. За ними бежали артиллеристы в длинных, серых халатах. Александр не стал проверять на какое расстояние пробьют средневековые монстры и приказал снайперам проредить пушкарей. Считанные секунды и упал один пушкарь, второй, третий – словно свинцовая метла прошла по артиллеристам. Уцелевшие поспешно спрятались под защитой деревьев, а повозки остановились на полпути.

Не один Тауке-хан искрошил себе зубы в бессильной ярости. Все воины войска доведены до последней стадии терпения и жаждали дотянуться до глоток ненавистных ублюдков, спрятавшихся в крепости.

Внезапно опушка ожила. Из-под защиты деревьев и густого кустарника выбежали густые толпы воинов, тащивших лестницы и огромные осадные щиты. С диким визгом бешеной волной накатили на стены. Это было красиво и страшно.

«Трата-та, бах! Бах!» – захлебывались от ярости автоматы и ружья пришельцев.

– Огонь! – перекрикивая шум боя яростно орал Александр. Лица у бойцов потные, напряженные и злые, полны решимости устоять перед натиском.

С каждой секундой все больше фигурок в серых халатах рушилось, пятная кровью, на землю. Наконец кочевники не выдержали, так и не добравшись до стен, мутным прибоем откатились назад под защиту леса. На земле перед стенами

Густо взмешенная земля перед стенами завалена десятками, если не сотнями трупов. Они лежали густо, так что порой не видно было земли, в различных позах, зачастую непристойных и страшных. Стонали, кричали раненые, кто мог, отползал под защиту деревьев. Стрельба из крепости прекратилась. Подранков не добивали, не из гуманизма, а из соображений экономии боеприпасов и создания проблем орде с ранеными: воевать не могут, но требуют и еды, и ухода.

Ситуация застыла в неустойчивом равновесии. Прошел час. Весеннее солнце жгло не по-детски, зной стремительно нарастал. Бойцы с ненавистью смотрели на небо, вытирались от липкого и горячего пота. По приказу Петелина повар разнес фляги с приготовленным утром компотом, но это помогла мало. Жара нарастала. Лучники перестали показываться из-за деревьев – слишком опасно и метали стрелы из глубины леса по площадям, но и попаданцы опасались высунуться из-под защиты стен.

Еще двоих раненых рабочих эвакуировали в медпункт. У одного легкое ранение – стрела пробила руку, а второго ударила в спину.

Александр связался по радио с городом. Орал и яростно требовал назвать точное время прилета авиации, но в ответ только указание держаться и ждать.

День стекал к исходу, когда еле слышный, низкий гул, откуда-то с севера заставил Александр поднять голову к небу. Вскоре он стал отчетливее. Между пухлых, пронизанных солнцем кучевых облаков появились черные точки. Облегченно выдохнул. «Наконец-то!» Первыми

тархтели самолеты попутанцев, а позади, нагоняя, рубила винтами воздух пузатая махина Ми-26.

– Наши! – взлетел над фортом ликующий крик.

Самолеты достигли речной долины, закружились над фортом, заходя в хвост друг другу. Вертолет, грохоча моторами завис над рекой. Появление железных птиц ошеломило кочевников, они затаились, словно перепуганная мышь под веником.

Летчики сориентировались на местности – где враг, а где свои, самолеты снизились, один над противоположным берегом реки, второй над укывавшим лучников лесом с «попутанческой» стороны.

С неба, навевая дикий ужас в суеверные души кочевников, обрушился такой изматывающий душу вой, подобный сиренам немецких «лаптежников» времен второй мировой, что даже попутанцев пробрало холодом. Для пущего страха самолеты оборудовали сиренами, вот только пикировать самоделки не могли, впрочем, это и не нужно. Неторопливо распахнули люки. Черные мячики авиационных бомб убийственным градом понеслись к земле, вызывая желание пригнуться, словно они летят к тебе.

«Бах! Бах! Бах!» – резкие, глухие взрывы ударили по барабанным перепонкам. Стена дыма, смешанного с огнем и землей, поднялась над лесом. Заверещали осколки. Стены форта затрясло от близких взрывов, Александра обдало ослабленной взрывной волной. Взрывы все гремели и гремели: то близко, в лесу, то подальше, то далеко, на правом берегу реки. На земле воцарился ад: языки пламени пожирала деревья, все окутал дым, на земле – с корнем вырванные стволы.

Первые, ошеломляющие секунды прошли и грохот разрывов, и вой сирен уже не казались такими страшными, как вначале, сквозь содом звуков он стал различать и рев моторов, и взрывы бомб разных калибров, и то, где они рвались, левее или правее

Александр поднялся во весь рост. Душа замирала от страха и восторга.

Победа? Он справился, они отбились!

– Победа! – изо всех сил проорал Петелин в небо, выплескивая в него все, что скопилось в душе за бесконечно длинный день. Он выжил! Блаженная улыбка расплылась на измазанном грязью лице. Кругом не менее радостные лица. У них все получилось!

Самолеты, опустошив фюзеляжи, полетели назад, гул двигателей постепенно затих вдали.

Солидно прострекотав винтами, к противоположной стороне реки, где укрылась основная часть орды, подлетел вертолет. Из открывшегося люка вновь посыпались бомбы, но в гораздо большем количестве.

«Бах! Бах! Бах!» – выросли из земли новые огненные цветы.

Отбомбившись, вертолет снизился над фортом, приземлился подняв белесую пыль к небу. Когда пыльное облако развеялось и перестали пластать воздух винты, открылась дверь и упала лестница. На землю попрыгали бойцы в доспехах, в них они выглядели не солдатами российской армии, а какими-то терминаторами из одноименного фильма. Последние четверо вынесли трубы и опорные плиты двух минометов и ящики с минами – их в экспериментальном порядке изготовили на моторном заводе.

Александр пожал руку командиру прибывших бойцов, потом распорядился об их размещении.

В лесу стояла кладбищенская тишина – ошеломленные звери и птицы, те из них, кто уцелел, безмолвствовали. Десятки дымов поднималось в небо, слабый ветер сносил их к форту, неся запах горящего дерева и тошнотворную вонь сгоревшей плоти. Уцелевшие деревья, в рваных ранах, кровоточили своей древесной кровью. Тела погибших при попытках штурма кочевников взрывами разметало по полю, на траве вперемежку лежали трупы, окровавленные фрагменты человеческих тел: руки, ноги, туловища и шмотья халатов. Реальность войны – это

совсем не то, что в голливудском кино. С экрана не почувствуешь запаха смерти – крови, вонь развороченных человеческих внутренностей и кислый смрад сгоревшей взрывчатки.

Совесь Александра не терзала: правильно ли поступает, убивая кочевников. Они первые начали. Это пусть интеллигентки пускают соплю по поводу слезы ребенка, а мы на удар по щеке ответим добрым хуком!

Прошел почти час и на вражеском берегу выехал из леса к реке всадник с белым флагом.

Следующим утром прибитый скончался. «Жил как сволочь, а погиб с оружием в руках, как человек», – с невольным уважением думал Александр. Перед лицом смерти старые счеты выглядели смешными. Еще пятерых не защищенных доспехами рабочих посеколо стрелами. Из подчиненных Петелина больше никто не пострадал.

Глава 7

Время лечит – утверждал блаженный Августин в автобиографических «Исповедях» и, хотя многие с этим не согласны, но, по большому счету он прав.

Утро украдкой, на цыпочках проникло в спящую долину. В розовой, в свете поднимающегося солнца речной воде, кружились листья – словно стая диковинных бабочек. Обручем сковала лес тишина. Вязкая, сонная, умиротворяющая. Из предрассветной мути проступал мокрый, обгоревший лес, уязвленный черными, траурными проплешинами; на земле – чудовищной силой бомб поломанные, с корнем вырванные деревья. Прошло всего два дня после разгрома орды, но природа успела если не залечить, то замаскировать раны. Ночью на долину рухнул короткий, но сильный ливень, сбивая на землю пыль, смывая, пряча прах людей, коней и травы, залечивая результаты бомбардировки и пожаров.

Кочевники, как и полагается мусульманам, в тот же день захоронили погибших, выживших лучников эвакуировали с «попаданческого» берега. В свою очередь пришельцы из двадцать первого века заменили непригодные палатки и тенты, подремонтировали машины, но к работам на разрезе так и не приступили, а переговорщики договорились о встрече на высшем уровне. Казах будет представлять Тауке-хан. Попаданцев – Соловьев. Мир с южным соседом слишком важен – город нуждался в спокойных коммуникациях к планируемым поселениям, местах под будущие рудники на территории ханства и торговле с казахскими жузами – это и побудило мэра согласиться на переговоры на самом высоком уровне.

Ранним утром 27 мая на вертолетной площадке приземлился Ми-8. Иван Иванович, изрядно потев под раскаленными лучами солнца и. придерживая рукой шляпу, ее так и норовил унести ветер, нервно переминался рядом. Привычно прикидывал, все ли возможное сделал для строительства. Порученное дело – строительство разреза, он принимал близко к сердцу и любые препятствия на пути к цели воспринимал болезненно. Выходило, что упрекнуть себя не в чем. Заодно по кулацкой своей сущности решал, что можно выпросить для ускорения стройки. На шаг позади ожидал Александр. Едва бешено вращающиеся винты перестали сотрясать тушу вертолета, и густая пыльная пелена осела, открылась дверь, из нее упала лестница. Первым спустился Соловьев. Следом на землю спрыгнули заместители. Опасливо – полный, возрастом за пятьдесят, человек в сером костюме – тройке. Никита Иванович отвечал в администрации за планирование и слыл воплощением благоразумия. Следом молодежато спрыгнул на бывший военком, а ныне заместитель по военным и внутренним делам, небрежно отряхнул пыль с камуфляжа полувоенного костюма. После прочая обслуга – секретари, телохранители.

Соловьев подошел, протянул ладонь начальнику разреза. Рукопожатие было крепким. Немного позади, слегка расставив ноги, прочно утвердившись на земле, словно не собирался отступить и на миллиметр, с каменным лицом стоял молодой офицер. Глаза мэра сощурились, почти физически укололи. Длинный, худой, в застиранной полевой форме, взгляд недобрый. И этого в мужья моей наследнице? Да таких в базарный день пучок за пяточек!

Поздоровался и с ним.

– Показывайте, что тут у вас!

Начальник разреза огладил короткую гномью бороду, солидно кивнул и пригласил гостей пройти за собой. Впереди, как здешний хозяин, двигался Иван Иванович, за ними Соловьев, дальше – оба заместителя. Александр – последний, и это хорошо, так никто не мог видеть обуревавших его эмоций. Вот он будущий тесть. И что делать? Дать в морду будущему родственнику? И гарантировано попасть под суд, да и с военной карьерой придется распрощаться. И все это без всякой гарантии, что препятствие между ним и Олей исчезнет.

Или броситься на шею с криком: «папа». Ага... после того, как Соловьев организовал его избивание, не очень-то хочется.

В дальнем углу укрепления, у самой стены, посреди островка степных трав, над свежими земляными холмиками стояли два креста из дуба, крепкого и тяжелого.

Утренний, но уже жаркий ветер скорбно шуршал багровыми букетами увядших степных тюльпанов у их оснований.

На не успевших потемнеть на солнце деревянных крестах свинцового цвета краской даты рождения и смерти, у обоих погибших попаданцев – 1689 год. Мэр подошел, помолчал у могил. Петелин стоял позади, скорбно глядел на последние прибежища бойцов.

– Царство вам небесное пацаны, – Петелин сказал негромко и с горечью.

Мэр обернулся, смерил офицера взглядом.

– Не рассусоливай старлей, это война, а войны без потерь не бывает! – бросил резко и отвернулся.

Потом коротко поклонился могилам и поднялся на стену форта. Долго и со странным выражением лица разглядывал в бинокль следы отгремевшего сражения. Одно дело читать отчеты о нем, совсем другое – увидеть собственными глазами зловещий, обгоревший лес, весь в черных проплешинах мертвой, обуглившейся земли, почувствовать горький запах гари и смерти.

Потом приехали на карьер. В сопровождении свиты, с настороженным лицом прошелся. Ну, что они без его руководства натворили? Оказалось, что не все так страшно, как предполагал. В сущности, казахи мало что успели испортить. Технику поцарапали – так это мелочи. Вместо непригодных к эксплуатации палаток и тентов, остатки отправили в переработку, собрали новые. И, главное, все готово к добыче угля. Наконец, покачал головой и, повернувшись к сопровождавшим, благодушно бросил:

– Изрядно... Молодцы. Нужно помочь с чем-нибудь?

– Спасибо, Виктор Александрович, но думаю справимся своими силами, осталось только разобраться с двумя бульдозерами, думаю, завтра заведем их. Вот только вахтовка, ее только в разборку, спалили, ироды! – с нескрываемой горечью поизнес Иван Иванович.

Соловьев понимающе кивнул:

– Ждите, послезавтра придет конвой, будет вам новая вахтовка...

На обратном пути в форт Соловьев самодовольно улыбался. Ему есть чем гордиться. Осталось только дождаться пока дойдет железная дорога и можно отправлять первый уголь в город. И все это благодаря его мудрому руководству!

Оглушительный рев среднеазиатских труб, возвещавший о прибытии казахского хана, хотя и ожидался, но застал врасплох. Соловьев, в окружении свиты ожидавший у стен форта, от неожиданности вздрогнул. В глазах плеснулось недовольство и тут же исчезло. «Да чтоб вас!» – тихо ругнулся про себя и поднял к глазам бинокль.

Тауке-хан прибыл на переговоры по-азиатски пышно. Из густых зарослей с противоположной стороны реки появились, сверкая на солнце сталью и железом доспехов, девять всадников. В руках трепетали на ветру белоснежные флаги с неразличимой на расстоянии картинкой. Следом колонной шли тридцать человек в нарядных, голубых халатах. А позади них на необычайной красоте гнедом скакуне с белой звездочкой на лбу, завязанными в узлы гривой и хвостом, ехал хан в атласной белой шубе на соболях. Дальше, на конях не хуже, толпой рысили беки и султаны свиты, в халатах с золотыми и серебряными узорами. Чистейших кровей племенные скакуны от избытка резвости грызли стальные удила, пританцовывали. Позади, не отставая ни на шаг от хана и приближенных-охрана, из верных батыров и телохранителей – нукеров.

Ханская ставка – огромная белая юрта, украшена с варварской пышностью. На стенах – драгоценные ковры из далеких стран. На полу – узорные ширдаки, покрытые шкурами барсов, тигров и медведей. Хан, поджав словно прорубленные топором злые губы, сидел впереди расположившихся по-турецки придворных беков и султанов. В узких глазках ничего не разобрать.

Два часа прошли в представлении участников и взаимных претензиях, только немного замаскированных восточными славословиями. Договорились только, что за беспрепятственный пропуск орды в степи хан заплатит по десять голов скота за каждого воина. Хотя насилие – плохой аргумент для обеспечения верности слову, Соловьев уже готов был плюнуть на все перспективы заключения торгового договора и аренды мест месторождений и силой добиться своих целей. Сложность была в том, что стоит кочевникам откочевать подальше, где гарантия, что они станут соблюдать вырванные силой обещания?

Наконец, добрались до сути дела. Хан повелительно махнул рукой. Бесстрастный и неподвижный, подобно степному божку, каких бесчисленно разбросано по курганам бесконечной Великой Степи, визирь по имени Абулхаир, ожил. Из халата появился пергаментный свиток, расстелил его на ковре между своим повелителем и повелителем непонятных русских. Это оказалась карта. Соловьев и оба его заместителя нагнулись. Хан отчертил ногтем место на краю:

– Эта река на день пути к северу издавна принадлежала племени табын, а вы самовольно построили здесь крепость, – помолчал и закончил угрожающе, – Это земля казахов. Повелеваю вам, уходите. Уходите мирно, пока разрешаю.

Придворные одобрительно зашушукались.

Соловьев пристально взглянул в желтоватые, суровые глаза повелителя казахов. Умный и жесткий взгляд узких монгольских глаз подтверждал характеристику хана, как твердого и умного правителя. Согласно справке, Тауке-хан популярен в народе, жесткий и властный, сумел подавить междоусобную рознь и объединить под собственной властью большинство родов Степи, и, самое главное, прагматичный политик, понимающий выгоды торговли и мирного сосуществования, к тому же больше всего обеспокоен противостоянием джунгарам.

По лицу Соловьева пробежала саркастическая усмешка. Ответил жестко, собирая напряженные и глубокие морщины у рта, впиваясь взглядом в каменно-спокойное лицо хана:

– Это земля наша! Не вам, побежденным, решать чья она! А если что-то не нравится, ну что же, продолжим войну и тогда ни один воин назад в степи не вернется.

После перевода бурный гнев ударил в голову Тауке-хана, глаза налились кровью. От далеких предков вокруг казахская земля! В юрте повисла угрожающая тишина, вдалеке нудно тархтел движок электростанции. Донесся далекий собачий брех. Рука хана невольно сползла к рукояти длинного, изукрашенного алыми рубинами, хорасанского кинжала, подвешенного к поясу, но так и не коснулась его, в последний момент он удержался от опрометчивого поступка.

«Поспешное решение, да еще под влиянием гнева, первый враг повелителя. Мой род происходит от Чингиз-хана, потрясшего Вселенную. В шестнадцать лет я собственными руками зарезал сына самого Жумадек-батыра. О, Аллах, почему я должен терпеть выходки проклятого уруса?» И сам себе ответил на риторический вопрос. «Потому что с востока, где восходит солнце, навис проклятый Могулистан. Казахско-джунгарская война длится полвека, но Аллах никому не дает решительного перевеса, в битвах побеждаем то мы, то враги, но они покорили множество принадлежащих нам городов и народ казахов изнемог и нуждается в помощи». Пришельцы могли стать прочным намордником для зарящихся на казахские степи волков! И еще: тогда месть хунтайши джунгар Галдану, который разбил казахское войско и захватил сына в плен, станет реальной. Была еще одна причина, ее хан таил даже перед самим собой. Шайтан-урусы с летающих арб могли вновь обрушить на головы славных батыров грохочущую смерть. Это страшно, очень страшно. Уж таиться перед самим собой не имело смысла.

Хунтайши – титул повелителя Джунгарии.

Эти урусы не походили на виденных ханом ранее, они не испытывали никакого почтения и трепета перед родовитым владыкой степи. Главный урус никак не реагировал на гнев повелителя казахов и выглядел безучастным. Лысый визирь, который сидел за левым плечом глав-

ного уруса, изменился в лице. Зато второй, в одеждах того же цвета, что и воины урусов, зло сверкнул глазами. Хан смотрел угрюмо: воевать не мог, слишком смертоносно оружие урусов, но и пойти на уступки просто так не мог, это стало бы потерей лица перед своевольными степными беками и султанами. С другой стороны, раз не удалось добыть чудо-оружия пришельцев, значит, надо договариваться.

Соловьев многозначительно держал мхатовскую паузу, сделавшую бы честь настоящему актеру, внимательно наблюдая за покрасневшим от бешенства оппонентом. Ему придавали уверенности перед лицом разъяренного хана профессиональный телохранитель с пистолетом Глок-17 в плечевой кобуре в углу шатра.

Наконец Соловьев слегка наклонил голову:

– Уважаемый хан, не стоит сориться. Я приготовил небольшие подарки в знак моего к вам уважения, – сказал совсем другим, уважительным тоном, прикладывая руку к сердцу, – Предлагаю пройти, осмотреть их.

В сущности, дары были простой формальностью и стоили для города сушие копейки, но для восточных людей важна форма. Даже если их нагибают, это необходимо делать вежливо и с учтивостью.

Дождавшись, когда переводчик переведет по-казахски, русский поднялся с подушек. Незаметно прикоснулся к затекшим мышцам и жестом предложил выйти из юрты. На лице хана одна за другой пробежали эмоции: нежелание, угрюмость и, наконец согласие.

Хан поднялся, за ним потянула на выход свита. Вещи на большем ковре, расстеленном прямо поверх травы, потрясли хана, много повидавшего в полной приключений жизни. Еще немного, и он бы пораженно замер бы перед ними, подобно черной кости. Огромные, в пол, зеркала, их в Великую Степь привозили из чудовищно далекой Венеции, и они были чудовищно дороги, холодильный шкаф, по передней стенке которого ползли строки из Корана, написанные золотом. Когда его открыли, то, к удивлению хана, внутри, несмотря на жаркий день, лежали куски белоснежного льда, будто только что привезенные стремительным гонцом из алтайских гор. И было то, что любезно сердцу настоящего воина, от чего хана цокнул языком, а в глазах появился восторженный блеск. Искусно изготовленные стальные доспехи, их в упор не пробила бронебойная стрела, выпущенная по приказу повелителя казахов нукером, а скорострельная аркебуза производства пришельцев только вмяла металл, но не пробила. И подаренный пистолет с карамультуком. Не такой, как у воинов урусов, но настолько же лучше имевшихся у казахов, насколько сабля дамасской стали превосходит грубое изделие простого степного кузнеца. Выстрелом из этого карамультука телохранитель урусского вождя играючи поразил летевшего высоко в небесах степного орла, чем вызвал бурный восторг казахов. Стоимость подарков была заведомо выше цены земли, занятой пришельцами.

Когда переговорщики возвратились в юрту, хан окончательно успокоился.

– Хорошо урус, дары хороши. Я дарю эти земли тебе, но при одном условии, – заявил, усевшись на подушку.

По земельному закону казахов – «Жер дауы» – хан обязан компенсировать потери рода Табын и предоставить им другие пастбища и водопои, но выгода от сотрудничества с городом перевешивала любые издержки.

«Ну вот, дурашка, – думал Соловьев, – а ты сопротивлялся». Степь попаданцам была неинтересна, нужны были конкретные места под рудники и полоса земли под железную дорогу к городу.

История обладала колоссальной инерционностью, словно вязкая и плотная вата, в которой гложет звук и, после появления города попаданцев, не успела измениться. Справку о плачевном состоянии дел у южных соседей Соловьев читал в первые дни после Переноса. В 1680 году повелитель Джунгарии Галдан Бошогту завоевал Кашгар и Яркенд, в следующем году предпринял успешный поход на Сайрам. В 1681 году совершил поход в Семиречье и Южный

Казахстан. Казахский правитель Тауке-хан потерпел поражение, а его сын попал в плен. Затем, в 1682 году, Галдан подчинил Турфан, где правил Абдурашид-хан, потом Хами, кара-киргизов и разорил Ферганскую долину. В результате походов 1683—1684 годов джунгары захватили Сайрам, Ташкент, Шымкент, Тараз. Казахо-джунгарские войны длились столетие и исчерпали возможности казахов к сопротивлению, поставив их на грань физического уничтожения. Именно это стало главной причиной их добровольного вхождения в состав Российской империи. Этим обстоятельством Соловьев и планировал воспользоваться. Предложить казахскому хану помощь в борьбе с джунгарами в обмен на мясо, необходимое чтобы дожить до нового урожая, установление торговых связей и аренду месторождений. Мысленно ухмыльнулся. «Нас слишком мало. Со всеми потенциальными врагами одни не справимся, силенок не хватит, да и боеприпасы закончатся гораздо раньше. Значит надо действовать мирными средствами – приручить вождей аборигенов, заставить их соревноваться между собой в стремлении получить наши товары и нашу помощь. А казахам мы долго, десятилетия, будем нужны в качестве щита против джунгар. Значит будем бить в большую точку».

– И каком же? – негромко спросил Соловьев.

– Вы продадите нам летающие арбы и скорострельные мультаки.

Соловьев отрицательно покачал головой и скрестил руки на груди. Еще чего не хватало, дикарям, любым, хоть русским, хоть казахским, хоть серо-буро-малиновым, продавать современное оружие. Не бывает такому!

– К сожалению уважаемый хан, это невозможно, таким оружием будет вооружена только наша армия. Но мы готовы продать вам холодное оружие, доспехи и мушкетеры, наподобие вам подаренного.

Хан недовольно засопел, ладони легли на колени, но спорить не стал.

К плечу Соловьева склонился визирь в одежде, цвета воинов пришельцев, и прошептал на ухо. Тот согласно кивнул и обратился к казаху:

– Скажите, хан, ведь вы знали о нас и возможностях нашего оружия. К вам дошли беглецы из города?

Когда переводчик закончил говорить, Тауке-хан недовольно нахмурился, но скрывать очевидное глупо. По действиям казахов даже слепой поймет, что они знакомы с возможностями оружия пришельцев, но и расставаться с доставшимися ему беглецами из города он не собирался.

– Да, дошли, – хан буркнул недовольно.

– В таком случае, вы знаете, откуда мы пришли, – Соловьев остановился потом, выделив голосом последнюю фразу, закончил, – Это наши люди, их необходимо вернуть.

Градоначальник замолчал, рассматривая лицо царственного собеседника, на котором вновь полыхала смесь удивления и злости.

– Урус, я не могу это сделать, даже если бы захотел. Они умерли, и, как полагается мусульманам, до заката солнца их похоронили.

«Врет, – хмыкнул про себя Соловьев, – впрочем, что могут знать недоучившиеся студенты? Все, что могли – рассказали и больше не опасны. Пусть прозябают в средневековых аулах, раз выбрали такую жизнь». Соловьев несколько мгновений с едва заметной усмешкой смотрел в закаменевшее лицо повелителя казахов.

– Кхы, – тихо кашлянул за плечом Тауке-хана визирь и продолжил надтреснутым, старческим голосом, – Разрешить сказать, о повелитель?

– Говори, верный визирь!

Визирь почтительно наклонил голову в сторону хана и заговорил негромко, обращаясь к главе попаданцев:

– Престарелый хунтайши Галдан вновь собирается в поход на владения казахов. Если вы сможете отвести волка от нападений на наши земли, мы готовы заплатить. Если мы нанесем

поражение основным силам Галдана, то ойратским гарнизонам в Сайраме, Ташкенте, Шымкенте и Таразе придется оставить наши города.

Беки и султаны на время превратились в безмолвные статуи, боясь прослыть неприличными.

«Все правильно, – думал хан, – если не удалось завладеть оружием из будущего, то следует самих пришельцев сделать союзниками и навсегда закрыть Джунгарские ворота».

Джунгарские Ворота – горный проход между Джунгарским Алатау с запада и хребтом Барлык с востока, соединяет Балхаш-Алакольскую котловину и Джунгарскую равнину. Представляет собой плоский и широкий (более 10 км) коридор длиной около 50 км.

Соловьев несколько секунд раздумывал, а точнее, изображал задумчивость. Ну что же, на ловца и зверь бежит. Значит, выбьем из казахов дополнительные бонусы».

– Если вас устроит цена, я готов обсудить условия предоставления военной помощи. Нам нужен скот, установление торговых связей и аренда месторождений. И еще, – Соловьев оглядел казахов хищным взглядом и продолжил спокойным, размеренным голосом, так не соответствующим содержанию речи, – нам необходимо золото.

Позади Соловьева кто-то судорожно вздохнул от неожиданности, но мэр ухом не повел, продолжая сверлить лицо хана пристальным взглядом. «Все городу, а золото мне, мне... бескорыстно пусть дураки работают!»

Тауке-хан внимательно и оценивающе посмотрел в глаза собеседника и поджал губы. В ухо, обдавая горячим дыханием, зашептал визирь. Хан полузакрыв узкие щелочки глаз – мать его была ойратской наложницей и это было наследство от нее, затем тщательно выверенным жестом согласно склонил голову, дав возможность урусам рассмотреть бархат и волчий мех покрытого вышивкой борика (казахский головной убор). Цена велика, но результат оправдывал ее.

Вечером, когда уставшие, но довольные переговорщики вышли из юрты на ужин, соглашение в общих чертах было готово. Город получал все необходимое ему для выживания, Соловьев – золото, а казахи – обязательство города послать в экспедицию к Джунгарским воротам батарею тяжелых минометов с мотострелковым взводом прикрытия. А гарантией от вероломства кочевников стал наследник Тауке-хана. Он отправлялся к пришельцам из будущего в «гости» до тех пор, пока отряд попаданцев не вернется назад.

Полдень следующего дня. В городе душно и жарко. Никак не желавшую вступить в свои права весну неожиданно сменило жаркое лето, и даже вездесущие воробьи куда-то исчезли, попрятались по укромным местам.

– Соловей-разбойник! Уходи! – проник усиленный громкоговорителем голос сквозь открытое окно в зал заседаний администрации, где за длинным, монументальным столом собрались городские и, оставшиеся в составе объединенного Собрания сельские депутаты вместе с чинами администрации и городскими журналистами. Виктор Александрович запнулся на полуслове, раздосадованный взгляд упал на окно. Внизу густеющая толпа. Над головами самодельные транспаранты с надписью: «Соловьев, уходи!» Потом – на противоположный край длинного стола, где злорадно скалился Романов. Под скулами опухли и катнулись желваки.

– Так что, – немного ошеломленно закончил фразу мэр, – к осени город может не опасаться нашествия аборигенной армии любой численности.

В напряженной тишине слышался только мегафонный голос с призывом к мэру уйти да крики полицейских, требовавших разойтись. Введенный в городе режим чрезвычайного положения запрещал любые собрания и демонстрации, но осмелевшая толпа не подчинялась.

Глаза Романова хищно сверкнули, вздохнул тяжело, словно бросаясь головой в омут, рука потеряла внезапно, как назло, зачесавшийся нос и взлетела вверх. Глупцов среди депутатов, кто бы стал таскать для него каштаны из огня, не нашлось – слишком битые жизнью и опытные. Хочешь не хочешь, а пришла пора брать инициативу на себя. Председатель Собрания – Виктор Серебро, посмотрел на мэра, потом с видимой неохотой выдал из себя:

– Пожалуйста, Федор Владиславович.

Романов поднялся с видом разгневанного народного трибуна. Обвела депутатов глазами, и одних его взгляд зажигал, других словно клеймил раскаленным железом.

– Мой вопрос немного не по теме, я хочу спросить вас, Виктор Александрович, – сказал Романов вкрадчиво, не отрывая взгляд от деланно-спокойного лица мэра, – до каких пор вы будете прессовать честных бизнесменов и мешать директорскому корпусу вытаскивать город из клоаки, в которой по вашей милости он очутился? – с каждым словом тон менялся, набирал силу и негодование.

Соловьев побелел от гнева. Взгляды его и депутата столкнулись словно лезвия шпага, смертным холодом повеяло от незримого удара. Оба поняли, что сегодня все решиться. Власть и город могли принадлежать только одному.

Таких необоснованных и крутых претензий к градоначальнику не ожидали. Директор электростанции заинтересованно посмотрел на Соловьева: не все скоту масленица. Ну и как будет выкручиваться из ситуации, когда открыто бросили вызов? Смутные слухи о недовольстве среди бизнесменов доходили и до него, а о брожении умов простых горожан он знал не понаслышке...

Очередное заседание Собрания депутатов было заурядным и отличалось от других только тем, что по настоянию оппозиционеров на него пригласили мэра. Депутаты изъявили желание задать ему вопросы о текущем положении в городе.

Виктор Серебро потер длинный, словно клюв, нос, нерешительно – свежесбривший подбородок и посмотрел на запястье. Массивные швейцарские часы показывали двенадцать дня – пора, потом на депутатов и приглашенных, вроде все в сборе. Взгляд в сторону градоначальника, тот прикрыл глаза – дескать начинай.

Постучал ручкой по столу, жиденький седой хохолок на голове, который словно кто-то выщипал, затрепетал в такт. Дождался, когда шепотки прекратились, торжественно провозгласил:

– Кворум есть. Десятое заседание объединенного Собрания объявляется открытым. Повестка дня, уважаемые депутаты, роздана, какие будут предложения?

– Утвердить, – слегка напряженным голосом предложил Романов, он сидел на противоположном конце стола, рядом с городским знаменем. Почесал переносицу и тут же спрятал руки под стол. Проклятые нервы! Руки подрагивали. Депутаты, в том числе кучковавшихся возле Романова оппозиционеры, до этого сидевшие с апатичными выражениями на лицах, оживились, закричали: «Утвердить!»

Виктор Серебро, слегка прищурившись, бросил на вечногуботера испытывающий взгляд. Дескать, что ты опять затеваешь? Немного помедлив, поставил предложение на голосование. После того как депутаты единогласно подняли руки, предоставил слово для ответа на вопросы главе города.

Невнятный гул шепотков быстро сошел на нет.

Соловьев неторопливо вытер платком со лба липкий пот, тяжело поднялся и прошел за трибуну. Минувший месяц здорово укатал, глаза ввалились, мешки под ними стали больше, но уверенность в собственных силах не уменьшилась. Несколько листов с подготовленными для него помощниками цифрами, легли на трибуну. Градоначальник аккуратно подравнял их и выжидательно посмотрел на председателя Собрания.

– Виктор Александрович, – начал тот, – у меня здесь письменный запрос депутата Менькиной. Виктор Серебро на миг прервался, бросил быстрый взгляд на крашенную в блондинку монументальную даму, таких называли гранд дамами в уголке. Женщина величественно склонила увенчанную монументальным шиньоном голову.

Серебро опустил длинный нос в листок в на столе, прочитал, хмыкнул.

– Прошу вас пояснить что у нас с запасами продовольствия? Избирателей товарища Менькиной беспокоит вопрос, хватит ли припасов чтобы без проблем дождаться нового урожая.

Менькина, как и Виктор Серебро, состояли во фракции, на поддержку которой опирался градоначальник, и о «каверзном» вопросе мэра предупредили заранее.

– Спасибо за важный для горожан вопрос, – Соловьев наклонил голову и сдержанно улыбнулся, – спешу развеять всяческие домыслы и слухи по поводу продовольственного вопроса. Самое главное: с учетом выкупа казахов – пятидесяти тысяч голов скота, а также ожидаемого через месяц прибытия торгового каравана с грузом зерна от Строгановых, могу с уверенностью заявить, что сумеем прокормить население города до нового урожая без уменьшения карточных норм. К сожалению, перекося в сторону преобладания мясных продуктов до осени устранить не получится.

Что еще делается. Администрация активно закупает скот у кочевников, работают охотничьи и рыболовецкие партии. Посевную заканчиваем. Горюче-смазочными материалами сельские хозяйства обеспечены. Ну и в июле ожидаем первый урожай овощей и фруктов из пригородного тепличного комплекса. По птицефабрикам и свиноферме. Обе птицефабрики сдаем на днях, свиноферму – в конце месяца, планируем после их выхода на полную мощность на сто процентов закрыть потребности города в мясе птицы, свинине и куриных яйцах. По молоку – часть полученная у кочевников коров пойдет на фермы, надеемся, что дефицит молока и молочных продуктов уменьшится к августу.

Романов громко и демонстративно хмыкнул, мэр внимательно посмотрел на него, но не стал поддаваться на провокацию и отвернулся. Подошла секретарь и поставила на трибуну открытую пластиковую бутылку с водой и стакан. Соловьев благодарно кивнул и посмотрел на депутатов. Ответ не вызвал оживления, в общих чертах депутаты были в курсе дел и только журналисты городского телевидения засуетились. Желавших задать вопросы больше не находилось, Соловьев обвел взглядом исподлобья сосредоточенные лица депутатов и слегка нахмурился. Как правило депутаты интересовались каждой мелочью, особенно настроенные оппозиционно, даже их лидер, Романов, молчал, словно его не интересовал мэрский отчет и только глаза беспокойно шарили по стенам, будто ожидал чего-то.

Руку поднял Александр Владимирович, седовласый, крупнотелый директор городского автобусного предприятия, ну и заодно депутат собрания. Он считался нейтральным, но месяц тому назад в критической ситуации поддержал Соловьева. Председатель собрания кивнул. Мужчина поднялся, зверски пошевелил солидными усами под запорожца и солидно откашлялся в кулак.

– Расскажите, пожалуйста, что у нас по освоению природных ископаемых и особенно как обстоит дело с нефтью, – сказал неожиданно тонким голосом, – Меня, как транспортника, тревожит обстановка с дизельным топливом. Если по машинам с бензиновыми двигателями вышли из положения переоборудованием на газогенераторы, то запасы дизельного топлива ограничены и при самом экономичном использовании к осени они закончатся.

– Спасибо за вопрос, Александр Владимирович. Действительно, обеспечение горючим крайне значимо для выживания города – Соловьев кивнул благожелательно.

Хотя вопрос и не «постановочный», но мэр привычно держал под контролем основные направления деятельности администрации, да и в лежащих перед ним документах основные

цифры были, поэтому ответ не затруднил. Пошуршал бумагами, вот они, нужные сведения, не торопясь налил в стакан воды, отпил.

– На разведку нефти отправлены две экспедиции: одна на север, в район будущего коркинского разреза. По архивным сведениям там нефть расположена близко под поверхностью земли и на запад, на территорию Башкирии. Обе экспедиции благополучно достигли своих районов и приступили к разведывательному бурению.

– Пользуясь случаем, проинформирую вас об освоении и других месторождений.

– На сегодняшний момент главным для нас является уголь. Что сделано: разрез вскрыт, по плану к концу июня к нему подойдет железная дорога и город получит первый уголь. Попутные изыскания в полосе железной дороги обнаружили залежи глины в районе, где в будущем стоял поселок Берлин. Она оказалась вполне пригодной не только для производства кирпича, в том числе огнеупорного, но и черепицы и глиняной посуды.

– Что по железу. Произведена разведка горы Магнитной, севернее будущего Магнитогорска. Это уникальное месторождение. По архивным данным запасов руды там до 500 млн тонн, останется даже потомкам. На месте развернуто строительство рабочего поселка металлургов, организована добыча руды и возводится экспериментальная доменная печь. К сожалению, даже с учетом разбираемых внутригородских путей рельсов до Магнитки не хватит. Поэтому дорога туда пойдет второй очередью, после того как начнем производить собственные рельсы.

Мэр рассказывал, а скромно устроившийся на «галерке» директор электростанции, едва заметно поморщился. Не все так благостно, как излагал градоначальник, есть и серьезные проблемы. Самое главное, и его, и остальных директоров напрягала мелочная опека администрации.

– Что касается экспедиции в район будущего Карабаша, то она наладила контакты с несколькими общинами староверов и проводит изыскания меди...

Виктор Серебро покосился на Романова и его приятелей. Какие-то подозрительно тихие. Неясные слухи о готовившейся на заседании буче доходили и до него, и до градоначальника.

Когда мэр закончил обрисовывать перспективы освоения природных ископаемых Урала, слово взял председатель Собранин:

– Еще вопросы Виктору Александровичу, – предложил, но их вновь не последовало. Непонятная пассивность оппозиции не на шутку напрягала. Что они задумали? Соловьев бросил хмурый и оценивающий взгляд на депутатов-оппозиционеров. В зале повисла тягостная тишина. Наконец, руку поднял прежний соратник градоначальника, его он в далекие девяностые называл по-простому Равиль. Когда предоставили слово, депутат с самым дружелюбным выражением лица спросил:

– Виктор Александрович, расскажите, что с производством оружия?

– Считаю неплохо! – начал мэр громко и демонстративно уверенно, – Что уже выполнено. В лабораториях сельхозакадемии произведено три тонны аммонала, получен бездымный порох и немного больше трех килограммов гремучей ртути, опыты по созданию других инициирующих взрывчатых веществ продолжаются. Полученной взрывчатки хватило для снаряжения нескольких сотен осколочных и фугасных авиабомб и тысячи минометных мин. В дальнейшем планируем передачу производства взрывчатых материалов на строящийся в Сосновке химический комбинат. Что еще сделано. В оружейном цехе бывшего моторного завода из газовых баллонов изготовлены две батареи неплохих, по отзывам военных, минометов, третья ожидается в ближайшие дни. Изготовлены и испытаны ручные огнеметы, они показали обнадеживающие результаты. По авиации: заканчивается изготовление третьего гидроплана. Также продолжаются проектные работы по производству прототипов орудий и винтовок по типу Берданки. Выход их на испытания ожидаем к осени, после начала производства патронов и снарядов для них. К сентябрю вооруженные силы города с учетом мобилизации составят полторы тысячи вооруженных автоматическим оружием военных, полицейских и прочих, и до двух с полови-

ной тысяч вооруженных гладкоствольными и нарезными ружьями, бронетехника – до двадцати пяти БТРов, и до тридцати бронированных УРАЛов. Воздушные силы: помимо вертолетов, до четырех гидросамолетов и нескольких мотодельтапланов. Так что...

Полным праведного гнева взглядом Романов обвел примолкших депутатов, поднялся во весь немалый рост:

– А последние события вокруг угольного разреза вообще не входят ни в какие рамки! Соловьев вместо того, чтобы истребить орду и, покарать казахские становища отпустил их! Вот, скажем стал бы недоброй памяти Сталин отпускать немцев в сорок пятом? Да боже ты мой, конечно нет! А как поступает Соловьев? Просто диву даешься, какой он добрячок, отпускает казахов, и более того, отдает им на съедение взвод наших солдат, которые после всего произошедшего будут проливать кровь за своих несостоявшихся убийц и насильников! Я обращаюсь к градоначальнику: почему не отомщены погибшие солдаты? Почему не дает казахам и джунгарам друг друга взаимно уничтожить, чтобы мы спокойно забрали казахские степи?

Он посмотрел в глаза градоначальника и молча мерил его взглядом: волнение среди присутствующих возросло, и сердца бились все сильнее. Произнес отдельно и твердо:

– Каждый здравый человек должен задать себе вопрос: что это, глупость или уже предательство?

Соловьев растерянно застыл. Да, этот волк далеко пойдет, если не остановить. Огляделся. Лица депутатов: враждебные, безразличные, ошеломленные. Он вдруг почувствовал, как же он одинок, чертовски одинок и это тянется слишком давно и вдруг залился нервным, продолжительным смехом.

– А вот и не надо смеяться! – взвизгнул Романов и схватился за горло. Не пристало будущему владыке города визжать словно баба, – Изволь отвечать на вопросы депутатов!

Депутат по имени Равиль едва заметно поморщился, популизм он не переваривал, а призывы вырезать казахов, людей одной с ним веры, были ему неприятны. Болезненно-желтое лицо председателя Собрания еще больше побледнело. Отчаянный взгляд скользнул по словно каменному лицу градоначальника, что-то решив для себя, торопливо постучал ручкой по столу:

– Вопросы не по регламенту заседания! – Серебро затряс общипанным хохолком на голове.

Но не тут-то было! Вошедший в раж Романов досадливо отмахнулся рукой, а его сторонники – депутаты дружно и громогласно зашикали, что председателя, если тот нарушает свободу слова, как выбрали, так и переизбрать могут. Поднялся шум, взвинченные крики. Виктор Серебро побагровел, как варенный рак, которых он очень уважал к пиву, и замолчал.

«Лезешь на чужую полянку Федюня? Ой зря, ой зря. Это мое, а свое я никому не отдам, горло перегрызу! – подумал немного успокоившийся Соловьев и поднял руку. Постепенно установилось относительная тишина:

– Хорошо, я отвечу на нелепые обвинения.

Романов присел и откинулся в кресле поудобнее, сузившимися глазами внимательно наблюдая за мэром.

– Ты говоришь о Сталине, так вот он за такой демарш тебя мигом приставил бы к стенке. Теперь о твоём фашистском предложении устроить казахам геноцид. Я уже не говорю о моральной стороне дела, посмотрим к чему это приведет. Остатки казахов побегут от джунгар в том числе к нам, на Урал. Нужна нам «горящая» граница? Нет. Этого ты добиваешься? А? А вот если поможем, посадим на несколько десятилетий на военную помощь, взамен получим места под рудники и железную дорогу, караванные пути и рынок сбыта товаров. Большого нам не нужно. Вот тут предлагают вырезать казахские становища и забрать степи себе... Какими ресурсами? Гоняться за аулами по бескрайней степи на вертолетах или автомобилях, тратя невозполнимые моторесурсы и горячее? Полная глупость и бесполезная растрата ресурсов!

А какими силами Федор Владиславович предлагает занять несколько тысяч квадратных километров степи? Городским батальоном и парой сотен казаков? Это демагогия, которую я отвергаю и...

Мужчина по правую руку от Романова с болезненно худым и злым лицом, напоминающим крысину морду, выкрикнул с места:

– А почему военные одни отбивались от казахов, где была твоя хваленая национальная гвардия? Вместе с тобой жировала, когда солдаты жизни клали за город? Чувствуешь личную ответственность за погибших ребят?

– Вы не правы, – резко бросил начальник пожарного поезда, от негодования густые брови высоко поднялись, – Каждое подразделение должно выполнять собственные задачи. Национальная гвардия – охранять важные объекты, военные – бить врагов на дальних подступах.

Романов оглядел притихших депутатов. Затаились и ждут, чья возьмет. Необходимо усилить натиск.

– Виктор Александрович считает всех вокруг дураками? – поднялся с кресла и ядовито поинтересовался, – Пока ресурс техники не израсходован, а соседи о наших проблемах не знают, как раз самое время уничтожить орду и занять степи. Только тогда соседи поймут, что надо сохранять с нами мир. Переговоры – это все для слабых. Пленный хан и мертвые батыры куда весомее аргумент, чтобы убедить сохранять мир!

Соловьев отвернулся, посмотрел в окно, внизу верные гвардейцы отгоняли толпу от входа в здание администрации. Вызвать гвардейцев и арестовать наглеца Романова и его прихвостней? Не вариант пока на улице волнуется и бушует недовольная толпа. Верные гвардейцы сейчас заняты на улице, их не вызовешь. Тем более, что это будет незаконно, а военные и прочие силовики и так не слишком довольны заключенным с казахами миром. Придется терпеть... пока.

– Истратить ресурсы... А если кто-нибудь из соседей посчитает по-другому и попытается захватить город, чем мы станем отбиваться? Твоими расчетами? – съехидничал градоначальник.

Кар, кар! – перебила ворона с ветки липы напротив открытого окна. Федор Владиславович нервно вздрогнул и бросил раздосадованный взгляд на улицу.

– Ты только что, только что рассказывал об огнеметах и минометах или и это ложь? Почему эти достижения городской промышленности не применили против орды? – голос Романова задрожал от праведного негодования.

Спор, крики. Из отдельных восклицаний и возгласов нельзя понять ни единого слова. Давно древние стены особняка, в котором размещалась администрация, не знали таких страстей. Часть депутатов и галерки громко возмущались, другие молчали или безуспешно старались утихомирить разбушевавшихся коллег. Председатель Собрания вновь призвал депутатов к порядку, но тщетно. Громкие крики и угрозы приверженцев Романова заставили его замолчать.

– Это экспериментальная техника, и ее не успели опробовать и доставить на разрез!

Депутаты и приглашенные продолжали галдеть. Романов обвел окружающих холодным, змеиным взглядом. Сейчас или некогда! Поднял руку, на указательном пальце сверкнул перстень с кроваво-красной точкой рубина, гаркнул резко и властно:

– Тихо!

Все замерли, в наступившей тишине стали хорошо слышны доносящиеся из открытого окна призывы и рев толпы.

Лидер мятежных депутатов злобно посмотрел на мэра. Крикнул запальчиво, выставив обличающе палец и, глотая от волнения буквы:

– Твоими, твоими усилиями разорено множество мелких предпринимателей, горожане уже голодают! Ты понимаешь это? А что творится с дефицитными лекарствами? Их выдают

только нужным тебе людям, а простые горожане, особенно пожилого возраста, гибнут сотнями! Наконец совершенно невозможный случай: двадцать пятого мая твои клеветы убили мирно протестующую гражданку Ригматулину. Ты можешь пояснить, кто и зачем ее убил?

Оглушительная тишина, казалось, слышен бешенный стук сердец. Романов обвел взглядом ошеломленных депутатов.

Соловьев катнул желваками, побагровел, медля с ответом. Выпил стакан воды, пошуршал бумагами. Градоначальника с почти диктаторскими полномочиями публично обвиняют в немыслимых грехах, а он ничего не может сделать в ответ. Немыслимо! Несколько мгновений вглядывался в лицо врага, пытаясь отыскать хоть какие-то следы эмоций, помимо «праведного» гнева, оскалился в ответ:

– Идет следствие, но полиция уже установила, что гвардейцы не стреляли в женщину, выстрел произвели из толпы.

Взгляд Романова на мгновение вильнул в сторону, но тут же уперся в лицо мэра. По губам депутата мелькнула язвительная ухмылка. Бросил зло в лицо Соловьева:

– Такой ответ меня не устраивает! Что, пытаешься отвести ответственность за преступление от своих подчиненных? А может ты сам и приказал совершить убийство, и поэтому покрываешь душегубов? А?

Широко разводя руки, словно хотел обняться с Романовым, но обниматься и не подумал, Соловьев ответил жестко, буравя потемневшим взглядом заклятого врага:

– Ты с ума сошел? Это наглое вранье и попытка замарать власть преступлением, которое она не совершала.

Взгляд Романова вновь вильнул в сторону. Какое-то время в потрясенном страшным обвинением зале царила полная тишина, потом мятежный депутат произнес глухо:

– Ты тиран... Тебе противопоказана абсолютная власть и поэтому я предлагаю отменить Постановление: «О сложившейся экстраординарной и чрезвычайной ситуации в городе». Вместо этого принять решение о реорганизации власти.

Глаза, с наглинкой, Романова блеснули торжеством, править в городе будет он!

– Пожалуйста, Александр Павлович, – Романов кивнул депутату – «крысе».

Проворно вскочив, тот открыл папку на столе перед ним, на свет появились листки с ровными строчками жирных букв. Торопливо пробежал по депутатам, оставляя каждому по листку. Десяток строк, поражали непосвященных, словно громом. Проект, в случае принятия, не только отбирал чрезвычайные полномочия у градоначальника, но и передавал исполнительную власть в руки Собранин, фактически превращая мэра в ничего не решающую марионетку.

«Даже проект заранее заготовили, мрази, – думал Соловьев, – Тихий дворцовый переворот? Неужели не понимают, что на тонущем корабле это приведет к гибели всего экипажа, и инициаторы переворота пострадают в первых рядах?» Руки на трибуне до белизны сжались в кулаки, но, внимательный наблюдатель угадал бы во взгляде не страх – нет, но толику неуверенности, несомненно. «Нет... Это мой город, я не дам его погубить! Этому уроду только бабки важны, на любое г_вно пойдет ради них. В бараний рог урода согну!»

– Голосуем! Кто за? – решительно, не давая опомниться депутатам, воскликнул глава мятежников и первый поднял руку. Обежал взглядом депутатов, двенадцать «за» – недостаточно для принятия решения. Подвел Равиль, он отвернулся и не стал голосовать. Лица мятежных депутатов вытянулись.

Соловьев, хлопнул ладонью по трибуне, все обернулись на звук. Едко хохотнул, замолчал.

– Ай, Моська! Знать она сильна что лает на слона! – Взгляд, немигающий и многообещающий не отрывался от на врага.

«Черт, черт! Романов сжал губы в тонкую линию, лицо сморщилось от досады. Весь спектакль, все усилия по убеждению и немалые деньги, потраченные на подкуп депутатов, оказались напрасными. А потом, вдруг, морщинки на лбу разгладились, глаза сузились, черты лица

растянулись и, он залился в истеричным, с сумасшедшинкой смехом, блеснули ненатурально ровные, белоснежные фарфоровые зубы. Внезапно замолчал.

– Да-а... Страшно смешно. Пойду погляжу, что скажет на это, – ткнул рукой в сторону улицы, – народ, и кто будет смеяться последним!

Романов вскочил с места.

– Попомню тебе! – бросил вместе с ненавидящим взглядом, словно пролаял, в сторону Равиля. Выбежал из помещения, ни на кого не глядя, гулко хлопнула дверь.

– Хуш (пока по-татарски), Федюня... – с откровенной насмешкой бросил вслед, холодно оскаливаясь, Равиль. Он то знал, что вовремя предать, это даже не предать, а предвидеть.

Приверженцы мятежника переглянулись. Отступать некуда. С вытянутыми, угрюмыми лицами, один за другим поднялись, вереницей поплелись на выход. Гремели буйные крики с улицы. Директор электростанции внутренне поаплодировал хорошо отрепетированному спектаклю. «Ну что же, теперь Соловьев будет осторожнее, а то возгордился, ни с кем не считается».

Председатель Собрания Виктор Серебро, неожиданно вскинулся, ручка глухо простучала по столу. Обедя растерянным взглядом оставшихся депутатов, откашлялся:

– Нда... Вот оно как... Заседание провозглашается закрытым.

Первым среагировал Соловьев, подхватил бумаги с трибуны и быстрым шагом выскочил в дверь. Гневно рванул ворот рубахи, вполголоса матерно помянул Романова, в руке блеснул металлическими боками телефон. «С кем вздумали тягаться? Со мной? Порву, уродов!» По экрану торопливо пролетел список абонентов. А... вот тот, что нужен: начальника ФСБ.

– Константин Васильевич, я это! Значит так, делай что хочешь, но копни мне Романова, до самых глубин его подлой душонки, копни. Ты меня понял? Считай это самым приоритетным заданием!

В объявленном оппозицией бессрочном митинге Романов участвовать не стал. Зная дальнейшее развитие событий, зачем нарываться на случайную пулю? Себя, родимого, он любил и берег от ненужных опасностей. Его дело организовать полезных идиотов, а затем прийти на готовый результат и сорвать плоды победы! Подставить других, а самому получить выгоду – давно стало стилем жизни. Как обычно, устроился наблюдать за событиями в спокойном месте в противоположном конце площади, напротив здания администрации, где под густыми ветвями деревьев машина почти незаметна.

Заполненная до отказа людьми центральная площадь старинного уральского города бурлила под палящим южноуральским солнцем необузданными страстями и долго сдерживаемым гневом. Вместе с разоренными мелкими предпринимателями, на площади были родственники тех, кому не досталось жизненно-важных лекарств, городские чудаки, кому до всего есть дело, да мало ли тех, кому городская власть за месяц после Переноса наступила на любимую мозоль? Теплый, порывистый ветер нес горький запах перегретой степной пыли, людского пота и чего-то горького. Колыхал самодельные плакаты с самыми разными призывами к городской власти: от безоговорочных требований уйти в отставку до справедливого распределения дефицитных лекарств и помощи малому предпринимательству и тогда казалось, что плакаты, словно белые барашки волн гневного океана, несутся над входившей в азарт разношерстной толпой, с размаху бьются о грузовик посредине площади, словно о волнорез.

Таня подвигала плечами, ввинчиваясь в плотной толпу поближе к середине. Душно и тесно, но она готова терпеть. Ларек она закрыла, в нем и торговать то почти нечем. Если сравнить с ассортиментом до Переноса, то на глаза наворачивались слезы: несколько видов газированной воды, чипсы, печенье и конфеты, копчености рыбные и мясные – все доморощенной выделки. А оптовые склады давно закрыты постановлением градоначальника. Нет, Танюша, конечно, понимала, что город оказался в крайне сложном положении с продуктами питания, но черт возьми, почему никто не входит в ее положение? Если раньше ларек давал пропитание ее семье и двум, торговавшим посменно девушкам, то сейчас ей одной не хватало. Почему

власть не обращает внимание на мелкий бизнес? Им что ложись и помирай? Вот и пришлось ради пропитания устроиться кладовщицей на муниципальных складах, а мужу водителем на «маршрутку» Он и сейчас работал в смену.

В кузове грузовика, посередине площади, стоял с мегафоном в руке один из покинувших Собрание оппозиционных депутатов:

– Город в опасности, Соловьев предал его! – кричал визгливо.

– Уууу, – толпа поддержала оратора дружным и невнятным гулом, недолго гулявшим эхом среди окружающих площадь старинных, помнящих еще купцов первой гильдии и статских советников, домов. Стая голубей сорвалась с крыш, закружила над людским морем в глупом, сатиновом небе.

– Зажравшаяся клика Соловьева!

– Аааа, – отзывалось эхо, словно поддерживая оратора.

– Продался казахам! – толпа вновь дружно взревела.

Федор Владиславович прикусил губу и досадливо поморщился. «Что же пошло не так? Выступал хорошо, убедительно, но все равно не хватило голоса, чтобы отобрать у Витьки власть! Равиль сволочь...» Жаль, что нельзя подписать под переворот военных или ментов, не пришлось бы ломать комедию с народными протестами. Отношения с военными не сложились, с полицейскими отношения тоже не ахти. Романова они на дух не переносили, но считались с ним как с одним из крупнейших предпринимателей города. А тут еще эти, на митинге, рассусоливают. «Достали, сколько можно разогревать толпу? Ладно... как говориться терпи, казак, атаманам будешь. И он будет атаманом, несмотря ни на что!» Раз положился на вольных и невольных помощников и, открыто не вмешивается в происходящее, придется ждать.

Тонкая линия защитников администрации – национальных гвардейцев, сиротливо жалась к стенам администрации. Стоило кому-нибудь из демонстрантов приблизиться к незримой границе – паре метров до оцепления, следовал требовательный рык гвардейца – отойти. Пока их слушались, но, наверное, охрана молила всех святых, чтобы возбужденная толпа не пошла на штурм. Остановить гвардейцы могли, только стреляя на поражение. Причем не факт, что это сдержало бы толпу, а не раззадорило. Переделанного охотничьего оружия на руках у населения несколько тысяч стволов и, хотя в толпе его никто не держал открыто, но и поручиться, что демонстранты безоружны, никто не мог. Толпа – это большой ребенок. Толпа – зверь страшный, злой и глупый и, если найдется тот, кто умеет ею манипулировать, она способна на многое. Она усредняет людей, растворяет в себе личность так же, как вода растворяет соль и, тихие домохозяйки превращаются в хамоватых уличных торговков, а интеллигенты тупеют и дичают. Психологи давно установили: хватит двадцати пяти процентов тех, кто дошел до критической точки, и тогда у всей толпы срывает башню, тогда-то и происходят общественные катаклизмы, вплоть до революций. Понимали это и сотрудники администрации, в окнах второго и третьего этажа мелькали бледные, словно маски Арлекина, лица мужчин и женщин.

На обоих выходах замерли патрульные полицейские машины; гаишники с полосатыми жезлами в руках никого не впускали и разворачивали назад автомобили. Многозначительно застыли здоровенные Икарусы, из окон изредка выглядывали полицейские. Дальше две пожарные автоцистерны, за ними белел кузов машины скорой помощи. Перед автомобилями спецслужб неторопливо прохаживались, изредка поглядывая в сторону митинга и, о чем-то разговаривая, полицейские чины. Похоже, что силовики решили не вмешиваться.

Очередной оратор закончил пламенную речь, неловко спрыгнул на асфальт и растворился в толпе. Паузой воспользовались защитники администрации. Усиленный громкоговорителем голос уведомил о том, что митинг незаконен, и потребовал разойтись, возбужденная толпа привычно ответила презрительным.

В кузов забрался новый оратор: вечный бузотер Иван Алексеевич, поднял громкоговоритель. Узнать его могли только близкие люди. Он отрастил клочковатую бородачку с изряд-

ной проседью, переоделся в приличный костюм и, похоже, не с похмелья. Новый облик, как он считал, делал похожим на трибуна будущей революции. Записной скандалист, мечтал о власти и больших деньгах и ждал только удобного повода вывести недовольных на улицы, а если за это еще заплатят, то он готов на все!

«Наконец-то!» – подумал Романов, глаза прищурились. Долго телился! С такими, как Иван Алексеевич, он любил иметь дело – они прекрасно подходили на роль баранов во главе стада, которые поведут его хоть куда. На бойню? Значит на бойню! Федор Владиславович, нащупал в бардачке пачку сигарет, закурил и открыл дверь, тонкая, серая струйка дыма, тая, потянулась в небо.

Оратор, воинственно встопорщив черно-пегую бороденку, сходу обвинил власть и градоначальника. Ветер переменял направление, и то, что он выкрикивал толпе невнятным, словно во рту каша, голосом, стало хорошо слышно.

– Горожане! Город в опасности! – оратор настойчиво вдалбливал в головы митингующих, – Соловьев жулик и вор, он грабит всех нас! Этна, хотим мы погибнуть?

Он так громко и заразительно кричал, что, казалось, по всему миру раздавались дьявольские слова.

– Нет! – вспыхнуло, заштормило людское море.

– Этна, после Переноса его никто не выбирал, поэтому он права не имеет руководить! Мы, народ, должны выгнать его!! Верно я говорю? Правильно?

– Правильно!

– Выгнать! Осточертел!

– Из-за него люди гибнут!

– Верно!

Толпа под руководством оратора громко и дружно заскандировала, заводясь все больше и больше:

– Соловей-разбойник – уходи!

– Уходи, уходи, уходи! – тревожно отозвалось эхо, новые стаи голубей закружили над бушующим людским морем.

Глядя на площадь, где десятки «соратников» воплощали в жизнь его замыслы, Федор Владиславович сильнее ощущал собственное одиночество. Хотя какие они «соратники», так, пушечное мясо. Использовал по пути к власти и выбросил, как резиновое изделие номер два!

Дверь администрации распахнулась, на оцепленный гвардейцами тротуар вышел глава города, как обычно уверенный в себе, в повседневной темно-серой «двойке» и с мегафоном в руке. Позади на голову возвышался шкафообразный телохранитель.

– Жители города, – перекрывая грозный шум толпы, раздался хорошо поставленный, уверенный голос Соловьева, толпа постепенно замерла.

Первым опомнился оратор в кузове автомобиля.

– Этна, бей тирана! – истошный крик пролетел над площадью.

Толпа взорвалась, словно тротил от искры детонатора, единодушным воплем. Частым градом посыпались в мэра и национальных гвардейцев предусмотрительно прихваченные тухлые яйца, камни, все что попадалось под руку.

Телохранитель выскочил вперед, но недостаточно проворно. Что-то желто-склизкое мелькнуло перед лицом мэра, расплылось на пиджаке и поплыло гнилостно-серными струйками по штанам. Телохранитель попятился, прикрывая рукой лицо и, тесня Соловьева к двери, из-за накаченного плеча мелькнуло безгранично растерянное лицо градоначальника. Едва захлопнулась массивная дверь, с глухим стуком забарабанил в нее град увесистых камней.

Толпа озверела, как вкусивший первую кровь маньяк. Да полно, те ли это мирные люди, которые собирались здесь утром? В них не осталось ничего человеческого. Лица перекошены, зубы по-волчьи оскалены, а в руках оружие от ножей до охотничьих ружей. Сейчас будут уби-

вать. Штормовой волной толпа ринулась на тонкую цепочку оцепления и в единый миг разбросала кровавыми брызгами оцепление, топча не удержавшихся на ногах неудачников.

Дверь то ли не закрыли, то ли штурмующие сумели с ходу ее выбить, но спустя десяток секунд толпа ворвалась внутрь здания. Часто забухали приглушенные толстыми стенами звуки выстрелов. Где-то на краю обезумевшей толпы изо всех сил работала локтями, но не в силах сдвинуться и на сантиметр, отчаянно орала маленькая женщина по имени Таня. За страшные секунды, когда толпа превратилась в монстра, она успела миллион раз проклясть себя за то, что пришла на митинг.

Романов засиял торжествующей и высокомерной улыбкой, кулак с размаху ударил об раскрытую ладонь. «Все получилось! Пипец тебе, Соловьев», – подумал, прищуренными глазами наблюдая за бушующим людским морем.

– Внимание! Ваша демонстрация незаконна, – от входа на площадь, где стояли силовики, раздался усиленный мегафоном густой, «булгаковский» бас, – немедленно разойдитесь и прекратите нарушать общественный порядок! В противном случае мы будем вынуждены применить силу. Повторяю, немедленно разойдитесь!

Из открытых дверей автобусов выпрыгивали на асфальт полицейские: в черных шлемах, с блестящими на солнце металлическими щитами и резиновыми дубинками в руках они выглядели грозно и страшно. Пробежали мимо полицейского чина с мегафоном и выстраивались в длинную шеренгу от одного края площади до другого. За ними – линия солдат-контрактников с автоматами наизготовку. Обе пожарные машины подъехали к ближе, из люков на кабине вынырнули бойцы в боевой одежде, короткие лафетные стволы в руках угрожающе зашевелились, разгоряченной толпе обещая холодный душ.

Ноги похолодели, по спине потекла липкая струйка. «Суки! Суки! Все-таки выступили за Соловьева! Ненавижу! Приду к власти, убью!» – Романова затрясло. До боли сцепил зубы. Миг тому назад торжествовал победу, а вот уже в полной заднице. Перед мысленным взором замаячила противная татарская морда Равиля с ехидной улыбкой, тот словно спрашивал: ну что, добыл власть, неудачник? На секунду мысли в голове исчезли, как будто там осталась только вата. Ничего не осталось, кроме злости – холодной, рассудочной, звериной.

Толпа по-разному прореагировала на действия силовиков. Большая часть буйных исчезла в здании. Оставшиеся на площади, более вменяемые, затихли, некоторые уже поспешно пробрались к выходу, желающих связываться с силовиками оказалось мало.

– Этна, долой, – дал петуха оратор с кузова машины, – мэра в отставку!

– Долой, – вяло отозвалась толпа, но далеко не так дружно, как минутами раньше.

Несколько камней по большой дуге полетели в направлении тонкой шеренги полицейских. Большинство, не долетев пары метров, врезались в асфальт, покатались к шеренге, парочка с металлическим грохотом ударила в подставленные щиты. Это стало последней каплей.

Полицейские синхронно ударили дубинками по металлическим щитам, одновременно шагнули на отшатнувшихся в испуге людей. Над толпой взлетели панические крики.

Первые каменно-крепкие струи брандспойтов вонзились в плотную массу людей, растворяя и размывая толпу, как горячая вода размывает кусок сахара. Сбивали с ног крепких мужчин, тащили по мокрому асфальту словно по льду. Крики, полные паники, окрепли, слились в животный, полный боли вопль. Им вторили вороны крики, целой стаей, черные как Преисподняя, вестники смерти кружились над площадью. Геометрически ровный строй стальных щитов приблизился к мятежникам. И начался кровопролитный бой, достойный кисти великого баталиста Верещагина – «Апофеоз войны».

Полицейские дубинки, палки и арматурины мятежников с сочным звуком врезались в мясо, в плечи, в головы плечи – по чему попало. Ожесточение достигло максимума, избивали

не разбирая мужчина это или женщина, или старик, пока окровавленный человек не падал или не убегал.

Битые стекла бутылок на асфальте, окровавленные лица. Выхаркиваемые на асфальт осколки зубов.

Давка, разъяренный мат, истеричные бабьи крики, перемежались запоздалыми криками в мегафон: «Разойдись! Приказываю разойтись»

Мужчина с багровым лицом с утробным криком, какой испускают мясники при рубке туши, вздымает железную палку и бьет полицейского по голове, дубина отскакивает от подставленного щита.

С размаху получает «демократизатором» по плечу, с хрипом рушится под ноги неумолимо шагающим полицейским.

Девушка с бланшем под глазом с безумным криком прыгает на полицейского, пальцы сведены судорогой, вопьется в глаза, вырвет. Полицейский бросил щит навстречу, девушка летит назад, сбивает с ног женщину, пропадает в толпе.

Кирпич разлетается мелкими осколками, врезавшись в закрытое забрало шлема. Словно подрубленный, боец рушится, стена щитов смыкается над провалом, шеренга неумолимо продвигается вперед.

Оратор в кузове машины не стал ожидать чем закончиться бой и незаметно исчез среди убегающих.

– Господи, господи, спаси и сохрани! – Танюша шептала побелевшими губами молитву. Сама она каким-то чудом пробралась сквозь толпу к закрытым воротам частного дома и прижалась к ним спиной. Девушка становилась все бледнее и бледнее; лицо, в обрамлении коротких русых волос, казалось чуть ли не зеленым.

Организация закономерно побеждала хаос. Большая часть демонстрантов с паническими криками бежала на второй выход, полицейские им не препятствовали, или кинулись в переулки между окружавших площадь домов. Только малая часть слишком злых или глупых сопротивлялась.

В здании администрации затихли звуки стрельбы. С тем или иным результатом, но бой там, в отличие от площади, закончился.

Романов кусал тонкие, побелевшие губы и не отрывал взгляда от картины никогда не виданного в городе события – разгона демонстрации. Слишком нежные и неспособные держать удар среди бизнесменов вымерли еще в девяностые. Руки нащупали сигаретную пачку, спичка чиркнула по коробке – сломалась, со второй закурил и начал привычно прикидывать, как перевернуть ситуацию в собственную пользу.

Между тем шеренга полицейских, за ней неторопливо ехали пожарные машины и шли вооруженные солдаты – контрактники, почти приблизилась к противоположному краю площади. Еще немного, и все закончится. Огонек недокуренной сигареты метеором вылетел из салона автомобиля на асфальт. Романов торопливо вытащил телефон, найдя знакомый номер, нажал кнопку и поднял мобилу к уху.

– Это я, узнал? – спросил невидимого абонента. – Как он?

Последовала пауза, потом Романов изумленно охнул.

– Как жив?! – произнес растерянно.

Спустя несколько мгновений прохрипел в телефон:

– До связи, – и положил трубку. В углу рта появилась злая складочка.

С размаху ударил кулаком в раскрытую ладонь:

– Черт! Он выжил, выжил! – вновь и вновь восклицал задыхаясь от ненависти, глаза в полутьме автомобиля горели напряженным красным огнем. На покрытой лужами площади, под палящим солнцем слабо шевелились окровавленные демонстранты, на асфальте – обрывки одежды, осколки стекла, камни, а посреди площади памятником стоял одинокий грузовик. Из

здания администрации национальные гвардейцы выволакивали первых арестованных мятежников, а шеренга полицейских одновременно повернула назад. «Пора сматываться, но еще не вечер! Не получилось так, получится по-другому! Но дома лучше не появляться, а то загребут».

У успешного переворота много родителей, у провалившегося – ни одного родственника...

Почти беззвучно автомобиль завелся и сдал задом, выезжая на улицу Приречную.

Глава 8

Это же время, но несколькими сотнями километров северо-восточнее, в родовой резиденции Строгановых в Орел – городке.

Старший приказчик Пахомов, запалено дыша, пронесся по безлюдным, сумрачным переходам. Торопливо поднялся по скрипучей, неистребимо пропахшей мышами, деревянной лестнице на второй этаж. У низенькой дверцы остановился, переводя дух, хозяйский зов застал далеко от резиденции Строгановых, на пристани, так что пришлось бежать. Ждать старший хозяин не любил и, едва отдышавшись, Пахомов осторожно постучался. Дверь открыл сам Григорий Дмитриевич. Пристально, без улыбки оглядев внимательным хозяйским взглядом широкую, кряжистую фигуру доверенного слуги, кивнул – заходи. Вид у Строганова болезненный и неприветливый: нос заострился, седая борода лопатой, глаза маленькие, но живые и пронизательные. В лице нечто напоминающее одновременно и лису, и волка. Приказчик усердно поклонился, сверкнув обширной лысиной, обрамленной вокруг остатками волос. Строганов посторонился.

Гость зашел в натопленную спальню с одним, едва пропускавшим туманный свет, окошком. Расстеленная пышная кровать. По углам лавки и крепкие сундуки, покрытые шелком и бархатом. Любую такую покрывку – на зипун или на ферязь, лучше и не надо материи! В красном углу перед иконами мерцали лампы. Неземные лики святых, сложив пальцы символом истинной веры – двуперстием, кротко и укоризненно смотрят в полутьму спальни, на живых.

Приказчик остановился посреди спальни, быстро и мелко перекрестился на красный угол.

– Звал, батюшка? – спросил, с затаенной тревогой зыркая на Григория Дмитриевича. К себе старший Строганов вызывал редко. Если вместо традиционного московского послеобеденного сна позвал к себе, это означало, что предстоит важный разговор по делам тайным, не терпящим чужих ушей.

– Звал, звал, – проворчал хозяин и опустился на покрытую ковром скамью вдоль стены, – Ох, грехи мои тяжкие, – охнул и замассировал занывшие колени и тут же обмахнул себя крестом, бросив опасливый взгляд на древние, почерневшие иконы. Дорогой немецкий дохтур, который ежедневно пользовал старшего Строганова, мало помогал в лечении болезни ноющих суставов.

Пользовать - книжн., устар. лечить

– Что, опять колени ноют, батюшка? А как же немец – дохтур? Что, не помогает?

Строганов криво ухмыльнулся и с досадой махнул рукой:

– Да что там тот немец, от старости лечить кто сумеет? То только господь наш Вседержатель может, – опять привычно и мелко перекрестился, – а смертным сие сделать, – Строганов поднял палец к потолку и продолжил наставительно, – невозможно!

– Истинно, истинно, – старший приказчик закивал, как китайский болванчик.

– Ладно, колени мои потом обсуждать будем, – взгляд хозяина стал настороженным и строгим, – что с подготовкой торгового каравана к гостям незваным, на летучем корабле прилетевшим?

– Так все готово, батюшка, – приказчик развел руками, – ладьи товаром добрым нагружены, людишки собраны, завтра, как ты велел, отправимся.

– То хорошо, – Григорий Дмитриевич протянул, – будет тебе урок. Приплывете на торг в город пришельцев, примечай там все. Чем вооружены стрельцы их? Довольно ли припасов

в войсках? Не терпят ли какой нужды? Велико ли войско, и много ли у них летучих кораблей и скорострельных пищалей? Я все должен знать.

Урок – Устар. работа, заданная на определенный срок.

Приказчик непроизвольно моргнул и потерял куцую бороденку:

– Не изволь беспокоиться, Григорий Дмитриевич, все вызнаю.

Строганов посмотрел на слугу тяжелым взглядом. Тот не раз выполнял для хозяина «деликатные» задания, но лишний раз построжить подчиненного по мнению Григория Дмитриевича, будет ему только на пользу. Город изрядно заинтересовал Строганова. Все было: и собственные крепости, и наемное войско, не раз приходившее при нужде на помощь царским воеводам, вот только власть купцов ограничивалась Камой-рекой и уральскими владениями. А чем Строгановы хуже царей – никониан, предавших древнее благочестие? Чем хуже Строгановы, ведущие происхождение от татарских ханов, выскочек Романовых, родом из Пруссии? Вот и надо поглядеть, что там у пришельцев, может, хватит золота – серебра подкупить лучших людей города крикнуть в правители Строгановых, а если не получится добром, то и дружины изрядные найдутся, уговорить непонятливых. Будет город в подчинении, тогда посмотрим, кто царствовать в стольной Москве станет.

Согласно родовому преданию, предки Романовых выехали на Русь «из Пруссии» в начале XIV века.

– Не балаболь! Все примечай, есть ли в городе недовольные, что хотят? Так ли много искусных мастеров, как хвастаются, и как относятся к истинной вере? Много ли никониан? Согласно ли принять к себе и защитить от гонений приверженцев истинной веры?

– Все исполню в наилучшем виде, не извольте беспокоиться! – приказчик поклонился.

– Иди, – Строганов слабым движением руки отправил подчиненного прочь, мечтательная улыбка промелькнула по губам. Если явил Господь чудо, перенесся город из другого мира в наш, то, может, оно и к добру. Поможет воцарению на русском престоле государей истинной древней веры!

Мятеж стал шоком. Ранения получили шестеро сотрудников национальной гвардии, погибло трое мятежников, семьдесят восемь гражданских и десятков полицейских обратились за медицинской помощью.

Город затих, притаился, словно пойманная мышь под веником. Редкий прохожий рисковал выскочить из дома и то, по большой необходимости. До глубокой ночи с пронзительным, душераздирающим воем патрульные автомобили полиции носились по пустынным улицам. Полиция и ФСБ в поисках главарей мятежников частым гребнем просеивали город. После неудачного для Романова заседания Собрания депутатов, татарин Равиль вовремя сориентировался и, по старой дружбе, беспрепятственно прошел в кабинет градоначальника. Там, под гарантии личной неприкосновенности, рассказал о заговоре и надиктовал список подельников. К вечеру в руки полиции попали все заговорщики за исключением главного: Романова. Полицейские обнаружили его брошенный автомобиль с незакрытыми дверями, на окраинной улице у реки. Пущенная по следам собака вначале довела до пляжа, где растерянно заметалась – потеряла след.

Раздавленных арестом заговорщиков в наручниках привезли в прокуратуру где предъявили обвинение по тяжкой статье 279 Уголовного кодекса – вооруженный мятеж, за что грозил длительный срок. Потом автозак отвез их в городское СИЗО.

К вечеру центральная площадь, спешно очищенная от мусора работниками ЖКХ, сверкала словно новенькая. Подсыхали лужи – следы работы пожарных машин; блестели в закатных лучах свежевставленные стеклами в здании администрации и только смешанный караул вооруженных автоматами гвардейцев и полицейских у входа в администрацию, безмолвно напоминали о трагедии. Гораздо позже обычного, в двенадцать ночи, распахнулись ворота внутреннего двора администрации. Машина градоначальника в сопровождении патрульного автомобиля полиции помчала мимо безмолвных и притихших домов домой.

Автомобиль Романов бросил по дороге, а пока крался по притихшим улицам в зарегистрированный на другого человека гараж, неотличимый от пары сотен других кооперативных гаражей, его не видел никто из знакомых. Даже ближайшие друзья не знали об этом месте. Хотя какие у него друзья? Люди его круга, временные союзники, не более. Как он мог им доверять настолько, чтобы ставить под угрозу собственную безопасность? Тем более сейчас! У успешного переворота много родителей, у провалившегося – ни единого родственника.

Отчетливо лязгнул засов, закрывая массивную металлическую дверь, бывший бизнесмен, бывший заговорщик и претендент на высшую власть в городе облегченно выпустил воздух меж крепко стиснутых зубов. Ну вот, в относительной безопасности.

Последний раз он приходил в гараж месяц тому назад. Внутри сумрачно и тихо, тусклый вечерний свет сочился сквозь щели между воротами и стеной, рисуя на полу тревожные, резкие тени. Издали доносился грохот плохо отрегулированного мотора – кто-то, не обращая внимания на судьбоносные события в городе, возился с машиной. Щелкнул выключатель у входа, над головой моргнула и зажглась слабенькая лампочка. Закружила в мутном электрическом свете пыль. В воздухе крепкий, настоянный запах пыли и бензина, посередине, на яме – древний, обшарпанный, но вполне работоспособный жигуленок, вдоль стен из красного, словно кровь кирпича, полки с барахлом, из которого только малая часть автомобильные запчасти. У стены за автомобилем притаился обшарпанный диван. Мужчина сбросил с дивана потертое покрывало, прихваченная из машины сумка опустилась на пол. Затем лег на диван. Почему? Почему? Ведь все так хорошо продумал! Ну ничего. Не повезло сейчас, значит, фарт придет позже! Он же везунчик по жизни! Когда в 95-м он, сам об этом не подозревая, влез в интересы екатеринбургских воров, пуля могла пройти несколькими сантиметрами ниже и все закончилось бы фатально. Тогда не только выжил, но и сумел с прибылью для себя урегулировать трения с братвой. Вывернется и сейчас, не впервой выкручиваться из сложных положений. Романов задумчиво почесал нос, из кармана появился телефон, который он недавно купил с рук, и этого номера не знал никто. Стало быть, и спецслужбы не могли запеленговать телефон. Пальцы привычно пробежали по клавишам.

– Узнал? В курсе того, что произошло на площади?

Собеседник с минуту о чем-то рассказывал Романову, от чего тот гневно хмурился и нервно чесал переносицу.

– Что весь город знает? – наконец деланно удивился Романов, поджимая тонкие губы. Сделав паузу, поинтересовался. – Ладно, наш договор в силе?

Выслушав ответ собеседника, прошипел:

– Двойная оплата? А не слишком большой кусок ты хочешь проглотить?

Собеседник еще что-то сказал. Глаза Романова полыхнули сдержанным гневом, побледили и сжались в тонкую линию. Несколько секунд слушал, затем неохотно процедил:

– Согласен, все как договорились, встречаемся там же?

– Хорошо, я буду, в четыре тридцать утра, – Романов нажал кнопку выключения и процедил, с ненавистью глядя на алые кирпичи стены, – Жизнь висит на нитке, а думает о прибытке... Урод.

С хмурым видом посидел на диване, покурив, потом рывком поднялся. Прошел в дальний угол гаража, по дороге подобрал лопату и осторожно спрыгнул в смотровую яму под маши-

ной. Неожиданно из-за ворот раздался приглушенный шум приближающегося автомобиля. Машина, мерно тарахтя двигателем, остановилась напротив гаража, где прятался Романов. Беглец замер, напряженно прислушиваясь к происходящему на улице. «Неужели за мной? Откуда они узнали про гараж?» Страх накрыл с головой, по спине потекла холодная струйка пота. Рука торопливо скользнула к заднему карману штанов, в тусклом свете укрепленного под потолком фонаря сверкнул вороненый ствол пистолета.

– Да ты что! Это не наш гараж! – произнес чей-то хриплый мужской голос. – Поехали!

Из-за ворот донесся шум отъезжающего автомобиля. Дождавшись, когда звук машины исчез вдалеке, Романов облегченно выдохнул и спрятал пистолет.

– Уроды, – тихо, но с чувством прошептал, замелькала лопата, выброшенная наружу земля летела на пол гаража. Не прошло и пары минут, и лопата звякнула о стекло. На краю ямы трехлитровая трехлитровая, туго набитая стеклянная банка, тускло блеснула желтым. Беглец выпрыгнул наружу, оглянулся. С полки взял пахнущую бензином тряпку, обтер банку от земли и поставил на диван. Сквозь стекло просвечивали пачки пятитысячных вперемежку с бежево-зелеными стопками с портретами мертвых президентов США, разноцветными пачками евро, а между ними желтели золотые кольца, сережки и немалой толщины цепочки.

На свет появилось несколько толстых пачек рублей, перевязанных резинкой и горсть золотых изделий, чем порядком опорожнил банку. Тщательно пересчитал деньги. На ближайшую перспективу российские деньги продолжали обращаться в городе, правда, дефицитные товары без карточек не продавали, зато на черном рынке за рубли возможно достать хоть черта! Со вздохом положил деньги в сумку и уложил ее под диван, а банку положил в угол гаража, небрежно прикрыв тряпьем. «Интересно, а что с другими?» Плюхнулся на диван и наугад набрал несколько номеров заговорщиков, но трубка доносила только длинные гудки. Он уже хотел бросить это бесполезное дело, когда раздался незнакомый басистый голос:

– Але! Я слушаю!

Романов вздрогнул, телефон упал на диван, словно перед ним не мобильник, а ядовитая змея.

– Кто это говорит? – слышалось едва слышно.

Торопливо нажал на кнопку выключения и выругался вполголоса. Так, понятно, владелец телефона в полиции и трубку поднял следователь. Но, это не мои проблемы, горе неудачникам! Главное, я сам на свободе и у меня остался шанс схватить удачу за хвост. Если бы Соловьев знал, что я нахожусь так близко, наверное, с досады лопнул, – с ехидством думал Романов. Гаражный кооператив, в котором прятался беглец, находился всего в пяти минутах неспешной ходьбы от коттеджа градоначальника. Вытащил из дивана подушку с пледом. Сегодняшняя ночь будет трудной, нужно отдохнуть. Настроил будильник на телефоне, прилег, не раздеваясь. Через несколько минут негромко похрапывал в беспокойном сне.

«Трын-тын-тын. Трын-тын-тын» – словно бешенный зверек забился в кармане. Романов с трудом разлепил глаза. Темнота... Лунный свет проникал сквозь щели, рисуя на стенах тревожные тени. Где я? Ах да. Он вытащил из кармана мобильный телефон. На экране четыре часа десять минут утра, пора вставать. Включать свет не стал – опасно. Отсветы могут увидеть снаружи, а там и до любопытства полицейских недалеко. Подсвечивая фонариком мобильного телефона, торопливо собрался, проверил пистолет и, повесил на плечо сумку с деньгами.

Спустя несколько минут Романов, поеживаясь от ночной прохлады, шел по пустынным и тихим улицам города по направлению к коттеджу мэра. Ночь была темна и полна страхов. Узкий луч фонаря мобильного высвечивал маленький круг мокрого после ночного дождя асфальта. За высокими бетонными и кирпичными заборами проплывали тонувшие в листе окружавших их садов едва угадываемые в ночной тьме крыши зданий.

Он подходил к Соловьевке, когда в ночной тиши слышался звук приближающегося автомобиля. Это могла быть только полиция. Затаился на обочине, слава богу, не заметили.

Небо постепенно светлело, обещая скорый восход солнца. Крепко пахло перегретой пылью, и полынью, которой уродилось в этот год неисчислимо.

Полицейская машина с мигающими синими проблескивающими огнями на крыше, как и договаривались, стояла на обочине дороги, пересекающей пустырь между городскими пятиэтажками и коттеджным поселком. В кабине – силуэт человека, время от времени тот беспокойно оглядывался по сторонам. Романов остановился у последней пятиэтажки, снял пистолет с предохранителя и несколько минут понаблюдал за окрестностями. «Береженого бог бережет, а не береженого конвой стережет», – думал, невесело, хохотнув про себя. Вроде все тихо, вокруг никого. Как обычно, Александр углядел заранее и испортил Романову весь эффект внезапного появления. До машины оставался добрый десяток метров, когда хлопнула дверца автомобиля, а водитель в полицейской форме неторопливо вышел на улицу. Рука лежала на кобуре, В лицо ударил свет фонарика, заставив прикрыться ладонью.

– Ты с ума сошел светить фонарем? – прошипел Романов. Обычное спокойствие покинуло его.

Впавшие щеки предводителя мятежа в черно-седой щетине, из-под бровей тускло, как осколки антрацита, мерцали покрасневшие глаза. Две неудавшиеся попытки переворота дорого ему стоили.

– Не бойсь, Романов, мне полицейскому, можно. Принес? – иронично сказал человек в форме и потушил фонарик.

– Да! Вот, – отвечая на вопросительный взгляд, Романов встряхнул сумкой, звякнуло металлом. Нервная улыбка проскользнула по сухим губам.

– Хвост не привел? – полицейский сторожко зыркнул по сторонам. Во всем его облике: в сверкании глубоко запавших глаз, едва заметных под неандертальски толстых надбровных дуг, в мощной челюсти, в движениях, резких, угрожающих, чудилось нечто волчье, первобытное. Словно в любой момент он готов впиться в горло.

– Да какой там хвост, меня сразу бы арестовали, а не бегали за мной, – Романов невесело усмехнулся.

– И то правда, – собеседник требовательно протянул руку.

Романов передал сумку, полицейский на секунду распахнул ее, фонарик, осветил пачки с деньгами и россыпь золотых изделий. Небрежно закрыв сумку, мужчина забросил ее на сиденье рядом с водительским местом.

– Покажи ты! – потребовал Романов.

– У меня все точно, как в аптеке! – оскалил в смешке крупные, хищные зубы полицейский и, обойдя автомобиль, открыл багажник. На дне лежал зеленый тубус гранатомет РПГ – 7, – Поедешь со мной?

– Здесь тебя подожду, – Романов отрицательно покачал головой, потом высокомерно ухмыльнулся, – Осторожного коня и зверь не берет.

«Еще не хватало рисковать жизнью! Я зачем тебе такие деньги плачу?!»

– Как знаешь, – полицейский пренебрежительно хохотнул, захлопнув багажник, сел за водительское место, довольно заурчал двигатель. Вспыхнули фары, осветив участок грязного асфальта, машина въехала на улицу Садовую, повернула за поворот и исчезла из виду.

Романов оглянулся: в полусотне метров возвышалась безмолвная и темная громада ближайшей к Соловьевке пятиэтажки. Общие балконы ее выходили на коттеджный поселок. Самое безопасное место, заодно видимость, словно в театре. Дверь дома была без кодового замка. Спустя пару минут тяжело дышащий мятежник с балкона пятого этажа горящими от нетерпения глазами всматривался в предрассветные сумерки. Вид на поселок открывался замечательный. Солнце еще не появилось, но облачное небо на горизонте закраснело и достаточно рассвело. На фоне разноцветных домов и серо-зеленой земли проступили стволы деревьев.

Крыша мэрского коттеджа была ближе к реке, найдя ее взглядом, прислонился к стене и закурил. От невидимой реки тянуло сыростью и тиной, поежился и поплотнее запахнул тонкую ветровку.

Был ли Романов злодеем? Не более, чем десятки тысяч мелких российских хозяйчиков, воспитанных волчьими временами девяностых годов, катком проехавших по судьбам и жизням миллионов людей бывшего Союза, когда или ты сожрешь конкурента, или, без вариантов, тебя. Когда главное – обогащайтесь, и не важно, каким образом ты «заработаешь» первый миллион зеленых, и что будет стоить твое богатство окружающим. Романов никогда не стал бы бесребреником или матерью Терезой, не тот характер, не тот жизненный опыт, но, если бы не события девяносто первого года, убийцей Романов точно бы не стал. А тут подвернулся случай сорвать крупнейший банк в жизни, он не мог устоять против такого искушения.

Докурил, алый светлячок непотушенной сигареты полетел вниз в предрассветную полутьму, раздуваясь по пути. Пропал. Первый луч солнца прорвался к земле, и будто обрызгал кровью крыши домов коттеджного поселка, выхватил из тьмы свинцовую нить реки, окаймленную блекло-зеленой щетиной рошиц, чуть дальше. От волнения руки одинокого человека на балконе сжались в кулаки. Время тянулось в томительном ожидании. «Не кинул ли наемник? Вряд ли». Рекомендации тот имел железобетонные и такой же авторитет в узких кругах. Хотя Романов впервые в жизни прибег к помощи наемного убийцы, но сведшему с ним человеку верил настолько, насколько это вообще позволяла его натура. Оставалось только ждать. И тут:

«Бам!» – вместе с ослепительно-красным всполохом, разорвал в клочки хрупкую рассветную тишину звук взрыва, гулким эхом загулял между коттеджами. Тревожно взвыли поставленные на сигналку машины.

Началось! – на шее змеями вздулись жилы.

Спустя пару секунд захлебнулся в выстрелах автомат:

«Так-так-так-так-так!»

В ответ часто захлопали одиночные выстрелы из пистолета.

Сердце в груди бывшего офицера, бывшего бизнесмена, а ныне мятежника и убийцы, на миг остановилось. «Что там происходит? Один выстрел из гранатомета и наемник должен скрывается! Откуда автоматчики? Это что, засада? Черт!»

Вцепился в ограждение балкона и, изо всех сил вглядываясь в рассветную муть, яростно прошептал:

– Лишь бы попал, он не мог не попасть!

«Так-так-так-так-так!» – яростно залился второй автоматический ствол, в унисон ему зарычал двигатель машины, несколько секунд и умолк, замолчали и автоматы.

Наступила относительная тишина. Хлопая крыльями и пронзительно крича, словно радуясь очередной человеческой бойне, закружилась над поселком злобная воронья стая. Вдали – приближающийся звук сирены. Сейчас здесь будет полицейских словно мух! Романов кинулся по лестнице вниз. Одна только мысль не давала ему покоя, что с Витькой? Убили или нет? Только бы получилось! Судьба наемника его не интересовала.

Покушение завершилось частичным успехом. Соловьеву вновь повезло. В предыдущий вечер повздорил с супругой и ночевал в зале, а не в спальне. Взрыв залетевшей в окно гранаты убил жену Соловьева, сам он отделался испугом. Убийца позаботился предварительно снять из бесшумного оружия дежурного национального гвардейца. А вот то, что из-за произошедшего накануне путча градоначальника будут охранять еще двое полицейских, не знал. Внезапно выскочив из дома, они изрешетили автоматами машину, на которой убежал наемник Романова. Он погиб на месте. В поисках заказчика покушения полиция встала на уши и к вечеру обнаружила гараж, где скрывался Романов, но, он был пуст. Сколько ни прочесывали город и пригороды полицейские, главу мятежников так и не нашли. Прошла пара дней, и руководитель ФСБ доложил взорвавшемуся от этой новости Соловьеву, что начальник первой пограничной

заставы за взятку пропустил незарегистрированный Узик за пределы охраняемой территории. Посланные на перехват пограничники тревожной группы нашли в ста километрах от города сломавшийся автомобиль, а Романов растворился в бескрайней уральской тайге.

После неудачной попытки вооруженного путча прошло три дня.

Колонна из двух десятков фургонов, подпрыгивая и переваливаясь на ухабах утоптанной до каменной крепости дороги, помнящей конные орды гуннов и непобедимые тумены Чингиз-хана, катила по древнему шляху, соединяющему Южный Урал с Джунгарией и дальше с Китаем. Летнее небо выцвело, серо-бурая, не похожая на весеннюю, степь километр за километром ложилась под копыта лошадей. Серый шлейф пыли, взбитой колесами фургонов и копытами лошадей, неподвижно висел в горячем воздухе, залетал вместе с терпким запахом конского пота в занавешенные окна фургонов и на привале приходилось подолгу умыться и бесконечно отхаркиваться серой от пыли и горькой слюной. Гортанные крики возниц тонули в сплошном стоне колес. В авангарде и арьергарде колонны гарцевало по небольшому отряду приданных повелителем казахов разномастно наряженных степных всадников. Хан отправил их в качестве сопровождающих и проводников.

Хуже всего была свирепая тирания солнца, она начиналась, стоило ему оторваться от кромки горизонта. Жара была поистине африканской, ужасной. Жара вскрывала череп, обнажая белый мозг и шипящие, как провода в лампах ночных фонарей, нервы. Жара угнетала русскую душу.

Только ночь давала краткую, прохладную передышку.

Далеко на востоке, у западного выхода из Джунгарских ворот Тауке-хан собирал тумены казахского войска, чтобы силой оружия остановить очередное нашествие агрессивных соседей с востока. В соответствии с договором между городом попаданцев и казахским ханом в помощь им выделалась минометная батарея с пехотным прикрытием из взвода автоматчиков.

Когда распространился слух об военной экспедиции для помощи казахам, Александр вначале не поверил, а потом разъярился. Помогать вчерашним врагам? Пролитая кровь погибших бойцов требовала отмщения! Оставить казахов на съедение джунгарам или еще лучше, дожидаться, когда степь, вырезанная пришельцами с востока, опустеет, ударить по победителям и забрать все себе! Подобные мысли обуревали большинство подчиненных Александру бойцов и гражданских работников форта угольного разреза. Поэтому, когда его вызвал на беседу заместитель мэра по военным и внутренним делам и, посверкивая хитро прищуренными глазами, предложил возглавить взвод пехотного прикрытия экспедиции, категорически отказался.

– Вы знаете, Петелин, – чиновник произнес тихо, в уголках губ образовались скорбные складочки, – в детстве я прочитал повесть, кажется, Скалантиса. Так вот, он писал: «Оставьте свои интеллигентские штучки: не убий, гуманизм-онанизм. Вы стреляете, когда вашу жену уже отправили в концлагерь, а на головы ваших детей падают бомбы. А надо стрелять раньше, чтобы этого не было».

– И к чему вы это? – с легким удивлением осведомился Александр.

– К тому, что нам всем, горожанам нужен мир, а для этого придется стрелять и убивать, чиновник нервно хрустнул пальцами.

Потом привел множество неопровержимых аргументов, что помощь казахам выгодна городу. Под их давлением пришлось, скрипя сердце, признать его правоту. Благополучие и мирную жизнь города Александр посчитал более важным, чем собственные обиды и амбиции.

Ни людей, ни свободных ресурсов освоить бескрайние казахские степи, у города не было. Значит необходимо как-то выстраивать мирные отношения с кочевниками. Если победят джунгары, то, сколько бы их ни били попаданцы, кочевники по неистребимой ненависти номадов к оседлым вновь и вновь станут приходиться за добычей. Другое дело казахи. Кровопролитные войны с восточными соседями продлятся несколько десятилетий, и все это время они будут безгранично заинтересованы в военной поддержке попаданцев. Стало быть, их пра-

вители будут искать с городом дружбы. Но и помогать казахам в ответных походах в Джунгарию, чтобы добить врага, не стоит. Ликвидировав джунгар, они сами станут опасными городу. Целесообразно помогать в отражении нашествий, но окончательно врага не добивать – это единственно правильная тактика попаданцев, гарантирующая относительно спокойную южную границу.

После того, как молодой офицер нехотя согласился с мнением чиновника, тот довольно блеснул глазами и вытащил письменный приказ командира батальона о назначении Александра в состав экспедиции на должность командира пехотного взвода. Это означало продление командировки и разлуки с Олей, как минимум, на пару месяцев, но выбирать не приходилось.

Первые дни путешествия Александр опасался предательства со стороны казахов. И сам держал оружие под рукой и подчиненных заставлял максимально сторожиться. По вечерам попаданцы вставали на ночевку отдельным лагерем: фургоны выстраивали в оборонительный круг, выставляли усиленный караул, да и сами отдыхали с оружием под рукой. Но кочевники, казалось, не обращали особого внимания на пришельцев. По вечерам исправно привозили в лагерь попаданцев свежезаколотых барашков для походного ужина. Утром, усевшись около коняшек на расстеленную прямо на траве кошму, терпеливо ожидали, пока фургоны тронутся в путь.

Дни шли, ничего не происходило и Александр немного успокоился, но меры предосторожности остались в силе. Чем черт не шутит, когда бог спит! Он и не предполагал, что казахи с таким же недоверием относились к пришельцам из удивительного города. Едва хан заключил мир с попаданцами, по степи пополз распространяемый недругами хана слух: «Снюхался с урусами хан... Продал степную свободу неверным, поэтому и идут они ему на помощь!». Слухи, конечно, передавались шепотом. Но, как говорится, самый тихий шепот услышит аллах, а что известно ему, то передаст он людям. Так что глупцы и фанатики, способные нарушить волю правителя казахов, подвергали маленький отряд попаданцев нешуточной опасности. Спасало то, что сопровождать попаданцев хан отправил отряд из доверенных нукеров, которые ни при каких обстоятельствах не переступят волю хана.

В один из дней бесконечного пути Александр поймал себя на том, что мысли о навеки покинутом двадцать первом веке больше не приносили боль одиночества и утраты, как в первые дни и недели после Переноса. Словно подернулись вуалью времени, стали тусклыми и почти нереальными и суматошная жизнь больших городов, и бензиновая толчея транспорта и Интернет и, самое главное, мать. А реальностью то, что вокруг. Заунывная песня, бесконечная, как сама степь, проводника-казаха, которую он пел, [аккомпанируя](#) себе на струнном музыкальном инструменте, грубо вырубленный из камня идол – обатас на вершине затерянного в степи холма, город и лицо Оли, то ласковое, то грустное. Глубоко вздохнул и выплюнув черную от набившейся в рот пыли слюну, покачал головой:

– Вжился, черт... так вжился, что прежнее почти и не вспоминается!

Нет, конечно все помнилось, но то была память разума, а не чувств. Эмоции и чувства диктовались уже миром семнадцатого века. Века кровавого, но и великого. Еще недавно непонятного и пугающего, а ныне почти родного. Ко всему привыкает человек, особенно молодой, как Петелин, у которого все впереди.

На четвертый день радиус принесло сообщение, повергшее экспедицию в настоящий шок. Нашлась пропавшая в степи за несколько дней до набега казахов геологическая партия. Судя по оставленным нападавшими следам, геологов подловили ночью. Расположенный на берегу степного озера лагерь варварски разграбили, технику раскурочили, а что не смогли снять, разбили. Попаданцев после пыток подвергли мучительной казни: посадили на колы. Потом совершившие это преступление изверги бесследно исчезли, растворились в степи.

Глава 9

Богатый на события первый летний месяц закончился. Второго июля суд огласил приговор по уголовному делу заговорщиков. Все десять дней процесса локальная сеть города гудела от яростных диспутов, а телевидение ежедневно освещало заседания суда. Даже бабушки у подъездов живо обсуждали ход процесса. В итоге суд вынес суровый приговор. Заговорщики получили от 18 до 20 лет тюрьмы – максимально возможные сроки по статье 279 Уголовного кодекса, а собственность осужденных реквизируют в казну. Суровому решению немало способствовал телефонный звонок мэра городскому судье. Подавляющее большинство горожан встретили суровый вердикт с полным удовлетворением. Затеянная богачами буча могла привести к гражданской войне и гибели города, а деятельность администрации, несмотря на все издержки, они в целом одобряли.

Зверски замучивших геологов разбойников, так и не разыскали. Облет территории в радиусе пятидесяти километров вокруг места преступления и проверка обнаруженных становищ кочевников не дали ни малейших следов предметов двадцать первого века. Сами аборигены категорически отреклись от нападения на лагерь геологов. Тщательное расследование, проведенное начальником ФСБ, смогло установить, что это, видимо, кто-то неместный и окрестные башкиры и казахи не имели отношения к преступлению. Наконечники стрел, немногочисленные предметы, забытые убийцами на месте преступления, разительно отличались от используемых местными. Агентура, набранная среди окружающих кочевников и, оставленные Тауке-ханом заложники, в один голос клялись аллахом и Тенгри, что найденные стрелы используют джунгары. Следствию не помогла продвинуться даже щедрая награда, обещанная за информацию о разбойниках. Как могли пришельцы с востока оказаться так далеко от родных земель, или преступники все же ряженые башкиры или казахи, так и осталось загадкой.

Неспокойно и на границе. Четырежды за месяц разноплеменные банды степных удалцов пытались пробраться вглубь «попаданческих» владений. Но не тут-то было! Тех, кому повезло не напороться на минные поля, прикрывшие наиболее опасные направления, обнаружили дежурившие сутками на сторожевых вышках по периметру «попаданческих» территорий пограничники. Разбойникам невдомек, что в приборы ночного видения, они видны, словно в яркий день. Автоматическому оружию с минометами вызванной по тревоге маневренной группы на БТР-70, степные разбойники ничего противопоставить не могли. Основную часть потенциальных грабителей уничтожили или захватили в плен, пополнив ряды штрафников и только несколько человек скрылись в лесу. Подвергать солдат лишнему риску и преследовать разбойников не стали.

Приспосабливаясь к новой жизни, город изменялся. Заработало еще несколько небольших, полукустарных, но так необходимых жителям производств, оживились кустари. На центральном рынке и в немногих выживших магазинах появилась продаваемая без карточек глиняная посуда, разнообразный кухонный инвентарь и почти весь ассортимент магазинов «Тысяча мелочей», пусть сделанный поглубже, чем в двадцать первом веке, и в основном не из привычного пластика, но главное, в свободной продаже! Покупателям предлагали мебель и стройматериалы в неплохом ассортименте. Даже оконное стекло, хотя и дорогое, вновь появилось в магазинах. Мясо, в связи с обилием поставляемого казахами скота, продавали без карточек и по цене в разы меньше, чем до Переноса. Речную и озерную рыбу продавали свободно. До отказа забитые холодильники мясокомбината позволили разнообразить питание горожан, начать свободную производство и продажу мясных и рыбных консервов разнообразных копченостей. Как говорил Сталин: жить стало лучше, жить стало веселее!

Заканчивалось строительство железной дороги к разрезу, что означало регулярные поставки угля на ГРЭС, но неофициально дорога уже работала. Почти ежедневно по утрам проживающих рядом с железной дорогой жителей будил грохот идущих на юг составов. На юг шли платформы с тяжелой техникой для работы на разрезе: бульдозерами, грейдерами, самосвалами и экскаваторами, грузовые вагоны с всяческими припасами. Назад поезда шли полупустые. Подумали и о безопасности: для защиты от возможного нападения степных разбойников, перед локомотивами шли броне платформы – бронированная кабина для размещения десятка автоматчиков и площадка для миномета. А между грузовыми составами по несколько раз в день по железной дороге курсировал переделанный в бронепоезд пожарный поезд или бронелетучки.

Простором и покоем веяло от тихой речки с широкой долиной, которую пришельцы назвали загадочно: Велькою. Напоенный влагой, пряными запахами тины и рыбы, свежий ветер свободно гулял над мутно-голубыми просторами, забирался под небогатый, но вполне приличный, без дырок, кафтан.

Мужики за веслами мощно хекали, отталкиваясь от упругой речной волны, изредка бросая любопытный взгляд на берег.

«Слава тебе, Господи! Добрались!» – старший приказчик Пахомов привычно перекрестился и, невольно поевшись от речной сырости, сильнее запахло одеждой. Строгановы с платой не обижали, но и не баловали, так что для долгого путешествия, в котором может случиться всякое, и старый кафтан сойдет.

Приказчик привстал с сидения невеликого своего корабля, прищурился. Справа приближалась цель экспедиции: городок попаданцев.

Пенистые волны с тихим шелестом бились об белевший недавно напиленными и не успевшими потемнеть досками пирс. Широкая, утоптанная дорога от пристани кружила по склонам холма к деревянной крепостице – цели торговой экспедиции. Деревянные крепостные стены из свежих, нестроганных бревен, правда, вокруг ворот и по углам невеликой крепости стоят островерхие каменные башни, но не из кирпича, а из неизвестного серого камня. Крепостица, скорее, походила на наспех срубленные укрепления, какие для бережения от немирных инородцев на скорую руку ставили воеводы по сибирским дорогам.

Над стенами не видно ни единой маковки церквей. Словно и нехристи какие там живут! Или все же добрые христиане? Вопрос...

Вокруг посада вперемешку юрты, шатры, глинобитные домишки с плоскими крышами и русские, покрытые соломой, избы. Струйки дыма густо вьются над крышами, хозяйки готовят мужьям обеды. Приказчик невольно сглотнул голодную слюну: завтракал давно, подкрепиться не мешало. Изредка мелькнет фигура взрослого, занятого собственными делами, безразличного к каравану судов Строгановых, да копаются в грязи разного возраста детвора. У стен крепостицы на травке спит пьяница в тряпье. Поодаль, у круто спускающегося к воде песчаного пляжа, расположилось с десятков телег, видать мужики хотят подзаработать на перевозке товара. На другой стороне реки – на низком берегу подпирают небо нетронутые человеком зеленые великаны-сосны.

Несколько человек в коротких зеленых кафтанах пришельцев и баба в белых одеждах, с чудными белыми повязками на лицах, терпеливо поджидали на середине пирса, пока караван подойдет к берегу.

– Невелика крепостица, – густо пробасил мужик на веслах с окладистой седой бородой, чем-то похожий на попа. Пахомов бросил на него внимательный взгляд и снова отвернулся рассматривать городок пришельцев. «Ну, такую взять приступом не мудрено». Никакого сравнения со знатной крепостью Строгановых на Каме или каменными крепостями на западе русского царства. А уж их за собственную бурную жизнь перевидал немало, и с поляками бился,

и с татарами в Сибири. Потаскало за сорок годов по всей России – матушке только Восточного (Тихого) океана не видел. Чего нет, того нет.

Торговые люди купцов Строгановых выступили в поход больше месяца тому назад и почти повторили легендарный маршрут дружины Ермака, столетие тому назад покорившей Сибирь. Караван поднялся вверх по реке Чусовой и ее притоку Серебрянке до волока к Жеравле, впадающей в Баранчу – приток Тагила. Затем спустился Тагилом в Туру, далее Тоболом прошел до реки Вельки. Маршрут частью хоженный, знакомые издавна, а частью – в новинку, так что прошли с приключениями. На волоке, когда, надрываясь, тащили тяжело нагруженные кораблики в Баранчу, налетела толпа диких всадников с луками и конскими хвостами на копьях. Подскакав поближе, косоглазые разбойнички вздели в небо тугие монгольские луки, в воздух повисло смертоносное облако стрел. Раздался дикий рев – разбойники с кривыми саблями, дубинами, копьями налетели на охрану и взявшихся за оружие работников. Знали – если что, пощады не будет никому. Хорошо, что Пахомов – тертый калач, не раз водивший строгановские корабли, заранее выставил охрану с мушкетами и пушками наготове, насили отбились.

Когда до поселения пришельцев оставалось верст десять, из-за ближайшего мыса, словно чертик из коробки, выскочил чудесный, без парусов и весел, самобеглый кораблик с ратными людьми в чудной одеже и шустро направился наперерез каравану. С палубы закричали: останавливайтесь! Пахомов облегченно выдохнул, торопливо и мелко перекрестился. Слава богу, доплыли! Трудное путешествие благополучно закончилось в месяце липец 7198 года от рождения Христова.

Липец – шоль по древнерусскому календарю.

Упорствовать не стал, приказал поднять весла, караван остановился, потихоньку дрейфуя вниз по течению. Странно наряженные, в узких портах и короткой рубахе зеленого цвета, ратные подплыли поближе, огромные, словно медведи, широкие и длиннорукие. Приказчик понял – отменные бойцы даже без скорострельных пицалей. Поинтересовались, кто такие, по какой надобности приплыли. На что получили ответ: мы гости торговые, посланы именитыми купцами Строгановыми по приглашению воеводы Соловьева на торг. Стрельцы бегло осмотрели и пересчитали привезенные грузы, записали в книгу и пропустили караван к крепости. А товар корабли привезли изрядный: хлеб, мед, соболиные, лисьи, волчьи и другие шкуры, льняные и конопляные ткани, смолу, поташ, деготь, канифоль и немереное количество соли.

Корабль уткнулся о бревна пирса, приказчик первым выскочил на берег. Сняв шапку, угодливо поклонился стрельцам, залебезил, на что хозяева ответили надменным кивком. Ратные люди осмотрели, сверяясь с записями, людей, груз, оружие: сабли с мушкетами и две взятые в поход пушки, наконец, назвали мыто.

Мыто- таможенная пошлина.

От размеров суммы, названной старшим из ратных, Пахомов густо побагровел. Спорил, божился, рвал себя за камзол на груди и истово целовал крест, убеждая, что никак нельзя столько, что это сущее разорение, но старший стояли на своем и только посматривал на приказчика с непонятной ухмылкой. Мужики около телег равнодушно смотрели на разыгрываемый Пахомовым спектакль, видать, уверены – никуда не денется, тряхнет мошной. Наконец, приказчик смирился, утих и уплатил столько, сколько требовали. С извозчиками Пахомов сговорился о плате быстро и недорого. Мужики оказались русскими, они прибились к пришельцам и построили избы тут же в торговом поселении. Загрузив нанятые телеги, Пахомов уселся на первую. Буркнул недовольно возничему:

– Поехали.

У ворот в городок ратные люди со скорострельными мушкетами, сопроводили хмурым взглядом въезжающих в открытые ворота возы.

Небольшая, мощенная битым красным камнем площадь, огорожена однообразными, высокими и узкими, в два жилья, бревенчатыми избами, покрытыми по-господски – черепицей. Наверху, под самыми крышами, диво – дивное, светятся огнями узнаваемые, но слегка непривычных очертаний, буквы. «Баня» – поднатужившись, прочитал название над одной из изб Пахомов и покачал головой. Поди ты! Пришельцы неизвестно откуда, а пишут по – нашему! Что больше всего поразило Пахомова, это чистота, как будто мусор (зола, падаль, битые горшки, сношенное тряпье) не выкидывался на улицу, только на дальнем конце площади дымили свежие катышки лошадиного навоза. Из-за угла резво выскочил худой, как щепка, мужик, деревянной лопатой сгреб «добро» в ведро и был таков. С площади мощеная тем же красным камнем широкая дорога шла к центру, там виднелись узнаваемые очертания деревянных навесов, доносился гул торжища и стук топоров.

Телеги втянулись за ворота, дорогу заступил высокий мужик с внимательным взглядом и поднял руку в останавливающем жесте. Ветер развевал длинные полы белого халата. Ездовые привычно натянули поводья, остановились в паре шагов. Старший приказчик, недоуменно нахмурия брови, толкнул в плечо ездового:

– Это кто?

– Дохтур, – не поворачиваясь буркнул в ответ, – Щас вас осматривать будет!

– Опять дохтур? Так смотрели уже!

– Три раза должны осматривать, – мужик мрачно буркнул, затем нехотя добавил, – прибрел тут один давеча, тело в сыпи, внутри их водица черная!

Мужик подумал еще и добавил со значением подняв заскорузлый, с траурной каемкой под ногтями палец вверх:

– Черная оспа! Если бы дохтора не углядели, всем смерть! Сторожатся болезней хозяева наши, купцов только после осмотра допускают, а в их город и нам дороги нет.

– О как, – только и смог ответить Пахомов.

Работа разведчика тайная и заключается в получении точных сведений, а как их добудет, это начальство не интересуется, выкручивайся, как хочешь. «А как я исполню урок Григория Дмитриевича? Как выведаю про жизнь их и войско? Ладно, осмотрюсь, придумаю что-нибудь, не впервой!» Вздохнув глубоко и шумно, примирился с неизбежным осмотром.

Дохтур заставил торговых людей заирать рубаху, осматривал и опрашивал всех, включая самого последнего гребца, но к мужикам близко не подходил, видать, брезговал. Пахомов недовольно крякнул и смерил дохтура мрачным взглядом. А чего брезговать? У любого посмотри – тело чистое, белое. Ни вшей, ни иной живности нет. В походе старались, регулярно мылись в реке, стирали порты и рубахи с кафтанами. Хотя, конечно, месяц пути. Как не береглись, бороды нечесаны, на голове космы отросли, да и в баню охота. Не найдя к чему придраться, дохтур отправил людей в баню рядом на площади. После помывки людишки разгрузились в указанный стрельцами склад и еще трижды возвращались к речке за товаром. Пахомов закрыл на замок дверь склада и оставил людей в просторном гостевом дворе. Там располагались не только купчишки из далекого города Бухары, но и свои, торговые гости из Тобольска. Отметив, что к пришельцам есть дорога из Тобольска и других сибирских городишек, Пахомов отправился посмотреть невеликое поселение.

Высота и толщина крепостных стен заставили скривиться в презрительной усмешке. Ратные люди у ворот нахмурились, грозно покосились.

– Че надо? Проваливай давай!

Пахомов втянул голову в плечи, торопливо отвернулся, попятился. От греха подальше, чтобы не навалили, поспешил прочь.

Только отошел от ворот, как вновь натерпелся страху: из-за угла с шумом вынырнула самобеглая повозка. Сердце екнуло в груди, изумленный Пахомов застыл соляным столбом. Повозка бибикнула, не останавливаясь, объехала глупого аборигена и свернула в переулок, оставив после себя в воздухе медленно тающий серый дымок и неприятный запах. Стоял, широко распахнутые от изумления глаза смотрели вслед самобеглой телеге, ноги не несли. Дрожащим голосом зашептал молитву, часто, быстро и мелко крестясь. От ворот донесся обидный смех, не оборачиваясь, плюнул на землю и побрел дальше.

Ходил, дивился. Много городов повидал, и в Новгороде приходилось быть, и по стольной Москве ходить и по латинским городам, но таких чудес не встречал. Не только на входе, везде на мощеных камнем и досками мостовых чисто, в окнах стекла, на улицах вперемешку горящие огнями вывесок харчевни да постоялые дома. Немногочисленные прохожие: башкирцы, татары да наши русские мужики и бабы проходили мимо, скользя по Пахомову безразличными взглядами. Видать, привыкли к гостям. И никого, кто видом напоминал пришельцев. У здания с вывеской «Школа», остановился посреди дороги, с удивлением разглядывая блестящую стеклом окон трехэтажную избу. Двери распахнулись настежь, пестрая толпа мальчишек и девочек с гамом и смехом выскочили на улицу. Впереди неслась пигалица лет десяти, показавшаяся издали похожей на его Софьюшку. Кровь резко, толчком, ударила в голову, и только спустя миг понял – похожа юница, но не его дочь. С задорным криком:

– Тебе галить (*выполнять роль ведущего в детской игре – южноуральский диалект русского языка*)! – девица пулей промчалась мимо Пахомова, завернула в ближайший переулок. За ней неслась стайка детворы.

Пахомов постоял, почесывая затылок и удивленными глазами глядя вслед мальчикам. Хороший разведчик ничему не удивляется, но сегодня не тот случай. Ну мальцов учить, это куда не шло, юниц-то зачем? Бабье дело мужу кашу варить, да детей рожать. Зачем ей грамота? Не понять этих пришельцев, с жиру бесятся!

Откуда-то из центра доносились удары топора и крики торга, Пахомов повернул на звуки, здраво рассудив, что и какой-никакой трактир найдется. В углу просторной площади спороладили бревенчатую церковь, возведя ее до второго этажа. Мастеровые с носилками сновали, тащили кирпич и раствор известковый. Поодаль плотницкая бригада доски сбивала, стружки из-под топоров, да других, чудных инструментов то дождем сыпались, то лентами вились. Пахло смолистой сосной. Под деревянным навесом в центре – торжище. Купцы кричат, заывают покупателей. На травке у стены будущей церкви спала, свернувшись калачиком, нищенка в тряпье. Юродивый, заросший, оборванный, увидев приказчика, оживился. Звеня тяжелыми веригами, запрыгал, тыча пальцем в новенького, громко завопил, застонал:

– Христа ради помоги, боярин!

От юродивого зловонно воняло. Пахомов ничего не ответил и обошел попрошайку.

Подошел к торжищу и пораженно застыл на месте. Изрядно! Торговало десяток лавок, но чего там только не было! Металлические котлы, посуда и стальные топоры с пилами, большие и маленькие зеркала, стеклянные бусы, прозрачные и невесомые емкости и другие диковинки. То ли бухарец, то ли еще какой покупатель-азиатец в синем халате с узорами, на ломанном русском языке азартно торговался, размахивая зажатými в руке четками. Дальше несколько лавок, где торговали съестным, оттуда доходил густой запах свежеевыпеченного хлеба. В животе противно забурчало, напоминая, что с утра в рот маковой росинки не перепало.

Из дощатой лавки навстречу высунулся купец, видом чистая лиса, и сладкогласно:

– Заходи, уважаемый, такой товар, как у меня, ни у кого не увидишь!

Пахомов лениво отмахнулся: торговать станем завтра. Сегодня – исполнять данный старшим Строгановым урок. На противоположном конце площади заманчиво горела надпись «Къобакъ» над длинной избой с высокой вехой, торчавшей над дверьми. Рядом под деревом

телега оглоблями вверх. Коней не видно, видимо, в конюшне. То, что нужно. Где, как не в питейном заведении, возможно все узнать и заодно поесть?

Скрипнула дверь, Пахомов, колпак горделиво заломлен, переступил порог кабака. Со света темно. В нос шибануло ядреной смесью запахов вчерашних шей, жареного лука и хлебного вина. Постоял у входа, пока глаза привыкают. Дремотная тишина по случаю утреннего времени, вдоль стен длинные, хватит десятерых посадить, скобленные столы. В зале пусто, единственный посетитель – мужик в одних портках и рубашке, на столе перед ним пустой штоф и тарелка с остатками каши. Кудри смоляные, нечесаная борода. Лицо опухло, видимо, пил без просыпу. Напротив, за небольшим барьером скучала баба – кабатчица, мордастая, ядреная. Позади нее на полке – выстроились штофы хлебного вина, пузатые стеклянные кубки. В углу – еле теплились лампы перед почерневшими ликами на иконах. Конечно почище, но в целом не особо отличается от сто раз виденных в России кабаков. Пахомов приободрился.

Мужик глянул на нового человека черными, бедовыми и чуточку хмельными глазами и расплылся в щербатой улыбке.

– Ходи сюда!

Несколько мгновений Пахомов колебался. В пустом кабаке вряд ли получится разжиться нужными сведениями, но уж слишком проголодался. Истово омахнув себя двоеперстием на угол с потемневшей иконой, присел за единственную лавку напротив завсегдатая. Глаза мужика при виде того, как крестился Пахомов, слегка сузились. Строгановский приказчик степенно кивнул кабатчице:

– Налей-ка щец и каши сыпни, да не скупись, полную миску. Изголодал, с утра не жравши.

Кабатчица, оценив небогатую, но справную одежду посетителя и, сделав вывод о платежеспособности, мигом налила исходящую ароматным парком глиняную миску горячих щей. Поставила на стол перед приказчиком вместе с кружкой с квасом. Мужик насупился, конвульсивно дернулся тощий кадык:

– Откуда пришел мил – человек? Как зовут, меня Фролом кличут! – поинтересовался, дыхнув ядреным чесночным перегаром.

– Строгановский я, с Орла – городка идем, с матушки Камы-реки, – нехотя процедил Пахомов, слегка сморщился и отвел взгляд в сторону. Сосед ему не глянулся, чересчур походил на кабацкого ярыжку, пропившего все, до последнего кафтана. Глазища у мужика черные, жгут приказчика насквозь, ждет.

Ярыжка – беспутный человек; пьяница, развратник, голь кабацкая.

Нехотя подняв взгляд на ярыжку, добавил:

– Старший приказчик я у батюшки Григория Дмитриевича, Иван Пахомов.

Больше не обращая внимания на собеседника, взялся за ложку, неторопливо отхлебнул из тарелки – щи хороши, настоенные!

– Слушай, Иван Пахомов, налей штофик хлебного вина, а? Душа горит, Христом – богом заклинаю! – ярыжка заканючил.

– А твои деньги где? – между отправляемыми в рот ложками с горячим варевом с презрением бросил Пахомов. Будучи старообрядцем, к водке и к тем, кто ее употреблял, относился резко отрицательно. Старообрядцы считали главным виноделом Антихриста. В крайнем случае допускалось употребление вина, и то не более трех рюмок и только по воскресеньям. «Если выпить одну чарку, то это не грех, вторая идет на гулянье, третья же на блуд».

– А кончились! – умоляюще глядя на приказчика, пьянчужка развел крепкие руки.

– Пропил он все, как выгнали его хозяева наши. Околоточным здесь служил. Так неделю пьет беспробудно, – низким, грудным голосом впечатала кабатчица, – все пропил ярыжник (пьяница по-древнерусски)!

– Чтоб мы пили и гуляли, и портки бы не спадали! – пропел дурным, немного дребезжащим голосом пропойца и с надеждой уставился на Пахомова, – ну что, нальешь?

– Нет, – приказчик ответил резко и сурово, во взгляде мелькнула толика презрения.

– Купи, крапивное семя! – с истерикой простонал Фрол, крепко обхватывая себя грязными руками за костистые плечи. Пахомов отрицательно покачал головой и равнодушно отвернулся к тарелке.

– Вот всегда вы так, раскольники. Говорите, что заповеди божьи почитаете, а сами жадные! Легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в царство божье! Волю вам дали жить, вот и развелось вас, как тараканов в избе, на каждом шагу.

Мужик прекратил истерику, вперил тяжелый, пронизывающий взгляд в приказчика, изо всех сил вцепился грязными пальцами в собственные плечи. Пахомов смолчал, равнодушно отвернулся, вновь потянулся ложкой к тарелке, но для себя отметил, что людей истинной веры тут много и не притесняют их. Это хорошо.

С гортанным ревом, словно дикий зверь, Фрол кинулся на Пахомова, ухватил пальцами за горло, начал душить. Приказчик оторопел, задыхаясь. И тут бы конец ему вышел, если бы не случилось в молодости несколько лет казаковать. В курене Пахомов и набрался хитрых казачьих хваток. Двумя сцепленными руками сбил руки противника с горла, схватил со стола тяжелую тарелку и с размаху обрушил ее на голову пропойцы, тарелка раскололась. Глаза рыжки закатились. Весь в остатках шей и крови, сполз под лавку.

«Интересный приказчик. Фрол силен аки медведь, а этот мигом успокоил, – думала кабатчица, с отстраненным видом наблюдавшая за дракой. – Надо будет донести о нем лейтенанту из безопасности»

Негромко тарахтя и, одновременно парируя снос усилившегося ветра, разведывательный мотодельтаплан пролетел над отрядом кочевников круг. Зашел на второй. Взгляд Сергея Евдокимова не отрывался от земли, но больше никаких странностей не заметил, и летчик собирался брать курс на базу, когда гулкие звуки выстрелов: «Бабах! Бах! Бабах!» заставили вздрогнуть, аппарат трянуло.

Кровь резко, толчком, ударила в голову. Обернулся. Пуля пробила дыру в металлической трубке каркаса. Из средневековых карамультуков попасть в летящий на солидной высоте аппарат, не смог бы, и Робин Гуд, значит стреляли из украденного оружия. Он нашел убийц геологов! Тело, между тем, среагировало самостоятельно. Правая рука потянула трапецию от себя и влево. Пора удирать. Это только в дурацких голливудских фильмах фортуна вечно на стороне хороших парней. Там главный герой стоит под ливнем пуль и ни одна не попадет, а сам поражает врагов одного за другим. В жизни, часто все происходит наоборот.

Летчик торопливо доложил на базу об обнаружении отряда с оружием пропавших геологов, мотодельтаплан, кренясь, поворачивал домой.

Внезапный и сильный порыв ветра едва не отправил в пике. Пока летчик лихорадочно боролся с взбрыкнувшим, словно норовистый жеребец, аппаратом, справа сверху мелькнуло несколько стремительных теней. Он не успел ни среагировать, ни понять, что это. Словно огромным кулаком ударили позади сидения, аппарат затрясся, словно дикий мустанг под ковбоем, кренясь на правую сторону, заскользил вниз. Летчик судорожно задергал трапецией, несколько тревожных секунд прошли в борьбе, но все же заставил мотодельтаплан ровно лететь. Оглянулся, вместо прозрачного колеса пластающих воздух лопастей, позади бешено крутился ошметок винтов. Ураловский двигатель, весь в птичьих перьях и крови, умирающе гудел, судорожно кашлял черным дымом. Летчик похолодел, приплыли. То ли усилившийся ветер тому причина, то ли резкий разворот мотодельтаплана, но аппарат столкнулся с пикировавшей стаей птиц. Придется идти на вынужденную посадку.

Трапеция – так называют дельтапланеристы ручку управления

– Южный, я, жаворонок 3, столкнулся с птицей, аппарат поврежден, мне нужна помощь. Буду тянуть домой сколько смогу! – крикнул в микрофон.

– Понял тебя! Держись! Аварийно-спасательная группа вылетает! – услышал взволнованный голос руководителя полетов в наушниках.

Присвистывая и подвывая, кашляя черным дымом, аппарат тянул на север, а за ним полз черный траурный дым. Пилот отчаянно работал трапецией. В эти мгновения человек и гибнущий мотодельтаплан слились, стали едины в стремлении протянуть хоть чуть-чуть ближе к родному аэродрому. Аппарат дрожал, охваченный судорогой, то ли предсмертной, то ли передаваемой скрюченными пальцами человека, то теряя надежду и вновь борясь за жизнь даже не имея надежды. Но бездушное железо не человек, не способно выдержать не предусмотренные конструкцией нагрузки. Двигатель последний раз глухо татакнул и заглох, остатки пропеллера крутанулись пару раз, мертво замерли. Громко выл встречный ветер. Все, осталось только садиться. Главное, чтобы внизу была ровная поверхность, куда можно мягко спланировать.

Десяток бесконечных секунд Сергей отчаянно боролся за собственную жизнь и спасение аппарата. Выжженная безжалостным солнцем унылая и мрачная серо-зеленая равнина стремительно приближалась. Наконец снизу ударило, глухой стук – касание, рвануло вперед, ударило алюминиевой трубкой лоб. Искры из глаз!

Мотодельтаплан запрыгал по невидимым из-за травы кочкам, все части жалобно застонали. Проехал недалеко, замер. Пилот облегченно выдохнул и тут же зашипел. Больно! Но это все мелочи, главное благополучно приземлился! Как станет выбираться и отбиваться от вооруженных убийц, это все потом. Как обычно, выкрутится, он везучий...

За два дня до встречи разведчика с отрядом степняков, где-то в скребущих скалистыми вершинами небо заснеженных горах Тянь-Шаня, на юго-востоке Казахстана, родился ветерок, пока больше похожий на легчайшее дуновение. Настолько слабый, что даже если бы над планетой продолжала кружиться гирлянда метеоспутников, его вряд ли бы заметили и, тем более учли такую безделицу в прогнозах. Но это невозможно. В 1689 году от Рождества Христова весь штат метеорологической службы на Земле исчерпывался пятью гражданскими специалистами и одним военным и о том, что происходило за пределами контролируемой попаданцами территории, они могли только догадываться, и их работа во многом походила на шаманские таинства. Так что неудивительно, что метеорологи прогляпили рождение ветра. Словно в отместку за пренебрежение, спустившись с горного хребта, ветер усилился. На другой день, пронесся над югом Казахстана и, набрав ярости и мощи, приготовился к шторму севера евразийской степи и Южного Урала. Не зная о нем, второго июля, как обычно, мотодельтапланы пришельцев вылетели на разведку.

Маршрут обыкновенный, даже рутинный, им Сергей Евдокимов летал десятки раз. На высоте девятьсот метров мотодельтаплан неторопливо плыл над до жути угрюмым и, утомлявшим глаза однообразием, ландшафтом: на десятки километров бесконечное «море» выгоревшей, пожелтевшей степи, ровной, как стол; изредка радовали глаз тихие степные речки и озера с зеленеющими вокруг сосновыми и березовыми рошицами. Порывистый ветер безжалостно трепал одежду, безуспешно пытаясь добраться до тела, насвистывал в уши заунывную мелодию. Позади мерно и успокаивающе гудел четырехтактный ураловский двигатель. Огненный глаз солнца посреди неба, густого, насыщенно-синего цвета, какой бывает в этих местах только в разгар лета, ощутимо жалил лучами.

С губ летчика не сходила самодовольная улыбка: полет, похожий на парение птиц и, слияние с машиной наполняли радостным чувством свободы. Только полет, один полет.

Летать, чувствуя встречный ветер всем телом, всей душой, он мечтал с сопливого отрочества и, к шестнадцати годам отчаянно заболел небом. В семнадцать поступил в летное учи-

лице. Перенос разделил жизнь на две неравных половины. До него пилотировал вертолет, а в отпуск ездил в горы, чтобы за считанные минуты и секунды промчаться вниз по крутому лыжному спуску. Так, чтобы дух замирал, а сердце падало в пятки! Так чтобы море эндорфинов! Покидать небо из-за того, что скоро вертолеты выйдут из строя, не хотелось до зубовного скрежета. Поэтому, когда появились первые мотодельтапланы, ни секунды не раздумывая, написал рапорт о переводе и не прогадал – на мотодельтаплане получал экстрима даже больше, чем, когда летал на корове-транспортном МИ-26.

Вдали и слева показались невысокие холмы, в ложине между ними клубилась пыльная туча. Аппарат отправился навстречу и спланировал на сто метров – безопасную высоту, где не страшны ни стрелы, ни примитивный огнестрел казахов. В клубах поднятой тысячами ног пыли, неспешно брели гигантские табуны лошадей. За ними бессчетные коровы и верблюды, последними – многотысячные гурты коз и овец, и только потом гарцевали на лучших конях кочевники. Следом катили арбы с добром. Мотодельтаплан сделал пару кругов, внизу жуткий переполох, крики мечущихся казахов и рев перепуганной скотины. Не найдя ничего подозрительного, аппарат полетел по маршруту дальше.

У простых кочевников – имелось не менее 30–50 лошадей, не менее 100 овец; у богатых – до 26 тыс. лошадей, несколько десятков тыс. овец (богатые составляли около 11% всего населения).

Эпоха GPS – навигации на ближайшие столетия канула в лету, и пилоты вновь освоили старинное искусство летать по ориентирам. Долетел круглого, как пиала, степного озера, сверился с висевшей на металлической трубе каркаса картой и с компасом.

– Южный, докладываю: наблюдаю ориентир 4, поворачиваю на ориентир 5. – проговорил в микрофон гарнитуры.

В наушниках зашуршало, потом донесся хрипловатый голос РП:

РП – руководитель полетов.

– Принято! Что наблюдаете на земле?

– Все то же, попалась пара отрядов кочевников, все мирные.

Летчик одобрительно улыбнулся, рука аккуратно наклонила трапецию, аппарат плавно и послушно начал разворачиваться влево.

Нашупал на поясе фляжку. Не отводя пристального взгляда от земли, жадно прильнул губами к горлышку. В памяти всплыла полузабытая песня, соответствующая настроению. Слегка фальшивя, напел вполголоса, перекивая шум двигателя и вой ветра:

Призрачно все в этом мире бушующем,

Есть только миг, за него и держись.

Есть только миг между прошлым и будущим,

Именно он называется жизнь.

Вечный покой сердце, вряд ли, обрадует,

Вечный покой для седых пирамид.

А для звезды, что сорвалась и падает,

Есть только миг, ослепительный миг.

И замолчал – дальше не помнил. Он слышал ее несколько раз по телевизору, но это была песня предыдущего поколения.

Спустя полчаса на горизонте засинела узкая полоска реки Тобольки. Сергей добрался до крайней точки патрулирования. Заозирался. Небо стремительно заволакивали рыхлые синечерные тучи, ветер быстро усиливался и упорно сносил хрупкий аппарат в сторону от маршрута и приходилось постоянно манипулировать трапецией и газом. На предполетном инструктаже предупреждали только о небольшом усилении ветра. Сергей нахмурился. «Опять ветродуи напутали».

Ветродуи – метеоролог, сленг пилотов.

Он собирался поворачивать назад, на временный аэродром в районе угольного разреза, и предвкушал заслуженный отдых, когда на горизонте появилось пыльное облако, какое бывает при откочевке массы скота и всадников. Взгляд метнулся на циферблат. Горючего, судя по показаниям, больше половины бака. Вполне хватит для возвращения. «Ладно, гляну что там», – решил пилот и повернул к очередному кочевью, аппарат спланировал вниз, словно с горки.

Сергей прищурился, пытаясь рассмотреть сквозь плотную пелену пыли животных и людей. Внизу проплывали тысячные гурты скота, метались всадники. Вроде все как обычно, но что-то ему не понравилось, но что именно? Не понять... Сергей нахмурился и заработал трапецией, одновременно передвинув вперед ручку газа. Двигатель взревел басовитее, аппарат начал тяжело поворачивать на круг, одновременно набирая высоту. Ветер еще усилился, ощутимо мешал управлению. Внизу, в сотне метров, проплывали стада, метались испуганные лошади со всадниками и без. Стоп, мелькнула мысль, а почему так мало арб? Если это мирные кочевники, то где они перевозят свое добро? Лицо летчика исказила гримаса удивления. Перед полетом инструктировали: при проверке кочевий обращать внимание на странности и одной из примет, позволяющих предположить, что внизу не мирные кочевники, а замаскированный воинский отряд – незначительный объем перевозимых вещей.

- Южный, я жаворонок 3, как слышно, прием?
- Слышу вас, – знакомый голос РП прошелестел в наушниках.
- Наблюдаю отряд кочевников, почти совсем без вещей, иду на второй круг.
- Принято, вам десять минут и возвращайтесь на базу, погода ухудшается!
- Понял, выполняю...

«Блин! Везучий случай, сел на вынужденную и ничего себе не сломал!» Трясущимися руками летчик отстегнул скользнувшие змеями по телу ремни, шагнул на покрытую жесткими, выгоревшими стеблями землю, немного шатнуло.

Безразличное солнце плавило выцветшую синеву небес. Тишина, нарушаемая только однообразной песнью цикад и заунывным воем южного ветра, казалась после победной песни мотора особенно томительной. Летели вихри горячей, сухой пыли, по выжженной солнцем морщинистой земле неторопливо катили клубки высушенного до состояния проволоки перекаати-поля. Все, как и тысячи лет тому назад.

Летчик наклонился над аппаратом. Переживания потом, вначале что с мотодельтапланом. Сильно пахло бензином. Одна из лопастей винта, примерно посередине, обломана, из поврежденного топливного трубопровода сочилась тонкая струйка на горячий, измазанный окровавленными перьями неудачливой птицы, двигатель, а оттуда часто капало на потемневшую землю. Летчик машинально смахнул их ладонью и, брезгливо поморщившись, вытер руки о брючину. Починить на месте не получится. Нда ... положение. Он слотнул жесткий ком в

горле. Наконец, справившись с чувствами, посмотрел на юг и поднял сложенную козырьком ладонь к глазам.

До горизонта высохшая, пропахшая пыльным ковылем степь. Многотысячные стада животных, среди которых прятались степные бандиты, в паре километров позади. Коннику хватит десяти минут прискакать к месту падения мотодельтаплана. Огляделся по сторонам. В сотне метров на север вздымался в небо, господствуя над окружающей местностью, заросший высохшей травой, с крутыми склонами холм –могильный для давным-давно погибшего древнего воина. Века и века он спал в степной постели с верным другом – боевым мечом. С вершины холма взирал на мир косыми глазами памятник неведомых эпох – надгробный камень в форме застывшего идола – обатаса, человекообразного существа с обвисающими усами и чашей в руке.

Что делать? Бежать? Всего результатов – умрешь уставший. На плоской равнине конники догонят пешего на раз, заарканят или издали стрелами превратят в ежика. От пистолета, даже современного, против десятков или даже сотен конных бандитов в голой степи проку мало, всех не перестреляешь. Искать место, где спрятаться и дожидаться помощи? Нет такого в плоской, словно доска, степи, а заросшая вечнозелеными соснами долина Тобольки далеко.

В памяти встали страшные фотографии погибших геологов– их в обязательном порядке показывали военнослужащим и сотрудникам полиции. Искаженные нечеловеческим страданием лица, окровавленные тела, багряные острия, пронзившие тела, вышли в районе ключиц. Это было страшно, это противоречило самой природе и чувствам человеческим. Ноги похолодели, несмотря на палящее солнце спина покрыло липким противным потом. Сергей нервно облизал губы и, как-то незаметно для самого себя поборол шок, весь подобрался. Хотя сердце все еще билось учащенно и неровно, но от недавней беспомощной растерянности не осталось и следа. Пока жив, его обязанность – быть верным долгу, который был для него категорией абсолютной, твердой основой душевного склада. Как отцы, деды и прадеды, он готовился драться до конца по принципу: делай что должен – и хрен бы с тем, что будет.

Глубоко выдохнул воздух сквозь сжатые зубы, все – к бою готов. «Степные уроды думают, что поймали легкую добычу? Не, так не пойдет, если что, отправлю в гости к гуриям».

Сергей снова повернулся в сторону бандитов. Из табуна один за другим выезжали всадники. Сверкали искры на металле оружия и доспехах. Всадники на ходу сбивались в кучу и рысили к месту падения мотодельтаплана. Аэродром подскока, откуда придет помощь, в пятидесяти-шестидесяти километрах севернее. Значит, с учетом сборов, помощь следует ожидать где-то час, полтора. Оглянулся, взгляд вновь остановился на увенчанном надгробным камнем холме. Склоны крутые, так что всадник на лошади не взберется на вершину, а с пешими бандитами он еще посостязается в меткости. Слава богу, до Переноса в тир летчиков водили регулярно. Решено – укроется на господствующей над местностью вершине. Это единственный шанс дожидаться аварийно-спасательной группы.

Сергей поспешно вытащил из крепления сумку с авиационным носимым аварийным запасом. Рванул молнию. Так, паек, рация, это, не то! Наконец-то! Схватил пистолет. Рифленая рукоять АПС –внушила уверенность. В кармашке запасные обоймы и почти двести патронов и две гранаты РГД-5. Поспешно снарядил обойму. С хищным щелчком она вошла в пистолет. Разгрузка упала на плечи, застегнул липучки. Небрежно засунув оружие в карман, забросил сумку на плечо и порысил к холму.

В густой тени каменного идола упала сумка, присел на корточки. Верхушка холма представляла из себя почти идеальный круг метров пятнадцати в диаметре, заросший хрупким, выгоревшим на степном солнце ковылем. Ветер усиливался, качал сухими ветками кустов. Первым делом снарядил запалами обе гранаты. Все четыре запасные обоймы, снаряженные патронами, нашли место в карманах разгрузки. Все, он готов стать неприятным сюрпризом для степняков.

Над курганом почти неподвижно висела точка степного падалыщика. Чует, тварь, скорую поживу! Один против сотни, а то и больше врагов... даже с учетом его вооружения. расклад неравный. Возможно и повезет дожидаться спасателей, но шанс маленький. Навалились воспоминания о навеки потерянных матери и отце. Матушка родом из донских казаков, а отец – из центральной России. После Переноса первые дни отчаянно тосковал по родителям и ужасно сожалел, что не попросил отпуск зимой и не навестил родителей. Теперь ничего не исправишь. В детстве отец учил его: в драке берут не силой, а яростью и готовностью идти до конца. Ну что же, покажет бандитам, каков в бою русский офицер! Рот пересох, сердце бешено колотилось о ребра. Мысли из головы улетучились, осталось только стремительно, как, степной пал, разгорающееся пламя ярости. Приходите! Вам понравится! Как говорили в фильме про спецназ: ПОТАНЦУЕМ!

Когда внизу послышались гортанные крики преследователей, «крышу» у него окончательно сорвало. Ну наконец-то! Он яростно оскалился. Из кармана появился пистолет. Перекатился на живот и осторожно выглянул из-за идола. Лицо исказила быстрая гримаса удивления. Ого! Сколько их, – мысленно присвистнул и облизал губы. Не меньше двух десятков степных бандитов столпились у подножия холма. Галдят, показывая руками на вершину. Часть пыталась забраться на крутой склон холма верхом на коне, но самые догадливые спешили. Еще пара десятков подъезжало. Хотя, какая разница, сколько их там? Шакалы за моим скальпом пожаловали, но как бы самим не уйти стриженными!

– Эй, летчик, – послышалось на русском языке с едва уловимым акцентом, – сдавайся, и мы сохраним тебе жизнь!

Бандиты: в одинаковых грязных халатах и железных доспехах, кто кричит, не разберешь. «Ага, только шнурки поглажу. Я русский, а русские не сдаются!» Он родился в эпоху, когда еще помнили о подвиге Маресьева, когда мальчишке с питерского или уральского двора предать просто невыносимо. Прикинув расстояние, где-то метров сто, Сергей взял пистолет обеими руками. У Стечкина, да еще при стрельбе очередями, отдача будь здоров! Пока степняки в куче, грех не попытаться обезвредить нескольких бандитов. Сдвинув предохранитель на автоматический огонь, выкатился из-за идола и прицелился по самой большой группе.

«Тра-та-та» – пистолет забился, словно живой.

– Вас сюда не звали! – прошептали побелевшие губы. И тут же снова короткая очередь: тра-та-та!

Несколько бандитов попадали вместе с конями на землю. Остальные, словно тараканы, застигнутые ночью на кухне хозяином, брызнули в стороны. Дикое ржание бьющихся лошадей, крики раненых. Мертвые застыли в нелепых позах.

– Ааа, – с тонким, детским, стениющим криком, раненый бандит полз, медленно перебирая руками по иссохшей, помертвевшей земле.

Гримаса дикого восторга на миг исказила лицо русского и тут же пропала. Все, больше стрелять нельзя. Лакомых целей не осталось, а одиночными на большом расстоянии степняков не достанешь. Гортанная команда. Бандиты проворно вскинули луки к небу. Дистанция слишком велика для прямого выстрела, бандиты метнули стрелы вверх, Стрелы с шуршащим свистом ушли высоко в небо, закладывая дугу...

Позади пронзительно свистнуло, спустя миг снова. Сергей оглянулся. Почти отвесно в паре метров в иссохшую землю ударила стрела и еще, и еще, делая ее похожей на колючую шкуру ежика. Русский яростно оскалился. заполз за каменную тушу идола. Все что оставалось – ждать пока степняки пойдут на штурм и молиться чтобы не зацепила стрела.

Гортанные крики с подножия холма, свист стрел и надрывный, в котором не осталось ничего человеческого, крик раненого. Вдруг он утих, завершившись коротким и отчаянным всхлипом. Сердце в груди словно остановилось. Прирезали, понял Сергей, если со своими так, то как они поступят с пленным? Проверять не хотелось.

Ливень стрел приутих. Сергей осторожно выглянул из-за идола. Глухо бабахнуло, метрах в двух фонтанчиком брызнула земля вперемешку с травой. Он торопливо отпрянул обратно. Кто-то из стрелков внизу вооружен огнестрелом попаданцев. Хреново. Техническое превосходство, на которое Сергей так рассчитывал, оказалось фикцией.

Высунулся с другой стороны идола. Ага! Посреди толпы аборигенов пятнистая фигура с вполне современного вида охотничьим ружьем целится в вершину холма. Тщательно прицелился. На, получи!

«Тра-та-та!» – коротко прорычал пистолет. Попал! Незадачливый стрелок беззвучно рухнул. Ноги в сапогах в темпе чечетки застучали по земле, выбивая пыль. А вот нечего переходить на сторону насильников и убийц! Выдернув чеку из гранаты, метнул вниз. Крикнул:

– Держите подарочек!

Предупредить, что именно сбросил вниз попаданец, оказалось некому. Скуластые лица бандитов нависли над ребристым яйцом гранаты.

«Бах!» – славно громыхнуло. Огненная стихия разметала в разные стороны, поломанные тела бандитов. Хищная улыбка пробежала по губам Сергея. Немало отважных аскеров и по совместительству убийц получили свое. Вокруг вновь засвистело, дождь стрел усилился. Сергей судорожно прижался спиной к каменному памятнику, взгляд скользнул по ребристому бочонку последней «лимонки». Эта... для себе, если что.

Словно по сигналу обстрел закончился, и тут же на вершушку холма прыжком вскочил мужик в грязном халате, под металлическим шлемом горят злобой узкие глаза. Торжествующе взвыл, из ножен вылетела узкая и длинная сабля.

Пистолет бабахнул, руку дернуло отдачей. Дикий крик. Бандит, сбитый пулей, словно ударом доброй дубины, с истошным воплем покатился с холма. Через миг со всех сторон враги густо полезли на холм. Сергей юлой закрутился вокруг памятника.

«Бах!» – краем глаза углядел нового бандита. Выцелил стволом.

«Бах!», – потом еще. – «Бах!»

Неистовые и злобные крики, вой раненых, гулкие одиночные выстрелы и короткие очереди из пистолета слились в какофонию боя. Вроде бы сам что-то яростно орал в ответ, но утверждать, что именно так и было, он бы не стал. Дважды торопливо вбивал в пистолет новый магазин. Наконец, все закончилось. Сергей, тяжело дыша, укрылся за идолом и злорадно ухмыльнулся, чрезвычайно довольный собой. Их много, но победил он! Казалось, что штурм длился невыносимо долго, но, когда все закончилось, и он посмотрел на часы, оказалось, все длилось от силы пару минут, а от момента, когда вызвал спасателей, прошло полчаса. Снизу слышались вопли раненых, всего в трех метрах перед Сергеем валялся в алой луже крови, успевшей натечь с простреленной головы, мужик с копьём, намертво зажатый в руке. Шустрый оказался, почти успел добежать. С другой стороны памятника слышался надсадный вой раненого. Скверные у него раны, в живот и грудь, не факт, что даже продвинутая медицина двадцать первого века такого спасет. А в условиях семнадцатого-практически верная смерть!

Вновь начался обстрел, значит, пока не полезут. Занудно засвистели, вонзаясь в сухую, омертвевшую землю стрелы. Сергей облилиз сухие губы и расстегнул ворот, сверкнул невзрачный серебряный крестик. Летчик поднес к сухим губам, торопливо зашептал:

Отче наш, Иже еси на небесех!

Да святится имя Твое,

да придет Царствие Твое,

да будет воля Твоя...

Сергей замолчал. Текст молитвы он забыл. Хотя его и крестили в детстве и считал себя православным, но церковь посещал от силы раз в год и даже Перенос не изменил этого. Но... на войне даже коммунисты становятся немного религиозными и молятся богу. А над головой

темнело распахнутое настезь небо, цвета штормового океана. От него делалось тоскливо на сердце, в то же время и глаз не оторвать.

Раненный с другой стороны памятника, всхлипнул, вой прекратился, видимо получил свое от «дружеской» стрелы. Сергей вновь посмотрел на наручные часы, и робкая надежда затеплила в душе. Осталось совсем немного продержаться. Поискал взглядом, где сумка с боеприпасами. Вот она, в двух шагах от памятника, пока крутился, отбиваясь от бандитов, случайно отбросил ее на пару шагов. Аккуратно подтянул ногой и принялся торопливо снаряжать магазины.

Он набивал последний, когда правую руку обожгла дикая боль, словно на обнаженную кожу плеснули кипятком. Сергей вскрикнул, очередной патрон упал, блестя медными боками покатился по земле и исчез в жухлом ковыле. Скопил глаза. Пущенная наугад стрела нашла долгожданную цель. Пронзила насквозь правую руку, пришили к животу. Из-под стрелы засочились алые капли. «Черт, черт, черт! Ну вот и все, в таком состоянии я не боец». Летчик спиной осел на идола. Попробовал пошевелить пальцами правой руки и вскрикнул – тело пронзил новый огненный разряд боли. Липкий, тягучий пот потек по позвоночнику.

Лицо стремительно побледнело, только губы –точно яркая алая лента.

Там, где кровь тонким, щекотным ручейком стекала на землю, отчаянно зачесался бок.

Боль немного уменьшилась. Было обидно, до слез обидно. Ну почему это случилось именно с ним? Потом лицо исказила презрительная гримаса. «Думаете, уроды вонючие, возьмете меня? Да хер вам!»

Кулак ударил по спекшейся до каменного состояния земле. Рану словно прострелило жгучей молнией, из груди вырвался новый стон.

Левой, здоровой рукой подтянул последнюю гранату, вытащил чеку и взял ее в руку, продолжая прижимать спусковой рычаг. Стоит отпустить и все...

Закружило голову. Изо всех сил сжал зубы. Только не потерять сознание и дожидаться. Чтобы не зря. Уходить один он не желал. Только в окружении сонма врагов!

– Боже, – взмолился, – если ты есть, не о жизни тебя прошу я, дай мне уйти так, чтобы стыдно не было...

И тут нахлынуло осознание, что это все. Что остались считанные секунды или минуты. Умирать не хотелось отчаянно. Хотелось жить так сильно, что рука едва не разжалась. Перед глазами встали родители. «Прощайте, мама и папа! Я виноват перед вами... не будет внука или внучки, о которых вы мечтали... прощай друг Сашка». И так ему стало себя жалко, так травмировал самого себя, что по пыльным щекам поползли мокрые борозды. Да что там, он попросту рыдал, по-мальчишески всхлипывая и размазывая по лицу кулаком с намертво зажатой гранатой грязь, кровь и слезы. Ярился на себя до зубовного скрежета, но ничего не мог с собой поделать.

Слезы всю застилали глаза, мир расплывался, разбойники, выставив копья и сабли, осторожно приближались.

Со сведенных судорогой губ оскаленного, бледного Сергея вырвался поток невнятных, перемешанных с матерной руганью слов. Ярость, охватившую его, можно сравнить только с яростью берсеркера, в чем мать родила, бросающегося на закованных в железо воинов и побеждающего!

Разбойники остановились. Это было невозможно, невероятно. Он один, раненный, безоружный, а их много, но они боялись его.

А потом все изменилось. В глазах русского появилось странное выражение, он даже задышал вольнее, наконец-то покинуло страшное напряжение, будто, наконец, свободен, свободен от всего!

Что происходило дальше, видели только выжившие враги да степной стервятник, висевший над холмом в восходящих потоках воздуха. Он терпеливо дождался, когда глупые двуногие наконец уйдут и дадут полакомиться свежей мертвечиной.

Когда кольцо врагов, повинувшись командирскому окрику, сомкнулось над привалившимся спиной к идолу человеку в синем, пилотском костюме, из глотки человека вырвался сходный с волчьим рык-вой. С громовым ревом вырвалось яростное пламя, тела в окровавленных и грязных халатах, разбросало по вершине холма. А у каменного идола осталось лежать изломанное, окровавленное тело в окружении сонма трупов и неистово вопящих раненых. Смерть была милостива к молодому герою. Она избавила от мучений агонии, от последних конвульсий, он погиб мгновенно и даже уснув навеки, он пугал бандитов победной улыбкой, навеки застывшей на губах. Эхо взрыва, понеслось по степным просторам и вскоре затихло. Только усилившийся ветер, видевший и не такое, пел скорбный реквием погибшему герою.

Двадцать минут спустя хмурые и неразговорчивые после осознания чудовищных потерь бандиты заканчивали грузить на арбы погибших и легкораненых, тяжелых прирезали сами, переводя в категорию мертвых. Молодой бандит в перепачканном землей дырявом халате обладал самым чутким слухом или, возможно, обостренной «чуйкой» на опасность. Неожиданно остановился, из-за чего напарник, тащивший вместе с ним труп товарища, споткнулся о камень и отчаянно засквернословил. Не обращая внимания на ругань, молодой несколько мгновений с видимым недоумением смотрел на север. С хмурого неба на грани слышимости доносился отдаленный гул, а на горизонте родилась постепенно растущая точка. Наконец, уверился, что это ему не кажется, протянул руку на север и гортанно выкрикнул. В коротком бою не выжил ни один выходец из двадцать первого века, поэтому объяснить, что это летит неотвратимое возмездие в виде вертолета МИ – 8, было некому, но угрозу разбойники смогли понять.

Невыразимый ужас проник в черные сердца степных разбойников. Послышались громкие тревожные крики. Им вторило испуганное ржание коней. Бросая все: арбы с трупами и легкоранеными, бандиты спешно садились в седла. Оставляя камчой кровавые полосы на лошадиных боках и, грохоча копытами по выжженной земле, горстка всадников стремительно понеслась на юг. Но попытка обогнать на лошади стремительного небесного дракона заранее обречена на неудачу. Не прошло и пяти минут, как светло-серая туша винтокрылой машины с большой красной звездой на корпусе, выросла до размеров корабля, плавающего по морю, которое потомки назовут Каспийским. Понеслась низко над землей вслед за беглецами, пригибая степные травы к земле. Грохот газотурбинных двигателей давил физически, стал почти невыносимым.

Одни, часто оглядываясь на догоняющего их дракона, мчались изо всех сил. Другие соскакивали с коней и бросались ничком на землю, моля богов, чтобы небесный дракон не обратил на них внимания. Все тщетно! Над всадниками машина немного приподнялась. Горохом полетели к земле небольшие, размерами с гранату, осколочные бомбы.

«Бах! Бах! Бах!» – невиданные огненные цветы распустились над степью, молотом ударили по барабанным перепонкам, разметав изломанные, окровавленные людские тела и туши ни в чем не повинных лошадей. Остались только раненые и оглушенные. Вертолет резко сбросил скорость, повис на месте, затем неторопливо провалился, бешено взбивая воздух винтами и подымая в небо густые пыльные тучи. Наконец винты остановились, из открывшейся в корпусе узкой двери упала веревочная лестница.

Над степью тягуче и хрипло несся вой раненых бандитов:

– А-а-а-а-а...

– Уу-у-у-у...

Один за другим десяток бойцы в броне, с казачьей шашкой в одной руке и безотказным ПМ – ом в другой, торопливо спрыгнули на землю. В спецназ города набрали воинов, прошедших суровую школу Чечни, так что крови они не боялись.

Пробежались по выжившим. Напрасно раненые, оставляя на высохшем ковыле кровавую дорожку, пытались отползти. Жалости бойцы не знали.

Карающей молнией сверкала казачья шашка и очередной душегуб, признанный безнадежным или тяжело раненым, захлебываясь кровью, отправлялся в ад.

В любом случае городской суд знал только один приговор убийцам – смерть, так зачем заниматься бюрократизмом? За прошедшие после Переноса месяцы горожане ожесточились сердцем и зверскую расправу с геологами прощать не собирались. Легкораненых бандитов пинками согнали в кучу. Потом с ними поработают дознаватели. Для города жизненно необходимо выяснить все обстоятельства нападения бандитов на геологическую партию. Между тем вертолет не стал дожидаться бойцов, вновь поднялся в небо, совершив крутой вираж, подлетел к холму, на котором принял последний бой Сергей. Над вершиной машина сбросила скорость, тарахтя двигателями, зависла неподвижно в метре от поверхности. По степному ковылю наотмашь ударил ветер, вжимая стебли в землю, из открывшегося люка спрыгнула пара вооруженных бойцов, тут же припали на колени, контролируя автоматами окрестности, за ними спустилась женщина-медик в белом докторском халате. Вертолет вновь поднялся в небо и полетел в сторону кочевья с рабами и их охраной. Каждый получит то, что заслужил.

Костяк вырезавшей геологическую партию группы составили посланные повелителем Джунгарии в Казахские степи разведчики и диверсанты, к ним за время пути к Южному Уралу прибились разноплеменные бандиты и отщепенцы. К сожалению, главари банды и примкнувшие к шайке попаданцы погибли в бою, так что ничего больше следователям ФСБ узнать не удалось.

Узкий, шириной десять километров и, плоский, словно стиральная доска коридор, ведущий из Джунгарии в Казахстан, не раз выплескивал на евразийские равнины орды алчных завоевателей, сметавших все на пути, рушивший казавшиеся несокрушимыми империи и царства. Лазутчики давно предупредили Тауке-хан о предстоящем вторжении, и владыка казахов отправил гонцов во все концы орды с приказом о сборе войска.

К середине лета на заросшей буйной степной травой равнине, раскинувшейся перед Джунгарским воротами, гигантской кляксой расползся гигантский войсковой стан. Тысячи разноцветных юрт, палаток, теснились на крайне небольшом для многочисленного войска – десятки тысяч человек – месте. В воздухе витала кислая смесь запахов конского навоза и человеческого общежития, смешавшаяся с ароматами степных трав. Между станами племен паслись многотысячные табуны коней, блеяли, мычали пригнанные для пропитания бесчисленные стада овец и коров, оставляя после себя вытопанную, взлохмаченную копытами землю. Впрочем, хаос, только кажущийся. Казахи разбили становища строго по племенам, ближе к озеру Алаколь, одному из самых больших в Казахстане, керей, найманы, аргыны и кипчаки, дальше к горному проходу все остальные.

Экспедиция попаданцев, направленная в помощь казахам 2 июля достигла конечного пункта маршрута. Лагерь разбили на краю орды Тауке-хана: на берегу озера Алаколь внутри круга из фургонов стояли четыре пятнистых, цвета летней степи, палатки. Между ними вздымалась в небо тонкая мачта радиостанции, негромко тарахтел движок электростанции. Из трубы полевой кухни вился ароматный дымок, порывистый ветер с озера доносил мясной запах исходящей соком жареной баранины, заставляя прогуливающихся вдоль охраняемого периметра часовых сглатывать голодную слюну. Повар в застиранном фартуке открыл крышку кухни, половником помешивает варево. Суп почти готов, поспеет к возвращению с фортификационных работ бойцов.

Второй день русские с утора до вечера рыли окопы и блиндажи под взводный опорный пункт и позиции для минометной батареи. Александр сегодня дежурил и оставался в лагере. Под вечер, воспользовавшись тем, что появилось немного свободного времени, ушел к озеру.

Солнце клонилось к горизонту, кровавая подпирающие темнеющие небеса вершины горных хребтов: Джунгарский Алатау и Барлык, бросало алые отблески на равнину – поле будущей битвы. Подложив руки под голову, лежал на галечном берегу, ощущая лицом последние лучи и бездумно смотрел на озеро. С тихим, умиротворяющим плеском на пустынный пляж накатывали прозрачные волны. Тихо шелестели степные травы, нежные пальцы ветра касались разгоряченного лица. Было невыразимо приятно. Все мирно и спокойно. Словно на курорте в Сочах, куда приезжал с родителями подростком, словно не предстояло впереди сражения. В этом диком мире была собственная, странная красота.

Бездонное небо стремительно темнело, вершины гор за спиной – стена в пару километров все еще ярко освещена, ниже выжженные безжалостным светилом горы теряли форму, все сливалось в серую, постепенно темнеющую массу.

За последние дни и недели Александр изменился. Не только внешне: загорел до черноты, волосы до белизны выгорели на южном солнце, взгляд стал уверенным и непреклонным, поменялся и внутренне. Война, огонь сражений, гибель товарищей опаляют не только тело человека, но и душу. Из юноши, в меру честолюбивого и в то же время легкомысленного, готового лететь туда, куда подует ветер, вылупился на свет человек, который твердо знал, что именно хочет, и умеющий ради целей, коль они поставлены и признаны жизненно важными, идти напролом, не обращая внимания на любые ограничения, запреты и трудности, ломая об коленку мешающих и сопротивляющихся.

Тьма летом в этих широтах наступает поздно, но падает стремительно, как атакующий ястреб; вроде еще сумерки, потом раз и, словно щелкнул невидимый выключатель, и воцарила тьма. Перевернутый ладьей плывет серебряный месяц, яркие южные звезды словно подмигивали с небес.

Об Оле он думал с нежностью: то были мысли человека, разом потерявшего все, и привычный мир и родичей и, которого держал на плаву единственный якорь по имени Оля Соловьева. А еще, пожалуй, долг перед друзьями и сослуживцами. Память упрямо подсовывала прекрасное девичье лицо, склоненное набок, обрамленное водопадом темных локонов. Раннее, свежее, тихое утро. Влюбленные гуляют по осеннему саду, небо улыбочливое – словно в ноябре опять началось бабье лето. Оля поворачивает голову с милым вздернутым носиком, озорно стреляет огненно-черными глазками. Пухлые, жадные губки шепчут что-то... он так любил их целовать. Сердце забилось неровно, и каждый удар, будто звон набата, отдавался в голове, порождая протяжные сладкие отклики эха: Оля, Оля...

По телу пробежала ледяная волна. Ноздри раздулись, почти ощутил манящий до дурноты аромат девичьих кос, но... нет. Показалось.

Усилием воли отогнал женский образ. Бой, возможно, завтра. По донесениям разведки войско повелителя джунгар разбило лагерь у озера Жаланашколь, ближе к выходу из джунгарских ворот, и, если завтра враги двинутся вперед, приблизительно к обеду наткнутся на преграждающее им путь казахское войско.

– Тащ, старший лейтенант, – хрипло прокричал повар, – пробовать ужин будете?

Александр поднялся с гальки.

– Конечно, – ответил, надел на голову кепку и направился мимо придвинутых вплотную друг к другу в оборонительный круг фургонов к кухне, откуда шел густой аромат вареного мяса и специй.

– Что-приготовил-то? – офицер сглотнул голодную слюну, пахло аппетитно.

– Бешбармак, – повар, довольно прижмуривая «монгольские» глазки, расплылся в горделивой улыбке, – Такого бешбармака вы не пробовали! Это я вам как казах говорю!

Повар налил немного, только прикрыв дно металлической тарелки. Шибануло наваристой мясной похлебкой. Самое оно для изголодавшегося солдата!

Не успел устроиться за столом, когда из палатки выглянул угрюмый и даже растерянный радист с бумажкой в руке. Поискал взглядом дежурного офицера, подошел.

– Что случилось? – Александр нахмурился, почувствовав плохое и, положил ложку на стол.

– Вот, радиограмма из города – радист протянул вырванный из блокнота листок и потупил взгляд, – здесь все написано.

Александр взял желтоватый лист радиограммы, глаза пробежались по строчкам. «Уничтожена банда, совершившая нападение на лагерь геологической партии. Костяк банды составила разведывательная группа, посланная Хунтайши Джунгарии. В ходе ликвидации банды погиб летчик лейтенант Евдокимов С. В». Пилотов в городе немного, можно пересчитать по пальцам, и единственным из них с фамилией Евдокимов, сосед по квартире и лучший друг – Сергей. Александр остолбенел. Он хотел что-то сказать, но горло сжал жесткий спазм. Кровь резко, толчком, ударила в голову, несколько секунд перечитывал сообщение снова.

– Спасибо, можешь идти, – пробормотал офицер осипшим голосом, отдал телеграмму и, сгорбившись, словно на плечи давила невидимая гора, отвернулся от поспешившего исчезнуть солдата. «Господи, как же я без Сереги?» И тут же жаркая волна стыда заставила покраснеть. Да, о чем он думает? Эгоист! Его больше нет... Губы, подбородок, щеки задрожали, словно смертельно хотелось разрыдаться, только забыл, как это делать. Из груди вырвался судорожный вздох. Больно, словно оторвали важную часть тела, и она болит и кровоточит.

Ночь упала стремительно, словно кривая сабля степняка на шею жертвы.

Мрачная тьма сгустилась там, где не виделись, а скорее угадывались горы, за которыми пряталась Джунгария, восточная страна убийц и палачей. В небе ярко сверкнула, словно взгляд злобного дэва, (сверхъестественные человекоподобные существа, имеющие вид великанов) первая звездочка. Взгляд молодого человека из растерянного превратился в угрожающий, недобрый. Еще раз с силой, высоко вздымая плечи, выдохнул воздух, лицо закаменело в новой ипостаси. Он, наконец, нашел личные основания для боя. Убийцы и изуверы не должны дойти до города и ради этого он отдаст даже жизнь.

Когда усталые солдаты вернулись с подготовки укрепрайона, поужинали и готовились ко сну – завтра, возможно, предстоял сражение, сменившийся с дежурства Александр отозвал в сторону, подальше от подчиненных, замковзвода прапорщика Сорокуна.

– Сергей, – офицер глухо откашлялся и произнес надтреснутым голосом, – говорят, у тебя водка есть?

– А кто сказал – то? – густо пробасил прапорщик, набычился словно медведь-шатун и бросил на начальника тяжелый взгляд исподлобья. В исполнении мускулистого парняги, ростом под два метра и весом около сотни килограммов, это выглядело впечатляюще – Вы больше слушаете всяких стукачей!

– Это не важно! – Александр угрюмо боднул головой, – У меня друг погиб, летчик, помянуть надо. Так есть или нет?

– Тот самый летчик, о котором писали в радиограмме? – прапорщик почесал подбородок, под рукой хрустнула успевшая с утра отрасли щетина.

– Да.

– На святое дело найдем немного, тем более для вас.

Начальника, несмотря на разницу в возрасте, Сорокуну слегка за тридцать, он уважал. Вне службы у них сложились ровные, почти приятельские отношения. Даже разок, когда Сорокун поругался вдрызг с женой, ночевал в комнате у начальника.

Прапорщик нырнул в фургон, через пару минут вернулся с замызганным пластиковым пакетом.

– Вот, правда, не водка, а самогонка, но хорошая, отвечаю шеф!

– Да пойдет! Спасибо, – с чувством добавил Александр, крепко пожимая руку подчиненного, – Приходи в командирскую палатку после отбоя!

– Приду, – прапорщик кивнул.

Сорокун откинул полог и заглянул в палатку.

– Разрешите? – пробасил.

Сквозняк мотал тусклую лампочку под потолком, бросавшую таинственные тени на лица офицеров, на миг то скрывая в густой тени, то открывая взгляду небогатый военно-полевой стол во всей немудрености. Посредине – большая миска с бешбармаком. Дальше – глубокие тарелки с маринованными опятами и, истекающими ароматом копченостей и специй толстыми ломтями мяса и рыбы. Негромко трещал движок электростанции да жужжали выющиеся вокруг лампочки надоедливые степные насекомые. Пир небогат, зато дружен по-братски – вокруг боевые побратимы. В углу сидел начальник экспедиции майор Афонькин.

– Заходи, опаздываешь! – буркнул майор, покосившись на просочившегося в палатку прапорщика и нетерпеливо махнул рукой, – Надеюсь, эта бутылка последняя? А то знаю я вас, прапорщиков, все норовите в норку запрятать, глядишь, если пошарить, то не одна бутылка найдется?

– Да че вы такое наговариваете, – Сорокун возмутился совершенно искренне, но взгляд предательски вильнул в сторону.

– Все собрались, прошу к столу, – Александр сказал негромко. Лампочка выхватывала из тьмы необычайно серьезное лицо и набухшие под глазами мешковатые складки.

Когда по солдатским кружкам разлили пахнувший сивушными маслами напиток, Александр поднялся. Недолго поразмышлял над тем, что следует сказать, затем зло дернув уголком рта, отчеканил:

– Вчера погиб мой самый большой друг, русский герой Евдокимов Сергей. Пусть земля ему будет пухом.

Офицеры дружно поднялись. Лица торжественно-печальны, не чокаясь, выпили.

– А ведь это джунгары убили твоего друга, – усевшись на место, напомнил майор угрюмо.

Сверчки тянули однообразную, томительную песенку. Послышалось отдаленное конское ржание.

Александр перевел напряженный взгляд на начальника. На лице змеями катнулись желваки.

– Я знаю.

Еще раз выпили.

– Я вот все думаю, – пробасил Сорокун, оторвавшись от толстого куска мяса, который он откусывал крепкими зубами, – А зачем мы здесь за тысячи километров от России и города. Здесь мы все чужие... И не нахожу ответа.

Петелин сосредоточенно, с каким-то тихим озлоблением вертевший в руках вилку, холодно обрезал прапорщика:

– Серега Евдокимов... геологи... Суки, чтобы любая тварь до поноса боялась даже подумать о том, чтобы наших задеть. Своими руками душил бы гадов. В кровавую пыль. Мочить буду пока достанет сил, а мощи у меня немерено, – рыкнул Петелин, не отводя взгляда сжавшихся в узенькие щелки глаз от покрасневшего лица Сорокуна.

– Спокойно, спокойно, – то ли пораженно, то ли удивленно, прапорщик покачал головой, – Не кипятись, это я так, ради поддержания разговора, а ты изменился, кровожадный такой.

– Зато справедливый.

После четвертого тоста: за то, чтобы за нас не пили третьим, бутылка закончилась. Завтра предстоял бой, так что продолжения не последовало.

Александр последним вышел из палатки. Горел погребальным костром закат, и волками смотрели звезды из-за вуали облаков. Луна огромная и красная, словно пылающая, показалась невероятно большой. Черные силуэты гор неожиданно четко нарисовались на ее фоне, они напоминали вершины извергающихся вулканов.

Знаете ли вы что такое ночь перед боем, когда не знаешь увидишь ты следующую ночь или нет? Вот и Александр не знал, но то ли сказался выпитый алкоголь, то ли сам огрубел, но спустя полчаса спал, так же, как и маленький лагерь пощанцев. Конечно, за исключением дежурных.

На следующее утро за полчаса до обычного подъема в палатке раздался охрипший спросонья голос майора Афонькина:

– Подъем товарищи офицеры. Будите бойцов!

После легкого завтрака фургоны оборонительного периметра лагеря сдвинули в стороны. В образовавшийся проход один за другим выехали два фургон с минометами и боеприпасами. Вслед за ними вышел взвод пехотного прикрытия во главе с Александром и двинулся по утоптанной тысячами караванов пыльной и каменистой дороге, теряющейся в узком коридоре Джунгарских ворот. Где-то там, невидимое, двигалось навстречу судьбе вражеское войско. Повозки из оборонительного круга немедленно сдвинули назад, а в лагере остались одни часовые.

Александр двигался привычным к многокилометровым переходам военным шагом во главе взвода, за неспешно катящимися по дороге фургонами. Заунывно выл, обдавая злым запахом раскаленной пыли и пересохшей полыни и, играясь сухими «колобками» перекасти-поле, жаркий южный ветер. Гнул выгоревшие на летнем солнце травы. Позади глухо стучали об вытопанную землю солдатские ботинки. Рядом обгоняли, искоса поглядывая на пощанцев, племенные отряды и дружины крупных феодалов – почти двадцать пять тысяч прирожденных кавалеристов. Еще не так жарко, но поднимающееся южное солнце напоминало своей ненавистью ко всему живому яростный дьявольский взгляд и к полудню температура обещала подняться под сорок градусов. Над выгоревшей степью струился раскаленный воздух, а впереди холодно и безразлично сияли ледники Джунгарского Алатау, над ними выцветшее, пронзительно-голубое небо. Он готовился драться на смерть. И невольно подумалось сколько из тех, кто встретил рассвет, увидят закат?

Через пятнадцать минут взвод подошел к передовым позициям в центре объединенного войска. В земле чернели траншеи построенного по всем правилам военной науки будущего, опорного пункта. Взвод окопался в одну линию, сто метров по фронту, загибавшуюся флангами назад. В глубине, за батареей минометчиков, дополнительно отрыли окопы для круговой обороны. С фронта в сотне метров впереди позиции, в степном ковыле прятались густые клубы колючей проволоки.

Выбранное Тауке-ханом место для боя идеально для войска казахов, где конные отряды могли реализовать преимущество в подвижности, но и для пощанцев удобно. Пока не сметут на флангах многотысячные отряды казахов, опорный пункт невозможно окружить.

Солдаты торопливо разгрузили минометы, боеприпасы и комплекты доспехов с изображением городского герба и стальные щиты, изготовленные по образцу полицейских из двадцать первого века. Испытания показали, что для бойца в кирасе из легированной стали с наплечниками, наручами и поножами стрелы представляли опасность только при попадании в незащищенные части тела, а огнестрел только вблизи. Когда груз оказался на земле, фургоны направились полевой лагерь, а пехота, надела защитное снаряжение, с негромким гомоном попрыгала в глубокие, в рост человека, окопы.

Приданным огнеметчикам молодой офицер определил позиции на флангах взвода.

Потом спрыгнул в окоп командно-наблюдательного пункта.

Между тем горячий ветер с юга усилился. «Это хорошо, – с одобрением подумал Александр, доставая платок и, в очередной раз, смахивая со лба липкий пот, – Когда джунгары доберутся до наших позиций, ветер снесет стрелы в сторону». Испытывал ли он страх перед предстоящим боем? Конечно, да, как любое живое существо, рискующее жизнью, но все же не такой, чтобы его нельзя превозмочь. Скорее, чувствовал лихорадочное возбуждение, когда вроде все подготовил, но, кажется, что необходимо сделать что-то еще. Оставив на командно-наблюдательном пункте взвода наблюдателя, пошел по траншее на правый фланг. Бойцы обустроивались, нервничали, тихие разговоры, угрюмые лица. У кого осталась заветная пачка сигарет, упивались табачным дымом. Одной из тем разговоров была гибель летчика. Александр нахмурился и невольно ускорил шаг. Когда друг принял последний, неравный бой, Александр был далеко. Разумом понимал, что где находится, зависит не от него, а от приказов руководства и вины в том, что произошло, нет, но глупому сердцу не прикажешь. Настроение окончательно испортилось.

С обеих сторон от траншей неторопливо выстраивались в более-менее ровную линию отряды конников. Кони, предчувствуя бой, тревожно ржали. Впереди богато экипированные командиры с развевающимися на ветру разноцветными флажками родовых цветов на конце копий. Позади рядовые бойцы с нарукавными повязками или нашивками таких же цветов. Армия сильная для средневековья, но в семнадцатом веке она обречена на поражение. У казахов мало артиллерии, а пехота отсутствовала. Это и стало причин их неудач в войнах с джунгарами, имевшими и обученную пехоту, и многочисленную артиллерию. Джунгар нельзя назвать обыкновенными кочевыми варварами. При основателе ханства Батур-хунтайджи активно поощрялось земледелие, строились укрепленные «городки». Для развития пашенного земледелия его приемники активно переселяли в центральную Джунгарию оседлые народы. Благодаря вынужденным иммигрантам в ханстве развивалась черная и цветная металлургия, суконное производство. Знали они и огнестрельное оружие, и широко использовали.

Александр вернулся назад и доложил по рации о готовности к бою. Узнаваемый, хрипловатый голос майора, командный пункт начальник экспедиции держал на минометной батарее, сообщил что джунгары начали выдвижение. Сердце забилося чаще. Скоро все произойдет!

Петелин сидел на дне окопа, привалившись к стенке не из привычного чернозема, а рыжей, как летняя степь, земли и, думал о том, что это вторая его война в этом мире. И в самом деле, за три месяца он умудрился поучаствовать в двух войнах или, точнее, одной войне и одном бое. При этом он несколько раз рисковала жизнью, но такая жизнь ему нравилась. Вот в чем дело.

Солнце поднималось все выше, жгло яростными лучами, и зной усиливался. Александр вытирал набежавший из-под пилотки пот. Спина, с плотно прилипшей офицерской рубашкой с короткими рукавами, темнела мокрыми пятнами. Ветер безостановочно нес едкий, мелкий песок, забивавший рот, нос. Бойцы попрятались на дно окопов где осталось немного тени, поругивали командиров за преждевременный подъем. Он все чаще недовольно поглядывал на палящее не по-детски солнце, высоко поднявшееся над горами и иссушенной равниной и периодически прикладывался к фляге с противной, теплой водой.

Стояла туго натянутая тишина, и в этом недобром молчании даже в самых дальних окопах слышали, как наблюдатель, опустив бинокль, немного растерянно проорал:

– Идут!

– Кто? – вздрогнув, Александр подскочил во весь рост и тут же ответил себе на вопрос – джунгары. Торопливо вскочил, бинокль взлетел к глазам. Изображение рывком приблизилось. Километрах в четырех, из-за коричнево-серой горы неторопливо, словно объевшийся питон, выползали ровные ряды многотысячного войска хунтайши Галдана. Их много, очень много и выглядели они грозно и несокрушимо. Порыв ветра донес заунывный вой больших труб и мерный рокот варварских барабанов.

«Нда... большая армия, не кот насрал, – сердце Александра сжалось от страха, но только на миг. Экая глупость. Ему не первый раз воевать с местными, как-нибудь сладит и с этими! Облегченно выдохнул воздух. По крайней мере в ближайшие часы все решится, пытка ожиданием закончилась».

Предводитель джунгар полководец был многоопытный и, опасаясь вражеской атаки на марше, заранее развернул армию для сражения. На флангах попеременно двигались проворные отряды конных лучников, сверкали сталью эскадроны, тяжелой панцирной кавалерии. Впереди на племенных жеребцах, с пестрыми попонами, двигались степные тайши (племенные вожди). Порывистый ветер развивал разноцветные флаги в руках, колыхал султаны из конского волоса и птичьих перьев на высоких шлемах, напоминавших по форме вазу или кувшин с длинным узким горлышком. По выучке и снаряжению конные латники напоминали европейским путешественникам знаменитых «крылатых» гусар. Так что относиться к ним следовало со всей серьезностью. В одном ряду с джунгарами – воинские подразделения вассальных племен: енисейских кыргызов, телеутов, кашгарских «бухарцев» и халхасов. Такие же конные отряды составляли вторую линию и резерв войска.

В середине боевого порядка и немного позади флангов – джунгары называли такой боевой порядок лук – ключ, маршировали плотные шеренги мушкетеров с ручным огнестрельным оружием, изготовленным в основном в городах Средней Азии. Искусством стрельбы из ружей джунгарские воины владели прекрасно, и, если допустить их вплотную к окопам, они могли представлять немалую опасность для попаданцев. В промежутках между шеренгами по степному разнотравью мерно шагали густые колонны пехотинцев в сверкающих доспехах. Над головами колыхался густой ворс длинных копий, похожий издали на щетину исполинского вепря.

– Первый, ответь второму! – Александр произнес в рацию.

– Слушаю, чего тебе, второй? – сквозь неожиданные помехи донесся напряженный голос майора.

– Наблюдаю войско джунгар.

– Аналогично, расслабься старлей и наблюдай за представлением в исполнении минометной батареи.

Александр положил рацию на место. «Ну вот и шанс вернуть должок», – хмурясь думал. Пусть с помощью товарищей и союзников – казахов, но отомстит! Мрачно усмехнувшись недобрым мыслям, вновь поднял бинокль к глазам.

Позади, где стояла минометная батарея, глухо бамкнуло. Спустя считанные мгновения перед вражескими рядами расцвел огненно-дымный цветок взрыва. «Недолет», – Александр досадливо поморщился. Войско джунгар, казалось, не обратило на вражеский снаряд никакого внимания – все так же мерно маршировали мушкетеры и копейщики, рысили бесчисленные отряды конников.

Снова бамкнуло. Минометный разрыв разбросал десятки копейщиков в стороны, будто злой великан бросил в гущу оловянных солдатиков битую. Спустя несколько секунд в гуще мерно шагавших пехотинцев поднялись к небу пять огненных цветков. Свистели чугунные осколки, убивали, безжалостно рвали человеческие тела. Не спасали даже металлические латы копейщиков. Окровавленные бойцы рушились на степную траву, выли от боли, с ужасом смотря на свои оторванные руки и ноги. Для аборигенов конца шестнадцатого века артиллерия попаданцев была ошеломительно далеко и результативно.

Залп, залп и снова залп. Каждые несколько секунд над отрядами мушкетеров и копейщиков поднимались смертоносные фонтаны огня и дыма. Целые ряды рушились на землю, словно трава под косою, но слишком хорошо хунтайши Джунгарии выдрессировал пехоту. Шеренги поспешно смыкались. С великолепным презрением к смерти, прямо по трупам погибших и

телам раненых, под мерный рокот барабанов и грозный вой труб, джунгары, с великолепным презрением к смерти, все так же размеренно маршировали.

Опустив бинокль Александр, покачал головой и невольно выругался. «Классно идут». Мужество, даже если это враг, не могло не вызывать невольного уважения.

Полководец джунгар сделал правильные выводы из невиданной скорострельности и дистанции, на которую стреляли вражеские орудия. Он не стал полагаться на жестоко избиваемую пехоту, а выкинул на игральную доску сражения собственный козырь – прекрасную тяжелую панцирную кавалерию. Ей только добраться до врага, а дальше скажется профессиональная выучка и отличная экипировка латников. На вражеской стороне по-иному затрубили трубачи, тревожно забухали барабаны, передавая войскам приказ.

– Рысью, марш! – услышал юный латник Сенге. Кровь по жилам растеклась огнем, сознание стало ясным и чистым, переполненным жаждой схватки. Он покажет жалким казахам, что такое воин из племени дербетов!

Понукая коня и набирая ход, перебросил из-за спины щит. Потянул из петли копье. На коня особо не наседали – необходимо держать строй. Нога на секунду потеряла стремя, поспешно словил его с внутренним страхом, не успеет до сшибки – он гарантированный покойник.

Фланги войска из конных отрядов, заметно ускорились, кони пошли рысью, а пехота остановилась, в ее строю появились разрывы. В них показались отряды панцирной кавалерии второй линии.

На стороне казахов ответно взвыли трубы. Повинуясь приказу, первая линия всадников оцетинилась опустившимися параллельно земле копьями. Конная лавина тронулась. Готовясь к сшибке, лошади двинулись шагом, постепенно ускоряясь, начали разгоняться. Тысячи копыт издавали глухой, напоминающий подземный, гул.

Цели минометчиков изменились, три ствола методично молотили измученную потерями пехоту, а по одному пытались нащупать минометными разрывами наступающие конные отряды врага. Пропустив кавалерию, пехота не выдержала избиения, сначала попятилась, затем отдельные бойцы побежали, спустя считанные минуты бегство стало всеобщим.

Взрывы наносили ужасающие потери коннице джунгар, но наступательный порыв батыров остановить не смогли. Слишком стремительно сближались две конные лавины, и слишком много людей яростно стремилось вцепиться во вражеские глотки.

Вот враги уже рядом. Кони перешли на галоп. Воинственные кличи казахских родов громко разносились над примолкшей степью. В ответ джунгарские воины прокричали собственный клич.

Все, дальше стрелять невозможно, можно задеть союзников. Будешь бить в эту кучу конников – порaziшь и своих, и врагов. Минометы переключились на остатки убегающей пехоты, большая ее часть скрылась за горой.

В первом ряду дружины тайши дербетов отважный Сенге мчался навстречу врагам, которые приближались с небывалой стремительностью. Стыло сердце, но он был полон решимости. В щит ударила стрела, мотнула руку. Рядом раздался короткий вскрик, товарищ рухнул под копыта. Пронзительно заржала лошадь, заглушая человеческий вопль. Сенге наклонил копье. Выбрав противника, прицелился в грудь. Еще чуть-чуть! Уже видны едва не выдавленные волнением и страхом глаза казаха, совсем близко страшная муть лица. Две конных лавины с треском, грохотом, яростными криками, отчаянным ржанием лошадей, сшиблись примерно на полпути. Сенге ударил противника копьем. Тот успел закрыться щитом, но таранный удар, помноженный на мощь более тяжелого коня, не оставил ни единого шанса – словно пробка из бутылки вылетел на землю, под копыта обезумевших коней.

Поле сшибки заволочла густая пыль.

Пальцы разжались, выпуская размочаленное копьё. С легким шелестом сабля покинула ножны.

За вскинутой головой коня замаячило потное, разгоряченное лицо немолодого казаха.

Сверкнув на солнце, клинок обрушился на голову. Казах прикрывшись щитом, но тяжелый клинок перерубил и щит, и живую плоть.

Конь понес дальше. Воином овладела горячка боя.

Вокруг исполненные ужаса предсмертные крики, вопли ярости, страха и злобы, ржание ошалевших от ударов коней, скрежет железа – все слилось в сплошной адский гул.

Коней развело. Краем глаза увидел яростно оскаленный рот противника и уловил атаку слева. Клинок полоснул по подставленной сабле.

Сталь о сталь брызнула с визгливым восторгом, ему вторили разъяренные и испуганные крики противников.

Конь гулко прохрипел.

Толчая привела к новому противнику. Несколькими ложными ударами Сенге усыпил бдительность и, изменив направление удара пырнул острием сабли и тут же, привстал в стременах, с безумным рычанием рубанул по голове. Острие глубоко вонзилось в кость выше уха. Казах упал.

Все следующий!

Копыта коня опустили на хрустнувшее под ними тело убитого.

Управляя коленями, развернул жеребца. Впереди затянута в халат спина. Н-на! Сабля прочертила косую полосу, взрезая ткань, плоть и кости. Казах испуганно-удивленно вскрикнул, завалился на холку коня и скатился вбок на землю.

Казалось, бой длился бесконечно, но противник неожиданно закончился.

Крутнув над головой окровавленным клинком, завертел головой в поисках.

На смятый конскими копытами ковыль упала желтоватая пена. Лошадь протащила мимо мертвого казаха. Нога застряла в стремях, лошадь несла, мотая избитое тело по земле.

Пронзительно закричал, размахивая флагом, родовой тайши, призывая воинов строиться для новой атаки.

Примитивная тактика джунгар – лобовая копейная атака, оказалась действенной. Бывают на войне ситуации, когда техническое преимущество обесценивается, а исход баталии решает голая сила и воинский дух. Линия боя по флангам прогнулась под напором превосходящих сил джунгар, но пока держалась. Другое дело центр, где с казахами сшиблись в основном латные отряды. Там не так радужно. Страшным таранным ударом панцирники разметали линию казахских отрядов.

Минометы перенесли огонь по коннице.

Александр опустил бинокль и оглянулся на окопы. Руки невольно сжались в кулаки, в голове зазвенело. В километре-полтора сверкала железом ламинарных доспехов конница джунгар. На ходу выравнивая ряды, неторопливым галопом приближалась к опорному пункту попаданцев. «Ну вот и наша очередь пришла вступить в бой», – подумал Александр и невольно сглотнул горькую слюну.

– Пятый, шестой, седьмой, на связь!

Когда командиры отделений один за другим доложились, бросил резким, жестяным голосом:

– Огонь открывать самостоятельно по приближении противника к ориентиру один. Огнеметчиков это тоже касается! Траншеи перекрыть щитами. Как поняли?

– Принято, – вразнобой послышалось.

Александр поднял прислоненный к стене щит и положил сверху на окоп, оставив бойницу, достаточную для прицельной стрельбы. Чувства притупились, кроме тех, что потребны в бою. Ни рефлексий, ни лишних мыслей, ничего, что способно помешать делать дело. Он

работал, потому что война для офицера – это его работа. Тяжелая, грязная, смертельно опасная, но профессионал делает, что должно, и получается это у него, как надо. Потому, что он профессионал.

– Не высовывайся! – буркнул наблюдателю, тот торопливо пригнулся и поправил ремень автомата. Александр опустил вниз бронестекло шлема, конница врага, несмотря на частый минометный обстрел с пронзительным визгом скакала на врага. Копья латники сломали при сшибке с казаками, но и тяжелые сабли вместе со стрелами и примитивными пистолетами при стрельбе в упор могли принести нешуточные проблемы. Племенные, откормленные на зерне кони перешли на быстрый галоп.

Сенге давно заметил откуда летели поразившие столь многих товарищей снаряды и горел жадной мести. Сейчас жалкие черви, посмеявшие противиться джунгарам, получают достойное возмездие! Рекой потечет кровь нечестивых!

До длинных ям, куда спрятались от праведного гнева ойрат (самоназвание джунгар) убийцы, оставались считанные мгновения скачки, когда жеребец под Сенге споткнулся и с жалобным ржанием полетел оземь. Страшный удар о землю и боль в затылке почти вырвали сознание из тела. Во рту железистый вкус крови, глаза заливала кровь, мешая видеть небо. Родное небо Великой Степи. «Все», – с облегчением скользнула мысль. А потом только черная пустота.

Лошади, достигшие рубежа колючей проволоки, на всем ходу падали оземь, поднимались на задние копыта, сбрасывая всадников или опрокидываясь. Давка, столпотворение и затор. Конское ржание, полное страдания и боли. Крики, вопли людей.

«Лежачих бить нельзя? – Правильно! Их необходимо добивать!» Со стороны окопов загромыхало: тра-та-та!

Тяжелые пули били в плотную массу остановившихся латных всадников, одна пуля могла пронзить двоих и застрять в теле третьего. Мертвые рушились с коней, раненные судорожно хватались за поводья, стараясь удержаться в седлах, а то неминуемо затопчут. Затрещали редкие ответные выстрелы, в воздух взвилось несколько стрел, но они никак не изменили картину тотального избиения.

Раз, другой, гулко ударило по прикрывавшему траншею с командным пунктом щиту.

Со змеиным шуршанием с флангов опорные пункты протянулись к куче-мале из людских и лошадиных тел огненные росчерки. Горящие заживо люди и кони заматались по полю, никогда еще Александр не слышал такого истошного, пробирающего до глубин души воя. Через считанные метры несчастные падали наземь тлеющими трупами. Выдержать нападение плюющихся пламенем драконов оказалось выше сил суеверных хроноаборигенов и стало последним перышком, «сломавшим спину верблюда». Задние, не пострадавшие ряды конников в панике повернули коней. Из всех сил нахлестывая камчой лошадиные бока, помчались прочь по покрытому окровавленными трупами и жалобно стенающими ранеными полю.

Гулко забухали минометы, сопровождая бегство остатков конницы частоколом разрывов. Жестокое избиение и паническое бегство элитной, латной части войска перешло во всеобщее бегство. Побежали джунгарские отряды на флангах. Сначала обратились в бегство одиночки, следом, спасая жизни, бросали боевую линию целые отряды. Вскоре вся линия джунгар, в панике выкидывая по пути все тяжелое, бежала с поля боя.

Усталым движением Александр снял с головы шлем, провел рукой по лицу, по взмокшим, словно после марш-броска, волосам. Взгляд зацепился за стрелу, глубоко вонзившуюся в землю, всего несколько шагов не долетев до окопа.

«Победа!» – подумал с ликованием.

Справа послышалось шуршание, повернулся на звук.

Раджабов – командир отделения, ловко, словно барс, одним прыжком выскочил на бруствер. Босой с кинжалом в руках. На раскрасневшемся лице улыбка-оскал.

– Асса! – раздался вопль невыразимого восторга. Самозабвенно заплясал в бешеном ритме под только ему слышимую музыку, руки и ноги выделяли затейливые «па» дикой лезгинки. Сверкал сталью кинжал, бросая по сторонам зайчики.

В прорези яростно оскаленных зубов слюдянисто искрила слюна.

Взгляд Александра не отрывался от кавказца, с блаженной улыбкой покачал головой – ну дает!

– Асса! – снова изо всех сил выкрикнул кавказец, подняв лицо к синему-синему, как в родных горах, небу. Не поддаваться животному магнетизму и силе этого танца просто невозможно. Раздались первые хлопки, аккомпанирующие дикому танцу. С каждым мигмом они становились чаще и вскоре бешено хлопал весь взвод.

– Асса!

И столько в этом крике неукротимой, дикой силы, а в лице Раджабова бешеного азарта и незамутненного счастья, что Александр, наконец, до конца поверил. Они выживут и прогнут этот мир под себя.

– Победа, – заорал изо всех сил, пятерня взъерошила волосы на затылке. Расхохотался от души. С шиком, как бывалый гимнаст, выскочил из тесной щели окопа и тут же настроение изменилось.

Перед ним была поистине апокалиптическая картина. Тысячи и тысячи погибших и умирающих.

Зловеще чернели полосы мертвой, обуглившейся земли, усеянные почерневшими телами людей и коней. Их много, слишком много.

Порыв ветра донес жирный вонь горелой плоти и смерти, он зажал нос.

Тонкими от ужаса и боли голосами орали, зывали о помощи раненые и обожженные.

Седоватый джунгар в длинном степном халате и, в слишком коротких доспехах, расставаясь с жизнью, бил ногами по земле, впору доброму коню на привязи.

На колючей проволоке отходил молодой парень с красивейшими женскими глазами. Из косога разреза живота вылезал на изрытую копытами, обожженную землю, отливая нежно-розовым и голубым, клубок кишок. Дымясь, увеличивался в размере.

Александр отвернулся, лицо превратилось в мертвенно-бледную маску. Война дерьмо. Полное дерьмо!

Перед мысленным взором мелькнуло лицо погибшего друга. Офицер сильнее сжал челюсти. Алаверды по полной!

А над полем боя все звучало дикое, первобытное, теряясь в степной дали:

– Асса!

Вечером во взводной палатке было тихо, но когда Александр заглянул туда, понял, что солдаты пьяны до изумления. Навстречу поднялся, покачиваясь, Раджабов.

– Простите, товарищ старший лейтенант... Вот в честь того, что выжили.

– Ничего, Теймур. Ничего... Никому слова не скажу, но, чтобы к подъему все были трезвые! Иначе собственными руками прибыю. Тебя первого, запомни это, сержант. Ты знаешь, если я сказал, то так и будет.

Раджабов поверил, он знал взводного. Если пообещал, в лепешку разобьется, а выполнит.

Глава 10

Тот же день, второго июля 1689 года от рождества Христова, на другом конце огромного евразийского континента. В стольном городе русского царства Москве смутно и тягостно. Казалось, все по милой сердцу старине: благообразно и чинно. Стрельцы и старообрядцы после показательной казни князя Хованского с сыном Андреем, присмирели. Даже разбойнички, грабившие не только в дремучих лесах вокруг Москвы, но и в городе, после нескольких публичных казней «шалили» с опаской. Но что-то нехорошее и кровавое подспудно вызревало в удушливой атмосфере третьего Рима. Об этом украдкой шептались прожженные интриганы из боярской думы. Да что они! Это тайком обсуждала вся Москва. Оба царя: и Иван и Петр вошли в возраст и в полную силу. Младшему: Петру, незадолго до этого – 30 мая – исполнилось семнадцать. По настоянию матери он женился на Евдокии Лопухиной, девке из захудалого, но многочисленного и горластого дворянского рода и по обычаю стал совершеннолетним. Формальных поводов для регентства над малолетними царями у Софьи Алексеевны не осталось, но она продолжала, к великому неудовольствию царя Петра, цепко удерживать в маленьких женских ладошках бразды правления русским государством, и стрелецкие начальники с приказными чинами ей подчинялись. Царь Петр жаждал власти и настаивал на своих правах, но безуспешно. Отдавать власть, возвращаться к Домострою и закрываться на женской половине царских хором Софья не желала. Судьба царской дочери, у которой два пути: в монастырь или угаснуть безвестно на женской половине дворца, ее категорически не устраивала. Назревало неизбежное противостояние. Кремль и двор Петра в Преображенском, не без оснований подозревая друг друга в намерении разрешить противостояние силовым, кровавым путем, готовились к неизбежному столкновению.

Горячее летнее солнце с любопытством заглядывало сквозь частые стекла окошечек в маленькую кремлевскую светлицу, жарило разноцветными лучами. Сюда допускались только избранные. В воздухе плыли ароматы засушенных трав. В дальнем углу изразцовая с лежанками русская печь. У одной стены – громада напольных часов, медленно вертится расписанный розами циферблат. Рядом длинная лавка. В красном углу потемневшие лики смотрят с икон, перед ними еле теплится неугасимый огонек лампадки. Напротив книжный шкафчик. Книги истрепаны, видно, что ими пользуются постоянно. Все по московской старине.

У стола, покрытого белоснежным холстом, на изящном, венецианской работы стуле сидела царевна Софья, глаза полужакрыты, недавно вернулась с обедни, устала. Только и успела перекусить наскоро. Но она не спит, внимательно слушает стоящего напротив стола окольного Федора Леонтьевича Шакловитого, молодого красавца, убежденного сторонника и фаворита царевны. За семь лет регентства Софья постарела, подурнела. Думы, беспокойства и тревоги оставили заметный след на когда-то красивом и юном лице, но одевалась царевна по-прежнему пышно, словно девица.

– Есть еще, матушка, – окольный поднял на царевну умный и холодный взгляд. После князя Василия Голицына, которого сплетники почитали за любовника царевны, он набрал наибольшую силу при московском дворе. Дождавшись едва заметного кивка, продолжил важно читать присылаемые на царевнину решение челобитные и письма:

– Жалоба на воеводу боярина Никиту Ивановича Примакова-Ростовского от купцов Астраханских. Торговлю разоряет поборами в собственный карман. Мзду берет со струга по алтыну, а с воза по шести копеек. Купца Ивашку Борзова безвинно томил в чулане, от чего тот помер. И еще грозит: коли станут жаловаться, всех купцов астраханских разорить.

– Воруют, – глаза царевны открылись, по-бабьи подперев голову рукой, прошептала, – да будут ли пределы алчности боярской?

С каждым словом все больше мрачнела, тяжело, по-мужичьи глядя на фаворита.

– Матушка, не велика шишка боярин Никита Иванович, а трогать нельзя. Царь Петр вошел в возраст, аки лев алчущий, добычи рыкает и требует власти. Пока нас поддерживают и Дума, и войско, а начнешь против шерсти бояр гладить? Мигом перебегут в Преображенское!

Лицо Софьи посерело, ноздри раздулись:

– Милославское семя голову подняло! Забыли стрелецкий бунт! Того и гляди меня попросят от правления!

Женская рука подняла лежавший на столе зачитанный томик библии, нерешительно подержала в руке и вновь положила назад. После неудачного крымского похода скрытое недовольство правлением Софьи среди высшей аристократии и дворянства только усилилось. Задевать их стало откровенно боязно. Отвернувшись к стене, так не видно лица, царевна сказала глухо:

– По челобитной отдать на приговор Думы... – голос осекся.

– Хорошо, матушка, – участливо глянув на царевну, Шакловитый склонил голову.

– Если что есть важное, давай своими словами. Остальное потом, устала я!

Молодой стольник, белозубо улыбнувшись и, отложив грамотки на стол, посерьезнел, продолжил после небольшой паузы:

– Есть дело важное... Письмецо от Строганова Григория Дмитриевича. На границе с киргизцами появился из ниоткуда город великий. Говорят, промышлением божьим он перенесся из 2011 года от Рождества Христова в наши времена, – сказал с удивлением. Повернулся к иконам, привычно и мелко перекрестился.

– Охти мне! – Софья прижала руки к пышной, но висячей, как у рожавших женщин груди, взглянула на фаворита с удивлением, тонкие дуги выщипанных в ниточку бровей поднялись домиком, в глазах непонимание:

– Да может ли такое быть?

– Промышлением божьим и не такое возможно, только бы Господь, – стольник поднял глаза вверх, – восхотел этого.

Царевна ожила, бледные щеки заалели, в глазах зажглись искры неподдельного интереса.

– И какие дива у них есть?

– Сказывают, что привезли они для торговли в Орел-городок кузнечную рухлядь, искусно сработанные топоры, пилы и лопаты железные. Еще зеркала не хуже веницийских и искусно сработанные шкафы холодильные, что в них не положишь, стоит долго, словно в погребе со льдом.

– Ишь ты, – царевна восторженно выдохнула, глаза ее горели восторгом, словно у ребенка, услышавшего чудесную сказку. Город дивный из-за тридевяти земель, полный диковинок...

– А живет там кто?

– Люди православные, говорят по-русски, но немного чудно, но не это самое важное! – стольник остановился, ожидая реакцию всемогущей правительницы Русского царства.

Дождавшись заинтересованного взгляда царевны, тонко и немного злобно усмехнувшись, продолжил:

– Пришла мне такая мысль. Делают пришельцы хитрого устройства мушкеты, стреляющие на версту и более. Сказывают оные, в любую цель попадают точно. А Петр ходит по Коломенскому без опаски, да и кто сможет что понять, если за версту кто выстрелит в него?

Глаза царевны сузились, она размышляла. Взгляд Софьи скользнул по красному углу. Аскетичный лик Христа с почерневшей от времени иконы кротко и укоризненно смотрел на царевну. Отвернулась. Зло конечно, но куда царям без него? Чай вымолит прощение божье. Глубоко и печально вздохнула. Ох грехи наши тяжкие! А ведь вправду никто не поймет, кто убил Милославское семя. Один выстрел, и она навсегда избавится от волчонка, Иван болен и кроток, проблем не принесет. С другой стороны, скоро узнают, что дальнобойные мушкеты

есть только у пришельцев. Значит, и вину за убийство, если что, будет легко на них свалить! Решено, отправить к пришельцам подсыллов с заданием любой ценой нанять стрельца искусного и привести в Москву. А там посмотрим, что это за мушкеты, и что за людишки появились на окраине уральской.

Софья взглянула на фаворита, тот преданно смотрел на повелительницу.

Молча поманив стольника к себе, царевна, обдавая пылающим дыханием, зашептала советнику на ухо...

Из писанного по латыни письма французского военного инженера Галларта, адресованного в королевство Польское в Варшаву:

... А еще брат Вуйчик, спешу проинформировать вас о доподлинном и преудивительном случае. Известные вам купцы Строгановы донесли в царскую канцелярию, что на Урале неведомо откуда появился город. Живут там искусные мастера, владеющие секретом изготовления больших зеркал. Ежели сие правда, то это серьезная угроза европейской неготиации и интересам наших друзей с острова Мурано. Город сей населен такими-же moskovit, как и остальная Russie, но жители его не подчиняются Tsar. А еще донесли престранные слухи, якобы есть у них летающие корабли, что, несомненно, полная глупость, ибо даже в просвещенных странах таковых не имеется. По своей природной склонности ко злу moskovit пытаются обмануть просвещенные народы, о чем душа моя скорбит, видя столь низкое падение нравов столь близко к Европе. Тем не менее город сей представляет интерес и посему прошу вас спросить брата провинциала, как следует мне поступить.

За сим молю Господа, чтобы он поддерживал вас, брат Вуйчик, своей святой охраной.

Провинциал – руководитель ордена иезуитов в пределах определенной территории, образующей провинцию.

Словно круги после упавшего в воду камня множились события, меняющие мир конца семнадцатого века, переделывающее самим фактом появления города попаданцев.

В комнате отдыха Иван Савелович мирно попивал чаек с медом. А почему бы не отдохнуть, если строительная лихорадка и штурмовщина ввода в работу экспериментальной мартеповской печи и первых плавов, уже закончились? Дверь распахнулась, в комнату юркнул только устроившийся на работу после кратких курсов парень. Савелович знал только имя: Сашок.

– Главный инженер зовет в цех, срочно, – крикнул заполошно, шмыгнув вечно красным носом и, не дожидаясь ответа, выскочил в дверь, громко хлопнув.

«От блин, балаболы! Опять без меня не могут! Даже чай спокойно не дадут попить!», – проворчал про себя Иван Савелович, но в то же время с некоторой гордостью. Не торопясь, допил чай и направился в цех.

У ошутимо пыхающего жаром ковша стоял взъерошенный главный инженер в окружении всех имевших опыт в металлургии «аксакалов».

– Все вроде? – не дожидаясь ответа, заговорил нервно и дергано, – Прозевали козла (остаток металла, застывший в объеме печи или ковша)! Черт! А плавку задерживать никак нельзя! Что делать будем?

Он замолчал и с выжидательным выражением лица посмотрел на старых, опытных металлургов. Сам главный инженер, хотя и имел высшее образование, но в сфере, далекой от металлургии, и сейчас осваивал азы профессии. Впрочем, не один он здесь такой, большинство рабочих и инженеров экспериментального цеха впервые познакомились с мартеповской печью вживую, а не на экране телевизора, только после Переноса. Кадровых металлургов в городе раз два и обчелся.

«Аксакалы» заскребли в затылках. Иван Савелович первым нарушил молчание.

– Козел значит... это плохо, но не смертельно. Можно его и вручную сбить!

– Сдурел Савелович? – главный инженер отрицательно покачал головой, – Ковш – раскаленный, а ждать пока остынет нет времени. Директор сказал, что хотите делайте, но, чтобы вторую плавку сегодня начали!

– Не сомневайтесь, Александр Петрович, не впервой! – Иван Савелович немного снисходительно улыбнулся, – Вот смотрите, остудим ковш водой и пробьем вручную выпускное отверстие!

Он с надеждой посмотрел на «аксакалов» – ну не могут не знать о таком «фокусе».

– Да, это возможно! – «аксакалы» дружно загомонили и, главный инженер нехотя согласился. А Савелович, как предложивший рискованную операцию, сам и вызвался ее исполнить.

К ковшу для охлаждения подвели шланги со сжатым воздухом и водой. Тугая струя ударила во внутренности, в ответ повалили непроницаемые клубы пара, словно из извергающегося вулкана, заволокли цех ощутимо горячим туманом. Спустя несколько минут раскаленный докрасна огнеупорный кирпич внутренностей ковша потемнел, вулкан просто парил, а не яростно извергался. И, хотя жар оставался внутри кирпичей, времени дожидаться полного охлаждения не оставалось, через час – плавка.

Иван Савелович надел валенки, суконную спецовку, войлочную шляпу, рукавицы и защитные очки, бросил во внутренности исходящего паром, словно баня, ковша, лестницу. Улыбнулся ободряюще собравшейся около ковша молчаливой толпе и спустился в огненные внутренности ковша, словно в Преисподнюю.

Шипели струи сжатого воздуха, сбивая жар внутри.

«Дын – дын – дын!» – гулкие удары лома были хорошо слышны по всему цеху.

За один заход сбить козла не удалось. Иван Савелович вылез наружу, лицо багровое, как льющийся из ковша металл. С жадностью выпил две кружки холодного, аж зубы ломит, поспешно поданного кваса, отдуваясь, устало присел на скамейке у стены. Потом вылил на себя два ведра воды и снова залез в ковш. И опять: «Дын-дын-дын». До плавки оставалось немного более получаса, когда, с дымящейся спиной, багровым лицом и с обугленными краями спецовки, вылез наружу.

– Говорил, сделаю и сделал! – прохрипел пересохшим горлом Иван Савелович нетерпеливо переминающемся главному инженеру и, пошатываясь, направился в комнату отдыха.

До конца смены оставался час, когда Иван Савелович, постучался и зашел в кабинет Александра Петровича. Попросил разрешения взять на завтра выходной, чтобы забирать из больницы жену. Главного инженера снова горячо пожал старому металлургу руку и разрешил два дня выходных. Вернувшись после вечерней поездки в больницу, Иван Савелович до ночи убирался в квартире: мыл, пылесосил и стирал накопившееся грязное белье. Жена была чистюля и не терпела беспорядок.

Утром – третьего июля, Иван Савелович вышел из подъезда гораздо позже обычного, яркое после полутьмы солнце, на густо-синем небе, ударило по глазам, и он на миг зажмурился. День обещал быть хорошим. Южноуральские пичуги, невидимые под защитой веток и листьев, звонко выводили рулады. Мужчина широко улыбнулся. Настроение у него таким же солнечное, как утро. На улице никого, только соседка этажом ниже, сухая, словно вобла, пенсионерка Светлана Яковлевна, занимала излюбленный боевой пост у подъезда на выцветшей скамейке. Кое-кто называл ее большой сплетницей, но сама себя она считала слегка любопытной и чуткой, равнодушной к людским проблемам женщиной.

Женщина всплеснула руками:

– Утро доброе, соседка! – сказала с некоторым удивлением. Голос грубоватый, почти мужской.

– Доброе, – мужчина с некоторой досадой кивнул. Сплетницу он не любил.

Машина стояла у подъезда – Иван Савелович пригнал ее вчера вечером. За время после Переноса автомобиль оснастился уродливой нашлепкой газогенератора. На реконструкцию «ласточки» мужчина решился скрипя сердцем, но иных способов оставить ее в строю не было. Открыв топку газогенератора, Иван Савелович щелкнул зажигалкой на древесном спирту. Огонь стремительно побежал по заранее заготовленным щепкам. Из багажника вытащил несколько хорошо высушенных дровишек и подкинул в задымившуюся топку. Оставалось подождать минут двадцать, прежде чем автомобиль сможет начать движение. Заглянув в салон, и убрал с заднего сидения ящик с водительским инструментом в багажник.

Захотелось курить, сглотнув тягучую слюну, досадливо махнул рукой. Сигареты в магазинах давно закончились, а массовое появление деревенского самосада, не говоря о американском табаке, ожидалось не раньше, чем через несколько лет. Приходилось терпеть. На рынке из-под полы куревом еще торговали, но просили за него уж совсем дикие цены. А эрзац-сигареты с начинкой из пропитанных никотином капустных листьев просто гадость. В первое время у Ивана Савеловича болела и кружилась голова – синдром курильщика, но постепенно привык обходиться без курева. Присев на скамейку напротив соседки, откинулся на спинку, поглаживая до синевы выбритый подбородок.

Светлана Яковлевна окинула мужчину пытливым взглядом, поерзала на скамейке, потом, не выдержав пытки любопытством, спросила вкрадчиво:

– Ты это, Иван Савелович, на работу то не опоздаешь? Директора, едрит их, лютуют! Ох уж лютуют. Тут давеча Риммкиного мужа, ну ты его знаешь, он из первого подъезда...

Иван Савелович перебил:

– Отпросился я на сегодня, за Аннушкой поеду. Забирать. Выписывают ее сегодня из больницы.

– Вот и молодцы, молодцы, – пенсионерка торопливо закивала головой в цветастом платке, – а я вся такая жду, жду, когда соседка из больнички приедет! Почитай месяца два уже, как сердечная в больничке? Тут любая, даже животная сочувствовать будет!

Настроение у Ивана Савеловича было прекрасное и он, вопреки обыкновению, не прервал разговор. Они обсудили дефициты и сошлись на мнении, что в последнее время с продуктами стало чуток получше. Полки магазинов и городской базар заполнились привычными овощами и фруктами, яйцами, и курятиной от птицефабрики.

Иван Савелович осторожно прикоснулся к стенке газогенератора. Горячий – похоже можно ехать. Попрощавшись со словоохотливой соседкой, сходил домой и вернулся с собакой на поводке. Пес привычно забрался на задние сидение, а Иван Савелович, поправил кобуру и сел за руль. Среди горожан после разрешения свободной продажи оружия стало модно носить его постоянно. В основном покупали короткоствольный огнестрел, любители экзотики приобретали казачьи шашки и сабли. Иван Савелович, хотя и не был склонен следовать модным веяниям, после того, как едва не потерял супругу, предпочитал повсюду носить револьвер.

Автомобиль тронулся, покотил по омытой ночным дождем улице.

В больницу Иван Савелович успел почти вовремя, часы показывали две минуты одиннадцатого – задержался на автомобильном переезде. Пришлось ждать пока проедет поезд. Ежедневно, утром и вечером, эшелон с бронеплатформой и длинной вереницей открытых вагонов, доверху наполненных жирно сверкающим на солнце углем, проходил в сторону электростанции.

Мужчина быстрым шагом заскочил в приемный покой, в руке – трехлитровая пластиковая канистра – после Переноса немалая ценность. Больница встретила до боли знакомыми запахами: карболки и еще чего-то столь-же неприятного. На облупленной, ядовито-зеленой стене оптимистичный плакат: «Куришь, пьешь? Быстро умрешь!» Жена, уже не в больничном халате, а в повседневных джинсах и блузке, поджидала на скамейке у входа и нервно теребила

на пальце обручальное кольцо. На полу – пухлый пакет с немудреными больничными пожитками.

Болезненно-желтое лицо женщины, с поджатыми губами, при виде мужа расцвело улыбкой облегчения, напомнившей мужчине ее такой, какой она была четверть века тому назад. Сердце защемило... Поднялась, сухие губы ткнулись в мужскую, тщательно побритую и, пахнущую одеколоном щеку.

– Подожди здесь, я сейчас, – торопливо шепнула и нырнула куда-то внутрь больницы.

Иван Савелович терпеливо вздохнул, усевшись на скамейку, приготовился к ожиданию. Жена появилась спустя пару минут в сопровождении невысокого мужчины в белом, изрядно мятом халате, из нагрудного кармана его торчал краешек какого-то медицинского приспособления. Юрий Соломонович, с намечающимся брюшком, крупным сизым носом и грустными глазами навывкат, в которых собралась вся скорбь иудейского народа, считался одним из лучших хирургов в железнодорожной больнице и лечил женщину после перевода из реанимации. Стрела задела толстый кишечник, что привело к осложнениям – перитониту и сепсису и только благодаря тому, что ее так быстро доставили в больницу, она выжила. К тому же поначалу антибиотиков хватало на всех больных. И все же несмотря на все усилия докторов, женщина пролежала на больничной койке больше двух месяцев.

Хирург вальяжно подошел к супругу пациентки. Торопливо поднявшись, Иван Савелович пожал вяловатую руку. Доктора он искренне уважал за профессионализм и искреннюю заботу о пациентах.

– Здравствуйте, здравствуйте! – доктор немного пожевал губу, словно в задумчивости, – Ну что же, забирайте и больше не подставляйте супругу под стрелы. Лишние пациенты больницы не нужны! Хорошо? – продолжил с легкой иронией.

– Юрий Соломонович! – мужчина всплеснул руками и заалел, – Кто же знал, что нарвемся на этого... – на секунду замер, подбирая не матерные слова.

Доктор вяло погрозил пальцем.

– Обойдемся без ненормативной лексики. Все я знаю, вы берегите жену. Она большая умница и, главное, боролась за жизнь. Как говориться, если пациент хочет жить, то медицина бессильна, – доктор болезненно улыбнулся.

Многим, слишком многим он не смог помочь. Антибиотики и другие лекарства их двадцать первого века закончились и слишком часто он был бессилен.

Потом доктор одобрительно посмотрел на женщину, та запунцевело и потупила глаза.

– Милочка, не забудьте: диета и дробное питание! – доктор коснулся плеча бывшей пациентки теплой, дружеской ладонью.

– Я поняла, Юрий Соломонович, – женщина с серьезным видом кивнула и принялась наматывать на палец прядь отросших за время лечения волос, аккуратно разделенных белой ниткой пробора на два коричневых полукруга.

– И купите, голубчик, жене компрессионные чулки. Она больше двух месяцев в больнице пролежала, – доктор перевел строгий взгляд выпуклых глаз на Ивана Савеловича.

– Хорошо, Юрий Соломонович, – мужчина наклонил голову, – Доктор, я так благодарен за жену. Если бы не вы... Словом, это вам, – протянул канистру хирургу, содержимое тяжело плеснулось.

– Что это?

– Первак, хороший. Не побрезгуйте!

Выцветшие губы женщины сжались в тонкую ниточку, острый локоток незаметно ткнул мужа в бок. Савелович охнул, а доктор заметно повеселел.

– Мужики сказали хороший, – мужчина обернулся к жене и стрельнул на нее опасливым взглядом, – сам не пробовал.

– Да я вас умоляю, разве доктора не люди? – врач довольно хохотнул и заграбастал канистру, – Спасибо, спасибо... Алкоголь для хирурга лучший антисептик и антибиотик. И ранку промыть, и употребить, опять же внутренне.

По дороге домой Анна не отрывала взгляда от пейзажа за окном, рука то гладила мягкую шерсть домашнего любимца, то теребила обручальное кольцо. Пес, при виде потерянной хозяйки, словно сошел с ума. Прыжки, повизгивания. Большой, красный язык пса облизывал лицо. Наконец пес немного успокоился и прочно оккупировал колени хозяйки. Так, по мнению Жука, он не позволит ей снова исчезнуть.

Успокоительно жужжал двигатель автомобиля, муж негромко рассказывал о делах. Порывы влажного ветра доносили с окраин заполошный петушиный крик и далекие людские голоса. Стоило закрыть глаза и чудилось, что вокруг привычный город, как до Переноса.

Но если открыть их, наваждение рассеивалось.

Знакомый до последнего дома город изменился. Телевизор, который супруга смотрела в больнице, не давал понять масштаб произошедших перемен. Вроде все те же, окруженные глухими заборами одноэтажные дома частного сектора и панельные пятиэтажки, дороги и трубы электростанции на горизонте, но впечатление город производил совсем другое. Стал собраннее и суровее. Словно досужий гуляка, переодевшийся в строгую военную форму. Прежде всего бросилось в глаза отсутствие празднующихся. Разгар рабочего дня и на улицах только старики и дети, да вооруженные патрули полиции с военными, да брели, склонившись под тяжестью ведра или канистры, по широким улицам домой горожане. Машин, особенно легковых, на дорогах меньше, большинство изуродовано таким же горбом газогенератора, как у мужниных жигулей. Недлинные очереди, в основном из подростков, у свежевырытых колодцев и машин-водовозок, благо водоносные слои с качественной водой залегают неглубоко. Реагенты для очистки воды давно закончились, и, хотя ее обеззараживали перед подачей в водопроводную сеть, благо добычу хлора путем электролиза раствора поваренной соли сумели наладить, в пищу и для питья не употребляли.

Прошло четверть часа, скрипнули тормоза, машина затормозила у подъезда родной пятиэтажки. Иван Савелович торопливо выскочил, открыл перед женой дверь. На улице чисто и безлюдно и даже пахло по-иному чем до Переноса: сгоревшим углем и антоновскими яблоками, которых уродилось неисчислимая сила.

Светлана Яковлевна, на «боевом» посту у подъезда при виде живой-здоровой соседки всплеснула руками и, словно молодуха, подскочила со скамейки.

– Едрит-колотить! Аннушка! С выздоровлением! – воскликнула искренне, по старушечьим щекам потянулись мокрые дорожки слезинок. Широкой, мужской походкой подошла, обняла, хотя раньше женщины не были особо близки.

Спустя пару минут за счастливыми супругами хлопнула дверь подъезда.

Глава 11

Тауке-хан спал... Вдруг, словно ужаленный скорпионом, открыл глаза и приподнялся на локте. Сквозь открытый тундук полная луна светила словно матушкин начищенный таз, заливала внутренности шатра мертвенным серебром. Временами неверный свет пробегал по стенам шатра с золотым шитьем, по полу в коврах с разнообразными рисунками, оплавленным огрызкам свечей в канделябрах, резной серебряной посуде и тогда казалось, что там, где свет не доставал, шевелится нечто...

тундук, – конструктивный элемент, увенчивающий купол юрты в виде решетчатой крестовины, вписанной в обод.

Он спал один – наложницу не стал брать на ложе, годы брали свое. Зато верная сабля рядом, на стене, рукоятью к хозяину. Тауке-хан не разлучался надолго с оружием – жизнь научила всегда иметь его под рукой. Отовсюду плыли холодные запахи ночи, смешанные с тревожным и горьким ароматом степных трав. Где-то поблизости глумливо проухала сова и опять душная тишина. Звуки, долетавшие время от времени, были решительно ни на что не похожи и в них приходилось долго опознавать нечто хотя бы приблизительно знакомое. Все как обычно и в то же время разбудил некий звук, слишком необычный, чтобы быть естественным.

Хан замер, вслушиваясь в тревожную тишину. Узкие щелки глаз всматривались в полутму шатра. Ергенек едва заметно колыхнулся... Показалось, нет? Нет, показалось.

ергенек (дверца входа), приставная дверь юрты в виде деревянной резной решётки, которая снаружи занавешивается войлоком.

Старания Тауке-хана были вознаграждены. Совсем рядом – бряк металла и тут же едва слышный хрип, какой издает человеческое горло, когда его перерезает боевой нож. Хан бесшумно, словно леопард на охоте, вскочил. Миг и в руках хищно блеснул в лунном свете обнаженный клинок... мягко присел, в левой появился подаренный пришельцами из будущего пистолет.

Ергенек отлетел в сторону, в шатер ворвался убийца, в руке матово блеснула сабля.

«Бах» – оглушительно в тишине летней ночи прогремел выстрел в упор.

Человек согнулся, словно пораженный молнией, сабля глухо упала на дерево решетки. Вслед за ним и убийца.

Еще трижды пистолет пел смертоносную песню и только единожды хану пришлось скрестить саблю и добить подранка.

Последний из убийц ворвался в шатер, когда снаружи уже лязгали сабли и слышались крики дерущихся – подросла личная стража хана и, поэтому, Тауке-хан решил взять его живым.

«Гостя» Тауке-хан поприветствовал хитрым ударом в правое плечо, но, к его удивлению, тот легко парировал и, презрительно фыркнув, в следующее мгновение ответил, наметившись на предплечье – не достал. Хан отпрянул назад.

Тауке-хан медленно пятился, с трудом успевая парировать непрерывные атаки убийцы. Острия встречались с глухим стуком, при боковом ударе клинков раздавался короткий немзыкальный лязг.

Хан успел пожалеть об опрометчивом решении взять убийцу в плен – ему достался настоящий мастер сабли к тому же давно не тренировался в смертоносном «танце» с остро отточен-

ным куском стали. Тауке-хан уже собирался применить последний аргумент-пистолет, когда в шатер ворвался нукер с факелом в одной руке и саблей в другой.

Убийца начал разворачиваться, но коротко и страшно пропела сабля, прочерчивая кровавую борозду на спине последнего убийцы. Спустя миг тот со стоном рухнул на ковры.

– Мой повелитель! – склонил голову воин, – вы не пострадали?

Хан с досадой отмахнулся и, с саблей в руке склонился над раненым:

– Посвети!

Кровавые свет осветил скуластое лицо, показавшееся хану смутно знакомым. Точно! Этот человек Сасык-бия. Каракалпаки? Вражье семя!

– Говори. Говори азгын (конченный человек), прирежу, как овцу! Почему, почему предал своего государя! – остро отточенный клинок коснулся горла раненого.

– Ты, – на губах выступила кровавая пена и хан понял – этот не жилец, – ты проданся урусам...

– Акымак! (дурак) – хан плюнул в лицо несостоявшегося убийцы. Острая сталь привычно, словно жертвенному барану, прочертила по горлу кровавую полосу. Раненый захрипел в последнем усилии сохранить улетающую к гуриям жизнь. Пятки забили чечетку по коврам, но Тауке-хан уже вычеркнул его из сферы своих интересов. Выпрямился, рывкнул во все горло:

– Собрать ко мне всех! Живо!

Резня кровавым смерчем пронеслась по Казахскому ханству. Вырезали всех причастных к заговору, не разбирая мужчина или женщина, взрослый или ребенок – мстителей не должно остаться. Это было жестоко, но неправильно судить о поступках человека одной эпохи с точки зрения другой. То, что в наши дни каждый порядочный человек счел бы для себя позорным, казалось тогда оправданным и вполне естественным.

Через месяц все закончилось, но только несколько тысяч семей сумело бежать на восток к джунгарам или на запад к русскому царю.

Очередной день истекал к исходу. Солнце опускалось за бетонные коробки серых пятиэтажек; бросило несколько теплых лучей, огненной полосой прорезавших кроны тополей у кирпичного, со статуями колхозниц, фасада ресторана Степные Дали. Потом один за другим они погасли.

Вечером в приватном зале собрались свои. Ресторан недаром считался лучшим в городе, а ныне он стал и единственным – остальные закрыли. После конфискации у главы заговора Романова, его передали на баланс комитета по ЖКХ и создали отдельное муниципальное предприятие по управлению им. Свежий, теплый ветер врывается сквозь открытые настежь окна в просторный главный зал, трепал длинные, до пола, портьеры глубокого коричневого цвета. Скатерти были белоснежны, посуда изящна, вокруг столов суетились вежливые, отлично вышколенные и угодливые до безобразия официанты, но это как раз и являлось важнейшей частью сервиса. Когда тебе смотрят в рот – невольно исполняешься сознанием собственной значимости и многим это нравилось. Громкие звуки музыки из покинутого и недостижимого двадцать первого века плыли по залу. Что-то из Эннио Морриконе. На столах: дорогие и изысканные блюда, разнообразные закуски; поблескивая импортными этикетками, красуются пузатые бутылки с винами, дорогие коньяки и водки. Словно и не было Переноса, карточной системы и до сих пор по многим позициям пустых полок магазинов. Далеки еще до исчерпания хранящиеся на оптовых складах запасы... только доступны они далеко не всем.

Собрались «сливки» города. На почетных местах в центре зала, каждый в мягком кресле, сидели руководители администрации в строгих деловых костюмах и тихо переговаривались, гадая о причине, по которой собрал Соловьев с приглашенными по особому списку доверенными директорами и бизнесменами. Но причина была неизвестна и, оставалось только ждать.

Ровно в десять вечера дверь открылась, в зал вошел почти двухметрового роста амбал в расстегнутом, красноречиво оттопыривавшемся слева пиджаке, огляделся. Вслед за ним мэр города – Соловьев. После покушения градоначальник всюду передвигался в сопровождении телохранителей. У дверей на миг остановился, цепким взглядом, в глубине которого читалось превосходство и, некоторая брезгливость, прошелся по людям за длинным столом. Вроде бы все.

– Здравствуйте, – проронил Соловьев куда-то в пространство, ни на кого не глядя, последовал к месту во главе стола.

Зашуршали отодвигаемые стулья, чины администрации и муниципальные директора дружно поднялись. Это было что-то новенькое. До Переноса так приветствовали фигур не ниже Губернатора. Наглеет Соловьев, но делать нечего. Назвался груздем – полезай в лукошко! Бизнесмены, кто с обалдевшим выражением лица, кто с непроницаемой физиономией игрока в покер, спустя пару секунд ступора последовали примеру.

Охранник, настороженно осмотрев зал, уселся на заранее приготовленный стол у входной двери. Соловьев присел на место во главе стола и, все также в пространство проронил:

– Садитесь.

Пока гости с шумом рассаживались, наклонился к заместителю по промышленности и планированию – Никите Ивановичу. Выслушав тихий доклад, одобрительно кивнул. За месяц после гибели жены он сильно сдал внешне. Одутловатые мешки под глазами, нездоровый цвет лица. Если раньше ему давали пятьдесят с хвостиком, то сейчас выглядел шестидесятилетним пенсионером. Только прищуренный взгляд остался прежним, жестким и цепким. Сильно изменился и внутренне. Вначале заикнулся на желании отомстить Романову, а когда тот бесследно исчез, его захватило стремление перегнуть Русь через колено. Совершенно очевидно, что, город, как цивилизованная и технически развитая часть России, должен стать ее центром, ее мозгом, ее столицей. А возглавлять его, и, стало быть, всю Русь, будет он, Соловьев. Это казалось логичным и соответствующим интересам и горожан, и остальной Руси. К сожалению, он не самовластный правитель города и нуждался в поддержке единомышленников. Ну что же, поговорим. Ему необходимы разделяющие его цели люди. Когда официанты разлили по рюмкам напитки и удалились, повернулся к гостям и неторопливо выровнял тарелку и столовый прибор, поджал бескровные губы, загоревшийся лихорадочным возбуждением взгляд поднялся на гостей.

– Делу время, потехе час! Пить водку будем после, – громко произнес Соловьев, и внимательно оглядел настороженных бизнесменов и чиновников.

– Уважаемые товарищи, соратники! Я называю вас именно так потому, что только благодаря вашей поддержке мы смогли благополучно пройти первые, самые трудные месяцы после Переноса. Здесь необходимо подчеркнуть, что у нас была единственная цель – выжить в страшном и диком семнадцатом веке. Сейчас мы можем с уверенностью сказать, что все получилось! Благодаря нам, нашей работе, можно с уверенностью сказать, что город сумеет прокормить себя и сохранит подавляющее техническое превосходство над миром.

Это было правдой, и аудитория одобрительно загудела, да и хвалебные слова мэра многим пришлись по душе. Переждав эмоциональную реакцию, градоначальник продолжил:

– Ход российской истории известен из школьных уроков. Устраивает нас то, что происходит и будет происходить? Все эти революции, кровавые войны, вонючая дикость и прочее варварство?

Градоначальник оглядел соратников, затем, отвечая на собственный вопрос, покачал головой:

– Меня -нет. А в силах ли мы, выходцы из цивилизованного двадцать первого века, не допустить всего этого? Я утверждаю – да! В жестоком мире семнадцатого века все решает сила, а она у нас имеется! Оружейники и химики произвели первые партии патронов, что при 3-

сменной работе четырех прессов моторного завода даст в неделю до 10 000 патронов. То есть вопрос с патронами успешно решен! Далее. Успешно опробованы в реальном бою минометы. Оснащенное указанными минометами наше экспедиционное подразделение сыграло решающую роль в разгроме нашествия джунгар...

Стук в дверь застал врасплох, мэра прервался на полуслове. В зал, не дожидаясь разрешения, ворвался известный, наверное, всем в городе, Сергей Иваненко. До Переноса – скандальный блогер и журналист областной газеты, а ныне корреспондент малотиражки электростанции. Обликом мужчина карикатурно напоминал гнусной памяти Егора Гайдара, такой же гладкий и плешивый, эфемерно добродушный. Но внешность обманчива. Журналист был из тех акул пера, кого, скорее, следует назвать гиенами. Ради красного словца и мать родную не пожалеет.

– Здравствуйтесь, – Иваненко небрежно поздоровался и попытался прошмыгнуть вглубь зала, но безуспешно. Ладонь охранника, размерами с две у обычного человека, уперлась в грудь, остановила на полпути.

От него пахло сладким запахом духов, которыми раньше пользовались исключительно женщины горизонтального промысла.

Градоначальника перекосило, глаза налились кровью, уши запылали. Он даже приподнялся со стула и посмотрел на журналиста так, как смотрят на пойманную вошь:

– А ты что здесь делаешь?

– Почему вы мне тыкаете? У нас свободная пресса! Я имею право присутствовать! – отчеканил побледневший журналист и поднырнул под руку, пытаясь обойти телохранителя, но не тут-то было! Жесткие пальцы схватили за плечо.

Глаза Иваненко стали круглыми, как блюдца.

– Пусти меня, горилла! – закричал, давая петуха и схватил за руку гиганта-охранника.

– Ничего ты не имеешь! – рыкнул Соловьев, левое веко заметно дернулось, – Не стой в дверях и не стесняйся – иди нахрен! Выкинь его Валера отсюда!

Виктор Александрович в свое время немало пострадал от обвинительных статей Иваненко, а сейчас такая великолепная возможность поквитаться! Губы ощерились в злой улыбке, глаза довольно блеснули. Слава богу, теперь нет причин сдерживать себя.

Лапа охранника перехватила журналиста за шиворот, потащила к выходу. Иваненко засеменил спиной вперед, часто перебирая ногами. Градом полетели вырванные с мясом пуговицы, обнажая впалую, болезненно-белую грудь. Из горла вырвались испуганно-протестующие крики и, естественно, запнулся и едва не упал, но падение на полпути остановила вцепившаяся в ворот рубашки рука. Хрустнуло. Словно куль, охранник поволок по безукоризненно чистому дубовому полу вопящую и, безуспешно сучащую ногами жертву к двери. Скрылся в коридоре. Возмущенные вопли еще несколько секунд слышались, затем затихли. Наступила относительная тишина, только из дальнего угла доносился шепот – обсуждали происшествие. Кто-то злорадно хихикал. Многие из присутствующих в свое время пострадали от статей Иваненко, так что желающих заступиться за репортера не было. Соловьев потянулся к бутылке с минералкой, открыв, налил в стакан, и с удовольствием отпил.

– Продолжим, товарищи. Я уже говорил, что сила у нас есть, – Соловьев обвел взглядом вновь притихших чиновников и предпринимателей, – Но при всех наших технологиях двадцать первого века город слишком мал, чтобы жить ни с кем не взаимодействуя. Но с кем? Южнее располагаются казахские степи. Это малонаселенный и бедный регион в котором проживают чуждые по религии и менталитету люди. В силу этого единственный выход – поддерживать отношения с московским царством, где проживают наши прямые предки и такие же православные, как и мы. Но с каких позиций поддерживать, в каком качестве? Если идти на уступки аборигенам, то обязательно посчитают слабаками и станут требовать все больше и больше. Начнут навязывать свои порядки, начнут разваливать нам хозяйство и обратного пути

уже не будет. И постепенно все скатится к тому, что посадят на шею воеводу, который станет драть с нас по три шкуры во благо царя и бояр. Хотите вы такого? Я – нет!

Градоначальник замолчал, в который раз выровнял столовый прибор. Стояла тревожная тишина, столь полная, что слышалось жужжание бившейся о стекло мухи.

– Виктор Александрович, – поднялся с места директор городского водоканала, с сомнением пожевал губами, – так как вести себя с Москвой, все-таки они нам не чужие.

– Спасибо за вопрос, Виктор Степанович. В политике не важно, чужие, не чужие, – градоначальник с досадой махнул рукой, – Вы спрашиваете какие должны быть отношения с Москвой? Только с позиции силы! И силу я и все мы, скоро покажем! Вместо «аборигенного» царя в Москве будет наш человек, наш человек из города, а все противники этого будут гнить в земле.

Градоначальник замолчал, оглядел притихший, ошарашенный зал. «Бояться с огромной Россией связываться, трусы!» Презрительно хмыкнул про себя и продолжил, – Мы навяжем России собственный образ жизни, а не Москва нам. Так мы цивилизуем варваров! Все со мной согласны?

Зал заполнился фальшивыми улыбками и не менее фальшивыми, но дружными аплодисментами. Только приглашенный начальник пожарного «бронепоезда» Чепанов смотрел с недоумением, но в толпе мэр ничего не заметил.

Соловьев обвел внимательным взглядом зал. Все смотрели мимо, но возразить не решился никто. «Ну что же, и это для начала неплохой результат» Душа вдруг наполнилась ощущением безмерного одиночества. Вокруг только подчиненные и зависимые и не одного соратника. Усилием воли заставил себя отрешиться от неуместных мыслей. Зачем ему, с его волей и талантом, соратники? Он сам, собственными усилиями, сделает все, что пожелает! Успешное подавление мятежа Романова и успехи города еще больше уверили в собственной гениальности.

Поднялся, театральным жестом вскинул к потолку запотевшую рюмку с кристально чистой водкой:

– За будущее процветание города!

– За город! За процветание! – зал дружно откликнулся. Мэр лихо опрокинул рюмку в рот. И принялся неторопливо, как привык, насыщаться – он стремился все контролировать и наслаждаться жизнью в любых ее проявлениях.

После победного сражения с джунгарами прошло больше месяца. За это время экспедиция попаданцев успела обратно пересечь Великую Степь и вчера, девятого августа, благополучно прибыла на попаданческий форпост – угольный карьер. Рискованная экспедиция закончилась благополучно. Ведь что стоит помощь, если она оказана? Но никаких попыток нападения со стороны казахов так и не произошло. Или они оказались достаточно благородны, чтобы ценить помощь, или понимали, что город им не раз пригодится для отражения новых нашествий джунгаров. Хунтайши ушел с поля боя невредимым и, несомненно, строил планы реванша. А, скорее всего, обе причины сыграли вместе и обеспечили лояльность и верность слову повелителя казахов. Первым делом взвод ветеранов – а они, прошедшие две короткие, но страшные войны с казахами и джунгарами, могли себя так называть с полным правом, помылись в бане форта и впервые за последние месяцы переночевали в полной безопасности и на настоящих кроватях, а не на походных койках. Испытания сплотили, ветераны не боялись ни крови, ни трудностей и за своим командиром готовы были идти до конца.

На следующий день, после обеда в гарнизонной столовой, погрузились в идущий в город железнодорожный состав.

Недолгое путешествие запомнилось Александру удивлением, которое испытал при виде того, как много успели сделать по обустройству границы попаданцы. Разрезала землю, уходя к горизонту, много раз перепаханная, черная, как ночь, контрольно-следовая полоса. В полу-

сотне метров дальше линия высоких, с трехэтажный дом, вышек, на которых пограничники несли круглосуточное дежурство.

Начало темнеть. Мерно, убаюкивающе покачивался вагон на стыках мокрых после дневного дождя рельс. Глядя на несущийся за окном томительный пейзаж: бесконечная степь и редкие лесочки с деревьями, между которыми с грохотом и взвизгами гудка несся поезд, – он думал о судьбе города, о своей собственной и о невесте. И мечтал, что пройдут года, и школьники будут изучать первое большое сражение попаданцев из будущего и, непременно наткнуться на фамилию Петелин. Он жаждал попасть в историю. Он жаждал славы и признания.

Когда эшелон въехал в зону уверенного покрытия мобильной связью, набрал номер Оли, но сколько не звонил, трубку никто не взял... Забыла дома или не слышит? Но верилось в это слабо.

К станции подъехали в полутьме. Торжественный колокольный звон плыл над замершим в мягком закате городе. Ни огонька. Неторопливые проплывали сумрачные громады зданий, в которых изредка мелькали слабые отблески керосинок. Город производил впечатление незнакомого и мрачного.

Ну вот и дома. Слабая улыбка тронула жесткие губы.

На вокзале поджидали несколько армейских тентованных Уралов.

Петелин сдал имущество и оружие, включая захваченные раритеты: джунгарскую пушку и несколько ручных огнестрелов на склад. Потом отправил солдат в казарму и направился на доклад к комбату. С беззвездного неба закапали редкие, но крупные капли.

Штаб встретил тишиной и безлюдьем, он прошел по пустынному коридору к командирскому кабинету. На негромкий стук услышал приглушенный дверью голос комбата:

– Заходите!

За долгое отсутствие Александра в кабинете, ничего не изменилось. Даже куревом воняло по-прежнему. Разве что вместо любимого Изюмовым «Camel», рядом с полной окурков хрустальной пепельницей лежала вскрытая пачка эрзац-сигарет со смешной надписью на лицевой стороне: «Горожанин» на фоне труб электростанции. Невольная улыбка тронула обветренные губы – комбат показался почти родным человеком.

– О! Наш герой вернулся, – Изюмов пробасил густо и поднялся из-за стола. Встретил на полпути, не давая по-уставному доложить о прибытии, протянул руку. Рукопожатие жесткое, мужское.

Изменился, уже не мальчишка, а многое повидавший и переживший мужчина, отметил Изюмов. До черноты загорел, волчий взгляд видевшего смерть и убивавшего человека. Под глазами мешки – видимо досталось по полной.

У командира Александр пробыл минут двадцать. Успел вкратце рассказать о приключениях и удостоиться множества похвал. Подполковник время от времени поглядывал на молодого человека, словно не веря, что такая предусмотрительность, такое мужество и знание военного дела могут сочетаться с обликом юноши, которому едва исполнилось двадцать лет. Объявив от лица службы благодарность командир пообещал, что это только начало награды и разрешил неделю отгулов, как он сказал, для решения личных вопросов.

Петелин вышел на крыльцо, остановился под козырьком, устало потянулся. На часах двенадцатый час ночи. Дождь, разошелся, полосовал косыми струями мир. Воздух настолько пропитан холодной, все проникающей сыростью, что казалось, еще одна капля и все превратиться в сплошную, холодную воду. Зябко запахнув офицерский плащ, накинул на голову капюшон и снова набрал номер Оли, но в трубке вновь только длинные гудки. Губы старшего лейтенанта еще улыбались, но глаза уже настороженно сузились. Неужели, когда Соловьев признал Олю, отношение к Александру изменилось? Ну не может такого быть – она обещала дождаться, но

от сомнений на душе стало погано. «Ну что же, зайду завтра к градоначальничку, узнаю все», – поправил кобуру и направился домой.

К утру густые тучи, укутывавшие небо серым саваном, исчезли, как и не бывали. Солнце требовательно всматривалось с голубой лазури неба, лужи на асфальте почти ощутимо парили, стало жарко.

У дома градоначальника пустынно. Александр подходил к калитке, когда из будки рядом вышли двое с автоматами Калашникова за плечами: один в серой полицейской форме, второй в афганке с надписью на правой стороне груди «Национальная гвардия». Неторопливо двинулись навстречу. Александр подобрался, как волк перед прыжком, но внешне это никак не проявилось, походка столь же размеренная, а выражение лица – безмятежное.

– Сержант Авдеев, – обронил гвардеец с пренебрежительной ленцой, а полицейский остановился напротив, – Вы к кому?

– К невесте, она живет в этом доме. А что случилось?

– Покушение на Соловьева было, небось слышали?

Александр кивнул.

– Вот и усилили охрану дома мэра. Как вас представить?

– Александр Петелин.

– Минутку.

Нацгвардеец отошел подальше в сторону, достал кирпич радиостанции. По мере разговора лицо каменело. Автомат упал с плеча в положение наизготовку, кивнул напарнику. Второй автомат уставился гипнотическим зрачком дула в грудь Петелина.

– Допуск к дому Соловьева вам запрещен. Уходите!

Сердце Александра гулко застучало. Кобура с ПМ – ом обожгла бедро.

Из запавших глаз на охранников выглянул матерый волчара.

И это превращение было настолько страшно, а в облике незваного посетителя столько дикой силы, что охранникам показалось что еще миг, и он выхватит оружие. Пальцы закаменили на спусковых крючках.

Взгляды скрестились, словно лезвия шпага, и смертным холодом повеяло от незримого удара.

Если бы все происходило несколькими месяцами раньше, то, наверное, Петелин вспылит, попытается качать права и размахивать пистолетом. Но прошедшие испытания изменили его.

Ощерился, как волк, и посмотрел на забор мэрского дома. Несколько камер на столбах повернулись и, несомненно, охрана в доме в курсе событий.

Пока он жив, пока бьется беспокойное сердце в груди он не забудет Олю и не устанет искать возможность освободить ее из заточения. Испытания изменили молодого офицера и очистили от всего наносного, от юношеской неуверенности, интеллигентской мягкости и наивности: так с древнего клинка спадает ржавчина под яростным напором точила.

Перед мысленным взглядом встала картина: пистолет, приставленный ко лбу Соловьева... заманчиво! Жаль только полная фантастика – Соловьев всюду с телохранителями. Ничего, подождем. Мечь – это блюдо, которое потребляется холодным.

Круто развернувшись, Александр направился прочь. Спину «жгли» взгляды охранников. Повернув за угол дома, прошел мимо неприветливо темневшего сада, остановился, где никто не видел. Из кармана появился перстенок с зеленым камешком, величиной с добрую горошинку – вполне достойно для свадебного подарка избраннице. Несколько мгновений придиричиво осматривал несостоявшийся подарок, потом положил обратно и зашагал дальше.

Глава 12

С момента Переноса прошло более трех месяцев. Жизнь горожан менялась и в лучшую сторону. Тепличное хозяйство уверенно наращивало поставки продукции, а дачные участки дали первые фрукты и овощи и, самое главное, пошел второй хлеб – молодая картошка. Дачники завалили прилавки магазинов и базаров знаменитой местной вишней и яблоками, которых уродилось необычайно много, а умельцы ухитрились вырастить на приусадебных участках виноград и неплохие арбузы. Сельские жители привычно готовились к уборке свеклы, а полукустарный заводик, принадлежавший артели с многозначительным названием «Сластена» – к ее переработке. Это позволяло надеяться на будущее изобилие сахара. Осенью, по прогнозам агрономов, ожидался неплохой урожай пшеницы. Все это дало возможность частично отменить надоевшую карточную систему.

В экономике города господствовал своеобразный нэп как наиболее соответствующий развитию производственных сил. Как будет в будущем, бог весть, но в крупной промышленности безраздельно господствовало государство, во всем остальном – частная инициатива и артели.

Кустари – одиночки, мелкие и средние частные предприятия, множество артелей, возникли из ниоткуда и оказалось, что в критической ситуации избалованный современный горожанин способен из ничего изготавливать вполне приличную и востребованную продукцию, в основном из дерева, которого было чудовищно много и стоило оно копейки, глины, железа и стали и, в малой степени, из самодельного пластика. Промтоварные отделы магазинов наполнились разнообразными товарами: всевозможной одеждой, от нижнего белья до натуральных шуб, мебелью, посудой, строительными материалами и еще тысячей мелочей. В ход шли все доступные ресурсы. От добываемых городом металлов, соли, глины, песка и вторичных ресурсов до привозных кожи и мехов, шелковых тканей из Китая, хлопчатобумажных из Средней Азии, льняных из России и многое другое. Из пластиковых бутылок после переработки изготавливали канализационные трубы и множество других востребованных товаров, из макулатуры освоили производство пусть сероватой, но достаточно качественной для печати книг и городской газеты, бумаги. Леса давали не только бревна и доски, но и продукты низкотемпературного пиролиза: ацетон, скипидар, смолу и качественный древесный уголь.

Крупные предприятия после национализации сосредоточились на наиболее важных и технологичных областях: военной промышленности, металлообработке, создании черной и цветной металлургии, химической промышленности и фармакологии. А оружейники изготавливали винтовку, прообразом которой стала берданка номер 2, 1870 года, а также револьвер, за основу для него взяли наган образца 1895 г., только в отличие от прототипа, 6-зарядный, калибра 9 мм. Целые дни новые образцы оружия грохотали на загородном стрельбище. Патроны для наганов и винтовок, для упрощения производства решили делать единые, с унифицированной гильзой 9×45.

Химики сумели значительно продвинуться, их главными достижениями стали: экспериментальные партии силикона и пластмасс, натурального каучука из одуванчиков и полупромышленное производство бездымного пороха.

Машиностроители возились с детскими болезнями экспериментального трактора «Сельчанин». С раннего утра до ночи опытный образец ездил по сельским дорогам и бездорожью. Внешне трактор напоминал знаменитый «Запорожец», только с гораздо более продвинутым оснащением и двигателем, но также, как и его предок, использовал в качестве топлива все, что горит. Не спали и пищевики. Щедрые поставки мяса казахами позволили заложить в превращенное в холодильник защитное сооружение мясокомбината почти полумиллиона банок мясных и рыбных консервов.

«Запорожец» – один из первых советских тракторов. Выпускался с 1923 года на заводе «Красный Прогресс» в городе Большой Токмак Запорожской области УССР.

На месте будущего коркинского угольного разреза поднялся небольшой форт, вокруг него развернули добычу нефти. С первой добычей геологическая экспедиция возвратилась назад. Нефть, неплохого качества, отправили на опыты по производству масел, Уайт – спирита и парафина. Переработка на солярку и бензин могли немного подождать, а производство горюче-смазочных материалов, которые уже заканчивались, нет. Большую часть автомобилей инженерных машин давно перевели на разнообразные суррогаты, а машинные масла заменить нечем.

А для регулярной поставки нефти подрядили аборигенов и первый конный обоз с бочками с нефтью уже подъезжал к границе попаданческой территории.

Достижения и неоспоримые, были, но несмотря на это обстановка в городе оставалась напряженной. С одной стороны, недовольство, выплеснутое наружу во время заговора Романова, никуда не делось, его только загнали вглубь. Мелким предпринимателям, потерявшим бизнес и вчерашним клеркам, пришлось устраиваться на производство или в пригородный оранжерейный комплекс. Работа часто грязная и непрестижная, что только прибавляло недовольства собственным положением. А родственникам тех, кому не досталось жизненно-важных лекарств, объяснить что-либо было невозможно. С другой стороны, возникли новые поводы для недовольства. Сравнивая собственное положение с образом жизни чинов администрации и элиты, горожане втихомолку злобились на кухнях. Верхи по-прежнему катались на дорогих автомобилях и горючее для этого находилось. К их услугам был ресторан Степные Дали. Они по-прежнему вкусно ели и сладко пили. Уровень их жизни остался таким же, как до Переноса.

Дополнительными дровишками в огонь недовольства в маленьком городе где ничего не спрячешь, стали странные и тревожные слухи. Один – о скандале между Соловьевым и директором электростанции. Что-то связанное с кражами и распилами бюджетных средств чинами администрацией. Подробности никто не знал, но в результате директора едва не уволили. Второй о грядущем противостоянии города с аборигенной Россией. Словно в подтверждение этих слухов в городской газете появились явно заказные материалы о варварской сущности Русского царства, тяжелой судьбе, рабском положении крестьян и о гибельных для народа петровских реформах. На телевидении и радио выступали историки, демонстрировали убедительные документальные материалы. Завуалированно навязывалась мысль, что горожане, как представители просвещенного двадцать первого века, обязаны спасти угнетенных соплеменников – хроноаборигенов, даже и вооруженным путем. Горожане жалели русских семнадцатого века, но идея воевать с собственными предками большинству казалась дикой и безумной.

После возвращения экспедиции в помощь казакам по телевидению и в городской газете прошли материалы о войне с джунгарами. Героями передач стали начальник экспедиции майор Афонькин и артиллерист. Оба на следующий день после возвращения в город получили внеочередные воинские звания, а об Александре словно забыли. И он спрашивал себя, почему есть на свете люди, которые добиваются славы и признания заслуг, между тем как другие застревают на полдороге – по вине ли случая, или же из-за естественных помех, заложенных в них самих природой. Видимо судьба у него такая быть в числе последних.

Бронетранспортер с эмблемами погранслужбы примчался к месту предполагаемого маршрута банды степных удалцов ближе к четверем утра, поднялся на небольшой земляной холмик и развернулся перпендикулярно. Двигатель замолчал, и машина словно растворилась в зыбкой предутренней тьме. Беспokoйный ветер шелестел в стеблях залитого лунным светом степного ковыля, а где-то вдалеке, у Вельки, переговаривались в серебристой ночи козодои.

Все, осталось только ждать.

– Все лезут и лезут. И когда только угомоняться? – проворчал водитель, далеко за сорок, самый старый в отделении, – Считай дней двадцать никто не лез, а Серега? – он обернулся к Сергею Трофимову.

– Да до моего дня рождения крайний раз выезжали на прорыв, – кивнул тот, – Думал, что все. Да нет, недостаточно объяснили.

– Значит объясним, – водитель мрачно усмехнулся, – кто полез, тот уже труп!

– А чем им думать? Там вместо думалки каменный лоб с дыркой для приема пищи. Я разговаривал с пленным – так дурак-дураком. У них только... – но договорить не успел, молодой, безусый лейтенант шикнул из своего угла, дескать молчите, так и банду за разговором пропустите...

Ночной бой всегда внезапен и полон неожиданности для всех. А еще там большую роль, чем в дневном, играет индивидуальная выучка бойцов.

Вспыхнул прожектор, в свете которого из мрака вытаяла колонна из нескольких десятков всадников на приземистых лошадках, вне светового конуса все бессильно тонуло, терялось в черноте ночи.

Сергей Трофимов дернулся от неожиданности и вполголоса зашипел от боли – ударился шлемом о сталь корпуса бронемашины.

Сонная одурь мгновенно сменилась готовностью к бою.

– Огонь! – громко крикнул лейтенант.

Большой палец правой руки нашел упругую скобу предохранителя, сдвинул ее вниз, до упора, в положение «автоматический огонь» и автомат ожил, послав короткую прицельную очередь в упор.

«Тра-та-та» – бешеными барабанами задолбили в тесном пространстве десантного отделения выстрелы, беззвучно зашипели эжекторы, всасывая пороховые газы.

Мрак вспороли росчерки трассирующих пуль. Очереди прихотливо перекрещивались, создавая впечатление беспорядочного фейерверка.

Кто-то закричал, тонко, истошно.

Кинжальный огонь шести автоматов – это страшно. И паника, конечно.

Ловя на мушку смутно очерченные тени, Сергей стрелял и стрелял, словно мстя за Селинное, за всех погибших в таких вот стычках товарищей. И среди хаоса вспышек, звуков, несся, уродуя нервы, тот же тонкий, задыхающийся крик.

Бой длился недолго, если только побоище можно назвать боем. Пара десятков судорожных ударов сердца и все закончилось. Луч прожектора прошелся по полю, выхватывая из тьмы конские туши и людские тела в быстро темнеющей одежде.

– Контроль! – выкрикнул, дав «петуха», лейтенант. Открылись боковые люки. Пограничники выскочили на влажную от ночной росы траву. Закинули автоматы за спину, из кобур появились пистолеты, а из ножен шашки. Эту часть своей работы Сергей Трофимов больше всего не любил: отделять легкораненых и не пострадавших от тяжелых, приносить последним смерть, морально крайне тяжело и каждый раз после боя Сергей приходил домой с бутылкой самогона.

Спустя десять минут все закончилось. Кому не повезло – упокоен, кому повезло – шестерых кочевников связали, они с покорным видом ожидали свою судьбу.

Сергей остановился у стальной коробки бронетранспортера и поднял забрало. Заслоняясь ладонями от ветра, прикурил – жена как-то изловчилась, на день рождения подарила блок сигарет из времен до Переноса. Первая, самая сладкая, затяжка поплыла в светлое небо.

Стрела с бронебойным наконечником прилетела из тьмы неожиданно, швырнула, как тряпку, на броню БТР, пограничник медленно сполз на землю. Гусиные перья в оперении стрелы, ударившей точно в глаз и, глубоко вонзились в подкладку шлема с внутренней стороны и еще дрожали, а человек был бесповоротно мертв.

Сигарета так и дымилась в мокрой траве, куда ее уронил Сергей Трофимов, и этот дымок демонстрировал мгновенность происшедшего...

Едва подполковник Изюмов, после утреннего построения батальона, переступил порог кабинета, тревожно заголозил телефон на столе. Секретарь градоначальника, вежливо поздоровавшись, пригласила на шестнадцать часов в актовЫй зал администрации. А когда Изюмов поинтересовался, по какому поводу внеочередной сбор, то получил ответ что она не в курсе. Силовиков, после Переноса, часто звали на разнообразные совещания, в том числе по темам, далеким от военных, но обычно Изюмов знал о них заранее.

Хмыкнув, подполковник положил трубку, прикурил сигарету и попытался прояснить ситуацию: позвонил коллегам, но все, что сумел выяснить – в администрацию пригласили всех силовиков, но причины сбора никто не знал. Философски пожав плечами, никуда от нудной рутины не денешься, пододвинул поближе раскрытый ежедневник и записал на страницу с сегодняшним числом – одиннадцатым августа время совещания. Золотой солнечный зайчик застыл на полированной столешнице, напомнив позавчерашний разговор с директором электростанции. Тот категорически утверждал, что за поддержку казахов лично Соловьеву заплатили золотом. В правильности решения оказать помощь южным соседям в борьбе с джунгарами, подполковник не сомневался, да и с экономикой у градоначальника все получалось. Вот только моральная сторона... Не слишком ли поторопились с решением о подчинении градоначальнику?

День прошел обычно, только пару раз отрывался от документов: на обед и дневное построение батальона. Без двадцати четыре Изюмов глянул на наручные часы и со вздохом облегчения отодвинул на край стола наполовину просмотренную увесистую папку с документами, поднялся с кресла. В распахнутые окна вместе с порывом бодрящего ветра донесся басыстый сержантский рык:

– Запевай!

Дружный хор молодых голосов грянул:

Я по свету немало хаживал,

Жил в землянках, в окопах, в тайге,

Похоронен был дважды заживо,

Знал разлуку любил в тоске.

Но Москвой я привык гордиться,

И везде повторял я слова:

Дорогая моя столица,

Золотая моя Москва.

Дорогая моя столица,

Золотая моя Москва.

Изюмов нахмурился и потер гладко выбритую щеку. Песня пробудила мучительные воспоминания. Он родился в маленькой деревне дальнего Замкадья, и почти каждый год навещал родные места. С тем, что никогда больше не увидит их, до сих пор не мог примириться. Москва семнадцатого века не его Родина, но, в тоже время, он чувствовал какое-то родство с этим незнакомым городом. А слово Родина, именно так с заглавной буквы, было для него свято. Родина для него – это покойный дед, каждый год на 9 мая одевавший тяжелый от боевых орденов и медалей пиджак, это дети, которым еще расти и расти, это пацаны, служащие под его началом, это святой праздник Победы. И за нее он готов порвать всех и, если придется, отдать даже самое дорогое, что есть у человека – жизнь.

Подполковник захлопнул дверь кабинета и направился по коридору, по пути бросив дежурному по штабу сержанту – сверхсрочнику, скучавшему в стеклянной выгородке напротив входа:

- Я в городскую администрацию. Звонить, только если случится что-то важное!
- Есть – торопливо подскочил со стула дежурный.
- Начальник штаба выехал?
- Никак нет, товарищ подполковник!

Изюмов прошел дальше, приоткрыл дверь кабинета начальника штаба. Хозяин помещения с мрачным видом укладывал в светло-коричневый портфель толстую плитку ежедневника – подарок жены на день рождения. Мелкий городской бизнес: частники и две артели производили из привозной кожи широкий ассортимент продукции: от курток до портфелей и кошельков. При этом качество кожи гораздо лучше, чем у изделий из двадцать первого века, правда ассортимент фурнитуры весьма узок.

- Чего такой мрачный, Сергей Федорович?

Командир и начальник штаба наедине общались на «ты» и, вне службы, их отношения были приятельскими.

– Да не могу никак успокоиться, – голос заместителя дрогнул, в ушах еще стоял дурногосый, белугой, бабий вой и испуганный плач детей на похоронах, – Все вспоминаю соседа, пограничника, который погиб в стычке с разбойниками. Двое детей остались сиротами. Погодки пять и шесть лет.

– Сочувствую, – Изюмов понимающе кивнул, могучая рука хлопнула начальника штаба по плечу, – считай, мы все сейчас на войне... Ты со мной поедешь в администрацию или сам доберешься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.